

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 21 № 3

В номере: Бассейн Средиземного моря – новый региональный комплекс безопасности?

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Д.А. Дестерев, доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, РУДН, г. Москва, РФ
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курyleв, доктор исторических наук, профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова, кандидат исторических наук, доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Д.Н. Елагин (экономика), кандидат исторических наук *М.М. Агазаде* (история), *М.А. Никулин* (политика)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США
Беллами Алекс Дж., директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старший советник-нерезидент Международного института мира, г. Нью-Йорк, США
Бехера Навиита Чадха, профессор кафедры политических наук Университета Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор Университета Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, главный редактор журнала «Сравнительная политика», г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, редактор журнала «Проблемы постсоветского пространства», г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент кафедры политических и социальных наук Университета Катании, генеральный секретарь Итальянской Ассоциации политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук Университета ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор Университета Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор факультета политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор Государственного университета Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования», г. Москва, Российская Федерация

Шабазга Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0660 (print), ISSN 2313-0679 (online)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2022 г. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 1 2022	Евразийская идеология и евразийская интеграция	До 1 августа 2021 г.	До 15 октября 2021 г.
№ 2 2022	«Глобальный Юг» и новые технологии: «цифровой разрыв» и технологические трансферы в постпандемическую эпоху	До 1 ноября 2021 г.	До 15 января 2022 г.
№ 3 2022	Латиноамериканский дискурс идентичности и новая региональная интеграционная повестка	До 1 января 2022 г.	До 15 апреля 2022 г.
№ 4 2022	Постколониальная теория, Глобальный Юг и «Второй мир»	До 1 марта 2022 г.	До 15 июня 2022 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 12.08.2021. Выход в свет 18.09.2021.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 621. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2021 VOLUME 21 No. 3

In this issue: Mediterranean Sea Basin – New Regional Security Complex?

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Denis A. Degterev
RUDN University, Moscow, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

Denis N. Elagin (Economics), PhD in History *Mirmehdi M. Aghazada* (History), *Maxim A. Nikulin* (Politics)

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland (Australia), Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Editor-in-Chief, Comparative Politics journal, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Leonid L. Fituni, Doctor of Economics, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Editor, Post-Soviet Space Problems Journal, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Editor-in-Chief, "Polis. Political Studies" Journal, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0660 (print), ISSN 2313-0679 (online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2022 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
# 1 2022	Eurasian Ideology and Eurasian Integration	By August 1, 2021	By October 15, 2021
# 2 2022	Global South and New Technologies: Digital Divide and Technology Transfer in Post-Pandemic Era	By November 1, 2021	By January 15, 2022
# 3 2022	Latin American Identity Discourse and a New Regional Integration Agenda	By January 1, 2022	By April 15, 2022
# 4 2022	Postcolonial Theory, Global South and "Second World"	By March 1, 2022	By June 15, 2022

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova
Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Mason R. Introductory Note (Мейсон Р. Вступительное слово)	413
ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Бассейн Средиземного моря — новый региональный комплекс безопасности?	
Stivachtis Y.A. A Mediterranean Region? Regional Security Complex Theory Revisited (Стивактис Я.А. Средиземноморский регион? Пересмотр теории комплекса региональной безопасности)	416
Агазаде М.М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность?	429
Чихарев И.А. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит	441
Moudouros N. “Blue Homeland” and Cyprus: The “Survival of the State” Coalition and Turkey’s Changing Geopolitical Doctrine in the Eastern Mediterranean (Мудурос Н. «Голубая родина» и Кипр: коалиция «выживания государства» и меняющаяся геополитическая доктрина Турции в Восточном Средиземноморье)	459
Гудев П.А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье	472
Ивкина Н.В. Позиция Германии по греко-турецкому спору: интерговернментализм vs. неофункционализм ..	487
Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991—2019 гг.	498
Birinci E., Sucu A.E., Safranchuk I.A. The Role of non-Western Countries in the Construction of Russian Great Powerness: The Cases of Turkey and Israel (Биринчи Э., Суджу А.Э., Сафранчук И.А. Роль незападных стран в формировании российской великодержавности: примеры Турции и Израиля)	517
МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ	
Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Интернет-революции или просто фитнес: к десятилетию «арабской весны»	529
Аватков В.А. Популизм во внешней политике Турецкой Республики	543
Трунов Ф.О. Военно-политические особенности участия ФРГ в операции «Решительная поддержка» в 2015—2021 гг.	555
ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ	
Aryal S.K., Nair A., Bhattarai G. Admission of Turkey into the European Union: “Does Religion Matter?” (Арьял С.К., Наир А., Бхаттарай Г. Вступление Турции в Европейский союз: «Имеет ли религия значение?»)	571
РЕЦЕНЗИИ	
Бреbdани А.М., Аль-Махмадава Ш.Р.К. Рецензия на книгу: The New Regional Order in the Middle East: Changes and Challenges / Ed. by S. Bazoobandi. London, New York: Palgrave Macmillan, 2020. 141 p.	583
Werfelli W., Hourieh R. Book review: Gresh, G. F., & Keskin, T. (Eds.). (2018). US Foreign Policy in the Middle East from American Missionaries to the Islamic State. New York: Routledge, 326 p.	587
Курылев К.П., Смолик Н.Г. Рецензия на книгу: Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы / отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 276 с.	591
Лашина А.А. Рецензия на книгу: Regional Security in the Middle East / Ed. by V. Koch, Y.A. Stivachtis. Bristol: E-International Relations Publishing, 2019. 242 p.	594
Алексеева Т.А. Рецензия на книгу: Фененко А.В. История международных отношений: 1648—1945. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2020. 800 с.	598

CONTENTS

Mason R. Introductory Note	413
THEMATIC DOSSIER: Mediterranean Sea Basin — New Regional Security Complex?	
Stivachtis Y.A. A Mediterranean Region? Regional Security Complex Theory Revisited	416
Aghazada M.M. Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality?	429
Chikharev I.A. Russia in Greater Mediterranean: New Pacific Eurasian Transition	441
Moudouros N. “Blue Homeland” and Cyprus: The “Survival of the State” Coalition and Turkey’s Changing Geopolitical Doctrine in the Eastern Mediterranean	459
Gudev P.A. Foundations of Turkish Claims in the Eastern Mediterranean	472
Ivkina N.V. Germany’s Position on the Greek-Turkish Dispute: Intergovernmental Theory vs. Neofunctionalism	487
Irkhin A.A., Moskalenko O.A. The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991—2019.....	498
Birinci E., Sucu A.E., Safranchuk I.A. The Role of non-Western Countries in the Construction of Russian Great Powerness: The Cases of Turkey and Israel	517
PEACE AND SECURITY	
Vasiliev A.M., Zherlitsina N.A. Internet Revolution or Just Fitna: Towards the Tenth Anniversary of the Arab Spring	529
Avatkov V.A. Populism in the Foreign Policy of the Turkish Republic	543
Trunov Ph.O. Military-Political Peculiarities of Germany’s Participation in Resolute Support Operation, 2015—2021	555
BILATERAL RELATIONS	
Aryal S.K., Nair A., Bhattarai G. Admission of Turkey into the European Union: “Does Religion Matter?”	571
BOOK REVIEWS	
Brebdane A.M., Al-Mahmadava S.R.K. Book review: Bazoobandi, S. (Ed.). (2020). The New Regional Order in the Middle East: Changes and Challenges. London, New York: Palgrave Macmillan, 141 p.	583
Werfelli W., Hourieh R. Book review: Gresh, G. F., & Keskin, T. (Eds.). (2018). US Foreign Policy in the Middle East from American Missionaries to the Islamic State. New York: Routledge, 326 p.	587
Kurylev K.P., Smolik N.G. Book review: Solovyov, E.G., & Chufirin, G.I. (Eds.). (2020). Political Processes in the post-Soviet Space: New Trends and Old Problems. Moscow: IMEMO RAN publ., 276 p. (In Russian)	591
Lashina A.A. Book review: Koch, B., & Stivachtis, Y. A. (Eds.). (2019). Regional Security in the Middle East. Bristol: E-International Relations Publishing, 242 p.	594
Alekseeva T.A. Book review: Fenenko, A.V. (2020). History of International Relations: 1648—1945. 2nd edition. Moscow: Aspekt Press publ., 800 p. (In Russian)	598

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-413-415

Editorial article / Редакционная статья

Introductory Note

Robert Mason

The Arab Gulf States Institute in Washington, Washington, USA

 robert.mason@aucegypt.edu

Вступительное слово

Р. Мейсон

Институт арабских государств Персидского залива в Вашингтоне, Вашингтон, США

 robert.mason@aucegypt.edu

The international system is undergoing a period of rapid change, and the Mediterranean region is no exception. In the past decade alone, we have witnessed the Arab uprisings sweep across North Africa and the Levant, a more assertive Turkey and Qatar expand their influence in the region along with an equally assertive bloc of Saudi Arabia, Bahrain, the UAE, and Egypt. The Abraham Accords have drawn Israel and some Gulf Cooperation Council (GCC) state interests closer together and facilitated an unprecedented level of cooperation between them. The East Mediterranean Gas Forum includes some shared energy and geo-strategic interests between Cyprus, Egypt, France, Greece, Israel, Italy, Jordan, and Palestine. At the same time the situation in theatres of conflict such as Libya and Syria have become more complex considering the juxtapositions of non-state, regional and global actor interests. Historically, this region has experienced conflicts of various types, some of which are still ongoing, notably in Israel — Palestine. However, the Greater Mediterranean occupies a unique place in the history of civilizations and continues to represent important trade and other economic connections and opportunities.

Key themes in the Mediterranean include the struggle for access to hydrocarbon fields and the demarcation of Exclusive Economic Zones, military conflicts (Israeli — Palestinian, Syrian, Libyan, Western Sahara and others), terrorism, irregular migration and internal displacement, political economy, climate change (including food and water security) and health diplomacy taking place during COVID-19. The geographical features of the Greater Mediterranean basin, which includes such straits as the Bosphorus, the Dardanelles and Gibraltar, as well as the Suez Canal, suggests that the region will retain its special geostrategic, geopolitical and geoeconomic status.

The paper by Yannis A. Stivachtis (Virginia Polytechnic Institute and State University) examines the Mediterranean region as a security complex that includes three sub-complexes — the East Mediterranean, the Central Mediterranean, and the West Mediterranean. In order to explain the regional processes many factors — economic, energy, environmental, as well as migration and refugee flows are being examined. The author applies regional security complex theory and argues that security threats are not necessarily the product of enmity among states or the result of a

© Mason R., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

state's foreign policy, but they also issue from the political and economic instability facing Mediterranean states. The paper reveals that the Mediterranean security complex is very dynamic thereby contributing to the process of the complex's internal transformation.

Mirmehdi M. Aghazada (RUDN University) first defines the concept of the Greater Mediterranean, analyzing it in the short, medium and long term and, accordingly, in a narrow regional, wide regional and global scale, then considers it from the point of view of the regional security complex theory. Obviously, the article has its novelty as the author suggests a new regional security complex — the Greater Mediterranean regional security complex. He further argues that it constitutes a global-level security complex as it includes such states as Russia, France, Great Britain, which have a significant influence on world politics, as well as Turkey, Italy, Israel and Iran with rather powerful capabilities that extend beyond their neighbors.

Ivan A. Chikharev (Lomonosov Moscow State University) identifies the historical foundations, current state and strategic prospects of Russia's presence and international influence in the Greater Mediterranean region. An important element of the article is the thesis about the special role of Russia in the Pacific-European (Eurasian) transit. From the author's point of view, it includes not only the full implementation of Russia's transport and logistics potential in the macro-region but also the transfer of modern technologies, as well as the promotion of the formation of sustainable political regimes.

The reasons for Turkey's growing interests in the Eastern Mediterranean is examined in the paper by Nikos Moudouros (University of Cyprus). In recent years, after the discovery of large oil and gas fields in this region, Ankara's growing interest in it is fixed, expressed in various forms of interventionist policy. This article examines the change of the geopolitical doctrine of Turkey and how this process influences Turkey's perception of the Eastern Mediterranean. The author consistently studies the process of identifying the Eastern Mediterranean region with the broader idea of a

“hostile region” and analyzes the place of the Turkish “Blue Homeland” concept in it.

With the rising fear of Islamisation in Europe and increasing Muslim sentiment in Turkey, the article by Saroj K. Aryal, Adithyan Nair (University of Warsaw) and Gaurav Bhattarai (Tribhuvan University) signifies the role of religion in term of integration between Turkey and the European Union and provides an answer to the question as to why they should consider religion as one of the variables in European integration.

Ebru Birinci (Lomonosov Moscow State University), Ali M. Sucu and Ivan A. Safranchuk (MGIMO University) describe the role of Turkey and Israel in the construction of Russian great powerness. The article considers to what extent Russia's bilateral relations with Turkey and Israel, which are traditional non-Western allies of Western countries, can contribute to the formation of a Russian great power identity and for this purpose, the factors of Russian great power construction and its role in Russian foreign policy are examined.

The paper by Vladimir A. Avatkov (IMEMO RAS, the Diplomatic Academy of the MFA of Russia) explores the role and features of the populism in the modern Turkish foreign policy and special attention is paid to R.T. Erdoğan's populist statements made in the context of the key foreign policy ideologies — Neo-Ottomanism, Neo-Panturkism and Islamism. The author believes that, unlike other countries, Turkey's populism is quite effective and assists the ruling elite in achieving its foreign policy goals.

Pavel A. Gudev (IMEMO RAS) analyzes historical, political and legal bases that determine Turkey's current policy with regard to maritime delimitation and the settlement of maritime disputes in the Eastern Mediterranean. Special attention is paid to the ideological and practical framing of Turkish claims within the framework of the Blue Homeland doctrine. The author shows that there is a set of circumstances that significantly limit the prospects of solving interstate contradictions between Turkey and Greece within the framework of international judicial instances, including the International

Court of Justice and the International Tribunal for the Law of the Sea.

Aleksandr A. Irkhin and Olga A. Moskalenko (Sevastopol State University) view the Black Sea region as becoming a frontline zone for the formation of a new system of international relations. The paper examines the geopolitical projects of the great powers in relation to the Black Sea region in the chronology of 1991 to 2019. The authors emphasize that the geopolitical significance of the Black Sea basin is determined by its strategic position at the intersection of the interests of key actors.

The article by Alexey M. Vasiliev and Natalia A. Zherlitsina (Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; RUDN University) is dedicated to the tenth anniversary

of the revolutionary events in the region of the Middle East and North Africa, called the Arab Spring. Particular attention is paid to the growing popularity of Islamist political forces, which provided their answers and pseudo-answers to acute public questions.

The paper by Natalia V. Ivkina (RUDN University) considers Germany's position on the Greek-Turkish dispute in the Aegean Sea and in the Eastern Mediterranean through theories of intergovernmentalism and neofunctionalism. The author assesses Germany's aspirations as a moderator in resolving conflicts between Ankara and Athens and concludes that Germany's policy towards Turkey and Greece is focused more on the country's own national needs, rather than on the interests of EU institutions.

About the author: *Mason Robert* — Non-Resident Fellow, Arab Gulf States Institute in Washington; Former Associate Professor and Director (2016–2019), the Middle East Studies Center, American University in Cairo; ORCID: 0000-0002-8569-8668; e-mail: robert.mason@aucegypt.edu

Сведения об авторе: *Мейсон Роберт* — научный сотрудник Института арабских государств Персидского залива в Вашингтоне; доцент в отставке, директор (2016–2019 гг.) Центра исследований Ближнего Востока Американского университета в Каире; ORCID: 0000-0002-8569-8668; e-mail: robert.mason@aucegypt.edu

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Бассейн Средиземного моря — новый региональный комплекс безопасности?

THEMATIC DOSSIER: Mediterranean Sea Basin — New Regional Security Complex?

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-416-428

Research article / Научная статья

A Mediterranean Region? Regional Security Complex Theory Revisited

Yannis A. Stivachtis

Virginia Polytechnic Institute and State University, Blacksburg, Virginia, USA

 ystivach@vt.edu

Abstract. This article argues that the shift from the bipolar structure of the Cold War international system to a more polycentric power structure at the system level has increased the significance of regional relations and has consequently enhanced the importance of the study of regionalism. It makes a case for a Mediterranean region and examines various efforts aimed at defining what constitutes a region. In so doing, it investigates whether the Regional Security Complex Theory (RSCT) can be utilized to define a Mediterranean region and argues that the patterns of amity and enmity among Mediterranean states are necessary but not sufficient to identify such a region. It suggests that economic, energy, environmental, and other factors, such as migration and refugee flows should be taken into consideration in order to define the Mediterranean region. It also claims that the Mediterranean security complex includes three sub-complexes. The first is an eastern Mediterranean sub-complex that revolves mainly — albeit not exclusively — around three conflicts: the Greek-Turkish conflict, the Syrian conflict, and the Israeli-Palestinian/Arab conflict. The second is a central Mediterranean sub-complex that includes Italy, Libya, Albania and Malta and which revolves mainly around migration with Italy playing a dominant role due to its historical ties to both Libya and Albania. The third is a western Mediterranean security sub-complex that includes France, Algeria, Tunisia, Morocco, Spain and Portugal. This sub-complex is centered around France, the migration question and its associated threats, such as terrorism, radicalism, and human trafficking. In conclusion, it is concluded that the Mediterranean security complex is very dynamic as there are states (i.e. Turkey) that seem eager and capable of challenging the status quo thereby contributing to the process of the complex's internal transformation.

Key words: Mediterranean, security complex, security complex theory, regionalism, sub-complexes, eastern Mediterranean sub-complex, central Mediterranean sub-complex, western Mediterranean security sub-complex

© Stivachtis Y.A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation: Stivachtis, Y. A. (2021). A Mediterranean Region? Regional Security Complex Theory Revisited. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 416—428. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-416-428>

Средиземноморский регион? Пересмотр теории комплекса региональной безопасности

Я.А. Стивахтис

Политехнический университет Виргинии и университет штата, Блэксбург, Виргиния, США
 ystivach@vt.edu

Аннотация. Переход от биполярной структуры международной системы времен холодной войны к более полицентрической структуре на системном уровне повысил значимость региональных отношений и изучения регионализма. Приводится пример Средиземноморского региона и рассматриваются различные усилия, направленные на определение того, что представляет собой данный регион. Исследуется вопрос, можно ли использовать теорию комплекса региональной безопасности (ТКРБ) для определения Средиземноморского региона, и утверждается, что признаки сотрудничества и соперничества между средиземноморскими государствами необходимы, но недостаточны для определения такого региона. Предполагается, что для определения Средиземноморского региона следует учитывать экономические, энергетические, экологические и другие факторы, такие как миграция и потоки беженцев. В целом средиземноморский комплекс безопасности включает в себя три подкомплекса. Первый — это восточно-средиземноморский подкомплекс, который вращается в основном — хотя и не исключительно — вокруг трех конфликтов: греко-турецкого, сирийского и израильско-палестинского/арабского. Второй — центрально-средиземноморский подкомплекс, который включает Италию, Ливию, Албанию и Мальту и сосредоточен в основном вокруг миграции, при этом Италия играет доминирующую роль из-за ее исторических связей как с Ливией, так и Албанией. Третий — западно-средиземноморский подкомплекс безопасности, который включает Францию, Алжир, Тунис, Марокко, Испанию и Португалию. Этот подкомплекс сформирован вокруг Франции, миграционного вопроса и связанных с ним угроз, таких как терроризм, радикализм и торговля людьми. В заключении сделан вывод, что средиземноморский комплекс безопасности очень динамичен, поскольку есть государства (например, Турция), которые, похоже, стремятся и способны бросить вызов статус-кво, тем самым содействуя процессу внутренней трансформации комплекса.

Ключевые слова: Средиземноморье, комплекс безопасности, теория комплекса безопасности, регионализм, подкомплексы, восточно-средиземноморский подкомплекс, центрально-средиземноморский подкомплекс, западно-средиземноморский подкомплекс

Для цитирования: *Stivachtis Y.A. A Mediterranean Region? Regional Security Complex Theory Revisited // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 416—428. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-416-428*

Introduction

The Regional Security Complex Theory (RSCT) was initially developed by Barry Buzan (1983; 1991) and was later revised by Barry Buzan, Ole Waever, and Jaap De Wilde (1998) and Barry Buzan and Ole Waever (2003). RSCT reflects Buzan's dissatisfaction with the inability of theorists to devise a theory of regionalism that would prescribe the way in which a region could be defined in order to identify its members and then analyze it. Currently, due to the increasing significance of international relations in the Mediterranean area, almost all scholars have taken it for granted that there exists a

Mediterranean regional security complex and, therefore, a Mediterranean region without any effort to demonstrate why this is so. This is despite the fact the Buzan himself has rejected the idea that such as security complex exists and has placed the states of the south and eastern coast of the Mediterranean Sea in the Middle East security complex while the states on the north shore are placed within the European security complex.

Yannis Stivachtis (2019) has attempted to tackle this issue by pointing to the need of revisiting Buzan's Regional Security Complex Theory. This article represents a continuation of

Stivachtis' efforts. Its purpose is to address the level of analysis between individual states surrounding the Mediterranean Sea and the international political system as a whole by inquiring whether there is a 'Mediterranean region.' This is very important to do for four reasons.

First, in order to analyze regional dynamics in the Mediterranean area, we need to know which countries our analysis should include; second, unless we know which countries should be included in our analysis of the Mediterranean region, we cannot adequately identify the political, economic, military, geographic, cultural and historic factors that we need to incorporate in our investigation; third, a complete analysis of regional dynamics and relations requires that the Mediterranean region is viewed and examined from different levels (sub-state, state, regional, and international/global); and finally, unless we know which countries constitute the Mediterranean region, we cannot adequately identify the various geostrategic (geopolitical and geo-economic) and security implications related to that region and what it can do to address them. The last reason has significant implications for policy-making at the national, regional and international levels, as well as for regional institutional development.

Current interest in the Mediterranean region, stems primarily from the fact that there has been a shift from the bipolar structure of the Cold War international system to a more polycentric power structure at the system level and which has had profound consequences for regional security (Litsas & Tziampiris, 2019). This shift has partly led to the diffusion of power to the regional states and partly to the involvement of a larger number of great powers in the Mediterranean region.

The Case for a 'Mediterranean Region'

The Mediterranean Sea and, as an extension, its surrounding lands have been of major geostrategic importance for centuries (Roucek, 1953a; 1953b). Therefore, it is not surprising that there is currently a major interest in the political developments in that part of the world (Gaiser & Hribar, 2012). The Mediterranean Sea has represented a common ground for Asian,

European and African political communities. It has also served as a political and commercial gateway to the Indian sub-continent, the political communities of East Asia, and a sea window to world oceans for Russia.

The Mediterranean basin's most important geostrategic points have been the natural straits of Gibraltar, Bosphorus, and Dardanelles as well as the Suez Canal. The latter represents the shortest seaway from East Asia and Middle East to Europe as well as for some African states to Europe. For example, the Suez Canal route from the Far East to the Western countries is about three times shorter than sailing across the Cape of Good Hope. This geographical feature has made money, route, time and operating costs lower. Thus, the Suez Canal has been, for example, viewed as a key attribute for the British Empire to have an open access to India. Due to its geostrategic importance, it has, therefore, been a strategic imperative for the international community for the Suez Canal to be an open, safe and reliable shipping route.

Due to its geostrategic features, the Mediterranean Sea has multiple decisive meanings in international geostrategic planning. The Mediterranean Sea gained its main geostrategic importance during the Second World War when the Germany, Italy and the Soviet Union saw it as a tool towards regional and further world supremacy (Parker, 1997, pp. 139—145). The Mediterranean Sea maintained its importance during the Cold War era with the United States (U.S.) seeking to play a primary political role in Middle East and North Africa (MENA), as well as in southeastern Europe and particularly in Greece and Turkey. It is, therefore, no surprising that the Mediterranean region has been a central feature in the post-World War II American strategic thought and practice.

The role of the European Economic Community (EEC) / European Union (EU) also increased in the MENA region after 1970 when the European Political Cooperation framework came into existence. Since then, major efforts have been undertaken by the EEC/EU Member States through various institutional frameworks to construct for political and economic reasons

close relations with the MENA countries, such as the Global Mediterranean Policy (1972—1992), the Euro-Arab Dialogue (1974—1989; 1989 — present), the Renewed Mediterranean Policy (1992—1996), the Euro-Mediterranean Partnership (1995—2006), the European Neighborhood Policy (2004 — present), and the Union for the Mediterranean (UfM) (2008 — present). To these efforts, one may add the NATO Mediterranean Dialogue that was introduced in 1994. It is worth adding that the Mediterranean region has featured prominently in the European Security Strategy¹, the 2016 EU Global Strategy² and the New Agenda 2021³.

The geopolitics of the Mediterranean region has changed dramatically in the 21st century, partly as a result of local state dynamics and partly as a product of transformational changes at the international level. As opposed to the Cold War era and early 1990s, the U.S. and the EU are no longer the dominant actors in the Mediterranean region and they now have to balance their regional policies and interests against the perceptible influence and actions of a range of major and regional powers, most importantly Russia, China, Saudi Arabia, Iran, Turkey, and Israel (Ehteshami et al., 2017). Yet, political, military, economic, environmental, energy, migration and other issues have contributed in making the Mediterranean basin an area of significant importance and therefore, a case can be made for a Mediterranean region.

¹ European Security Strategy: A Secure Europe in a Better World (Brussels, 12 December 2003) // Council of the European Union. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2004/10/11/1df262f2-260c-486f-b414-dbf8dc112b6b/publishable_en.pdf (accessed: 10.04.2021).

² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // European External Action Service (EEAS). June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 03.03.2021).

³ Renewed partnership with the Southern Neighbourhood — A new agenda for the Mediterranean // European Commission, Brussels. February 9, 2021. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/92844/joint-communication-southern-neighbourhood_en (accessed: 03.03.2021).

The Importance of Defining the Mediterranean Region

Region is a rather ambiguous concept which does not have a single and unified definition. For example, Bjorn Hettne and his colleagues (Hettne et al., 1999, p. 9) have argued that a region is a political subject with its own identity. Although it may develop in the future, it is difficult to imagine at this junction that there exists a shared identity among the coastal states of the Mediterranean basin that would provide the basis for defining a Mediterranean region. Michael Haas (1970; 1974) and Michael Brecher (1963) both made attempts to devise frameworks for subordinate subsystems based on fairly broad notions of what constitutes a region and treated regional relations as 'any subset' of the international system. But this approach is too broad to offer any guidance as to which countries should be included in the Mediterranean region. Bruce Russett (1967) has sought to define regional subsystems with reference to the existing degree and patterns of integration. However, as Louis Cantori and Steven Spiegel (1973) have pointed out, the search for regional foundations of integration has proved difficult to find in various parts of the world and this is particularly true at this point for the Mediterranean region.

Another definition of what constitutes a region has been provided by Graham Evans, Jeffrey Newnham and Richard Newnham (Evans et al., 1998, p. 472) who have argued that geographic proximity is of vital importance. This is true but how could we arrive to a comprehensive analysis of regional dynamics in the Mediterranean region without taking into account the role of great powers, such as the United States, Britain, Russia, and China which are external to the Mediterranean region and, therefore, the geographical proximity factor does not apply?

According to Steven Cohen (2003, p. 40), the term 'region' refers to geographic, political, cultural and military contiguity, that is closely connected by historic migrations and common historic background. According to this definition, one can certainly identify a Mediterranean region

since it has all the attributes mentioned above. But as it was noted previously, how could we have a complete analysis of regional relations without taking account of the role of great powers, such as Russia, the United States, Britain, and China which are external to the region?

A very interesting attempt to define regional subsystems, which could be of use in defining the Mediterranean region, is that of Cantori and Spiegel (1970), who have undertaken the task to devise a comparative framework for the study of regional international relations. Their scheme is suggestive on several fronts, including the importance of geographical proximity in establishing regions, and the role played by 'intrusive systems' (great powers) in regional relations.

The work of Mohammed Ayoob (1983/4; 1986; 1989), Barry Buzan and Gowher Rozvi (1986), Buzan and his colleagues (Buzan et al., 1990; Waever et al., 1993), Walter Little (1987), Raimo Väyrynen (1984; 1986) and Ole Waever (Waever et al., 1989) avoids many of earlier difficulties by defining regions in terms of security relations. These works provide a narrower and more manageable approach than the total framework of Cantori and Spiegel and one with stronger roots in the realities of regional relations than that of integrationists. In particular, the Regional Security Complex Theory (RSCT) as developed by Barry Buzan (1983; 1991) and Barry Buzan and his colleagues (Buzan et al., 1998; Buzan & Waever, 2003) appears to offer a good basis for defining regions and studying interstate relations within them.

Regional Security Complex Theory (RSCT)

Adopting and applying the 'proximity principle,' Buzan (1991, p. 188) has defined 'region' as "a distinct and significant sub-system of security relations that exists among a set of states whose fate is that they have been locked into geographical proximity with each other." The logic behind Buzan's approach stems from two facts: first, that international security is a relational matter and, therefore, the question of what constitutes a region is about how human collectivities relate to each other in terms of

threats and vulnerabilities; and second, the forces of interdependence are so powerful that the national securities of states cannot be seen independently from each other. In other words, the definition of regional systems, such as the Mediterranean region, is based on the existence of the mechanism by which threats, particularly political and military ones, are mostly felt when they are at close range. This implies that the Mediterranean region is composed by states which relate to one another in terms of threats and vulnerabilities.

Traditionally, the only sub-system idea with any potential for the purposes of security analysis has been the notion of local or regional balances of power (Bull, 1977, p. 102). Although local balances of power may operate and may be a significant feature of a regional security environment, they are not the only basis or the most reliable guide to security relations. According to Buzan (1991, p. 188), security is a broader idea than power, and it has the useful feature of incorporating much of the insight that derives from the analysis of power. Thus, in defining regional security, the principal element that Buzan adds to power relations is the pattern of amity and enmity among states (Buzan, 1991, p. 189). By amity Buzan means relationships ranging from genuine friendship to expectations of protection or support, while by enmity he means relationships set by suspicion and fear. Between the extremes of amity and enmity exists a broad band of indifference and/or neutrality, in which amity and enmity are either too weak to matter much, or else mixed in a way that produces no clear leaning one way or the other.

Balance of power theory would consider the patterns of amity and enmity as a product of the balance of power, with states shifting their alignments in accordance with the dictates of movements in the distribution of power. Buzan's view is that the historical dynamic of amity and enmity is only partly related to the balance of power, and that where it is related, it is much stickier than the relatively fluid movement of the distribution of power. In fact, enmity can be particularly durable when it acquires a historical character between peoples, as it has between Greece and Turkey or between Israel and the

Arab states. Therefore, by introducing the dimension of amity and enmity, one gets a clear sense of the relational pattern and character of insecurity than that provided by the raw abstraction of the balance of power view. Patterns of amity and enmity, according to Buzan (1991, p. 190), arise from a variety of issues that could not be predicted from a simple consideration of the distribution of power. These range from specific things such as border disputes and ideological alignments, to longstanding historical links, whether positive or negative.

Patterns of amity and enmity can, therefore, be used to define a regional security sub-system. The term ‘security complex’ is used by Buzan to label the resulting formation. A security complex is defined as “a group of states whose primary security concerns link together sufficiently closely that their national securities cannot realistically be considered apart from one another” (Buzan, 1991, p. 190). Buzan’s choice of term has the advantage of indicating both the character of the attribute that defines the set (security), and the notion of intense interdependence that distinguishes any particular set from its neighbors. Security complexes emphasize the interdependence of rivalry, as well as that of shared interests.

It is worth noting that Buzan, Waever, and de Wilde (1998) have moved beyond the classical RSCT by taking an explicit social constructivist approach to understanding the process by which issues become securitized. They have thus defined a security complex “as a set of units whose major processes of securitization, desecuritization, or both are so interlinked that their security problems cannot be reasonably be analyzed or resolved apart from one another” (Buzan et al., 1998, p. 201). The classical RSCT security addressed this issue in terms of patterns of amity and enmity, which entailed a more objectivist approach. The new approach makes the case for understanding security not just as the use of force but as a particular type of inter-subjective politics. Although they work from the perspective of securitization, Buzan, Waever, and de Wilde have still maintained that security interdependence is markedly more intense among the units inside

such complexes than with units outside them. Yet, they have still accepted that security complexes are about the relative intensities of security relations that lead to distinctive regional patterns shaped both by distribution of power and relations of amity and enmity.

The application of the security complex theory is particularly useful in identifying a Mediterranean region that consists of the states surrounding the Mediterranean Sea and whose national securities are interdependent. However, there are three questions. First, are the patterns of amity and enmity the only patterns of state interaction that could be used to define a Mediterranean region? Second, are the patterns of amity and enmity sufficient to define a Mediterranean region? Third, are security threats automatically the product of enmity among Mediterranean states or security threats spill-over from the domestic environment of states without any intention of those states of doing so? These are issues that will be addressed later on in this article.

The Reality of Regional Security Complexes

Security complexes are an empirical phenomenon with historical and geopolitical roots. In theoretical terms, they can be derived from both the state and the system levels. Looked at from the bottom up, security complexes result from interactions between individual states. They represent the way in which the sphere of concern that any state has about its environment interacts with the linkage between the intensity of military and political threats, and the shortness of the range in which they are perceived. Because threats operate more potently over short distances, security interactions with neighbors will tend to have first priority. Seen from the top down, security complexes are generated by the interaction of anarchy and geography. The political structure of anarchy confronts all states with the power-security dilemma, but the otherwise seamless web of security interdependence is powerfully mediated by the effects of geography. Unless capabilities of transportation and communication are very unevenly distributed, all states will tend to be thrust into closer contact with their neighbors than those further afield.

According to Buzan (1991, p. 192), the reality of security complexes lies more in the individual lines of amity, enmity and indifference between states, than in the notion of self-aware sub-system. Like a balance of power, a security complex can exist and function regardless of whether or not the actors involved recognize it. States will certainly recognize the particular lines of threats which bear on them, for if they do not, the whole idea of security complexes would be void. But they may well not see, or appreciate fully, the whole pattern of which they are a part. Typically, states will be much more aware of the threats that others pose to them than they will be of the threat they pose to the others. Though recognition of the security complex, as with the balance of power, is not a necessary condition for its existence, if recognition occurs, it may well influence the policies of the actors involved by making them more conscious of the larger relational context underlying their specific policy problems. As far as the Mediterranean area is concerned, this issue is of at most importance for policy-making at the national, regional and international levels, as well as for regional institutional development.

The dominance of particular amity/enmity relationship over awareness of the whole complicates the process of identifying a Mediterranean security complex in scientific terms. The individual lines of security concern can be traced quite easily by observing how states' fears shape their foreign policy and military behavior. For example, Greece worries more about Turkey than about its other neighbors. The same applies to the relationship between Israel and Lebanon or Israel and Syria. But assessing the overall pattern formed by those lines, and particularly finding concentrations of interaction within the pattern which are strong enough to constitute a complex, may be a matter of controversy.

The Boundaries of Regional Security Complexes

The task of identifying a Mediterranean security complex involves making judgements about the relative strengths of security

interdependence among different Mediterranean countries. In some places these will be very strong, in others relatively weak. In some places the interdependence will be positive, as between Lebanon and Syria, while in others negative, as between Israel and Syria. Usually, they will arise from local relationships, but when very large powers, such as the United States, Russia, China, and the European Union are involved a different set of relations may arise as a result.

Within the overall seamless web of security interdependence, one can, thus, expect to find patterns shaped by the different intensities of the lines of amity and enmity. According to Buzan (1991, p. 193), a security complex exists where a set of security relationships stands out from the general background by virtue of its relative strong, inward-looking character, and the relative weakness of its outward security interactions with its neighbors. Security interdependence will be more strongly focused among the members of the set than they are between the members and outside states. The boundaries between such sets will, thus, be defined by the relative indifference attending the security perceptions and interactions across them. The strong security links between Israel and Syria and between Greece and Turkey put them clearly within the same complex, while the relatively weak links between Israel and Pakistan suggest the existence of boundaries between complexes. But are Israel, Syria, Greece and Turkey in the same security complex? Actually, in Buzan's analysis the countries of the south and eastern coast of the Mediterranean constitute a sub-complex within the Middle East security complex when Greece and Turkey are viewed as part of the European security complex. Therefore, revisiting the Regional Security Complex Theory becomes necessary if a Mediterranean region is to be defined.

Buzan (1991, p. 19) draws a distinction between a lower and a higher-level security complex. A lower level complex is composed of local states whose power does not extend much, if at all, beyond the range of their immediate neighbors. A higher-level complex, by contrast, contains great powers whose capabilities extend far beyond their immediate environment and

whose power is sufficient to impinge on several regions. The dominant position of the United States in the North American security complex is indicative. According to this distinction, it seems that the Mediterranean region constitutes a high-level security complex as it includes states, such as France and Israel with significant power capabilities that extend beyond their immediate neighbors. The Mediterranean security complex also involves external actors (great powers), such as the United States, Russia and China whose capabilities extend far beyond their immediate environment and whose power is sufficient to impinge on the Mediterranean region.

The distinction between lower and higher-level complexes becomes important when all levels of security analysis (domestic, regional, super-regional and global) are reintegrated. Given the large power differentials between the lower and higher levels, one expects unequal intervention from higher to lower level complexes to be a normal feature of the system. One could easily observe how this applies to the Mediterranean region which experiences a significant outside involvement of great powers. The question then becomes not a dispute about the boundaries of a security complex, but about the relative weight of local security dynamics in relation to those pressing on the region from outside. One major advantage of the security complex idea is precisely that it provides an insight into regional level security dynamics that shape and mediate such intervention.

It is an empirical question whether the relative strength of different lines of security interdependence is sufficient to establish the location of boundaries that distinguish one security complex from another. Measuring variables like amity and enmity, is not a precise function. Sometimes this is a fairly straightforward exercise. But this is not always the case. There are cases where the security complexes are hard to find and cases where the correct placement of boundaries is not obvious. The Mediterranean case is not an exception as it has been difficult to determine whether all the Mediterranean states belong to the same security complex or different ones (i.e. Middle East, Europe, and Africa).

There are two general conditions that explain why a security complex may be hard to find (Buzan, 1991, p. 197—198). The first is that in some areas local states are so weak that their power does not project much, if at all, beyond their own boundaries. These states have domestically directed security perspectives, and there is not enough security interaction between them to generate a local complex. However, this is not the case with the Mediterranean states. The second condition is far more complicated. It occurs when the direct presence of outside powers in a region is strong enough to suppress the normal operation of security dynamics among the local states. This condition is called by Buzan 'overlay.' It normally involves extensive stationing of armed forces in the overlain area by the intervening great powers, and is quite distinct from the normal process of intervention by great powers into the affairs of local security complexes. Intervention usually reinforces the local security dynamics, while overlay subordinates them to the larger pattern of major powers rivalries, and may even obliterate them. Under overlay, one cannot see with any clarity what the local security dynamics are, and therefore cannot identify a local complex. Nevertheless, it is still possible to identify a Mediterranean security complex despite the involvement of outside great powers, such as the United States, Russia, and Britain.

Three conditions explain why it can be difficult to locate the boundaries of security complexes whose existence is not in doubt (Buzan, 1991, p. 198—199). The first is simply that the boundary between two security complexes is dissolving in a major change in the pattern of regional security dynamics. This is the case with the states of southeastern Europe (Greece and Turkey) and the Eastern Mediterranean (Libya, Egypt, Israel, Syria, Lebanon, and Cyprus) whose security dynamics stemming from energy-related issues bring them together thereby affecting the boundaries of the European and the Middle East security complexes.

The second condition involves the existence of the lopsided security interdependence that occurs when higher and lower level complexes

are physically adjacent. The point is that such relationships should not be ignored or discounted by being defined out of the security complex, but that the best place to deal with them is when looking at the interaction between the higher-level complex at the system level, and the lower-level one rooted in particular regions. The issue is then about the relative autonomy and interaction between the dynamics at the two levels. The picture, in other words, comes clear when all of the levels in the security analysis from domestic to global are reassembled into a complete picture. However, this condition does not apply to the Mediterranean area.

The third difficulty in identifying the boundaries of complexes is caused by situations in which two or more nodes of security interdependence exist within a group of states (i.e. military security, energy security, economic security, environmental security, etc.), which there are also grounds for thinking of as a single or separate complex. For example, one may argue that various nodes of security interdependence (other than military) are factors that help to define a single Mediterranean security complex, while due to energy security concerns, the countries of the Eastern Mediterranean form a separate security complex rather than a sub-complex within the overall Mediterranean security complex.

The Structure of Regional Security Complexes

Security complexes are subsystems — miniature anarchies — in their own right, and by analogy with full international systems they have structures of their own. Since security complexes are durable rather than permanent features of the overall anarchy, seeing them as sub-systems with their own structures and patterns of interaction provides a useful benchmark against which to identify and assess changes in the patterns of regional security.

Essential structure is the standard by which one assesses significant change in a classical security complex. The three key components of essential structure in a security complex are the arrangement of units and the differentiation among them; the patterns of enmity and amity;

and the distribution of power among the principal units (Buzan et al., 1998, p. 16). Major shifts in any of these components would normally require a redefinition of the complex. This approach allows one to analyze regional security in both static and dynamic terms. If security complexes are seen as structures, one can look for outcomes resulting from either structural effects or process of structural change.

Four structural options are available for assessing the impact of change on a security complex: maintenance of the *status quo*, internal transformation, external transformation and overlay (Buzan et al., 1998, p. 18). Maintenance of the *status quo* means the essential structure of the local complex (its distribution of power and pattern of hostility) remains fundamentally intact. This outcome does not mean no change has taken place. Rather, it means the changes that have occurred have tended, in the aggregate, either to support or not seriously to undermine the structure.

Internal transformation of a local complex occurs when its essential structure changes within the context of its existing outer boundary. Such change can come about as a result of regional political integration, decisive shifts in the distribution of power, or major shifts in the pattern of amity and enmity. *External transformation* occurs when the essential structure of a complex is altered by either the expansion or contraction of its existing outer boundary. Minor adjustments to the boundary may not significantly affect the essential structure. The addition or deletion of major states, however, is certain to have a substantial impact on both the distribution of power and the pattern of amity and enmity. *Overlay* means one or more external powers moves directly into the regional complex with the effect of affecting and sometimes suppressing the indigenous security dynamic.

Because security complexes are in part geographical entities, they will often include by default a number of minor or 'indifferent' states. Due to their relative low power or interest in comparison with their neighbors, these states may have little impact on the structure of the complex. The position of Albania, Montenegro,

Bosnia and Herzegovina and even Croatia in the Mediterranean security complex is illustrative.

Some states occupy insulating positions between neighboring security complexes. Turkey is a very clear example of this role between Europe and the Middle East. These insulators may exist in relative isolation from the security dynamics on either side, or they may face both ways on the edges of neighboring complexes with or without linking them. For example, Turkey links the European security complex and the Balkan security sub-complex with that of the Middle East. However, a case can be made that all Mediterranean states, which compose the Mediterranean security complex serve at the same time as insulators separating the Mediterranean security complex from the Middle East, African, European and Eurasia security complexes.

Regional Security Complex Theory Revisited

Three questions were raised in a previous section. First, are the patterns of amity and enmity the only patterns of state interaction that could be used to define a Mediterranean region? Second, are the patterns of amity and enmity sufficient to define a Mediterranean region? Third, are security threats automatically the product of enmity among Mediterranean states or security threats spill-over from the domestic environment of states without any intention of those states of doing so?

Despite his preference for applying the patterns of amity and enmity to identify regional security complexes, Buzan himself has recognized that these patterns may not be sufficient to define a region. This is the reason for which Buzan and his colleagues have moved beyond classical RSCT by opening the analysis to a wider range of sectors instead of privileging the political and military sectors. For example, economic, energy, environmental, migration and refugee issues have proved to be important in defining regional security complexes, such as the Mediterranean one.

According to Buzan and Waever (2003) and Buzan, Waever and de Wilde (1998), there are two possible ways of opening security complex

theory to sectors other than the military and political ones and to actors other than states.

First, it may be done through homogeneous complexes. This approach retains the classical assumption that security complexes are concentrated within specific sectors are, therefore, composed of specific forms of interaction among similar types of units. This logic leads to different types of complexes that occur in different sectors. For example, military complexes made up predominantly by states, a societal complex of various identity-based units, etc.

Second, it may be done through heterogeneous complexes. This approach abandons the assumption that security complexes are locked into specific sectors. It assumes that the regional logic can integrate different types of actors interacting across two or more sectors (states + nations + firms + confederations interacting across the political, economic, and societal sectors).

Heterogeneous complexes have the advantage of linking actors across sectors, thus enabling the analyst to keep entire picture in a single frame and also to keep track of the inevitable spill-overs between sectors (military impacts on economic development and like). A similar logic might be applied to the Mediterranean region, where the security complex contains states, as well as nations, such as the Kurds and the Palestinians.

Homogeneous, or sector-specific, security complexes require the construction of separate frames for each sector. They offer the possibility of isolating sector-specific security dynamics, but they also present the challenge of how to reassemble the separate frames into a holistic picture and the danger that linkages across sectors will be lost or obscured. Looking at security complexes sector by sector, one might find patterns that do not line up. For example, patterns of amity and enmity may define one type of Mediterranean security complex, energy security may define another, and migration may define a third. Then the question is how to bring all these different frames together.

Unlike Buzan, Waever, and de Wilde who have opted for the homogeneous, sector-specific approach, this article adopts a heterogeneous approach. To this end, it argues that in addition

to the necessary patterns of amity and enmity, one should add other patterns of relations emerged by the presence and operation of various forces and factors (i.e. economic, energy, migration, terrorism, etc.).

The question of whether ethno-cultural and religious ties should be a factor in identifying security complexes is an interesting one. It seems not unlikely that shared cultural and religious characteristics among a group of states would cause them both to pay more attention to each other in general, and to legitimize mutual interventions in each other's security affairs in particular. This holds true for different sets of Mediterranean states, which may be seen as constituting sub-regional security complexes. For example, the Muslim states of the North Africa as forming a Mediterranean sub-complex. However, due to religious and cultural differences among the Mediterranean states, these ties do not serve to cement a Mediterranean security complex.

Another way in which security complexes can be identified is with reference to the role of economic factors. In looking for the sets of states that constitute security complexes, one is primarily concerned with the military, political and societal dimensions of security. The reason for which these sectors are the most relevant to the patterns of threat and amity / enmity that define the set is because economic relations are not nearly so much conditioned by geographical proximity, as are the military and political ones. Consequently, the problem of economic security is likely to have a quite different relational dynamic from that of military and political security. In the Mediterranean region, where local political and military interdependence is strong, economic relations follow a much more wide-ranging pattern that has little to do with region. Under such conditions, the economic security of the states concerned does not depend primarily on their relationship with the other states within the complex.

Economic factors, however, do play a role determining both the power of states within their local complexes, and their domestic stability and cohesion as actors. For example, economic factors play a very important role in the

Mediterranean as they have a significant impact on domestic political stability. For example, economic stagnation and economic instability in the southern Mediterranean states have caused domestic political upheaval and have increased domestic insecurity. They have also provided the fertile ground for violent extremism, radicalization, terrorism and arms proliferation. Yet, economic problems and domestic instability have led to migration and refugee flows which have affected the northern Mediterranean states. Therefore, it is not surprising that the 2003 and 2016 EU strategy have focused on the Mediterranean region and have called for actions to address security threats stemming, among other things, from economic factors.

Economic factors may also play an important role in motivating the patterns of external interest in the local complex. And they can affect the prospects for regional integration, which can influence how a given security complex involves. So, economic factors need to be taken into account in defining and analyzing a security complex.

Political, social, energy, environmental and migration questions are also important factors to consider. The reason is that energy security and the securitization of migration and refugee flows play an important role in bringing the Mediterranean countries together. For example, energy security questions bind Turkey, Greece, Israel, Lebanon, Cyprus, Syria, Egypt, and Libya together while the migration and refugee flows bind close together the two sides of the Mediterranean.

As a Conclusion: A Mediterranean Security Complex

This article has argued that there is a need to expand the factors that play an important role in defining a Mediterranean security complex and, as an extension, a Mediterranean region. This has led to the need to revisit the Regional Security Complex Theory. This article has also shown that security threats are not necessarily the product of enmity among states or the result of a state's foreign policy but they can also be the result of domestic political and economic

instability facing Mediterranean states. These threats bind the Mediterranean countries together to the extent that one can speak of a ‘Common Security in the Mediterranean Region’⁴. Such threats include, among other things, violent extremism and radicalization that lead to terrorism and arms proliferation; cultural and religious intolerance that necessitates the undertaking of interfaith and intercultural dialogue; irregular migration and refugee flows that necessitate the regulation of migration and the protection of refugees; migrant smuggling and human trafficking that requires enhanced regional cooperation in criminal matters; and economic stagnation that requires new models of development and creates demand for regional economic cooperation schemes. This list is not exhaustive and all these factors help to define a Mediterranean security complex.

The Mediterranean security complex includes three security sub-complexes. The first is an eastern Mediterranean sub-complex that revolves around three conflicts: the Greek-Turkish conflict, the Syrian conflict, and the Israeli-Palestinian/Arab conflict. Consequently, this sub-complex includes Greece, Turkey, Cyprus, Israel, the Palestinians in the West Bank and Gaza Strip, Lebanon, Syria, Egypt, and Libya. The second is a central Mediterranean sub-complex that includes Italy, Libya, Albania and Malta. This revolves mainly around migration with Italy playing a dominant role due to its historical ties to both Libya and Albania.

⁴ Security in the Mediterranean Region: Challenges and Opportunities. Vienna: Organization for Security & Cooperation in Europe (OSCE), 2015.

The third is a western Mediterranean security sub-complex that includes France, Algeria, Tunisia, Morocco, Spain, and Portugal and which revolves mainly around migration and its associated threats (i.e. terrorism, radicalism, human trafficking, etc.). Due to its significant power capabilities and its traditional ties (political, cultural, and linguistic) with the countries of the northwestern Africa (Algeria, Tunisia, and Morocco), France is the dominant actor in this sub-complex.

The Mediterranean region constitutes a high-level security complex as it includes states, such as France, Israel, and Turkey with significant power capabilities that extend beyond their immediate neighbors. The Mediterranean security complex also experience a significant degree of ‘overlay’ though the involvement in regional affairs of great powers, such as the United States, Britain, Russia, the EU, and lately China whose capabilities extend far beyond their immediate environment and whose power is sufficient to impinge on the Mediterranean region.

Finally, as far as its essential structure is concerned, the Mediterranean regional complex is anarchic in nature as no state dominates the region. Within that complex certain patterns of amity and enmity remain constant while the distribution of power favors states like France, Turkey, and Israel. Yet, the Mediterranean security complex is very dynamic as there are states (i.e. Turkey) that seem eager and capable of challenging the *status quo* thereby contributing to the process of the complex’s internal transformation.

Received / Поступила в редакцию: 15.05.2021

Accepted / Принята к публикации: 10.06.2021

References / Библиографический список

- Ayoob, M. (1983/4). Security in the Third World. *International Affairs*, 60(1), 41—51.
- Ayoob, M. (1989). The Third World in the system of states. *International Studies Quarterly*, 33(1), 67—79.
- Ayoob, M. (Ed.). (1986). *Regional security in the Third World*. London: Groom Helm.
- Brecher, M. (1963). International relations and Asian studies: The subordinate state system of Southern Asia. *World Politics*, 15(2), 213—235.
- Bull, H. (1977). *The anarchical society: A study of order in world politics*. London: Macmillan.
- Buzan, B. (1983). *People, states and fear*. London: Harvester Wheatsheaf.
- Buzan, B. (1991). *People, states and fear*. 2nd edition. London: Harvester Wheatsheaf.
- Buzan, B., & Rozvi, G. (1986). *South Asian security and the great powers*. London: Macmillan.

- Buzan, B., & Waever, O. (2003). *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B., Tromer, E., Waever, O., & Lemaitre, P. (1990). *The European security order recast: Scenarios for the post-Cold War era*. London: Pinter.
- Buzan, B., Waever, O., & de Wilde, J. (1998). *Security: A new framework for analysis*. Boulder: Lynne Rienner.
- Cantori, L. J. & Spiegel, S. L. (1970). *The international politics of regions: A comparative approach*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Cantori, L. J., & Spiegel, S. L. (1973). The analysis of regional international politics: The integration versus the empirical systems approach. *International Organization*, 27(4), 96—125.
- Cohen, S. B. (2003). *Geopolitics of the world system*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Ehteshami, A., Huber, D., & Paciello, M. C. (2017). *The Mediterranean reset: Geopolitics in a new age*. Chichester, UK: Global Policy.
- Evans, G., Newnham, J., & Newnham, R. (1998). *Dictionary of international relations*. London: Penguin.
- Gaiser, L., & Hribar, D. (2012). Euro-Mediterranean region: Resurged geopolitical importance. *International Journal of Mediterranean Studies*, 5(1), 57—69. <https://doi.org/10.1007/s40321-012-0002-8>
- Haas, M. (1970). International subsystems: Stability and polarity. *American Political Science Review*, 64(1), 98—123.
- Haas, M. (1974). *International conflict*. Indianapolis: Bobbs-Merrill.
- Hettne, B., Inotai, A., & Sunkel, O. (Eds.). (1999). *Globalism and the new regionalism*. New York: Macmillan Press, Houndmills and St. Martin's Press.
- Litsas, S., & Tziampiris, A. (Eds.). (2019). *The new Eastern Mediterranean*. New York: Springer.
- Little, W. (1987). International conflict in Latin America. *International Affairs*, 63(4), 589—601.
- Parker, G. (1997). *Geopolitika v XX. stoletju*. Ljubljana: Fakulteta za družbene vede.
- Roucek, J. S. (1953a.) The geopolitics of the Mediterranean I. *The American Journal of Economics and Sociology*, 12(4), 347—354.
- Roucek, J. S. (1953b). The geopolitics of the Mediterranean II. *The American Journal of Economics and Sociology*, 13(1), 71—86.
- Russett, B. (1967). *International regions and the international system*. Chicago: University of Chicago Press.
- Stivachtis, Y. (2019). Eastern Mediterranean: A new region? Theoretical considerations. In S. Litsas & A. Tziampiris (Eds.), *The new Eastern Mediterranean* (pp. 45—59). New York: Springer.
- Väyrynen, R. (1984). Regional conflict formations. *Journal of Peace Research*, 21(4), 337—359.
- Väyrynen, R. (1986). Collective violence in a discontinuous world. *International Social Science Journal*, 38(4), 513—528.
- Waever, O., Buzan, B., Kelstrup, M., & Lemaitre, P. (1993). *Identity, migration and the new security agenda in Europe*. New York: St. Martin's Press.
- Waever, O., Lemaitre, P., & Tromer, E. (1989). *European polyphony*. London: Macmillan.

About the author: *Stivachtis Yannis A.* — Professor of Political Science, Jean Monnet Chair, Virginia Polytechnic Institute; Associate Chair, International Studies Program Director, Department of Political Science; Director, Center for European Union, Transatlantic and Trans-European Space Studies (CEUTTSS) — A Jean Monnet Center of Excellence; Director of the Diplomacy Lab, Virginia Polytechnic Institute; ORCID: 0000-0003-1971-6503; e-mail: ystivach@vt.edu

Сведения об авторе: *Стивахтис Яннис А.* — профессор политологии, заведующий кафедрой Жана Монне, Технологический институт Виргинии; заместитель председателя, директор Программы международных исследований департамента политических наук; директор Центра исследований Европейского союза, Трансатлантического и трансевропейского пространства, директор Лаборатории дипломатии, Политехнический университет Виргинии и университет штата; ORCID: 0000-0003-1971-6503; e-mail: ystivach@vt.edu

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440

Научная статья / Research article

Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность?

М.М. Агазаде

Российский университет дружбы народов, Москва Российская Федерация

 agazade-mm@rudn.ru

Аннотация. Изучение региональных измерений, в том числе места отдельных регионов в системе международных отношений играет немаловажную роль в рамках осмысления процессов формирования нового многополярного миропорядка. Одним из важных регионов, безусловно, является Большое Средиземноморье, которое по праву считается колыбелью цивилизации. Располагаясь на перекрестке Азии, Африки и Европы, Большое Средиземноморье имеет особый статус в глобальных торгово-экономических и политических событиях. Автор дает определение понятию Большого Средиземноморья, анализируя его в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах и, соответственно, в узком региональном, широком региональном и глобальном масштабах, затем рассматривая Большое Средиземноморье с точки зрения теории регионального комплекса безопасности. Цель исследования заключается в выявлении территории, которую охватывает Большое Средиземноморье, а также типа регионального комплекса безопасности, в который оно входит. Поскольку среди российских и зарубежных ученых нет четкого и единого мнения относительно того, в каких географических границах находится данный регион и что он представляет собой, теоретическое обоснование позволяет автору не только определить пределы региона, но также дать его характеристику, что, в свою очередь, обуславливает актуальность данной работы. В заключении делается вывод, что Большое Средиземноморье является региональным комплексом безопасности глобального уровня, включающим такие государства, как Россия, Франция, Великобритания, играющие важную роль на международной арене, а также Турцию, Италию, Израиль и Иран, обладающие значительными возможностями, которые превосходят потенциал их непосредственных соседей.

Ключевые слова: Большое Средиземноморье, теория регионального комплекса безопасности, региональный комплекс безопасности великих держав, региональная безопасность

Для цитирования: Агазаде М.М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 429—440. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440

Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality?

Mirmehdi M. Aghazada

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 agazade-mm@rudn.ru

Abstract. The study of regional dimensions, including the role of individual regions in the international system, plays a significant role in understanding the formation of a new multipolar world order. Undoubtedly, one of the most important regions is the Great Mediterranean, which is considered to be the cradle of civilization. Located at the crossroads of Asia, Africa and Europe, it has a special status in global economic and political events.

© Агазаде М.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The author first defines the concept of the Greater Mediterranean, analyzing it in the short, medium and long term and, accordingly, in a narrow regional, wide regional and global scale. Then the analysis is carried out from the point of view of the regional security complex theory. The purpose of the study is to identify the territory covered by the Greater Mediterranean, as well as the type of regional security complex that it is part of. Since there is no clear, unified definition among Russian and foreign scholars about the geographical boundaries of this region and what it represents, the theoretical justification allows the author not only to determine the limits of the region, but also to give its characteristics, which in turn conditions the relevance of the research. In summary, it is concluded that the Greater Mediterranean constitutes a global-level security complex as it includes states, such as Russia, France, and Great Britain, which have a significant influence in world politics, as well as Turkey, Italy, Israel, and Iran with considerable powerful capabilities that extend beyond their neighbors.

Key words: The Greater Mediterranean, Regional Security Complex Theory, great power regional security complex, regional security

For citation: Aghazada, M. M. (2021). Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality? *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 429—440. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440>

Введение

До начала XVI в. пространство Средиземного, Черного и Красного морей являлось центром мировой торговли, однако с началом Великих географических открытий этот статус был утрачен. Несмотря на это, географическая особенность бассейна этих трех морей, имеющего такие проливы, как Босфор, Дарданеллы, Гибралтар и Баб-эль-Мандебский, а также Суэцкий канал, позволяет сохранить его особый геостратегический статус в мировой политике и превращает его в одну из важных точек соприкосновения военно-политических и торгово-экономических интересов глобальных сил. Если в Средневековье основные причины столкновения в целом заключались в контроле над торговыми путями и получении новых земель, то в начале XXI в. углеводородные ресурсы, обнаруженные в Восточном Средиземноморье, особенно запасы природного газа, указывают на то, что в этом столетии регион станет свидетелем важной борьбы, прежде всего, за разделение акватории между прибрежными странами, а также сохранение интересов внерегиональных сил в нем.

Конец холодной войны породил новый этап с точки зрения региональной безопасности. С одной стороны, в связи с тем, что появились новые государства, получившие независимость в Восточной Европе, Центральной Азии и на Южном Кавказе после распада СССР, образовались новые регионы, ставшие местом столкновения интересов великих

держав. С другой стороны, идеологическая конкуренция двух полюсов с окончанием холодной войны сменилась борьбой за влияние великих держав, которая носит более интенсивный и напряженный характер.

Что такое Большое Средиземноморье?

В дискурсе российских и зарубежных научных кругов нет конкретного определения того, какую территорию охватывает Большое Средиземноморье. Например, О.В. Столетов следующим образом определяет регион Большого Средиземноморья: «Макрорегиональная форма географической, геополитической, геоэкономической и геокультурной пространственной взаимосвязанности, существующей между Черноморским регионом, Южной Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой, Кавказом и бассейном Каспийского моря» (Столетов, 2017, с. 117). Похожее определение дается и в статье И.А. Чихарева и О.В. Ярмач: «Макрорегион Большого Средиземноморья является географическим, геополитическим, геоэкономическим и культурным пространством, находящимся между Черноморским регионом, Южной Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой, Кавказом и бассейном Каспийского моря» (Чихарев, Ярмач, 2019, с. 100).

В работе Д.В. Маковской и С.А. Бичакова макрорегион Большого Средиземноморья определяется как «трансграничное пространство, где веками происходили межцивилизационные взаимодействия и диффузии народов,

ценностей и культур» (Маковская, Бичаков, 2019, с. 392). Еще одно интересное определение дается Г.В. Косовым и Д.Б. Татарковым: «Большое Средиземноморье — это не метафора, не повторение броделевской концепции, а концепт (теория, проект), основанный на идеях цивилизационного развития, сопряжения социокультурных и ментальных массивов, принципах геополитической трансформации релятивистских и физикалистских пространств, конфликта — консенсуса существовавших ранее и существующих в настоящее время политических и геополитических / геоэкономических (экономических) проектов» (Косов, Татарков, 2020, с. 115).

В российской историографии теме Большого Средиземноморья посвящен ряд научных работ: геоэкономическому анализу Большого Средиземноморья и его геополитическому значению (Столетов и др. 2019; Гукасов, Косов, 2020), методологическим проблемам изучения региона (Шахин, 2020), изучению политики гендерного равенства в странах Большого Средиземноморья (Нечаев и др., 2019), интеграционным процессам (Соловьева, Михалев, 2019).

Однако в отличие от российской историографии в западной фактически нет понятия «Большое Средиземноморье». Западные авторы обычно используют термин «пространство Средиземного моря» (*Mediterranean area*) для определения региона, или под термином «Большое Средиземноморье» понимается только регион, страны которого имеют выход к Средиземному морю.

В коллективной монографии, опубликованной под редакцией А. Эхтешами, Д. Хубер и М. Пачелло, указано, что исторически Средиземное море представлялось мостом, позволяющим проецировать европейское могущество на Африку и Западную Азию (*The Mediterranean Reset...*, 2017, р. 5). В другой коллективной монографии, опубликованной под редакцией Э. Кусумано и С. Хофмайер, проанализированы стратегии, принятые НАТО и ЕС для повышения устойчивости в регионе, а также затронуты темы европейской энергетической безопасности, борьбы с терроризмом, военного сотрудничества в

Средиземном море и т. д. (*Projecting Resilience across the Mediterranean*, 2020).

В отдельных статьях западных авторов, посвященных Большому Средиземноморью, рассматривались проблемы безопасности, с которыми сталкиваются страны, граничащие со Средиземным морем, и как они решаются на двустороннем, межрегиональном и многостороннем уровнях (Boening, 2008b), степень сближения, расхождения и в некоторых случаях безразличия стран Южного и Восточного Средиземноморья к европейской политике безопасности и обороны (ЕПБО) (Soler i Lecha, 2010), причины создания Союза для Средиземноморья (Vicchi, 2011), перспективы энергетического сотрудничества в рамках деятельности Союза для Средиземноморья (Darbouche, 2011), политика ЕС в отношении Южного Средиземноморья после «арабской весны» (Rossi & Voltolini, 2017), а также проблема нестабильности и безработицы среди молодежи в арабских средиземноморских странах (Paciello & Pioppi, 2020).

Хотя в аналитической статье, опубликованной Р. Эллекхус и Д. Руй, использован термин «Большое Средиземноморье», регион рассматривается как единая географическая зона, где угрозы и возможности распределяются от побережья к побережью, и проанализировано только 19 прибрежных средиземноморских государств¹.

Таким образом, в отличие от российских авторов, западные исследователи не считают, что Черноморский регион, Кавказ, бассейн Каспийского моря, а также ближневосточные страны, не имеющие выхода к Средиземному морю, относятся к региону Большого Средиземноморья, что порождает сложности в рамках выработки единого термина для определения региона.

Исходя из серьезных геополитических изменений в данном регионе после «арабской весны», на наш взгляд, можно рассматривать Большое Средиземноморье в трех

¹ Ellahuus R., Ruy D. Securing U.S. interests across The Greater Mediterranean // Center for Strategic & International Relations. December 16, 2020. URL: <https://www.csis.org/features/securing-us-interests-across-greater-mediterranean> (accessed: 02.05.2021).

перспективах — краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной, тем самым определив территорию, которую оно охватывает, а также статус и место в системе международных отношений.

В краткосрочной перспективе можно рассматривать регион в узком региональном масштабе, то есть Большое Средиземноморье — это акватория трех морей — Средиземного, Красного и Черного морей, а также других небольших морей, расположенных между ними или по соседству — Эгейского, Мраморного, Ионического, Азовского и т. д. В рамках данного определения события, происходящие на севере Йемена или на юге Судана, не касаются региона Большого Средиземноморья. В основном борьба идет за углеводородные ресурсы на водных территориях (например, в Восточном Средиземноморье) (рис. 1).

В среднесрочной перспективе предлагается рассматривать регион в широком региональном масштабе: Большое Средиземноморье включает в себя территорию стран,

находящихся на берегу и в акватории трех морей — Средиземного, Красного и Черного, а также других небольших морей, расположенных между ними или по соседству, — Эгейского, Мраморного, Ионического, Азовского и т. д., то есть территорию Великобритании, Франции, Испании, Португалии, Марокко, Алжира, Туниса, Ливии, Египта, Судана, Эритреи, Джибути, Йемена, Саудовской Аравии, Иордании, Израиля, Палестины, Сирии, Ливана, Турции, Грузии, России, Украины, Молдовы, Румынии, Болгарии, Греции, стран бывшей Югославии, Италии, Сан-Марино, Ватикана, Монако, Кипра и Мальты. Учитывая географические и политические особенности, Пиренейский полуостров и территория бывшей Югославии, а также Молдова, Ватикан и Сан-Марино являются частью региона Большого Средиземноморья. Все события, происходящие в странах (в любой части страны), которые находятся на берегу этих трех морей, а также других небольших морей, расположенных между ними или по соседству, прямо касаются региона Большого

Рис. 1. Большое Средиземноморье в узком региональном масштабе

Источник: составлено автором.

Fig. 1. The Greater Mediterranean in a narrow regional scale

Source: compiled by the author.

Средиземноморья. На примере сирийского, ливийского, йеменского, израильско-палестинского/арабского конфликтов, а также сложных двусторонних отношений между Турцией и Грецией, Марокко и Алжиром, Турцией и Израилем, Турцией и Египтом, Россией и Украиной, Израилем и арабскими странами и т. д., в целом борьба идет за формирование нового пространства военно-политического характера и регионального мироустройства (рис. 2).

В долгосрочной перспективе можно рассматривать регион в глобальном масштабе: в Большое Средиземноморье входят соседние страны и регионы, и борьба идет за формирование нового мирового порядка (рис. 3). Формула «Мир больше пяти» (Турция); идея создания единой европейской армии (Франция); «Брекзит» и активизация британской дипломатии в Большом Средиземноморье, возвращение России на Ближний Восток и в Африку и т. д. — все это связано с процессом формирования нового мирового порядка, в котором каждая из вышеуказанных стран пытается

занять центральное место, тем самым составив конкуренцию планам США и КНР, которые пытаются сформировать новую международную систему исходя из своих национальных интересов. В результате появится Большая Средиземноморская система, ядром которой станет победившая в данной борьбе страна/страны региона, и тем самым регион вернет себе тот статус, который был утрачен после периода Великих географических открытий. Следует отметить, что в перспективе можно включить все страны ЕС в данный тип определения, так как ЕС как политический игрок несет большую ответственность за обеспечение региональной безопасности.

Исходя из этих классификаций, можно прийти к выводу, что на самом деле Большое Средиземноморье — не столько географическое, сколько военно-политическое определение. Например, Россию и Судан географически ничего не объединяет, они находятся в разных географических регионах, однако военно-политические события, происходящие в Судане, могут повлиять на позицию России

Рис. 2. Большое Средиземноморье в широком региональном масштабе

Источник: составлено автором.

Fig. 2. The Greater Mediterranean in a wide regional scale

Source: compiled by the author.

Рис. 3. Большое Средиземноморье в глобальном масштабе

Источник: составлено автором.

Fig. 3. The Greater Mediterranean in a global scale

Source: compiled by the author.

в Красном море. Продолжающиеся конфликты в Ливии, Сирии и Йемене прямо угрожают национальной безопасности всех стран региона, а также стран соседних регионов, создавая угрозу распространения оружия. В связи с этим анализ Большого Средиземноморья в глобальном измерении больше соответствует требованиям современных реалий, и следует рассматривать его в одном комплексе безопасности, в котором для всех государств региона есть общие вызовы и угрозы.

Важно также отметить, что, в отличие от 1990-х и начала 2000-х гг., сегодня США и ЕС уже не являются доминирующими силами в этом регионе по причине того, что геополитика Большого Средиземноморского региона изменилась в начале XXI в., отчасти в результате динамики развития местных государств, а отчасти — в результате трансформационных изменений на международном и более широком региональном уровнях. Кроме того,

после событий «арабской весны» в Средиземноморском бассейне повысился «вес», с одной стороны, России и Турции, заявивших о себе как о активных военно-политических игроках, а с другой — КНР, которая расширила свое торгово-экономическое присутствие. Таким образом, теоретическое осмысление формирующегося в новых условиях региона позволяет определить его место в системе современных международных отношений.

Большой Средиземноморский комплекс безопасности

После роспуска СССР в 1991 г. биполярная система международных отношений перестала существовать, парадигма безопасности изменилась, и тем самым региональный уровень безопасности в системе международных отношений вышел на передний план. Это было связано, с одной стороны, с ускорением

процесса глобализации, который находился в состоянии стагнации в годы холодной войны, а с другой — с тем, что региональные изменения стали больше влиять на состояние глобальной безопасности. В таких условиях свое видение обеспечения региональной безопасности предложили многие теоретики, среди которых можно выделить Б. Бузана и О. Вейвера, представителей Копенгагенской школы, разработавших теорию регионального комплекса безопасности (ТРКБ).

Следует отметить, что Б. Бузан в своей книге «Люди, государства и страх: проблема национальной безопасности в международных отношениях» дал первоначальное определение этой теории. По его мнению, «комплекс безопасности — это группа государств, чьи основные проблемы безопасности связаны друг с другом настолько тесно, что их национальные интересы нельзя рассматривать отдельно друг от друга» (Buzan, 1983, p. 106).

В опубликованной в 1997 г. работе «Безопасность: новая основа для анализа» Б. Бузан в соавторстве с О. Вейвером и Я. Де Вильде развил данную идею: «Динамика внутри комплекса безопасности и его структура порождаются государствами внутри этого комплекса — их восприятием безопасности и взаимодействием друг с другом» (Buzan et al., 1997, p. 12). Однако теория была окончательно сформирована в монографии «Регионы и державы: структура международной безопасности», изданной Б. Бузаном и О. Вейвером в 2003 г. В ней они дают название своей теории — теория безопасности, в которой центральное место занимают именно географические факторы (Buzan & Waever, 2003, p. 70), и определяют 9 региональных комплексов безопасности: Североамериканский, Южноамериканский, Европейский, Восточноазиатский, Южноазиатский, Ближневосточный, Центральноафриканский, Южноафриканский и Постсоветский, среди которых нет отдельного регионального комплекса безопасности «Большое Средиземноморье».

Следует отметить, что популярным тезисом о развитии международной обстановки после окончания холодной войны стала идея

С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Однако представители Копенгагенской школы сочли этот тезис, вызвавший столько же споров, сколько и внимания, недостаточным, и утверждали, что проблемы безопасности в постбиполярный период будут вызваны не межцивилизационными, а межрегиональными и/или внутригосударственными конфликтами (Birdiřli & Gören, 2018, p. 13). С. Хантингтон охарактеризовал области между макроединицами, такими как исламская, западная или азиатская цивилизации, как линии разломов и рассматривал проблемы безопасности как широкую межсистемную проблему. Однако в рамках ТРКБ исследователи обратили внимание на тот факт, что государства в первую очередь воспринимают угрозы со стороны своих соседей и регионов, приобретают нерегинальных союзников, и выделили, что проблемы безопасности формируются через взаимодействие внутри подсистем, а не в рамках борьбы между широкими системами.

Важно упомянуть, что Астрид Б. Боенинг предлагала, что, поскольку социальная, политическая и экономическая взаимозависимость и, следовательно, взаимные интересы безопасности между членами Евро-средиземноморского партнерства² довольно сложны, можно изменить концепцию Ближневосточного комплекса региональной безопасности, разработанную Б. Бузаном и О. Вейвером, на более подходящую с эпистемологической точки зрения концепцию «Евро-средиземноморского регионального комплекса безопасности», действующего в рамках Евро-средиземноморского партнерства (Boening, 2008a, p. 3). Позже она развила данную идею в своей книге, которая представляет особый взгляд на эволюционирующие геостратегические события в большом Евро-Средиземноморском регионе с учетом последствий «арабской весны» (Boening, 2014). Однако еще раз следует отметить, что Астрид

² Евро-средиземноморское партнерство, или Барселонский процесс, было создано на учредительной конференции в Барселоне в конце ноября 1995 г. В продолжение этого интеграционного процесса в 2008 г. был создан Союз для Средиземноморья.

А. Боенинг использует термин «Большое Евро-Средиземноморье», а не «Большое Средиземноморье» и в отличие от представлений российских авторов не включает Черноморский регион, Кавказ, бассейн Каспийского моря в регион Большое Евро-Средиземноморье.

Интересный подход наблюдается и в работе Д. Куру, который проанализировал применимость дисциплины международных отношений к Средиземноморью, а также выдвинул идею о возможности создания средиземноморской теории международных отношений, которая учитывала бы особую всемирно-историческую роль региона, указывая при этом на ограничения, с которыми сталкивается такая альтернативная теоретическая основа (Kuru, 2019). В свою очередь, Ф. Бикки рассматривает Средиземноморье как политическую концепцию, которая находится на пересечении сопротивления, однородности и разнообразия (Vicchi, 2018, p. 336).

В таком случае, применяя ТРКБ, следует ли выделить и обосновать регион Большого Средиземноморья как отдельный региональный комплекс безопасности?

Прежде всего, необходимо отметить, что ТРКБ подчеркивает роль регионального уровня безопасности в обеспечении глобальной безопасности и на трех уровнях — внутригосударственном, межгосударственном и межрегиональном, рассматривая динамику безопасности в региональном комплексе безопасности.

На внутригосударственном уровне анализируется наличие устойчивых государств в регионе, так как без них не может сложиться стабильной системы региональной безопасности.

На межгосударственном уровне рассматриваются факторы, влияющие на причины влияния великих держав на события в регионе, и анализ проводится на объективном (военное вмешательство / присутствие великих держав в регионе, оказание ими финансовой и гуманитарной помощи странам региона), субъективном (как великие державы воспринимают регион, как они оправдывают свое вмешательство в регион) и межсубъективном

(как страны региона реагирует на вмешательство великих держав) основаниях.

На межрегиональном уровне анализируются причины долгосрочного влияния великих держав на внутреннюю динамику структуры регионального комплекса безопасности.

В зависимости от наличия или отсутствия великой державы / сверхдержавы Б. Бузан и О. Вейвер классифицируют регионы как стандартные и центрированные комплексы безопасности, суперкомплексы и региональные комплексы безопасности великих держав, а также *прекомплексы* и *протокомплексы*, которые в этой статье отдельно не рассмотрены. Прекомплексы имеют множество элементов сильной двусторонней взаимозависимости в сфере безопасности, но неспособны связать их в единый комплекс, а протокомплексы имеют достаточно явную взаимозависимость в сфере безопасности, чтобы очертить регион и отличить его от соседей, но региональная динамика в них все еще слишком слабая, чтобы думать о регионе как о полноценном региональном комплексе безопасности.

Учитывая вышеуказанную классификацию Б. Бузана и О. Вейвера, ниже приводится анализ каждого типа регионального комплекса безопасности и делается вывод о том, отвечает ли Большое Средиземноморье требованиям соответствующего типа регионального комплекса или нет.

Стандартный региональный комплекс безопасности, в рамках которого основным элементом политики безопасности являются отношения между региональными державами внутри региона, состоит из региональных держав и не включает в себя какие-либо великие державы (Buzan & Waever, 2003, p. 55). Отношения между региональными державами определяют условия для участия второстепенных держав в региональных процессах, а также проникновения великих держав в региональный комплекс. Большое Средиземноморье не подходит к данному типу регионального комплекса безопасности по причине того, что в него входят такие великие державы, как Россия, Франция и Великобритания.

Центрированный комплекс безопасности — это комплекс безопасности, включающий великую державу или сверхдержаву и формирующийся в трех формах. Первые две формы — это особые случаи, когда региональный комплекс однополярен. Кроме региональных держав в нем есть и соответствующая держава, то есть либо великая держава (например, Россия в СНГ), либо сверхдержава (например, США в Северной Америке) (Buzan & Waever, 2003, p. 55). В этих случаях великая держава / сверхдержава доминирует в регионе, не имея соперника с возможностью ей противостоять. Третья форма централизованного регионального комплекса отличается от предыдущих двух форм тем, что она включает регион, объединенный институтами. Примером этой формы безопасности может служить ЕС, в котором централизованность проистекает не из доминирования какого-то одного полюса силы, а из создания группой государств коллективных институтов, которые сами начинают приобретать качества актора. По мнению Б. Бузана и О. Вейвера, благодаря интеграционным процессам ЕС как региональный комплекс безопасности фактически превратился в великую державу (Buzan & Waever, 2003, p. 58).

Эти три типа централизованного регионального комплекса связывает идея о том, что динамика безопасности в регионе определяется центром, расположенным внутри него. В целом данный тип регионального комплекса безопасности является однополярным, централизованным вокруг одной великой державы / сверхдержавы. Однако в Большом Средиземноморье не существует такой великой державы, которая полностью доминирует в регионе, тем самым его нельзя включить в данный тип регионального комплекса безопасности.

Суперкомплексы формируются благодаря наличию одной или нескольких великих держав / супердержав путем объединения двух или более региональных комплексов безопасности. В суперкомплексе межрегиональный уровень является сильным и устойчивым, но не настолько сильным, чтобы перекрывать региональную динамику в региональный комплекс (Buzan & Waever, 2003, p. 60),

а также в нем присутствует супердержава, которая доминирует в региональном комплексе. Большое Средиземноморье также не является таким типом регионального комплекса в связи с тем, что оно не объединяет в себя полностью два или более региональных комплексов безопасности и в нем нет сверхдержав.

Региональный комплекс безопасности великих держав определяется наличием в нем нескольких великих держав и характеризуется тем, что его динамика напрямую влияет на расчеты балансировки на глобальном уровне, а также является своего рода гибридом глобального и регионального уровней безопасности. Этот тип регионального комплекса может быть проанализирован как стандартный региональный комплекс безопасности, так как в обоих типах существуют полярность и паттерны сотрудничества и соперничества. Однако по причине того, что региональный комплекс безопасности великих держав включает в себя державы глобального уровня, сохранение в нем региональной стабильности влияет на динамику обеспечения безопасности на глобальном уровне. То есть внутренняя динамика данного типа регионального комплекса, будь то дружественная или враждебная, является существенным фактором, влияющим на динамику безопасности на глобальном уровне (Buzan & Waever, 2003, p. 59). Учитывая тот факт, что в Большое Средиземноморье входят три великие державы — Россия, Франция и Великобритания, которые являются постоянными членами СБ ООН и играют весомую роль в принятии не только региональных, но и глобальных решений, оно может быть включено в данный тип регионального комплекса безопасности.

Один из важных элементов ТРКБ заключается в том, что государства в регионе должны иметь общее восприятие угрозы, чтобы можно было называть регион комплексом безопасности, поскольку общее восприятие угрозы укрепит межгосударственные отношения взаимозависимости. Другими словами, географические регионы, которые сталкиваются со схожими проблемами в сфере безопасности или имеют общий потенциал в этих вопросах, образуют комплекс

безопасности. Такие факторы, как исторические отношения сотрудничества и соперничества, конфликты, сходство потребностей и общий враг играют основополагающую роль в формировании комплекса безопасности.

Если рассматривать Большое Средиземноморье с точки зрения вышеуказанных факторов, то исторические отношения вражды между Израилем и арабскими странами, острое региональное соперничество между Турцией и Грецией, такие конфликты, как сирийский, ливийский, йеменский, а также конфликт на Донбассе дают основание для того, чтобы Большое Средиземноморье считалось комплексом безопасности. Важно также отметить, что терроризм является основной угрозой для всех стран региона Большого Средиземноморья, в частности по причине того, что в начале XXI в. террористические сети, более глобальные по организации и мотивам и более радикальные по методам (Buzan & Hansen, 2009, p. 181), имеют возможность получить оружие массового уничтожения, что и объединяет все государства Большого Средиземноморья в единый комплекс безопасности.

Заключение

Таким образом, в статье предпринята попытка определить понятие Большого Средиземноморья, наметить в разных

перспективах и масштабах территорию, которую оно охватывает, а также дать характеристику того, к какому типу регионального комплекса безопасности относится данный регион. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности представляет собой комплекс безопасности глобального уровня, так как включает в себя такие великие державы, как Россия, Франция и Великобритания — постоянные члены СБ ООН (это единственный РКБ, в который входят три постоянных члена СБ ООН). Благодаря этому процессы, происходящие в этом регионе, прямо влияют на обеспечение глобальной безопасности. Вместе с тем региональные державы, такие как Турция, Италия, Израиль, Иран и Саудовская Аравия, обладающие значительными военно-политическими, торгово-экономическими и энергетическими возможностями, превосходящими потенциал их непосредственных соседей, играют роль в увеличении значимости Большого Средиземноморья, а также ужесточают борьбу за лидерство в нем.

Что касается основной структуры Большого Средиземноморского регионального комплекса безопасности, то ни одно государство не доминирует в нем, а внутри него существуют определенные модели сотрудничества и соперничества, что и помогает сохранять баланс сил между державами региона.

Поступила в редакцию / Received: 15.05.2021
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список

- Лукасов А.В., Косов Г.В. Технологии формирования нового мирового порядка в период «Interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья) // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 4. С. 82—103. DOI: 10.46539/elit.v1i4.38
- Косов Г.В., Татарков Д.Б. Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 1. С. 111—129. DOI: 10.46539/elit.v1i1.7
- Маковская Д.В., Бичаков С.А. Этнический аспект политики «мягкой силы» в реализации геополитических проектов в Большом Средиземноморье // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 3. С. 392—403. DOI: 10.21638/11701/spbu23.2019.305
- Нечаев В.Д., Гришина А.В., Косцова М.В. Современные подходы и теории гендерной политики: региональный аспект (на примере стран Большого Средиземноморья) // Парадигмы истории и общественного развития. 2019. № 15—16. С. 120—124.
- Соловьева А.А., Михалев А.В. Перспективы развития интеграционного сотрудничества в регионе Большого Средиземноморья путем использования потенциала Союза арабских стран Магриба // Экономика и управление: теория и практика. 2019. Т. 5. № 3. С. 45—52.
- Столетов О.В. «Мягкая сила» России в Большом Средиземноморье // Дискурс-Пи. 2017. № 2 (27). С. 117—127.

- Столетов О.В., Чихарев И.А., Москаленко О.А., Маковская Д.В. Геоинформационное сопровождение Средиземноморской ветви шелкового пути // *ИнтерКарто. ИнтерГИС*. 2019. Т. 25. № 1. С. 102—113. DOI: 10.35595/2414-9179-2019-1-25-102-113
- Чихарев А.И., Ярмач О.В. Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 1. С. 99—109. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109
- Шахин Ю.В. Методологические проблемы изучения Большого Средиземноморья // *Архонт*. 2020. № 6 (21). С. 73—78.
- Bicchi F. The Mediterranean, between unity and fault line // *Global Affairs*. 2018. Vol. 4. No. 2—3. P. 329—339. DOI: 10.1080/23340460.2018.1554394
- Bicchi F. The Union for the Mediterranean, or the changing context of Euro-Mediterranean relations // *Mediterranean Politics*. 2011. Vol. 16. No. 1. P. 3—19. DOI: 10.1080/13629395.2011.547365
- Birdiqli F., Gören M. Bölgesel Güvenlik Kompleksi Teorisi Bağlamında Türkiye-İran Arasında Göç ve Sınır Güvenliği // *İran çalışmaları dergisi*. 2018. Cild. 1. Sayı. 2. P. 11—38.
- Boening A.B. Pronouncements of its impending demise were exaggerated: The EuroMed partnership morphing into a regional security super complex // *Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series*. 2008a. Vol. 8. No. 12. P. 1—15.
- Boening A.B. Regional security through synergistic integration: A Euro-Mediterranean regional security complex // *Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series*. 2008b. Vol. 5. No. 13. P. 1—14.
- Boening A.B. *The Arab Spring: Re-balancing the Greater Euro-Mediterranean?* New York: Springer, 2014.
- Buzan B. *People, states and fear: The national security problem in international relations*. London: Harvester Press Group, 1983.
- Buzan B., Hansen L. *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Buzan B., Waever O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Buzan B., Weaver O., de Wilde J. *Security: A new framework for analysis*. Boulder (CO): Lynne Rienner Publishers, 1997.
- Darbouche H. Third time lucky? Euro-Mediterranean energy co-operation under the Union for the Mediterranean // *Mediterranean Politics*. 2011. Vol. 16. No. 1. P. 193—211. DOI: 10.1080/13629395.2011.547412
- Kuru D. Not international relations ‘mare nostrum’: On the divergence between the Mediterranean and the discipline of international relations // *Mediterranean Politics*. 2019. Vol. 26. No. 2. P. 145—167. DOI: 10.1080/13629395.2019.1700674
- Paciello M.C., Pioppi D. Working class youth transitions as a litmus test for change: Labour crisis and social conflict in Arab Mediterranean countries // *Mediterranean Politics*. 2020. Vol. 26. No. 3. P. 308—329. DOI: 10.1080/13629395.2020.1749814
- Projecting Resilience across the Mediterranean* / Ed. by E. Cusumano, S. Hofmaier. London: Palgrave Macmillan, 2020.
- Roccu R., Voltolini B. Framing and reframing the EU’s engagement with the Mediterranean: Examining the security-stability nexus before and after the Arab Uprisings // *Mediterranean Politics*. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 1—22. DOI: 10.1080/13629395.2017.1358895
- Soler i Lecha E. Converging, diverging and instrumentalizing European security and defence policy in the Mediterranean // *Mediterranean Politics*. 2010. Vol. 15. No. 2. P. 231—248. DOI: 10.1080/13629395.2010.485050
- The Mediterranean reset: Geopolitics in a new age* / ed. by A. Ehteshami, D. Huber, M.C. Paciello. Durham: Global Policy, 2017.

References

- Bicchi, F. (2011). The Union for the Mediterranean, or the changing context of Euro-Mediterranean relations. *Mediterranean Politics*, 16(1), 3—19. <https://doi.org/10.1080/13629395.2011.547365>
- Bicchi, F. (2018). The Mediterranean, between unity and fault line. *Global Affairs*, 4(2—3), 329—339. <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1554394>
- Birdiqli, F., & Gören, M. (2018). Bölgesel Güvenlik Kompleksi Teorisi Bağlamında Türkiye-İran Arasında Göç ve Sınır Güvenliği. *İran Çalışmaları Dergisi*, 1(2), 11—38.
- Boening, A. B. (2008b). Regional security through synergistic integration: A Euro-Mediterranean regional security complex. *Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series*, 5(13), 1—14.
- Boening, A. B. (2008a). Pronouncements of its impending demise were exaggerated: The EuroMed partnership morphing into a regional security super complex. *Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series*, 8(12), 1—15.
- Boening, A. B. (2014). *The Arab Spring: Re-balancing the Greater Euro-Mediterranean?* New York: Springer.

- Buzan, B. & Hansen, L. (2009). *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B. & Waever, O. (2003). *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B. (1983). *People, states and fear: The national security problem in international relations*. London: Harvester Press Group.
- Buzan, B., Weaver, O., & De Wilde, J. (1997). *Security: A new framework for analysis*. Boulder (CO): Lynne Rienner Publishers.
- Chikharev, I. A., & Yarmak, O. V. (2019). The Greater Mediterranean in the discourse of research and expert analytics centers. *RUDN Journal of Political Science*, 21(1), 99—109. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109>
- Cusumano, E., & Hofmaier, S. (Eds.). (2020). *Projecting resilience across the Mediterranean*. London: Palgrave Macmillan.
- Darbouche, H. (2011). Third time lucky? Euro-Mediterranean energy co-operation under the Union for the Mediterranean. *Mediterranean Politics*, 16(1), 193—211. <https://doi.org/10.1080/13629395.2011.547412>
- Ehteshami, A., Huber, D., & Paciello, M. C. (Eds.). (2017). *The Mediterranean reset: Geopolitics in a new age*. Durham: Global Policy.
- Gukasov, A. V., & Kosov, G. V. (2020). Technologies for the formation of a new world order during the “Interregnum” period: On the issue of the formation of new elite zones and territories of disintegration (the case of the Greater Mediterranean). *Political Elite Studies*, 1(4), 82—103. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/elit.v1i4.38>
- Kosov, G. V. & Tatarkov, D. B. (2020). Middle East node of the Greater Mediterranean in the context of elitological analysis. *Political Elite Studies*, 1(1), 111—129. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/elit.v1i1.7>
- Kuru, D. (2019). Not international relations ‘mare nostrum’: On the divergence between the Mediterranean and the discipline of international relations. *Mediterranean Politics*, 26(2), 145—167. <https://doi.org/10.1080/13629395.2019.1700674>
- Makovskaya, D. V., & Bichakov, S. A. (2019). Ethnic aspect of the “soft power” policy in the implementation of geopolitical projects in the Greater Mediterranean. *Political Expertise: POLITEX*, 15(3), 392—403. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.305>
- Nechaev, V. D., Grishina, A. V., & Kostsova, M. V. (2019). Modern approaches and theories of gender policy: Regional aspect (on the example of the Great Mediterranean Region). *Paradigms of History And Social Development*, (15—16), 120—124. (In Russian).
- Paciello, M. C., & Pioppi, D. (2020). Working class youth transitions as a litmus test for change: Labour crisis and social conflict in Arab Mediterranean countries. *Mediterranean Politics*, 26(3), 308—329. <https://doi.org/10.1080/13629395.2020.1749814>
- Roccu, R., & Voltolini, B. (2017). Framing and reframing the EU’s engagement with the Mediterranean: Examining the security-stability nexus before and after the Arab Uprisings. *Mediterranean Politics*, 23(1), 1—22. <https://doi.org/10.1080/13629395.2017.1358895>
- Shakhin, Yu. V. (2020). Methodological problems of studying the Greater Mediterranean. *Arkhont*, (6), 73—78. (In Russian).
- Soler i Lecha, E. (2010). Converging, diverging and instrumentalizing European security and defence policy in the Mediterranean. *Mediterranean Politics*, 15(2), 231—248. <https://doi.org/10.1080/13629395.2010.485050>
- Solovyova, A. A., & Mihalev, A. V. (2019). Prospects for the development of integration cooperation in the Greater Mediterranean region by using the potential of the Arab Maghreb Union. *Economy and Management: Theory and Practice*, 5(3), 45—52. (In Russian).
- Stoletov, O. V. (2017). Russian “soft power” in the Great Mediterranean. *Discourse-P*, (2), 117—127. (In Russian).
- Stoletov, O. V., Chikharev, I. A., Moskalenko, O. A., & Makovskaya, D. V. (2019). Geoinformation support of the Mediterranean branch of the Silk Road. *InterCarto. InterGIS*, 25(1), 102—113. (In Russian). <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-102-113>

Сведения об авторе: Агазаде Мирмехти Миркамил оглы — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

About the author: Aghazada Mirmehdi Mirkamil ogly — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458

Научная статья / Research article

Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит

И.А. Чихарев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
 ichikharev@yandex.ru

Аннотация. Актуальность затрагиваемых в статье вопросов связана с активным возвращением России в Средиземноморский регион, а также происходящими в нем международно-политическими трансформациями. Цель статьи — выявление исторических оснований, современного состояния и стратегических перспектив присутствия и международного влияния России в регионе Большого Средиземноморья (БС). Статья опирается на методологию критической геополитики, историко-сравнительный подход, с помощью которых анализируются геополитические конструкции региона, построенные в интересах различных региональных и внерегиональных политических сил. Используется исторический материал древнего, средневекового, нового и новейшего периодов в истории макрорегиона, включая малоизученные времена монгольского присутствия на восточных берегах Средиземного моря. В научный оборот вводятся работы по истории, географии и международным отношениям в регионе, написанные в XVIII—XIX вв., а также современная научная информация о тенденциях технологического, инфраструктурного и политического развития Средиземноморья. Важным элементом является тезис об особой роли России в тихоокеанско-европейском (евразийском) транзите. С точки зрения автора, он включает в себя не только полноценную реализацию транспортно-логистического потенциала России в макрорегионе, но и трансфер современных технологий, а также содействие формированию устойчивых политических режимов. Делается вывод о глубоких исторических основаниях присутствия и влияния России в регионе, обосновываются его стратегические перспективы, выделяются основные направления международной деятельности Российской Федерации в Средиземноморском регионе. Важным выводом статьи является тезис о необходимости многостороннего сбалансированного подхода к решению макрорегиональных проблем.

Ключевые слова: Средиземноморский регион, история международных отношений, геополитика, геостратегия, критическая геополитика, внешняя политика России

Для цитирования: Чихарев И.А. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 441—458. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458

Russia in Greater Mediterranean: New Pacific Eurasian Transition

Ivan A. Chikharev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
 ichikharev@yandex.ru

Abstract. The relevance of the issues raised in the article is related to the active return of Russia to the Mediterranean region, as well as the international political transformations taking place in it. The purpose of the article is to identify the historical foundations, current state and strategic prospects of Russia's presence and

© Чихарев И.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

international influence in the Greater Mediterranean region. The article is based on the methodology of critical geopolitics, historical and comparative approaches, which critically analyze the geopolitical structures of the region, built in the interests of various regional and extra-regional political forces. The historical material of the ancient, medieval, new and modern periods in the history of the macro-region is used, including the poorly studied times of the Mongol presence on the eastern shores of the Mediterranean Sea. Scientific works on the history, geography and international relations in the region, written in the 18th — 19th centuries, as well as modern scientific information on the trends of technological, infrastructural and political development of the Mediterranean region are introduced into scientific circulation. An important element of the article is the thesis about the special role of Russia in the Pacific-European (Eurasian) transit. From the author's point of view, it includes not only the full implementation of Russia's transport and logistics potential in the macro-region, but also the transfer of modern technologies, as well as the promotion of the formation of sustainable political regimes. As a result, a conclusion is made about the deep historical foundations of Russia's presence and influence in the region, its strategic prospects are justified, and the main directions of our country's international activities in the Mediterranean region are highlighted. An important conclusion of the article is the thesis about the need for a multilateral balanced approach to solving macro-regional problems.

Key words: Mediterranean region, history of international relations, geopolitics, geostrategy, critical geopolitics, Russian foreign policy

For citation: Chikharev, I. A. (2021). Russia in Greater Mediterranean: New Pacific Eurasian Transition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 441—458. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458>

Введение

Активное возвращение России в регион Большого Средиземноморья¹ в последние семь лет, воссоединение Крыма и Севастополя с Россией, ее возросшая роль в ближневосточных, североафриканских и южноевропейских политических процессах, новый характер взаимоотношений с Турцией и Ираном сделали Российскую Федерацию одной из основных держав макрорегиона (Нечаев и др., 2019). Для России Средиземноморье становится одним из ключевых, опорных направлений внешней политики и геостратегии наряду с Дальневосточным, Азиатско-Тихоокеанским, Арктическим и Евроатлантическим (Зопова, 2015). При этом за рубежом политика России в Средиземноморском

регионе зачастую рассматривается как чужеродное и опасное для него явление. Россия воспринимается западными государствами как внерегиональная держава, а ее интересы — как имперские амбиции, опирающиеся на жесткую военную мощь или информационные/гибридные войны и играющие деструктивную роль в региональных процессах (Litsas, 2016).

Действительно, в условиях острой конкуренции России и Запада обе стороны действуют с позиций силы, и России приходится максимально жестко отстаивать свои интересы. Однако за пределами конъюнктурного подхода у России обнаруживаются глубокие исторические основания, опыт и стратегические перспективы конструктивного, разумного, а главное — многостороннего влияния в регионе БС, позволяющие избежать односторонности и «биполярных расстройств».

Более двух с половиной тысяч лет территории, которые занимает современная Россия, разнопланово взаимодействовали со Средиземноморским регионом, испытывали его воздействие и полноправно участвовали в созидании центральной цивилизации. Сегодня территория России частично связывает Средиземное море (а через него — Западную Европу и Атлантику) со всем евразийским пространством, в юго-восточной части

¹ Понятие «Большого Средиземноморья» определено автором в статье «Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований». «Предлагается концептуализация Большого Средиземноморья как 1) современных государств бассейна Средиземного, Черного и Азовского морей; 2) регионов, в которые включены данные государства; 3) регионов, описываемых контурами империй и цивилизаций, имевших выход к Средиземноморью и влиявших на его развитие; 4) срединных регионов, функционально подобных Средиземноморью; 5) сферы многосторонних глобальных коммуникаций, включающей Средиземноморье и соотносимой с ним». См.: (Чихарев, 2021).

которого располагаются наиболее динамично развивающиеся экономики мира — Китай и Индия, а на севере — наиболее перспективный морской путь, источник ресурсов и плацдарм обеспечения глобальной безопасности — Арктика (Столетов и др., 2019).

Как ведущая военная держава Восточно-го полушария Российская Федерация обладает решающим потенциалом влияния на безопасность не только Средиземноморья, но и всей евразийской инфраструктуры. В том, каким образом будет использован этот потенциал, нет никакой предопределенности — у России нет «запрограммированных» агрессивных планов, как не может быть иллюзий, что она не будет отвечать со всей жесткостью на угрозы ее интересам. В условиях исторической усталости России от войн и революций она скорее будет склоняться к мирной (мирной) политике, обеспечивающей соразвитие РФ и ее партнеров («строить Россию мировым равновесием сил»), избегающей конфликтов и кризисов (Ильин, 1956, с. 98). Однако фактическое проецирование силы и применение тех или иных ее компонентов будет зависеть от встречной готовности и западных и региональных держав к равному партнерству в регионе Большого Средиземноморья, частью которого является Россия и в котором она имеет стратегические интересы. Существует возможность, что новый баланс сил (причем сил не только «жестких», но «мягких» и «умных») в регионе, важной стороной которого будет Россия, позволит обеспечить безопасность и устойчивое развитие всего Средиземноморья.

В статье рассматриваются пространственно-географические и исторические основания отнесения России к региону БС и ее стратегические приоритеты в этом макрорегионе на ближайшие десятилетия. Основное внимание будет уделено уникальному потенциалу России в обеспечении мирного евразийско-средиземноморского транзита как важнейшей оси или связке процессов глобального развития XXI в.

В теоретическом плане автор опирается на концепт «Большого Средиземноморья», который уточняет на основании исторических

и геополитических исследований. В основе методологии — критическая геополитика (O'Tuathail, 1998), а также более широкая эпистемологическая рамка, включающая в себя постструктурализм и одновременно социальный конструктивизм.

Критическая геополитика Большого Средиземноморья

В данном исследовании мы исходим из достаточно гибких «методологических» установок критической геополитики — нового направления геополитической мысли, сложившегося в последние несколько десятилетий. Его главной характеристикой является существенное расширение и усложнение геополитической картины мира с учетом множества новых геополитических практик и дискурсов. Оно предполагает критику и деконструкцию монологических и бинарных конструкций классической геополитики, учет, с одной стороны, традиционных «незападных» составляющих в глобальном политическом пространстве, а с другой — «сверхновых» геостратегических реалий. Это новые формы коммуникаций, гибридные войны, киберсоциальные явления и др. (O'Tuathail, 1998).

Критическое геополитическое исследование БС должно начинаться с обсуждения существующих геополитических концепций Средиземноморья. Проведем критический анализ следующих моделей:

1) Евросредиземноморье — сложившееся в 1990-х гг. представление, согласно которому Средиземное море является зоной ответственности Европейского союза, а сам ЕС — средиземноморский союз (Vicchi, 2011);

2) Англосаксонское Средиземноморье — представление о том, что Средиземное море остается частью сети морского влияния Великобритании, а сама Британия выступает ключевым средиземноморским игроком;

3) Евроатлантическое Средиземноморье — море как вход атлантических держав внутрь Евразийского пространства;

4) Средиземное море как собственность малых региональных держав;

5) Средиземноморье как фрагментированная совокупность субрегионов.

Следующий объект критической деконструкции — бинарные оппозиции Средиземноморья: западное / восточное, северное / южное, Средиземное море / Черное и Азовское море.

Однако начнем с преодоления базовой территориальной предопределенности. Первым шагом в деконструкции догматических моделей Средиземноморья должен стать отказ от его геополитической привязки к Средиземному морю в узком географическом смысле. Абсурдность такого сужения очевидна: сведение геополитического значения Средиземноморья к большой и произвольно ограниченной «большой воде» не приводит ни к чему, кроме натуралистических заблуждений. Море как таковое не является ни субъектом, ни объектом геополитики: оно существует как система межсубъектных связей, пространство Средиземноморья реляционно, а не субстанциально. Эта очевидная констатация подвергает сомнению вневременной характер любой модели Средиземноморья: каждый раз оно определяется условными границами этой сложнейшей «ризомы». Наше суждение не исключает возможности и даже необходимости квантификации и измерения таких связей. Но оно не может быть одномерным и статичным, сработает только постоянный мониторинг больших потоковых данных о социальных процессах в Средиземноморье (Чихарев, Бровко, 2018).

Следующий шаг деконструкции — детерриториализация и даже деакваториализация Средиземноморья. Как особая система коммуникации Средиземноморье может воплотиться практически в любом регионе планеты, способствующем многостороннему общению. Это не означает, что теперь «все — это Средиземноморье». В каждый исторический период бытуют свои средиземноморья, и не всегда Средиземноморье в привычном географическом смысле — главное из них (Abulafia, 2005).

Исходя из сказанного выше о системе связей, топонимическое Средиземноморье в реальности связано со средиземными пространствами, далеко выходящими за пределы Средиземноморского бассейна. Обычно

говорят лишь о двух — Атлантическом и Индийском океанах. Но есть и броделевская Сахара, и Евразийская степь, и Северное Средиземноморье — Балтика, и ближневосточное Междуречье, и бассейны русских и восточно-европейских рек. Атлантический и Индоокеанский азимуты Средиземноморья — наследие имперских политик США и Великобритании. По ним англосаксонские державы пролагали свои основные геостратегические маршруты. Инерция в исследовании Средиземноморья выгодна только этим державам — благодаря им закрепляются в качестве «вечных» и «естественных» рамки изучения и освоения этого богатого ресурсами региона. При этом «за рамкой», вне поля зрения с данной перспективой остается бесчисленное множество обстоятельств цивилизационного развития макрорегиона, что приводит к их выхолащиванию и как следствие — ставит под угрозу устойчивость развития. Это является основным недостатком существующих геополитических моделей Средиземноморья: все они ограничены и имеют существенные уклоны.

Евро-средиземноморская модель (в данном случае имеется в виду модель Средиземноморья, предлагаемая ЕС, а не древнейшая традиция зарождения и «похищения» Европы в Средиземноморье) — одна из наиболее молодых, но при этом экспансивных. Именно в рамках евро-средиземноморской парадигмы макрорегион рассматривается чаще всего в научной литературе конца XX — начале XXI в. До 70-х гг. XX в. даже Южная Европа до конца не рассматривалась как часть европейского ядра: «больной человек» Европы Испания, авторитарная и относительно слабо развитая Греция, относившиеся к социалистическому лагерю Югославия, Болгария и Румыния относительно недавно попали в европейскую орбиту. Однако за очень короткое по историческим меркам время ЕС построил огромное количество планов не только по интеграции этого пространства, но и по вовлечению в свой проект Северной Африки и Ближнего Востока.

Планам не суждено было сбыться по ряду причин, наиболее очевидная из которых —

внутренние проблемы ЕС, тенденции дезинтеграции, сложности миграционной политики (Krausch & Youngs, 2009). Евросредиземноморский проект должен был стать апофеозом «геополитики расширения» — ключевого международного дискурса современной эпохи. Но вместо этого явственно обозначил ее пределы — в России и Турции, на Балканах и Украине, в Северной Африке и на Ближнем Востоке и даже в Каталонии и на севере Италии. Отведенное России место в этом проекте нельзя воспринимать без иронии — она оказалась единственной (!) из трех десятков граничащих со Средиземноморским бассейном стран, которая не была частью евро-средиземноморского проекта ни в каком отношении, так как не входила в разряд «соседей» ЕС и в Союз для Средиземноморья. Достаточно иллюстративна карта на обложке журнала *Mediterranean Politics*² — если верить ей, то в северном Причерноморье государств нет, а Крым не является полуостровом.

Евро-средиземноморский проект — классический казус геополитического перспективизма со всеми недостатками — сужением кругозора, а главное — стремлением навязывать пространству единственное видение. Как и любой проект подобного рода, он еще долго будет жить среди расхожих мнений, заблуждений и стереотипов, как и нафталиновый призрак англосаксонского Средиземноморья, но в прежнем своем урезанном издании он не имеет будущего.

Что касается англосаксонской «карты» рассматриваемого региона, то она наоборот является наиболее старой из ныне распространенных. Этот конструкт берет свое начало с XVIII в., когда британцы стали вести интенсивный поиск средиземноморско-ближневосточного пути в Индию. Собственно благодаря этим усилиям и сложилась современная география Средиземноморья как таковая. Ее основной признак — рассмотрение великого моря как важнейшего моста в континентально-океанических коммуникациях и как способа для морских держав проникнуть в толщу

континента. Соответственно, коль скоро владычицей морей была Великобритания, она воспринимала Средиземное море как часть своих «законных» владений.

Еще во второй половине XVIII в. появляется ряд довольно «практических» работ британских авторов о необходимости поиска торговых путей из Средиземноморья в Индию, а также наращивания в регионе морской мощи в условиях конкуренции со стороны других империй, среди которых была и Россия (Irwin, 1785; Campbell, 1795). Эти труды стали основой стратегии Великобритании в регионе в XIX столетии. В первой половине XIX в. появляются фундаментальные работы уже о колониальных владениях Британии в Средиземноморье (Martin, 1837). Критический анализ британского присутствия в Средиземном море проводили интеллектуалы конкурирующих империй, в том числе Российской (Ротчев, 1991). Составляется ряд специализированных (Purdy, 1826) и очень подробных работ по географии региона, в частности «мемуар» британского адмирала Смайта, в котором не только дается географическое описание региона по воспоминаниям автора, но и приводится ретроспектива исследований региона со времен финикийцев. Автор приходит к выводу о глобальной роли торговых практик, зародившихся в Средиземноморье, для всемирных коммуникаций (Smyth, 1854, p. 311).

Однако этот геополитический дискурс не распространился на Черноморско-Азовский регион — к тому времени его уже контролировали Османская и Российская империи. С тех пор вплоть до сегодняшнего дня Великобритания сохраняет в макрорегионе свое присутствие, а британские ученые весьма активны в изучении Средиземноморья. Парадоксальным образом именно они поддерживают узкогеографическую, талласоцентричную и фрагментированную интерпретации Средиземноморья. После «брекзита» ситуация приобретает еще больший драматизм: Великобритания лишается последних оснований претендовать на роль региональной державы в Средиземном море, сохраняя за собой лишь зыбкие позиции в Гибралтаре.

² *Mediterranean Politics*. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/fmed20/current> (accessed: 15.05.2021).

Тесно связан с британским евроатлантический проект Средиземного моря. Еще Т. Пейн (Paine, 2010) говорил о необходимости приобретения США средиземноморских проливов, а уже спустя 200 лет, во второй половине XX в., ведомый Вашингтоном Североатлантический альянс обеспечил себе присутствие во всем Средиземноморском регионе, не исключая на сей раз и Турции, а значит — Черноморья. При этом СССР в целом удавалось не только сбалансировать влияние США в регионе, но и симметрично отвечать в Карибском бассейне и водах Северной Атлантики.

Евроатлантический проект должен был закончиться после холодной войны, но, как и все геополитические дискурсы, обрел жизнь после смерти и даже претерпел гегемонистскую реинкарнацию — США до сих пор пытаются контролировать регион, несмотря на критический настрой даже таких союзников, как Франция, Италия и Турция. Однако пределы проекта очевидны: средиземноморская политика США приводит в основном к разрушительным последствиям и нарушениям международного права. Среди последних вопиющих примеров — признание израильскими сирийских Голанских высот. У США также недостаточно ресурса для контроля над всем Средиземноморьем (Kalaitzidis, 2015; Laipson, 2018).

В целом американские стратеги также видят его в терминах «разделяй и властвуй». Фрагментированное рассмотрение Средиземноморья — это разметка региона по условным «квадратам» и сферам влияния, удобным для осуществления геополитических операций. Отсюда конструкты «Большой Ближний Восток», «Большое Причерноморье». Таким образом, вроде бы самостоятельные дискурсы, разделяющие Средиземноморье на субрегионы, на самом деле вписываются в логику трансрегиональных проектов. Их общая схема такова: локализация (то есть определение удобных с операционной точки зрения и стратегически значимых субрегионов), освоение (создание устойчивой инфраструктуры геополитического влияния в субрегионе), присвоение (создание системы извлечения

ресурсов), отторжение (выход из субрегиона после исчерпания ресурса, завершения проекта или возникновения непреодолимых препятствий).

Геополитические модели малых региональных держав при всей кажущейся аутентичности на самом деле являются воплощением стадии локализации в рамках больших геополитических проектов — они выступают инструментом в геополитической борьбе великих держав. Так, Адриатико-Ионический регион (одна из региональных инициатив ЕС) включает в себя Грецию, балканские государства и отдельные регионы Италии. В этом виде он явно направлен на ограничение балканского влияния России и самостоятельности северных итальянских регионов.

Бинарные оппозиции, характерные для классической геополитики, ярко выражены в дискурсах о Средиземноморском регионе. Темы цивилизованного Запада и варварского Востока, высокотехнологичного Севера и отсталого Юга характерны и для политических, и для академических текстов (Ашерсон, 2017). Далее в статье показано, что направленность цивилизационных и технологических влияний в истории Средиземноморья была различной.

С политологической точки зрения наиболее интересна деконструкция бинарной оппозиции «устойчивая европейская система суверенных государств» — «восточный круговорот несостоятельных деспотий, империй и теократий», то есть оппозиция политического развития различных частей макрорегиона. На практике же старейшие нации типа Франции и Испании сталкиваются с проблемами территориальной целостности, а также постоянно выступают с имперскими инициативами в направлении, например, африканских государств. «Восточная» «имперская» Россия, напротив, активно поддерживает государственный суверенитет и целостность (не вопреки законно выраженному праву народов на самоопределение) — в Сербии, Сирии, Ливии.

Исторически Вестфальская система на фоне средиземноморских процессов кажется дидактической условностью из учебника по

международным отношениям — входившие в нее державы в Средиземноморье решительно не признавали ничей суверенитет, в отличие от борющихся за независимую Грецию и Балканы и даровавших конституцию Польше «русских империалистов». Именно бинарные оппозиции в геополитической практике и дискурсе порождают пресловутые двойные стандарты, или еще конкретнее — непризнание русского народа средиземноморским ведет к непризнанию российских Крыма и Севастополя — в отличие от Косова, Иерусалима, Голанских высот.

За фазой критики существующих геополитических практик и дискурсов должно следовать *социальное* конструирование макрорегиона, основанное на структурных реалиях современного регионального и глобального развития. Далее будет предложен вариант исторической реконструкции истории Средиземноморья в «большом времени» и новом пространственном масштабе.

Большое Средиземноморье: новые масштабы региона

Фернан Бродель предложил «расширенное» понимание Средиземноморья. Его концепция очень часто неверно трактуется как географико-детерминистская или структуралистская. Согласно его определению (Бродель, 2002, с. 237), пространственные границы Большого Средиземноморья задаются своего рода силовым полем или источником света, которые генерирует Средиземное море. Но агентом выступает не эта масса или природно-климатический ареал вокруг нее, а люди, общества и экономики. Соответственно источником силы или света является не морская стихия, а человеческая деятельность — социальная, хозяйственная, просветительская. Бесспорно, море — само по себе ресурс, но в исторической динамике Средиземноморья этой массе должно быть придано ускорение — стратегия, воля и разум народов, стремящихся к морю и освоению пространства вокруг него. Движение является двусторонним — народы моря, опираясь на его ресурсы, осваивают сушу, а континентальные народы стремятся к нему для обретения

новых ресурсов и возможностей максимального продвижения в мире своих замыслов и интересов. Диалектика этих процессов и задает пространственно-временные измерения Средиземноморья, и в определенной точке времени оно может простираться сколь угодно далеко от географических границ Средиземноморского бассейна.

Ф. Бродель поясняет смысл расширительного понимания Средиземноморья на примере Сахары: в своей книге он переворачивает конвенциональную карту мира и располагает, таким образом, Сахару над Средиземноморьем. Во-первых, тем самым он избавляется от довлеющего над Средиземноморьем евроцентричного подхода, в котором Европа всегда сверху, то есть доминирует. Во-вторых, Бродель подчеркивает, что Средиземноморье, как ни парадоксально, — не только и не столько море и его берега, сколько совершенно не похожая на него и поэтому тяготеющая к нему (как притягивающаяся противоположность) континентальная масса. В-третьих, Ф. Бродель обнаруживает общие для Сахары и Средиземного моря черты: способность выступать средоточием многосторонней коммуникации.

Оптика Ф. Броделя безусловно связана с французским историко-политическим опытом. Франция всегда расширяла свое средиземноморское влияние на юг, как раз в сторону Сахары. Но концепция Ф. Броделя шире «конъюнктурной истории»: ее экстраполяция на другие континентальные массивы и иной исторический материал позволяет «достроить» Большое Средиземноморье, и тогда его «другим лицом» станет не только Сахара, но и Аравия, Средний Восток, Закавказье, Евразийская степь и долины русских рек.

В то же время современные средиземноморские исследования скорее тяготеют к распространению Средиземноморья в евроатлантическом направлении. Это объяснимо с конъюнктурно-исторической точки зрения: после распада СССР именно атлантизм уверенно доминировал в регионе. Не противоречит эта точка зрения и описанному выше броделевскому подходу, но она привела к существенным уклонам и сужениям исторических

и геополитических границ Средиземноморья, что, на наш взгляд, негативно сказалось и на развитии научного знания о регионе, и на самом регионе.

Другим ученым, внесшим вклад в концепцию БС, является Д. Абулафия, хотя его взгляд на Средиземноморье представляется парадоксальным и даже противоречивым. С одной стороны, он расширяет понятие Средиземноморья далеко за пределы его конвенциональных географических границ, называя Средиземноморьем любой участок моря или суши, соединяющий культуры, развивающиеся в разных обстоятельствах. Более того, он выделяет категорию «Глобального Средиземноморья», имея в виду, что этими свойствами связности и проводимости сегодня обладает весь мир (Abulafia, 2010).

Следует отметить, что идеи Д. Абулафия имеют предшественников — исследователей классической геополитики Ф. Ратцеля (Ratzel, 1911) и Х. Маккиндера (Mackinder, 1943). Первый ввел универсальную типологию морей, различив открытое, закрытое и срединное море. Таким образом, Средиземное море оказывается далеко не единственным в ряду срединных морей и разделяет с ними общий существенный признак. У Х. Маккиндера Средиземное море выступает частью внутреннего полумесяца, а другие глобальные срединные океаны, которые сегодня оказываются глобальными «средиземноморьями» (например, Индийский), образуют полумесяц внешний. При этом Д. Абулафия сужает Средиземноморье «классическое», то есть собственно топонимическую область Средиземного моря, ограничивая его пространством от Гибралтара до Босфора. Так, Причерноморье оказывается отдельным Средиземноморьем, отдельно рассматривается и Восточное Средиземноморье (все, что восточнее Апеннинского полуострова).

В этой точке зрения есть целый ряд уязвимых мест.

Во-первых, внутренняя логика, вернее, ее нарушение. Если Средиземноморье — это сфера контактов принципиально различных культур, то особенности Северного Причерноморья и его внешнее отличие от культур

«средиземноморского типа» только подчеркивают продуктивность и эвристичность максимально широкой трактовки Средиземноморья от Гибралтара до Приазовья.

Во-вторых, тезис об изолированности Причерноморья от «классического Средиземноморья» не выдерживает критики: именно в классический период связи Понтийской системы с цивилизационными ядрами Средиземноморья были разносторонними и взаимными. Главная причина — греческая колонизация, сменившаяся римской, и культурно-цивилизационный синтез греков и автохтонных народов, осуществленный, например, в рамках Боспорского царства в Северном Причерноморье — крупнейшего после Римской империи государства Средиземноморья начала нашей эры.

Значение Причерноморья для морской торговли убедительно иллюстрируют события описанной Фукидидом Пелопоннесской войны, которая была связана с контролем над Босфором и проходящими через него торговыми потоками. Наиболее репрезентативным географически и геоэкономически является пример восточно-средиземноморского греческого города Диоскурия, при римлянах получившего название Себастополис — крупнейшего торгового хаба Средиземноморья, выступавшего местом интенсивной торговли, которую вели представители десятков народов (на его месте сейчас находится Сухуми, столица непризнанной Республики Абхазия). Как пишет Страбон, «...эта же Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для жителей, живущих выше, и соседних народностей. Во всяком случае, в этот город собирается семьдесят народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их — это сарматы, но все они кавказцы. Таковы мои сведения о Диоскуриаде» (Страбон, 1994, с. 14—19).

В дальнейшем мощным посредником в коммуникациях между Адриатико-Ионическим и Черноморским субрегионами

Средиземноморья выступала Византия, а к концу первого тысячелетия нашей эры усилилась роль норманнов, для которых восточный путь «в греки» по Днепру и, возможно, Дону имел не меньшее значение, чем западный, атлантический.

При этом если товары, которые северо-восточные народы предлагали грекам и римлянам в Диоскурии-Себастополесе можно считать примитивными плодами «охоты и собирательства» (хотя это будет сильным преуменьшением скифских, сарматских и других постиндоевропейских достижений), то викинги в одностороннем порядке без всякой торговли предъявили Средиземноморью такие технологии, как килевое судно, прочный металл и сразу несколько видов компасов, взамен забирая то, что хотели. Византию, соединившую Понт и Ионику, можно назвать цивилизацией западного происхождения, хотя это также будет крайним сужением ее значения, которое заключалось в христианской реинкарнации греческого мира. А греческие полисы типа Херсонеса на юго-западной оконечности Крыма и по всем его берегам были несомненной частью этого мира уже за тысячу лет до момента основания Константинополя.

Игнорирование монгольского периода как времени глубочайшего влияния Крыма на Средиземноморье при всей неочевидности или негативной оценке этого влияния для европейской, да и российской историографии прошлых веков с позиций современного исторического знания кажется существенным просчетом. Новейшие исследования показали, что:

1) монголы вели интенсивную торговлю с «коренными» средиземноморскими народами, прежде всего венецианцами и генуэзцами, через черноморско-азовские «эмпориумы» Кафу и Тану в XIII—XV вв.;

2) номенклатура товаров, которые они могли предложить итальянцам эпохи Возрождения, отнюдь не ограничивалась мехами и рабами, но включала в себя «высокотехнологичную» продукцию из Китая, бывшего в тот момент передовой мировой цивилизацией;

3) сама монгольская империя представляла собой весьма продвинутую форму

организации, использовавшую трансевразийское почтовое сообщение и бумажные деньги;

4) монголам, возможно, удалось транслировать в Большое Средиземноморье саму идею трансконтинентальной коммуникации, придать технологический импульс и пассионарный порыв, который вывел средиземноморские народы в Новый Свет;

5) монголы создали евразийское Средиземноморье как раз в понимании Д. Абулафия, как обеспечение контактов доселе автономных культур и цивилизаций — целостность и протяженность «ямской» системы монголов значительно, кратно превосходила известные на тот момент средиземноморские коммуникации и их исторические прецеденты типа римской системы дорог (Модельски, 2005а).

Мы не будем описывать здесь глубину юго-восточного влияния на Средиземноморье от первых империй, пришедших к морю из Междуречья (которое также может считаться своеобразным срединным месторазвитием) — оно изучено несколько больше, и его значение почти не преуменьшается. Однако если иудео-христианское наследие Средиземноморья не подвергается никакому сомнению, то влияние арабского (позже — исламского) Востока и персидской традиции часто игнорируется. Вместе с тем этот источник средиземноморской цивилизации принес или вернул Европе целый ряд *essentials* — от математики и спасенных работ античных греков до правил личной гигиены. Отчасти подобно монголам, давшим средиземноморцам китайские компас, порох и бумагу, арабское цивилизационное течение вынесло Западное Средиземноморье в Новый Свет, дав толчок, в частности, развитию технологий навигации (так, благодаря арабскому влиянию получил развитие университет Саламанки, ставший, по сути, центром управления испанскими морскими экспедициями — его «кампус» похож на караван-сарай).

Подобным же образом, хотя и без тонких цивилизационных влияний, Западную Европу «вытолкнули» на поиск новых торговых путей турки-османы, захватившие Константинополь.

Но они не столько закрыли ворота между Понтом и Средиземным морем, изолировав от последнего Черноморского-Азовский регион, сколько изолировали средиземноморских купцов от Понта, приватизировав торговые потоки и сделав их односторонними — только через Блистательную Порту. В ответ ангlosаксы сделали в XIX в. однонаправленным колониальное движение с Запада на Восток по Средиземному морю. Все это — подтверждение исторической субъектности Черноморской системы в общесредиземноморских культурно-цивилизационных обменах.

Далее Д. Абулафия демонстрирует определенный редуционизм в понимании кросс-культурных контактов, сводя их исключительно к торговле и воспринимая последнюю сугубо презентистски, с точки зрения прибавочной стоимости товара. С этих позиций он делает вывод (как мы видели выше — спорный) о вторичности восточно-средиземноморских рынков и их отсталости от западного стандарта. В этой позиции есть флер британского империализма и колониализма, но попробуем оспорить точку зрения Д. Абулафии исходя из ее внутренней логики.

Британский ученый развивает, на самом деле, экономикоцентричную методологию Ф. Броделя. Французский ученый скорее структурный марксист, склонный к антиколониализму, в отличие от либерально настроенного Д. Абулафии. Но Ф. Бродель в «Материальной цивилизации, экономике и капитализме» показывает, что до возникновения мир-экономики доминирующей формой крупномасштабной общественной организации была мир-империя.

Именно на этой теории основывается приведенная выше гипотеза Дж. Модельски о передаче монголами эстафеты новой форме организации глобальных коммуникаций. Однако Дж. Модельски учитывает, что имперская форма организации сохранилась в Евразии как минимум до начала XX в., когда распались Российская, Австро-Венгерская и Османская империи. Эти империи составляли конкуренцию Британской в Восточном Средиземноморье, и их цели нужно искать не только и не столько в торгово-экономической

плоскости. Они боролись за власть, причем не экономическую, а символическую — распространение религий и церквей, духовной культуры.

Империя есть политическая форма цивилизации, а средиземноморские цивилизации были и остаются фундаментально различными по принципам своего строения, и в этом смысле броделевские «материальная цивилизация, экономика и капитализм» есть весьма частный случай в истории Большого Средиземноморья, причем Ф. Бродель в этом прекрасно отдает себе отчет. Так, формообразующими для региона может считаться распространение христианской цивилизации или диалектика ислама и иудео-христианской традиции. В этой перспективе торгово-экономические отношения, хотя они, если отбросить ханжество, далеко не чужды иудеям, христианам и мусульманам, отходят на второй план.

В этой логике мы также обнаружим разделительные линии в Средиземноморье, но они будут гораздо сложнее бинарных оппозиций в стиле «продвинутый Запад — отсталый Восток» и вообще не будут связаны с принятым в классической геополитике «обращением времени в пространство». Мы не поймем границ Средиземноморья, если будем изучать лишь географию находок монет — нам, например, нужно будет учитывать распространение корсунских крестов (до севера европейской части России, в частности Переславля, — на 100 км севернее Москвы).

Итак, напомним, Средиземноморье — не только силовое поле, но и источник света, то есть гуманитарных, культурных, религиозных, духовных влияний. Его границы задаются не только лимесом империй, конечными точками торговых и почтовых путей, но и совпадают с ареалами распространения традиций, религий и церквей. Введение термина Большое Средиземноморье — это не только расширение его географической трактовки за счет «присоединения» континентальных проектов или переноса значения Средиземноморья на аналогичные участки земной поверхности, где происходит интенсивная многосторонняя коммуникация. Это расширение

его размерности за счет принятия во внимание различных цивилизационных измерений — как материального, так и идеационального характера. И даже, смеем утверждать, это повышение его значения как Высокого Средиземноморья, то есть понимание его с точки зрения высочайших образцов человеческой культуры.

Россия в Большом Средиземноморье

Именно в этом измерении Средиземноморье оказало значительное культурно-цивилизационное влияние сначала на Крым зари нашей эры — здесь проповедовал апостол Андрей и переживал изгнание папа Климент, строились пещерные монастыри — за 1000 лет до Киево-Печерской Лавры. Далее через Византию при посредничестве греческого Херсонеса Средиземноморье системно влияло на Древнюю Русь, а потом и на постмонгольскую Московию — практически напрямую из Греции и Италии. Можно говорить о непосредственной причастности византийских интеллектуалов не только к династическому приобщению Московского государства к Палеологам, но и их влиянию на духовную и материальную культуру будущего царства. Причем и по замыслу, и по содержанию в этом влиянии объединялись и греческое, и латинское наследие Средиземноморья.

В результате этого влияния сформировался уникальный славяно-греко-латино-монгольский синтез, который оказался чрезвычайно «заряженным» и уже через два — три столетия оказался способным к возвращению цивилизационного импульса в Средиземноморье — начиная с Азовских походов Петра и заканчивая (только к концу XVIII в.) созданием Республики семи островов и Мальтийской губернии Российской империи.

В чем вклад этого возвращения в историю центральной средиземноморской цивилизации? Благодаря ему были, по сути, спасены православная греческая и славянская культура и государственность на Балканах, Пелопоннеском полуострове и окружающих островах. В значительной степени русское военное и военно-техническое присутствие в Средиземноморье в период Великой

французской революции и наполеоновских войн способствовало защите от разграбления Италии, главной сокровищницы средиземноморского наследия. Таким образом, огромный фрагмент средиземноморской цивилизации был сохранен и «отреставрирован» Россией, причем сама она не извлекла из этого заметных материальных выгод.

Кроме того, в Северном Причерноморье и Приазовье была построена по сути «новороссийская» цивилизация: новые форпосты, крепости, производства и университеты — на местах, где доминировала глубоко традиционная сельская или полукочевая культура — Кубань, Тамань, Таврида, Запорожье. Россия примерно с середины XVIII до начала XX столетия обеспечивала в макрорегионе баланс сил, не позволявший ни Англии, ни Турции, ни Франции стать средиземноморским гегемоном. Это означает, что благодаря России, возможно, регион не претерпел еще большей цивилизационно-культурной эрозии в результате британского эгоизма, французского варварства и турецкой жестокости.

Вместе с тем Россия не пользовалась возможностями построения средиземноморской «островной империи», отказываясь от покупки и завоевания Минорки, Пароса, Корфу, Неаполя, Мальты. Более того, даже при реализации «греческого проекта» «Новая Византия» Екатерины Великой должна была сохранять независимость от ее монархии.

Чистоту помыслов Екатерины подтверждает дальнейшая политика российских государств по отношению к Республике семи островов — империя не чинила препятствий ее независимости. Это позволяет сделать парадоксальное открытие относительно влияния России на нацистроительство в Восточном Средиземноморье. «Тюрьма народов» на поверку оказывается весьма прогрессивной силой, непосредственно повлиявшей на создание независимых государств — Греции, Сербии, Болгарии, Румынии и противостоявшей османской, британской и наполеоновской империям. Таким образом, Россию в этот период можно назвать «нормативной державой», как сегодня говорят о ЕС. Она в высокой степени способствовала не только

сохранению и реставрации средиземноморского наследия, но и политическому развитию региона.

Отдельно необходимо сказать о религиозном влиянии. Будучи принципиально важным для понимания самих сути и смысла Российской империи, православие (или «греческая» вера и церковь) никогда не принимало воинствующего характера крестовых походов. Наоборот, российское консульское и паломническое присутствие на Святой Земле в конце XVIII—XIX вв. можно считать прообразом мягкого влияния в международных отношениях. Русский исход из Севастополя, с одной стороны, стал «последним издыханием» Российской империи, но он же породил серьезный культурный импульс для Средиземноморья, достигнув Стамбула, Туниса, Парижа и далее. В том числе в силу этого «испускания духа» ранняя Советская Россия отсекала себя от Средиземноморья, допустив создание первых революционных квазигосударств на территории нынешней Украины, а в дальнейшем упустив средиземноморскую инициативу вплоть до 1944 г. — тогда, более 75 лет назад, началась Крымская наступательная операция. Уже через год, в 1945 г., в жемчужине российского Средиземноморья — Ялте — прошла конференция «большой тройки» — лидеров СССР, США и Великобритании.

В полном смысле Советский Союз возвратился в Средиземноморье уже в другом качестве и в рамках совершенно другой цивилизационной модели — «коммунистической». В этом качестве он оказал решающее влияние на социально-экономическое развитие ряда ближневосточных и североамериканских государств, на общесистемном и региональном уровне вновь обеспечивая баланс сил. СССР присутствовал в Сирии, Египте, Тунисе, Югославии, играл решающую роль в Болгарии и Румынии и владел всем Северным Причерноморьем. Мобильное присутствие СССР обеспечивалось в Средиземном море и далеко за его пределами (вплоть до Карибского «средиземноморья») благодаря 5-й Средиземноморской эскадре ВМФ Советского Союза.

Существовавшие в советское время подходы и представления об этом регионе основывались на геополитических реалиях периода холодной войны, на межцивилизационные конфликты накладывались идеологические противоречия и связанные с ними клише, применялась марксистская методология. При этом в советской военно-политической стратегии и географии присутствовало целостное представление о регионе Средиземноморья (Арбатова, 1990). Геостратегически оно подкреплялось действиями в Средиземном море и далее — вплоть до Западной Атлантики. Советские ученые лидировали в изучении ближневосточной проблематики — как в теории, так и в целях практической политики.

Итоги советской средиземноморской политики противоречивы: с одной стороны, не было выстроено ни одной устойчивой социальной и государственной модели, при этом по отдельным показателям государства Юго-Восточного Средиземноморья сумели совершить прорыв. Баланс сил обеспечивался, но его побочным эффектом стали хронические конфликты, прежде всего арабо-израильский (хотя последний нельзя сводить к следствиям советской или американской средиземноморских политик — он гораздо глубже и многослойнее). С другой стороны, многие достижения советской модели были разрушены Западом под влиянием синдрома победы в холодной войне уже в последние десятилетия. Это и Югославия, и Ливия, и Сирия. Неоднозначны и оценки присоединения к ЕС Болгарии и Румынии, втягивание в орбиту ЕС и НАТО Украины и Грузии.

В любом случае, если оценивать влияние СССР не с точки зрения плюсов и минусов, а с точки зрения масштаба, можно смело утверждать, что Советский Союз оказал решающее влияние на глобализацию Средиземного моря, включив его в важнейшие проекты Евразии и планетарные проекты XX в. — индустриальный, ядерный, космический. Но и уход был столь же масштабным: после распада СССР новая Россия практически утратила статус средиземноморской державы (как и в целом статус державы мировой). Была распущена Средиземноморская

эскадра, отданы Крым и Севастополь, средиземноморские базы, из орбиты влияния выпали Болгария и Румыния, утрачены связи с арабским миром, была допущена последовательная деконструкция Югославии вплоть до отделения Косова от Сербии. Как минимум до 2008 г. Россия сдавала средиземноморские позиции. Однако после активного вовлечения в грузино-южноосетинский конфликт, которое сопровождалось и решительными действиями России на море, началось постепенное возвращение в макрорегион, приведшее к ситуации, описанной в начале статьи.

Период фактического отсутствия России в «Большой средиземноморской игре», вопреки ожиданиям критиков, привыкших видеть в СССР и России корень всех бед, оказался не самым счастливым в истории региона, особенно в его ближневосточной части. Здесь произошли наиболее brutальные нарушения норм международного права и ожесточенные конфликты: Ирак, Югославия, Ливия, Сирия и др.

В постсоветский период и до недавнего времени Средиземноморье исследовалось на субрегиональном уровне (Восточное, Западное Средиземноморье и т. п.) или же «распределялось» по принадлежности к соответствующим академическим институтам — Востока, Европы, Африки, где появлялись весьма интересные научные исследования, такие как проект Института Европы РАН и Института стратегических оценок и анализа ««Средиземноморье — Черноморье — Каспий»: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Отметим макрорегиональный и даже «метарегиональный» подход объединенных данным проектом ученых, точно определенную ими логику формирования в конце XX — начале XXI в. новых «больших пространств» — Большого Среднего Востока (БСВ) и «Большой Европы». Под ней подразумевается макрорегион Европейского союза — на тот момент «самого конструктивного в истории международных отношений и до сих пор очень успешного проекта европейской интеграции» (Средиземноморье — Черноморье — Каспий..., 2006).

Новые «большие пространства», несмотря на все отличия по инструментарию гуманитарно-интервенционистского проекта БСВ от гуманитарно-технологического Евросредиземноморского проекта, работали в одной логике и были призваны «перекрыть» постбиполярные разломы в Европе, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, а в итоге перформатировать пространство под деятельность новых успешных игроков евроатлантического мира — США и ЕС.

Очевидно, что в таком политико-географическом, геополитическом и геостратегическом ландшафтах не находилось места России, которая стремительно теряла влияние на Ближнем Востоке, не могла решать приоритетные геополитические проблемы на Балканах, реализовывать стратегические геоэкономические проекты. Однако американский и европейский проекты «больших пространств» к концу первого — началу второго десятилетия XXI в. оказались в состоянии кризиса: США столкнулись с проблемами в Ираке и Сирии; реализацию проектов Союза для Средиземноморья существенным образом затормозили мировой финансово-экономический кризис, последовавшая за ним «арабская весна» и внутренние проблемы в ЕС, в частности выход Великобритании из Союза (Gozzi, 2018).

Таким образом, к 2014 г. в целом сложились геополитические предпосылки для прорыва, а затем и планомерного вхождения России в Средиземноморский регион. В обозначенной нами логике это актуализирует научную задачу новой политико-географической концептуализации региона и его многомерно-го исследования на основе методов современной политической географии и геополитики (Нечаев и др., 2019, с. 68).

Возвращение России в регион также сопровождается серьезными потрясениями, однако уже сейчас очевидно, что ее действия способствуют установлению баланса сил в макрорегионе, государства которого в течение 25 лет становились объектом ничем не сдерживаемого деструктивного вмешательства со стороны США и ряда их европейских союзников. Роль Европейского союза в

Средиземноморье нельзя оценивать однозначно, однако в целом в самой европейской литературе преобладает представление о евро-средиземноморском проекте как не оправдавшем ожиданий. В любом случае, сегодняшний ЕС сталкивается с рядом внутренних проблем, которые ставят под сомнение успех любых внешних инициатив Союза. Более того, расширение ЕС достигло пределов. При этом возросли роль и степень субъектности региональных держав — Турции, Ирана, Саудовской Аравии. Основным трендом последних лет стало мощное движение Китая в направлении Средиземноморья, недавно приведшее к подписанию договора с Италией³.

Таким образом, можно говорить о евразийском повороте в геополитике и геоэкономике Средиземноморья, одним из драйверов которого является Россия. Этот поворот может быть связан с особой ролью России в евразийских процессах, которая далеко не исчерпывается ее геостратегическим положением, но связана с ее цивилизационным, научно-технологическим потенциалом, а также глобальными политическими возможностями. В контексте статьи важно отметить, что Россия здесь не выступает с «единственно верным» подходом и не противопоставляет себя «коллективному Западу». Наоборот, в логике структурной геополитики Россия следует гибкому многостороннему подходу, привлекает к своим проектам ряд евразийских держав, использует новейшие геостратегические тренды.

Евразийско-средиземноморский транзит

В статье понятие «транзит» будет иметь три смысла: 1) привычный, транспортно-логистический; 2) цивилизационный, по аналогии с приводившимся выше переходом,

³ Memorandum d'intesa tra il governo della Repubblica Italiana e il governo della Repubblica Popolare Cinese sulla collaborazione nell'ambito della "via della seta economica" e dell' "iniziativa per una via della seta marittima del 21° secolo". URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_IT.pdf (accessed: 16.05.2021).

осуществленным монголами; 3) режимно-политический, предусматривающий трансформацию политических режимов.

В первом смысле логистические возможности Евразии для средиземноморского транзита беспрецедентны: смещение мирового центра экономической активности в Азию при сохранении основного потребительского рынка в Евроатлантике наряду с появлением новых видов транспорта и коммуникаций превращает евразийско-средиземноморскую связку в самый перспективный транзитный путь XXI в. Держателями южных веток этого пути, скорее всего, являются Китай, Индия, Пакистан, Иран, Ирак и Турция. России будет весьма сложно в условиях блокады Крыма перенаправить эти нити в Черноморский регион. Однако в отношении Северного морского пути (СМП) Россия занимает выигрывающую конкурентную позицию. Огромным геополитическим и геоэкономическим потенциалом обладает проект соединения самой западной точки СМП с Причерноморьем: он фактически образует замкнутый цикл современного евразийского транзита. Его вторым контуром являются газопроводы «Северный поток» и «Турецкий поток».

Дж. Модельски, разработавший концепцию «евразийского переноса» применительно к событиям X—XV вв., говорит о том, что линейные коммуникации «шелковых путей», обеспечившие передачу монголами достижений династии Сун и коммуникативных практик номадических народов в Европу, с открытием Нового Света уступают место циркулярным (вокруг континентов), а затем и неплоскостным сферическим (авиакосмическим) коммуникациям (Модельски, 2005b). Сегодняшний транзит не только закольцовывает линейные коммуникации вокруг всей Евразии (единственный материк, вокруг которого до сих пор не было завершено кольца транспортных коммуникаций), но и имеет потенциал обеспечения связности всех типов и уровней сообщения благодаря глобальной навигации и цифровизации транспортных потоков. Именно этот смысл заключен в китайской концепции *Digital Silk Road*.

Однако и в глобальной навигации Россия имеет собственные преимущества, развертываемая система ГЛОНАСС и одновременно развиваемая противоспутниковое оружие, а также обладая передовыми кибернетическими инструментами. В этой конфигурации Россия будет иметь контрольный пакет евразийского транзита, даже если основные его нити пойдут южнее границ России. Кроме того, обозначенная модель коммуникаций «сшивает» ряд «средиземноморий» со Средиземноморьем классическим: Евроатлантика, Балтика, Арктика, АТР, дальневосточные моря, Индийский океан, Красное море в сочетании с Евразийской степью и Сахарой образуют е, континентальный шельф, Международный коммуникативный океан нашего времени.

Евразийский транзит во втором смысле подразумевает более высокую миссию, нежели военный контроль цифровых проливов и транспортных хабов: он предполагает привнесение новых, передовых элементов цивилизации. Россия, в отличие от Китая, не является глобальным технологическим лидером, но рассчитывает осуществить технологический прорыв в горизонте 2025—2035 гг. По отдельным технологиям он вполне осуществим: очень показательным в контексте статьи является, например, ведущая роль России в международных коллаборациях по исследованию элементарных частиц. В частности, из Московского региона планируется пуск частиц нейтрино в уловитель, расположенный в Северо-Западном Средиземноморье. Это, возможно, предвестие появления нового типа коммуникаций — кросс-сферических, хордовых.

Исходя из нашей концепции идеациональных границ Большого Средиземноморья, нельзя не коснуться транзита нематериальной цивилизации. В условиях глубокого кризиса морально-нравственных основ как восточной цивилизации (проявляющегося, в частности, в феноменах терроризма и радикализации ислама), так и западной (где наблюдается эрозия традиционных норм сексуальности, общения, права и морали) Россия и другие государства Востока предлагают умеренно-консервативную альтернативу. Ценности мировых религий, семьи, суверенной госу-

дарственности, классической культуры активно продвигаются Россией именно в регионе БС (Пальмира и Херсонес) и именно в ведущих странах региона (Италия, Франция, Испания, Греция, Турция, Израиль) могут найти благодатную почву. В определенном смысле Россия вновь «возвращает» в регион его цивилизационное наследие, возрождает «похищенную Европу», потому что эти ценности являются истинно европейскими.

На этом фоне отпадение от Европы англосаксонского мира в результате «брекзита» и «постнеоизоляционизма» Д. Трампа также содействует евразийскому вектору транзита.

Наиболее сложным является вопрос о третьем смысле транзита — политическом. Интересным образом Средиземноморье за последние 50 лет образовало своеобразную «воронку» или «водоворот» политических транзитов. От третьей волны демократизации в Южной Европе происходит переход к транзитам в Юго-Восточной Европе и далее — к цветным революциям в постсоветском Причерноморье и «арабской весне».

Особое внимание обращает на себя «русская весна», в результате которой произошел первый за 50 лет транзит, на который не оказали прямого влияния США и ЕС. Транзит в Крыму и Севастополе является примером мирного политического перехода и дальнейшего успешного социально-экономического развития (в отличие от многих инспирированных западными странами транзитов). При этом нельзя говорить о том, что этот переход стал авторитарной реакцией режима В.В. Путина на майдан — Крым и Севастополь стали субъектами Федерации, прошли выборы их глав (для Севастополя — впервые в истории). Сам переход был осуществлен благодаря референдуму, народам Крыма предоставлены особые права (так, крымско-татарский язык стал государственным в Республике Крым, что беспрецедентно), а в Севастополе сложился полиархический политический режим с острой конкуренцией элит и активным гражданским обществом.

По сути, России удалось обосновать и отстоять собственную модель содействия

демократическому транзиту, оказавшуюся на данном этапе более конструктивной, чем западная. При этом данная модель пока не является завершённой. Международное измерение евразийского политического транзита заключается в постепенном переносе в Европу подходов восточных держав к обеспечению безопасности — многосторонних, сбалансированных и мирных (невоенных). Этот подход противопоставлен однополярной, гегемонистской и милитаристской логике НАТО. Здесь наиболее уместно говорить о тихом транзите в сфере безопасности.

Таким образом, Россия представляет собой достаточно разностороннего актора в рамках начинающегося евразийского (тихоокеанско-средиземноморского) транзита. Она обладает уникальными естественными и

приобретёнными преимуществами в сфере транспорта, безопасности, глобальной навигации, а также нормативным и интеграционным потенциалом. Россия является внутрирегиональной средиземноморской державой благодаря своему историческому и цивилизационному опыту. Миссией России в Большом Средиземноморье является не захват новых плацдармов, а участие в совместном сбалансированном развитии региона, основными ресурсами для которого станут технологические достижения и природные богатства Евразии. Влияние России в регионе построено на «мягкой» и «умной» силе — влиянии посредством ценностей, культуры, дипломатии в сочетании с современными технологиями, в том числе в военной сфере.

Поступила в редакцию / Received: 19.05.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список

- Арбатова Н.К. Средиземноморье: проблемы безопасности. М.: Наука, 1990.
- Ашерсон Н. Чёрное море. Колыбель цивилизации и варварства. М.: Corpus, 2017.
- Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир во времена Филиппа II. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Ильин И.А. Наши задачи. Т.1. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956.
- Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. 2005а. № 3. С. 62—82. DOI: 10.17976/jpps/2005.03.06
- Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (II) // Полис. 2005b. № 4. С. 124—142. DOI: 10.17976/jpps/2005.04.10
- Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 1. С. 67—75.
- Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
- Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.А. Язьковой. М.: Граница, 2006.
- Столетов О.В., Чихарев И.А., Москаленко О.А., Маковская Д.В. Геоинформационное сопровождение Средиземноморской ветви шелкового пути // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2019. Т. 25. № 1. С. 102—113. DOI: 10.35595/2414-9179-2019-1-25-102-113
- Страбон. География. Книга XI. М.: Ладомир, 1994.
- Чихарев И.А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований // Полис. 2021. № 3. С. 129—146. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.09
- Чихарев И.А., Бровко В.Ю. Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья: контуры исследовательской программы // Русская политология. 2018. № 4 (9). С. 47—54.
- Abulafia D. *Mediterraneans* // *Rethinking the Mediterranean* / Ed. by W.V. Harris. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 64—94.
- Abulafia D. *The Great Sea: A human history of the Mediterranean*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Bicchi F. *The Union for the Mediterranean, or the changing context of Euro-Mediterranean relations* // *Mediterranean Politics*. 2011. Vol. 16. Iss. 1. P. 3—19. DOI: 10.1080/13629395.2011.547365

- Campbell D. A journey over land to India, partly by a Route never gone before by any European, comprehending his Shipwreck and Imprisonment with Hyder Ali and his subsequent negotiations and transactions in the East. London: Cullen and Company, 1795.
- Gozzi G. Critical perspectives on Euro-Mediterranean relations after the “Arab Spring” // *International Journal of Political Science & Urban Studies*. 2018. Vol. 6. P. 19—38. DOI: 10.14782/ipsus.421015
- Irwin E. A series of adventures. London: Cullen and Company, 1785.
- Kalaitzidis A. US foreign policy in the Eastern Mediterranean: The limits of smart power // *The Eastern Mediterranean in Transition: Multipolarity, Politics and Power* / Ed. by S.N. Litsas, A. Tziampiris. London: Routledge, 2015. P. 51—63.
- Krausch K., Youngs R. The end of the ‘Euro-Mediterranean vision’ // *International Relations*. 2009. Vol. 85. No. 5. P. 963—975. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2009.00841.x
- Laipton E. America and the Mediterranean: An arena for transnational threat management // *IEMed. Mediterranean Yearbook* / Ed. by L.A. Secat, H. Gallego. Barcelona: IEMed, 2018. P. 47—53. URL: https://www.iemed.org/wp-content/uploads/2021/04/IEMed-Mediterranean-Yearbook-2018_ENG.pdf (accessed: 16.05.2021).
- Litsas S.N. Russia in the Eastern Mediterranean: Intervention, deterrence, containment // *Digest of Middle East Studies*. 2016. Vol. 26. Iss. 1. P. 56—73. DOI: 10.1111/dome.12103
- Mackinder H. The round world and the winning of peace // *Foreign Affairs*. 1943. Vol. 21. No. 4. P. 595—605. DOI: 10.2307/20029780
- Martin R.M. History of the British possessions in the Mediterranean: Comprising Gibraltar, Malta, Gozo, and the Ionian Islands. London: Whittaker & Co., 1837.
- O’Tuathail G. Postmodern geopolitics? The modern geopolitical imagination and beyond // *Rethinking geopolitics* / Ed. by G. O’Tuathail, S. Dalby. London: Routledge, 1998. P. 16—38.
- Paine T. Thoughts on the peace, and the probable advantages thereof to the United States of America. A new edition. Philadelphia: Gale ECCO Print Editions, 2010.
- Purdy J. New sailing directory for the Mediterranean Sea. London: R.H. Laurie, 1826.
- Ratzel F. Das Meer als Quelle der Völkergrösse: eine politisch-geographische Studie. Munchen, Berlin: Druck und Verlag von W. Oldenburg in Munchen und Berlin, 1911.
- Smyth H. The Mediterranean: A memoir physical, historical, and nautical. London: J.W. Parker and Son, 1854.
- Zonova T. Mediterranean trend in the Russia’s foreign policy // *Rivista di Studi Politici Internazionali*. 2015. Vol. 82. No. 4. P. 521—529.

References

- Abulafia, D. (2005). Mediterraneans. In W. V. Harris (Ed.), *Rethinking the Mediterranean* (pp. 64—94). Oxford: Oxford University Press.
- Abulafia, D. (2010). *The Great Sea: A human history of the Mediterranean*. Oxford: Oxford University Press.
- Arbatova, N. K. (1990). *Mediterranean: Problems of security*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Ascherson, N. (2017). *Black Sea. The birthplace of civilization and barbarism*. Moscow: Corpus publ. (In Russian).
- Bicchi, F. (2011). The Union for the Mediterranean, or the changing context of Euro-Mediterranean relations. *Mediterranean Politics*, 16(1), 3—19. <https://doi.org/10.1080/13629395.2011.547365>
- Braudel, F. (2002). *The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury publ. (In Russian).
- Campbell, D. (1795). *A journey over land to India, partly by a Route never gone before by any European, comprehending his Shipwreck and Imprisonment with Hyder Ali and his subsequent negotiations and transactions in the East*. London: Cullen and Company.
- Chikharev, I. A. (2021). The Great Mediterranean as a multi-dimensional object of political research. *Polis. Political Studies*, (3), 129—146. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
- Chikharev, I. A., & Brovko, V. Yu. (2018). Digital regional studies of Greater Mediterranean: An outline of research program. *Russian Political Science*, 4(9), 47—54. (In Russian).
- Gozzi, G. (2018). Critical perspectives on Euro-Mediterranean relations after the “Arab Spring”. *International Journal of Political Science & Urban Studies*, 6, 19—38. <https://doi.org/10.14782/ipsus.421015>
- Ilyin, I. A. (1956). *Our tasks* (vol. 1). Paris: Izdanie Russkogo Obsheche-Voinskogo Soyuza publ. (In Russian).
- Irwin, E. (1785). *A series of adventures*. London: Cullen and Company.
- Kalaitzidis, A. (2015). US foreign policy in the Eastern Mediterranean: The limits of smart power. In S. N. Litsas & A. Tziampiris (Eds.), *The Eastern Mediterranean in transition: Multipolarity, politics and power* (pp. 51—63). London: Routledge.

- Krausch, K., & Youngs, R. (2009). The end of the 'Euro-Mediterranean vision'. *International Relations*, 85(5), 963—975. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2009.00841.x>
- Laipton, E. (2018). America and the Mediterranean: An arena for transnational threat management. In L. A. Secat & H. Gallego (Eds.), *IEMed. Mediterranean Yearbook* (pp. 47—53). Barcelona: IEMed. Retrieved from https://www.iemed.org/wp-content/uploads/2021/04/IEMed-Mediterranean-Yearbook-2018_ENG.pdf
- Litsas, S. (2016). Russia in the Eastern Mediterranean: Intervention, deterrence, containment. *Digest of Middle East Studies*, 26(1), 56—73. <https://doi.org/10.1111/dome.12103>
- Mackinder, H. (1943). The round world and the winning of peace. *Foreign Affairs*, 21(4), 595—605. <https://doi.org/10.2307/20029780>
- Martin, R. M. (1837). *History of the British possessions in the Mediterranean: Comprising Gibraltar, Malta, Gozo, and the Ionian Islands*. London: Whittaker & Co.
- Modelski, G. (2005a). The evolution of global politics (I). *Polis. Political Studies*, (3), 62—82. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.03.06>
- Modelski, G. (2005b). The evolution of global politics (II). *Polis. Political Studies*, (4), 124—142. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.10>
- Nechaev, V. D., Chikharev, I. A., Irhin, A. A., & Makovskaya, D. V. (2019). Framework of the geostrategic atlas of the Greater Mediterranean. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5, Geografiya*, (1), 67—75. (In Russian).
- O'Tuathail, G. (1998). Postmodern geopolitics? The modern geopolitical imagination and beyond. In G. O'Tuathail & S. Dalby (Eds.), *Rethinking geopolitics* (pp. 16—38). London: Routledge.
- Paine, T. (2010). *Thoughts on the peace, and the probable advantages thereof to the United States of America*. A new edition. Philadelphia: Gale ECCO Print Editions.
- Purdy, J. (1826). *New sailing directory for the Mediterranean Sea*. London: R.H. Laurie.
- Ratzel, F. (1911). *Das Meer als Quelle der Völkergrösse: eine politisch-geographische Studie*. Munchen, Berlin: Druck und Verlag von W. Oldenburg in Munchen und Berlin.
- Rotchev, A. G. (1991). *Memoirs of a russian traveler*. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury publ. (In Russian).
- Shmelyov, N. P., Gusejnov, V. A., & Yaz'kova, A.A. (Eds.). (2006). *Mediterranean — Black Sea region — Caspian region: Between the Greater Europe and the Greater Middle East*. Moscow: Granitsa publ. (In Russian).
- Smyth, H. (1854). *The Mediterranean: A memoir physical, historical, and nautical*. London: J.W. Parker and Son.
- Stoletov, O. V., Chikharev, I. A., Moskalenko, O. A., & Makovskaya, D. V. (2019). Geoinformation support of the Mediterranean branch of the Silk Road. *InterCarto. InterGIS*, 25(1), 102—113. (In Russian). <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-102-113>
- Strabo. (1994). *Geography. Book XI*. Moscow: Lodomir publ. (In Russian).
- Zonova, T. (2015). Mediterranean trend in the Russia's foreign policy. *Rivista di Studi Politici Internazionali*, 82(4), 521—529.

Сведения об авторе: Чихарев Иван Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры геополитики факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ODCID: 0000-0002-8573-9271; e-mail: ichikharev@yandex.ru

About the author: Chikharev Ivan Alexandrovich — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Geopolitics, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University; ODCID: 0000-0002-8573-9271; e-mail: ichikharev@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-459-471

Research article / Научная статья

“Blue Homeland” and Cyprus: The “Survival of the State” Coalition and Turkey’s Changing Geopolitical Doctrine in the Eastern Mediterranean

Nikos Moudouros

University of Cyprus, Nicosia, Republic of Cyprus

 moudouros.nikos@ucy.ac.cy

Abstract. The importance of the Eastern Mediterranean for the Turkish state is diachronic. In recent years, however, a renewed interest of Ankara is being recorded as a result of the developments in the energy sphere. This is expressed through various forms of interventionist policy of Turkey in the area. This article examines the reshaping of Turkey’s geopolitical dogma and its connection with Turkish perception of the Eastern Mediterranean. It examines the impact of the failed coup attempt in 2016 on the ruling power bloc and its reflections in the Turkish geopolitical doctrine. In this framework the article explores the reinstatement of the need for “survival of the state” (*devletin bekası*) as a result of the reshaping of the ruling coalition and the legitimisation of the attempt to strengthen the authority of the state. At the same time, the ideological construction of the Eastern Mediterranean is important, as it can reveal the process of construction of security issues or the instrumentalisation of real threats through which geopolitical orientation is reshaped and specific policies are implemented. This study consequently reviews the identification of the Eastern Mediterranean with a wider “hostile region” and analyses the functioning of the “blue homeland” concept as a legitimising axis of Turkish politics. The concept of “blue homeland” is examined in conjunction with internal developments in Turkey and especially the change of balance in the power bloc. Finally, the last part of the article analyses the ideological legitimisation of the “blue homeland” concept in Turkey’s strategy for the Eastern Mediterranean. Through these dynamics, the change in Ankara’s perception of the Turkish Cypriot community and the Turkish Republic of Northern Cyprus is also identified.

Key words: Eastern Mediterranean, Turkey, Cyprus, energy, Erdoğan, Blue Homeland, state, power bloc, security, neo-ottomanism

For citation: Moudouros, N. (2021). “Blue Homeland” and Cyprus: The “Survival of the State” Coalition and Turkey’s Changing Geopolitical Doctrine in the Eastern Mediterranean. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 459—471. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-459-471>

«Голубая родина» и Кипр: коалиция «выживания государства» и меняющаяся геополитическая доктрина Турции в Восточном Средиземноморье

Н. Мудурос

Кипрский университет, Никосия, Республика Кипр

 moudouros.nikos@ucy.ac.cy

Аннотация. Восточное Средиземноморье является традиционным с точки зрения внешнеполитических интересов регионом для Турецкой Республики. Однако в последние годы после открытия здесь больших месторождений газа и нефти Анкара проявляет растущий интерес к региону, что выражается в различных

© Moudouros N., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

формах интервенционистской политики. Исследуется изменение геополитической доктрины Турции, повлекшее смену восприятия Восточного Средиземноморья. Автор последовательно анализирует процесс отождествления региона Восточного Средиземноморья с более широкой идеей «враждебного региона» и место концепции «Голубой родины» в нем. Данная концепция рассматривается в связке с внутренними событиями в Турции, особенно в контексте изменения баланса в правящем блоке. Автор отмечает, что исследование идеологического конструирования региона Восточного Средиземноморья важно с той точки зрения, что оно позволяет выявить процесс конструирования проблем безопасности или инструментализации реальных угроз, посредством которых государства корректируют свою геополитическую ориентацию и осуществляют конкретные политические действия. Рассматривается влияние неудавшейся попытки государственного переворота в 2016 г. на правящий «силовой блок» и отражение этого события в геополитической доктрине Турции. В этом контексте автор исследует идею «выживания государства» (*devletin bekası*), появление которой стало результатом создания новой правящей коалиции в Турции и ее попыток укрепить верховенство государственной власти во внутренних делах. Наконец, в последней части анализируется идеологическая легитимация концепции «Голубая родина» в стратегии Турции в Восточном Средиземноморье, что позволяет определить изменение восприятия Анкарой общины турок-киприотов и Турецкой Республики Северного Кипра в целом.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, Турция, Кипр, энергия, Эрдоган, «Голубая родина», государство, властный блок, безопасность, неоосманизм

Для цитирования: Moudouros N. “Blue Homeland” and Cyprus: The “Survival of the State” Coalition and Turkey’s Changing Geopolitical Doctrine in the Eastern Mediterranean // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 459—471. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-459-471

Introduction

“I pledge that we are ready to execute any order so as to protect every inch of the 462-thousand-square km of our blue homeland,”¹ — this statement belongs to lieutenant colonel Engin Ağmıř, in charge of Gökçeada frigate, in his address to the President of Turkey, Recep Tayyip Erdoğan, during a ceremony marking the anniversary of the establishment of the Turkish Republic, on 29 October 2019. The timing and content of this statement are important in many ways. On the one hand, the concept of the “blue homeland” (*Mavi Vatan*) was expressed in specific geographical dimensions and in a way that underlined the rivalry in the Eastern Mediterranean. On the other hand, the description of this specific sea as “blue homeland”, on the anniversary of the establishment of the modern Turkish state, carried the strong symbolism of a determination to pursue the extension of the state’s influence to spaces outside its defined

¹ Cumhuriyet Bayramı Resepsiyonu'ndan askerlere canlı bağlantı // Habertürk. 29.10.2019. URL: <https://www.haberturk.com/gokceada-firkateyn-komutani-yarbay-engin-agmis-cumhuriyet-bayrami-resepsiyonu-nacanlı-baglandı-2535477> (accessed: 30.03.2021).

borders. As İbrahim Karagül, one of the pro-government journalists wrote, “The concept of the blue homeland is a wonderful definition. It is a beautiful expression that has changed the codes of our consciousness that shaped, once again, our understanding of the homeland”².

The specific ideological construction of the Eastern Mediterranean is important, because it can reveal the process of construction of security issues or the instrumentalisation of real threats through which geopolitical orientation is reshaped and specific policies are implemented (Kaliber, 2009, p. 109). In this sense, the description of the Eastern Mediterranean as “blue homeland” can be considered as an attempt by the government to attain political control through which it will politically construct the region it wishes to influence (Kaliber, 2009, p. 109).

The ideological background, the political programme and the wider local and international

² Karagül İ. Barbaros Hayrettin Paşa geri döndü... // Yeni Şafak. 02.12.2019. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/ibrahim-karagul/-barbaros-hayrettin-pasa-473-yil-sonra-geri-dondu-sancagi-karargha-konuldu-akdenizin-sahipleri-geri-geldi-turkiye-libya-anlasmasi-deniz-haritasini-degistirdi-sevr-plni-ellerinde-patladi-mavi-vatan-buyuk-ulke-turkiyenin-yuzolcumu-bildigimizden-cok-fazla-2053532> (accessed: 30.03.2021).

conjuncture, as well as the capitalist development³, have their own role in how a state perceives a region. All of the above are elements that influence the formation of a specific geopolitical doctrine. Through this doctrine, various policies, including national security policies, eventually emerge and are legitimised (Bilgin, 2012, p. 153—154).

The predominance of geography in policy-making and the “special and unique” geographical position of Turkey, as well as the prospect of its “encirclement” by enemies (Bilgin, 2012, p. 153—154), are important elements activated in the Turkish geopolitical doctrine and they become clearer, especially under conditions of crisis and transformation. The period marked by the July 2016 coup attempt, as well as the discovery of hydrocarbons in the Eastern Mediterranean⁴, constitutes an aggregation of interrelated developments that foster the intensity of the aforementioned characteristics in Turkey’s geopolitical doctrine.

This article attempts to analyse and decode the concept of “blue homeland” as a description of the Eastern Mediterranean through the examination of the impact the 2016 coup attempt had on the general ideological perceptions of Turkey’s ruling elite. The first part of the article examines the reinstatement of the need for “survival of the state” (*devletin bekası*) as a result of the reshaping of the ruling coalition and the legitimisation of the attempt to strengthen the authority of the state. The second part of the article analyses the attempt at a new security doctrine by the Turkish state, which was based, on the one hand, on a need for “survival” and, on the other, on the attempt to “export” defence policies to regions outside the Turkish borders. The third part of the study identifies the ways and the context within which the Eastern Mediterranean and the developments concerning

energy issues have been linked to the new security doctrine. This part examines the identification of the Eastern Mediterranean with a large geographical area that is described by the Turkish ruling elite in terms of threat.

“Survival of the State”: The Political Platform of a New Coalition

The 15 July 2016 coup attempt in Turkey was a decisive blow that marked the culmination of a state crisis, the escalation of antagonisms within the power bloc and the intensification of a pre-existing process of social polarisation. The night of 16 July had a decisive impact on almost all of the pillars of political authority and state structures. One of the most characteristic consequences the coup attempt had for Turkey was the formalisation of the dissolution of the prior power bloc⁵ and the strengthening of the procedures for the construction of a new one. The basic protagonists of the state-political wing of the new power bloc were, of course, the ruling Justice and Development Party (AKP) led by R.T. Erdoğan, together with large sections of the security bureaucracy of the state, the Nationalist Movement Party (MHP) and sections of the *ulusalci*⁶.

Precisely because of the repercussions the coup attempt had on the state structure, but also because of the ideological background of the new composition of power in Turkey, the main orientation that prevailed was the attempt to overcome the ruptures caused to the state

⁵ The concept of power bloc used in this article is based on the theoretical elaborations of Antonio Gramsci, Nicos Poulantzas and Bob Jessop. Of course, the power bloc comprises differing social/class forces, which because of limited space are not analysed. In the case of Turkey, the power bloc has been analysed in many studies, see, for example: (Akça, 2014; Özden et al., 2017; Karahanoğulları & Türk, 2018).

⁶ This concept initially appeared in Turkey in the 1970s, introduced by intellectuals who aimed to promote Turkish nationalism as distinct from and breaking with the religiously enhanced nationalism of other sections of the Right. It mostly underlined the secular aspects of nationalism. In the 1990s it was further enhanced by “anti-imperialist” references and focused on the confrontation of globalisation threats against the nation state (Bora, 2017, pp. 258—259).

³ Fouskas V. K., Gökay B., Vankovska B. Special issue: Crisis in the Eastern Mediterranean and COVID-19 // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2020. Vol. 22. No. 3. P. 295—305. URL: <https://doi.org/10.1080/19448953.2020.1755154> (accessed: 13.03.2021).

⁴ Adar S., Toygur İ. Turkey, the EU and the Eastern Mediterranean Crisis. Militarization of Foreign Policy and Power Rivalry // *SWP Comment*. 2020. No. 62. P. 2.

structure and the immediate restoration of the unity of the state. In short, the main and perhaps exclusive aim was the reproduction of the state, its restoration and its strengthening at all levels (Aras, 2017, p. 4). Through all of the above, the aim was also to reproduce Erdoğan's influence in the new ideological and political framework that emerged (Bargu, 2018, p. 23).

It should, however, be noted that all the aforementioned dynamics were developed under the shadow of the ruling elite's existential insecurity (Akkoyunlu & Öktem, 2016). The pursuit of restoration of the state and strengthening of its power and dominance were presented as the only options, with no alternative strategies (Taş, 2020, p. 8). The actions taken to deal with the repercussions of the coup, as well as for the suppression of the Gülen network or other forces that the ruling elite considered as terrorist, were advanced as a struggle for the "survival of the state." In this context, however, this struggle was conceived as a "life or death issue" (*ölüm kalım meselesi*) and as such, it received wider social support (Miş et al., 2016, p. 41). With the almost instantaneous handling of the coup leaders, Erdoğan created the framework for the construction of a specific collective identity on the axis of "one nation, one state, one homeland, one flag" (Adisonmez & Onursal, 2020, p. 299) and in this way managed to unite almost all sections of the right-wing—conservative spectrum of society.

Soon after the failed coup attempt, the complete concentration of power under Erdoğan prevailed as the only solution to the need for "re-soldering" state structures and restoring state power, and it did indeed have strong popular legitimisation (Bargu, 2018, p. 24—26). This dual dynamic — the aggressive state restoration policy and its social legitimisation — arose as the result of a prevailing fear of political extermination. Therefore, "existential insecurity" described at this particular juncture the fears and threats perceived both by the political leadership and a very large section of society (Akkoyunlu & Öktem, 2016, p. 508). In essence, the coup attempt contributed to the intensification of the ideological convergence between AKP and MHP, precisely because it mobilised in a direct

and intense way the historical phobia of a large section of the Turkish right-wing — conservative spectrum: the fear that the Turkish nation was in danger "of remaining without a state, a homeland and a religion" (*devletsiz, vatansız, dinsiz*)⁷.

The "survival of the state" was thus transformed into a political platform on which the alliance of the two parties was formed. The concept of "survival" has great ideological and political significance. At the first level, invoking the need for survival contributed to the simplification of the complexity and contradictions of the coup attempt, sending, once again, the message that Turkey was encircled by "internal and external" enemies. Therefore, this concept immediately brought back the country's "encirclement syndrome" (Bilgin, 2007, p. 746), since it referred to the national obligation to safeguard the continuity and existence of the state⁸. In the MHP 2018 election programme⁹, it is underlined that the alliance with AKP constitutes the ideal of eternal existence of the Turkish state and the Turkish nation.

At a second level, however, the activation of the concept of "survival" set the ideological basis for the legitimisation of a change in Turkish foreign and security policy orientation. The word *beka*, does not only mean "survival," "continuity" and/or "existence" of the state. It also has the same root as the word *bakiye*, which means "legacy", "remnant", "what has remained"¹⁰. Therefore, the strategic connotation of this particular concept refers to an update of the perception that the republican state is "what has remained" of the Ottoman Empire, after the various "back-stabbings." The Turkish Right is, after all, characterised by various forms of

⁷ Yıldırım E. Türkiye'nin nomosu: İslam // Star. 12.05.2018. URL: <https://www.star.com.tr/acik-gorus/turkiyenin-nomосу-islam-haber-1341862/> (accessed: 30.03.2021).

⁸ Bora T. Beka // Birikim Haftalık Yazılar. 14.02.2018. URL: <https://birikimdergisi.com/haftalik/8746/beka> (accessed: 30.03.2021).

⁹ Cumhuriyet İttifakı, Millet Aklısı: Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sistemi ve Cumhuriyet İttifakı // Milliyetçi Hareket Partisi Resmî Sitesi. 18.03.2018. URL: https://www.mhp.org.tr/usr_img/_mhp2007/kitaplar/cumhuriyet_ittifaki_bluumu_web.pdf (accessed: 30.03.2021).

¹⁰ Ibid.

ideological exploitation of the “historical trauma” of the dismemberment and final dissolution of the Empire (Çelenk, 2017, p. 21). Therefore, one of the fundamental orientations that prevailed after the coup attempt was, among others, the search for “revenge on history”¹¹ in a way that would secure the reinstatement of Turkey’s influence in former Ottoman territories.

The New Security Doctrine and the “Export” of Defence

The aforementioned framework was a general political strategy that drastically influenced Turkey’s foreign and security policy orientations, which had already been experiencing a crisis.

A key aspect of the failed coup that affected Turkey’s geopolitical orientations was the initial stance adopted by the USA and many EU countries towards the AKP government. Their avoidance of any immediate denunciation of the coup and the powerful rumours of an “Erdoğan-staged” coup in the Western media, as well as the intense criticism of the authoritarianism of the regime in the period immediately after, contributed to Ankara’s attempt to review the country’s relations with the West, as well as to the creation of a Turkish axis in the region (Duran, 2018, p. 38—39).

Through the further questioning of the trust between Western countries and Turkey, the AKP—MHP alliance intensified its anti-Western tendencies and contributed to the rise of a transactionalist perception of EU—Ankara relations; specifically the “restriction” of dialogue between the two parties to issues of immediate concern and conjunctural dilemmas (Taş, 2020, p. 10).

The suspicion that prevailed in relations between Turkey and the West resulted in the strengthening of Ankara’s will to proceed with the design of autonomous policies to safeguard its national security, awaiting neither the

approval nor the support of various Western powers (Duran, 2018, p. 29).

The specific concept of “self-protection”, which was further strengthened in Turkish geopolitical doctrine, stressed the trend towards autonomy in regional developments, a tendency that had, in one way or another, pre-existed in the AKP political programme. It also stressed the development of initiatives for the creation of all or almost all preconditions for autonomy — for example, the reinforcement of the national defence industry and the promotion of the army as a key axis for the realisation of the country’s foreign policy (Adar, 2020, p. 11—12).

This kind of reorganisation of state architecture, within the context created by the coup attempt, contributed to the upgrading of security policies and their transformation to regime security (Kaygusuz, 2018, p. 284—285). A direct product of the procedure in question was also the attempt to design Turkey’s new national security doctrine (Aras, 2017, p. 9). The debate surrounding this mainly developed in the context of the country’s need for “autonomy and self-sufficiency”¹², as well as that of reshaping relations with the West, whose centres of power were perceived by Ankara as “sources of threat.”

The new national defence doctrine was initially presented as a necessity in the effort to combat a multifaceted attack against Turkey. Terrorist hotbeds that had to be eliminated were not only Fethullahist Terrorist Organisation (FETÖ) and Kurdistan Workers’ Party (PKK), but also the “Islamic State” (Duran, 2018, p. 29). Therefore, as a first phase, the new national security doctrine is distinguished by both internal and external aspects.

The description of the key features of the new national security doctrine was given by the President of Turkey: “We will not wait for the threats to knock on our door; we will not wait for our souls to suffer. Whichever the threat is, whether internal or external, we will deal with

¹¹ *Cumhur İttifakı, Millet Aklı: Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sistemi ve Cumhur İttifakı // Milliyetçi Hareket Partisi Resmî Sitesi. 18.03.2018. URL: https://www.mhp.org.tr/usr_img/_mhp2007/kitaplar/cumhur_ittifaki_blumu_web.pdf (accessed: 30.03.2021).*

¹² *Cumhurbaşkanı Erdoğan: Artık geri adım atmayacağız, kendi göbeğimizi kendimiz kesiyoruz // Hürriyet. 11.10.2019. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/cumhurbaskani-erdogan-artik-geri-adim-atmayacagiz-kendi-gobegimizi-kendimiz-kesiyoruz-41349046> (accessed: 30.03.2021).*

the problem at its source and not after it knocks on our door”¹³. A new element of extroversion had been introduced concerning the realisation of Turkey’s policy of national security. The tendency of the Turkish state for proactive and pre-emptive action against the threats it faces is quite similar to the concepts of pre-emptive war that prevailed in American foreign policy in the early 21st century¹⁴.

The tendency to “export defence” to areas outside Turkey’s territories essentially seeks to not confine the country’s security to the geography of Anatolia. On the contrary, the geographical definition of Turkey’s security expands according to political developments. In this respect, the new defence doctrine is not so “new,” in the sense that it carries within it characteristics of Turkey’s claims to establish itself as the “central state” in its region¹⁵.

The aforementioned elements of the ideological and political extroversion of the new national security doctrine are indeed also reflected in its practical aspects: the need to restructure and strengthen the Turkish army in ways that boost its capacity for operations abroad; the creation of more military bases abroad; the restructuring of secret services in ways that boost their activity abroad; and the strengthening of the domestic defence industry (Duran, 2018, p. 30). Turkey’s two military interventions north of Syria (*Euphrates Shield* and *Olive Branch* operations) were considered as the two most concrete and successful examples of the new national security doctrine¹⁶.

¹³ “Türkiye’nin Yeni Güvenlik Konsepti” Konferansında Yaptıkları Konuşma // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Resmî Sitesi. 22.11.2016. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/61114/turkiyenin-yeni-guvenlik-konsepti-konferansinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 30.03.2021).

¹⁴ Gürçan M. Turkey’s new ‘Erdogan Doctrine’ // Al Monitor. November 3, 2016. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2016/11/turkey-wants-use-its-hard-power-solve-regional-problems.html> (accessed: 30.03.2021).

¹⁵ Kardaş Ş. Önleyici ve dönüştürücü yeni güvenlik doktrini // Ortadoğu Analiz. 2016. No. 8 (77). P. 8. URL: https://orsam.org.tr/d_hbanaliz/1_sbankardas_77.pdf (accessed: 30.03.2021).

¹⁶ Yeşiltaş M. Dış politikadan büyük stratejiye AK Parti’nin 19. Yılı // Sabah. 15.08.2020. URL: <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/perspektif/murat->

From Syria to the Eastern Mediterranean: A “Hostile Encirclement”

The discovery of hydrocarbons in the Eastern Mediterranean and the debate that developed in recent years over the possible quantities of natural gas present have the potential to change the political and economic equilibrium and have been instrumental in renewing Turkey’s interest in the area. Indeed, Ankara’s gaze towards the Eastern Mediterranean became all the more intense after the publication of energy reports in 2010 estimating that the Levantine Basin in the Eastern Mediterranean has about 122 trillion cubic metres of natural gas and 1,7 trillion barrels of oil¹⁷. According to Ankara’s own estimates, a possible confirmation of these findings, these quantities could cover Turkey’s energy needs for the next 500 years or even those of the whole of Europe for the next 30 years (Gökçe, 2019, p. 404—405).

The aforementioned developments, combined with the intensification of drilling activities by other states in the region in relation to hydrocarbons in the Eastern Mediterranean, have contributed to the renewed peak in Turkish interest. The most important element, however, is that the energy developments coincided with the aforementioned shift of Turkey’s security doctrine as it emerged after the 2016 coup attempt. The combination of these dynamics decisively influenced Turkey’s geopolitical conceptions, both in relation to the Eastern Mediterranean and in relation to Cyprus. It brought back to the forefront the debate over “Turkey’s rights and sovereignty” at sea (Özertem, 2016, p. 361), while at the same time boosting the Turkish state’s strategy for interventionism in the Eastern Mediterranean. Characteristic examples of this are the agreement for the determination of the continental shelf between Turkey and the Turkish Republic of

[yesiltas/2020/08/15/dis-politikadan-buyuk-stratejiye-ak-partinin-19-yili](https://www.tccb.gov.tr/yasalar/2020/08/15/dis-politikadan-buyuk-stratejiye-ak-partinin-19-yili) (accessed: 30.03.2021).

¹⁷ Alhas A.M. Energy resources in Eastern Mediterranean: an overview // Anadolu Agency. June 15, 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/energy-resources-in-eastern-mediterranean-an-overview/1504786> (accessed: 30.03.2021).

Northern Cyprus (TRNC), the launching of exploration at sea and the subsequent technological upgrading with drilling vessels (Özertem, 2016, p. 366).

The efforts of the Republic of Cyprus for agreements with neighbouring states for determination of the Exclusive Economic Zone (EEZ), as well as the drilling programme later on and the involvement of large companies, were developments interpreted by Ankara through different axes. At the heart of these axes was the perception that the Republic of Cyprus sought the complete exclusion of Turkey on the energy issue (Gökçe, 2019, p. 405). On the one hand, the specific developments constituted a new phase of the internationalisation of the Cyprus problem itself, with the addition of the energy aspect. Therefore, as an internationalisation phase, the current situation forced Ankara to activate aspects of hard power and create conditions of intervention to the developments (Özertem, 2016, p. 362). On the other hand, this form of internationalisation and the collaborations of the Republic of Cyprus on the energy issue rekindled the sense of “hostile encirclement” — not only the perception of the danger of Turkey being “cut off” from the Eastern Mediterranean, but also the conviction that the Republic of Cyprus was reintroducing the aim for monopoly of power internally, marginalising the Turkish Cypriots (Ulusoy, 2016, p. 402).

As retired Admiral Cem Gürdeniz pointed out, “Turkey finds itself today before a planned siege from the Eastern Mediterranean to the Aegean Sea, which is as wide-ranging as never before in the history of the modern Turkish state. In the Eastern Mediterranean, the Israeli, Greek Cypriot administration, Greek and Egyptian bloc unites its anti-Turkish collaboration under the guidance and strategic support of the USA and the EU and upgrades it from political to economic and military”¹⁸.

In short, the Republic of Cyprus has been recorded as one of the “hostile actors” against

Turkey. The policy for determining the EEZ and the cooperation agreements with states like Israel, Greece and Egypt constitute examples of threat against the prospect of Turkey becoming a regional energy hub (Tamçelik & Kurt, 2014, p. 900). In fact, Ankara considers that the strengthening of relations between the Republic of Cyprus and Israel encompasses a militarisation aspect that is clearly directed against the national security of Turkey (Tamçelik & Kurt, 2014, p. 901). In this sense, the Republic of Cyprus has started on a new course of being transformed into a “fortress-state” and a new military base of Israel¹⁹. As an extension of the above, the Republic of Cyprus now constitutes a kind of representative of Western and Israeli interests, openly antagonistic towards Turkey²⁰.

The aforementioned are characteristics of a wider mood promoted through the Turkish media, especially the pro-government press, in recent years. The policy pursued by the US and other Western powers in Syria, as well as the collaborations developed between them and states of the Eastern Mediterranean on the energy issue, constitute examples that confirm the attempts at hostile encirclement and exclusion of Turkey²¹. The threat against Turkey is launched from the border with Iran, extends to the Quandil Mountains in Iraq (PKK headquarters) proceeds north of Syria and “flows” to the Eastern Mediterranean. This specific “threatening” geography constitutes a kind of anti-Turkish front that seeks to isolate Turkey in Anatolia²².

¹⁹ Karagül İ. Doğu Akdeniz’de ölümcül satranç // Yeni Şafak. 10.07.2012. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/ibrahim-karagul/dogu-akdenizde-olumcul-satranc-33156> (accessed: 30.03.2021).

²⁰ Aktaş Ö.F. Yeni Parola ‘Mavi Vatan’ // Yeni Şafak. 28.02.2019. URL: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/yeni-parola-mavi-vatan-3449000> (accessed: 30.03.2021).

²¹ Aksan S. ABD Türkiye’yi çevreliyor: Şimdi de Doğu Akdeniz’i kaşıyorlar // Yeni Şafak. 03.12.2018. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/abd-turkiyeyi-cevreliyor-simdi-de-dogu-akdenizi-kaşıyorlar-3412737> (accessed: 30.03.2021).

²² Karagül İ. Doğu Akdeniz dünya savaşına dönüşmeden: Irak işgalinden, Suriye savaşından büyük olur // Yeni Şafak. 12.09.2018. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/ibrahim-karagul/dogu-akdeniz-dunya-savasina-donusmeden-irak-isgalinden-suriye-savasından-buyuk-olur-2047254> (accessed: 30.03.2021).

¹⁸ Gürdeniz C. Akdeniz’deki Sevr’e cevabımızdır: ‘Geldikleri gibi gidecekler’ // Aydınlık. 25.11.2018. URL: <https://www.gazeteoku.com/yazar/cem-gurdeniz/akdenizdeki-sevre-cevabimizdir-geldikleri-gibi-giderler/282658> (accessed: 30.03.2021).

Therefore, according to some aspects of the new security doctrine, the area extending from the Turkish-Syrian border to the Eastern Mediterranean should be considered a unified geopolitical landscape. This unified region is seen as antagonistic or even hostile to the national security of Turkey. As Yaşar Hacısalıhoğlu argued, the future of Syria and Iraq at strategic level is to a large degree determined by the geopolitics of energy in the Eastern Mediterranean — what is taking place in Syria today is the result of antagonism over energy in the Eastern Mediterranean²³. İbrahim Karagül considered the concentration of military forces and technology in the Eastern Mediterranean and north of Syria as the most characteristic developments of a huge geopolitical competition for the sharing of the “trillion-dollar cake”²⁴. In this way, he pointed out, “the Syrian war has ceased to be a war for Syria and has been transformed into a face-off about the Eastern Mediterranean”²⁵.

As an extension of the aforementioned reasoning, the actors in the region are more or less the same — with different priorities and interests in Syria and the Eastern Mediterranean, but all with a hostile disposition towards Turkey. In this context, a part of the Turkish ruling elite has developed the perception of the existence of two geopolitical fronts in competition: on the one hand are the USA, the EU, Israel, the Republic of Cyprus, Greece, and Egypt. On the other is Turkey, Russia and Iran, but also the Syrian government. The scenes of clashes and antagonism have been extended from the northern territories of Syria towards the Eastern Mediterranean. For this very reason, Turkey is called to face developments in Syria and Cyprus,

²³ Hacısalıhoğlu Y. Doğu Akdeniz Kararlığı // Prof. Dr. İ. Yaşar Hacısalıhoğlu Resmi Web Sitesi. 11.12.2018. URL: <http://www.yasarhacisalihoglu.com/dogu-akdeniz-kararligi/> (accessed: 30.03.2021).

²⁴ Karagül İ. Doğu Akdeniz dünya savaşına dönüşmeden: Irak işgalinden, Suriye savaşından büyük olur // Yeni Şafak. 12.09.2018. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/ibrahim-karagul/dogu-akdeniz-dunya-savasina-donusmeden-irak-iscalinden-suriye-savasindan-buyuk-olur-2047254> (accessed: 30.03.2021).

²⁵ Ibid.

as elements of a unified geopolitical region of the Eastern Mediterranean²⁶.

In essence, Turkey’s “dual danger” in the Eastern Mediterranean stems from Western support of a possible Kurdish state formation in northern Syria with prospects for access to the Eastern Mediterranean, and from Western support of actions by the Republic of Cyprus aimed at excluding Turkey from the energy wealth of the Eastern Mediterranean²⁷. In the face of this kind of “encirclement”, Ankara should show the same determination. Turkey’s practical measures of intervention against “hostile *fait accompli*” in the northern region of Syria could be an example of the same determination concerning energy issues in the Eastern Mediterranean²⁸.

The Eastern Mediterranean as a “Blue Homeland” and the TRNC as Security Provider

The ideological construction of a hostile region starting from Syria and reaching the Eastern Mediterranean, threatening the survival of the Turkish state, has inexorably influenced the perceptions through which the Eastern Mediterranean itself is presented in Turkey’s geopolitical doctrine. In the context of strengthening the symbolism for the ideological and political legitimisation of Turkey’s interventionism in the Eastern Mediterranean, the doctrine of the “blue homeland” (*Mavi Vatan*) has reappeared in recent years. This perception is not irrelevant either to Turkey’s claim to maximise its influence in the Eastern

²⁶ Yavuz A. Kuzey Suriye ile Doğu Akdeniz tek cephedir // Odatv. 03.12.2018. URL: <https://odatv4.com/kuzey-suriye-ile-dogu-akdeniz-tek-cephedir-03121830.html> (accessed: 30.03.2021).

²⁷ Gürdeniz C. Akdeniz’deki Sevr’e cevabımızdır: ‘Geldikleri gibi gidecekler’ // Aydınlık. 25.11.2018. URL: <https://www.gazeteoku.com/yazar/cem-gurdeniz/akdenizdeki-sevre-cevabimizdir-geldikleri-gibi-giderler/282658> (accessed: 30.03.2021).

²⁸ Karagül İ. Doğu Akdeniz dünya savaşına dönüşmeden: Irak işgalinden, Suriye savaşından büyük olur // Yeni Şafak. 12.09.2018. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/ibrahim-karagul/dogu-akdeniz-dunya-savasina-donusmeden-irak-iscalinden-suriye-savasindan-buyuk-olur-2047254> (accessed: 30.03.2021).

Mediterranean, or to its growing suspicion of the Western states' intentions (Taş, 2020, p. 18). It is no coincidence either that the term is used in the political discourse of senior officials of the Turkish state, and in a way that refers to a state policy²⁹.

The “blue homeland” is essentially the maritime extension of aspects of the new geopolitical doctrine that emerged after the 2016 coup attempt (Areteos, 2020, p. 6). Even if it is not a comprehensive theoretical framework of strategy, the “blue homeland” is important because it forms part of the “second strategic zone” of states neighbouring Turkey. According to Yeşiltaş and Pirinççi (2020, p. 102), the second strategic zone is the “last protective shell” around the country and in the event of cracks in this shell, the construction of comprehensive security at national level will not be possible. This reasoning therefore confirms the tendency of “exporting Turkey’s defence” to territories and seas in the region that are considered as sources of threat.

The “blue homeland” is a concept attributed to the retired Admiral Cem Gürdeniz and describes the maritime regions in which Turkey claims to have sovereignty and therefore ability to determine maritime zones as well as an Exclusive Economic Zone³⁰. This concept aimed to popularise the political goal of treating the seas surrounding Turkey as “homeland territory.” The ideological implications of this concept, especially with regard to the Eastern Mediterranean, are expressed more by a part of the Eurasianist military establishment. In recent years, these ideological leanings have survived mainly through far-right platforms close to the MHP. Because of the cooperation between MHP and AKP, the perceptions of these circles have

²⁹ Hulusi Akar: Mavi vatan denizlerimizde menfaatlerimizin ihlal edilmesine asla müsaade etmeyeceğiz // *Aydinpost*. 04.11.2018. URL: <https://www.aydinpost.com/ekonomi/hulusi-akar-mavi-vatan-denizlerimizde-menfaatlerimizin-ihlal-edilmesine-asla-musaade-etmeyecegiz-h460219.html> (accessed: 30.03.2021).

³⁰ Polat S. Mavi Vatan sahipsiz mi? // *Aydınlık*. 16.01.2018. URL: <https://www.aydinlik.com.tr/mavi-vatan-sahipsiz-mi-soner-polat-kose-yazilari-ocak-2018> (accessed: 30.03.2021). See also: (Gürdeniz, 2018).

found easier channels of expression through the state apparatus³¹.

At the same time, however, the ideological legitimisation of the “blue homeland” included also strong neo-Ottoman and Islamist perceptions. It is precisely the instrumentalisation of the imperial past that has legitimised the Turkish interventionism in the Eastern Mediterranean for a large part of Turkish society (Taş, 2020, p. 17). The politically motivated restoration of the Ottoman past, according to which the Eastern Mediterranean used to be a “Turkish lake,” aimed at the normalisation of the country’s interventionism. A characteristic example is the reinstatement of the Eastern Mediterranean as the locus where the dominance of the Ottoman Empire signalled its ability to create “its very own” universal order³².

The attempt to build a collective memory justifying Turkey’s presence in the Eastern Mediterranean was extended to the advocacy of 27 September, the day of the Ottoman naval victory at Preveza, as a new national day. On 27 September 1538, the Ottoman fleet, under the leadership of Barbaros Hayrettin Paşa, succeeded in defeating the fleet of the Christian alliance (assembled by Pope Paul III) under the orders of Andrea Doria, and in this way managed to extend the dominance of the Ottoman Empire in the Mediterranean. According to Islamist political thought in Turkey, the naval battle of Preveza is considered as the turning point of the Ottoman Empire’s successful transformation from a “land state” to an “empire of the seas”³³. Indeed, the expansion of Ottoman sovereignty and control in the Mediterranean is advocated by the current government as the proof of the

³¹ Uzgel İ. Mavi Vatan ve Türkiye’nin yeni güvenlik doktrini // *Gazete Duvar*. 15.06.2020. URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/yazarlar/2020/06/15/mavi-vatan-ve-turkiyenin-yeni-guvenlik-doktrini> (accessed: 30.03.2021).

³² Ercan Yıldırım: Akdeniz’e sahip olan, dünya sistemine de sahip olur // *Star*. 08.06.2019. URL: <https://www.dusuncemektebi.com/d/184938/ercan-yildirim-akdeniz%E2%80%99e-sahip-olan,-dunya-sistemine-de-sahip-olur> (accessed: 30.03.2021).

³³ Akdeniz’i Türk gölüne çeviren zafer: Preveze // *Yeni Şafak*. 27.09.2018. URL: <https://www.yenisafak.com/tarih/akdenizi-turk-golune-ceviren-zafer-preveze-3398328> (accessed: 30.03.2021).

transformation of the Mediterranean into a “Turkish lake”³⁴. According to the prevailing ideological concept, the hostile encirclement of Turkey on energy issues in the Eastern Mediterranean is a prospect that should be addressed, not only for the country’s national security, but also for the protection of its “natural rights” in a “Turkish sea.”

It is no coincidence that both the two Turkish drilling vessels (*Yavuz* and *Fatih*) and the two seismic research vessels (*Barbaros Hayrettin Paşa* and *Oruç Reis*) used in the Eastern Mediterranean bear the names of Ottoman sultans and admirals, an outright reference to this neo-Ottoman context. The patrols of the Turkish Navy in the region were code-named “Mediterranean Shield”³⁵, explicitly referring to the defence of Turkish sovereignty against external challenges and threats.

At the same time, however, the wider ramifications of the “blue homeland” also focused on the identification of the importance of the connection between land and sea. At this point it would be important to decode the significance of the words chosen to name the doctrine. “Blue” explicitly refers to the sea. The use of the word “homeland” (*vatan*), however, has distinct ideological orientations. *Vatan* is a word of Arabic origin meaning the birthplace of a person. However, the politicisation of the concept in contemporary history has transformed the *homeland* into the description of the specific national region, national geography and national identity. It is, therefore, a concept charged with the mission of transforming “imaginary borders” into contemporary national and political borders (Özkan, 2012, p. 1—3). Therefore, the “blue homeland” in the context of the AKP—MHP alliance also constituted an attempt to promote the procedure of “territorialisation” of the sea and advocate the Eastern Mediterranean as an integral part of the territory and state sovereignty of Turkey. Through this doctrine, Ankara

³⁴ Akdeniz’i Bir Türk Gölü Haline Getiren Rüyâ // İslam ve İhsan. 27.09.2016. URL: <https://www.islamveihsan.com/akdenizi-bir-turk-golu-haline-getiren-ruya.html> (accessed: 30.03.2021).

³⁵ Bakıcı T., Sezer K. Akdeniz Kalkanı // Yeni Şafak. 10.12.2018. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/akdeniz-kalkani-3414050> (accessed: 30.03.2021).

perceives the security, defence and prosperity of the country as elements intertwined with the seas that surround it and not only the land³⁶.

The aforementioned momentum is of great importance since it has brought the view of TRNC as a security provider to Turkey to the forefront of Ankara’s Eastern Mediterranean policy. Karagül described this shift as follows: “Here we are! At this point the TRNC will take on the role of saving Turkey”³⁷. If the 1974 invasion of Cyprus took place on the pretext of protecting the Turkish Cypriots, recent rivalries in the Eastern Mediterranean have turned the northern territories of Cyprus into a provider of security to Turkey.

At this level the TRNC acquires critical importance as it can constitute a basis for the termination of Turkey’s “hostile encirclement” in the Eastern Mediterranean, precisely because of the presence of the Turkish army³⁸. According to this perception, the existence of the TRNC constitutes a response against any possibilities to isolate Turkey. For this reason, the TRNC can serve as a second battle fleet for the protection of Turkey’s national security. Therefore, it is the continuation and strengthening of the TRNC that should be ensured and not its dissolution through a federal solution to the Cyprus problem³⁹. It is not coincidental that Cem Gürdeniz describes the TRNC as the “southern fortress of the blue

³⁶ Aktaş Ö.F. Yeni Parola ‘Mavi Vatan’ // Yeni Şafak. 28.02.2019. URL: <https://www.yenisafak.com/ekonomi/yeni-parola-mavi-vatan-3449000> (accessed: 30.03.2021).

³⁷ Karagül İ. Barbaros Hayrettin Paşa geri döndü... // Yeni Şafak. 02.12.2019. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/ibrahim-karagul-barbaros-hayrettin-pasa-473-yil-sonra-geri-dondu-sancagi-karargha-konuldu-akdenizin-sahipleri-geri-geldi-turkiye-libya-anlasmasi-deniz-haritasini-degistirdi-sevr-plni-ellerinde-patladi-mavi-vatan-buyuk-ulke-turkiyenin-yuzolcumu-bildigimizden-cok-fazla-2053532> (accessed: 30.03.2021).

³⁸ Gürdeniz C. 21. yüzyıl Türk jeopolitiğinin ağırlık merkezi: Doğu Akdeniz // Independent Türkçe. 05.07.2019. URL: <https://www.indyturk.com/node/48556/t%C3%BCrkiyeden-sesler/21-y%C3%BCzy%C4%B1-t%C3%BCrk-jeopoliti%C4%9Finin-a%C4%9F%C4%B1rl%C4%B1k-merkezi-do%C4%9Fu-akdeniz> (accessed: 30.03.2021).

³⁹ Gürdeniz C. Mavi vatanın 34 yıllık güney kalesi: KKTC // ANKA ENSTİTÜSÜ. 22.11.2017. URL: <http://ankaenstitusu.com/mavi-vatanin-34-yillik-guney-kalesi-kkct/> (accessed: 30.03.2021).

homeland” and stresses that “it should not be forgotten that the TRNC is not only the baby-land. It is the very mother-land”⁴⁰. In this way the geographical position of Cyprus is reproduced as an element of crucial importance for Turkish national security⁴¹.

The crucial importance attached to the geographical location of Cyprus, and especially to the existence of the TRNC at the service of Turkey’s new national security doctrine, also constitutes the basis for the development of new military infrastructures, like the creation of a permanent naval base on the island⁴². These plans were submitted by the navy to the government and some of their details have been, in various ways, leaked to the Turkish press⁴³. According to various reports, the reasoning behind the practical aspects set by the country’s navy as necessities for the establishment of a permanent naval base in Cyprus is based on the following: Turkey’s forces in the Eastern Mediterranean are supported by the ports of Mersin and Alexandretta, which, however, primarily serve civilian merchant vessels. Therefore, provision for the navy is substantially limited and it is forced instead to be supported logistically by the naval base of Aksaz in the Aegean, in the region of Marmara⁴⁴. As a result, the need arises for a naval base at a closer location, for missions focused mainly on the region of Cyprus and the Middle East. The planning for the naval base in Cyprus comprises

the prospect of reducing travel time to the areas of mission, while at the same time increasing the potential of presence in the areas of operation. Cyprus is the closest location to the Turkish Navy’s operational zones and therefore can constitute a serious option as a base for logistic or other support⁴⁵.

However, apart from the geopolitical issues raised by Ankara, Turkey’s presence in Cyprus is deemed necessary by circles close to Erdoğan also because of the intensified “culture war” between Turkey and a large section of the Turkish Cypriot community. Parallel to the geopolitical competitions in the Eastern Mediterranean, Ankara showed willingness to proceed with policies enhancing religious conservatism in the northern territories of Cyprus⁴⁶. Through these policies, the cultural discipline of the secular Turkish Cypriot community is sought, as well as the marginalisation of Turkish Cypriot ideological forces that maintain trends of cooperation with the Greek Cypriot community. In this context, Ankara’s interventions in the elections for a new Turkish Cypriot leader in October 2020 can be more comprehensively interpreted.

Conclusion

Even though the new ruling coalition in Turkey centred on AKP—MHP collaboration had started its formation in 2015, the 2016 coup attempt was a pivotal decisive moment in the culmination of its formalisation process. The coup attempt itself also intensified the dynamics of transforming the “survival of the state” into the political platform of the coalition. The dynamics released soon led the Turkish government on a quest for a new security doctrine, characterised by the attempt to “export” defence to territories outside the formal borders. The country’s military operations north of Syria were the first practical example of the new security policies, expressing also a form of militarisation of foreign policy.

⁴⁰ Gürdeniz C. Mavi vatanın 34 yıllık güney kalesi: KKTC // ANKA ENSTİTÜSÜ. 22.11.2017. URL: <http://ankaenstitusu.com/mavi-vatanin-34-yillik-guney-kalesi-kkct/> (accessed: 30.03.2021).

⁴¹ Mavi Vatan’ın isim babası Kıbrıs Postası’na konuştu: “KKTC’nin jeopolitiği Anadolu’nun jeopolitiği demek” // Kıbrıs Postası. 15.02.2020. URL: https://www.kibrispostasi.com/c35-KIBRIS_HABERLERI/n311855-kktenin-jeopolitigi-anadolunun-jeopolitigi-demek (accessed: 30.03.2021).

⁴² KKTC’ye giden ilk İHA Geçitkale Havaalanı’na indi // T24. 16.12.2019. URL: <https://t24.com.tr/haber/kkctye-gidecek-ilk-iha-havalandi,852266> (accessed: 30.03.2021).

⁴³ Gürcan M. Why Turkey wants a permanent naval base in Northern Cyprus // Al Monitor. September 12, 2018. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2018/09/turkey-why-ankara-wants-permanent-naval-base-in-cyprus.html> (accessed: 30.03.2021).

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Kaplan Y. Kıbrıs, elimizden gidiyor... Âcil önlem şart! // Yeni Şafak. 16.10.2020. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/yusuf-kaplan/kibris-elimizden-gidiyor-cil-onlem-sart-2056520> (accessed: 30.03.2021).

However, the aforementioned developments coincided with the tension of antagonism in the Eastern Mediterranean. In this framework, the new synthesis of the ruling coalition brought back to life the concept of “blue homeland”, on which interventionism in the Eastern Mediterranean was based. The “blue homeland”, as a concept of ideological construction of the Eastern Mediterranean, is based both on the nationalist trends that voice anguish over the “hostile encirclement” of Turkey and espouse the Islamist / neo-Ottoman perceptions advocating the Eastern Mediterranean as a locus of “imperial presence” by the Turks. It is precisely this

ideological convergence that decisively influences Turkey’s gaze towards Cyprus and the Turkish Cypriot community. It transforms the TRNC into a security provider for Turkey and through this development has an impact on the internal political situation of the Turkish Cypriots. Therefore, the reorganisation of Turkey’s regional policies is the result of both the effects of the international political and economic environment, and the internal reshuffling of balances and changes in the ideological framework within which the Turkish ruling elite has been operating in recent years.

Received / Поступила в редакцию: 06.04.2021
Accepted / Принята к публикации: 10.06.2021

References / Библиографический список

- Adar, S. (2020). Understanding Turkey’s increasingly militaristic foreign policy. *APSA MENA Politics Section: MENA Politics Newsletter*, 3(1), 10—14.
- Adisonmez, U. C., & Onursal, R. (2020). Governing anxiety, trauma and crisis: The political discourse on ontological (in)security after the July 15 coup attempt in Turkey. *Middle East Critique*, 29(3), 291—306. <https://doi.org/10.1080/19436149.2020.1770445>
- Akça, İ. (2014). Hegemonic projects in post-1980 Turkey and the changing forms of authoritarianism. In İ. Akça, A. Bekmen & B. A. Özden (Eds.), *Turkey reframed: Constituting neoliberal hegemony* (pp. 13—46). London: Pluto Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt183p72x.4>
- Akkoyunlu, K., & Öktem, K. (2016). Existential insecurity and the making of a weak authoritarian regime in Turkey. *Southeast European and Black Sea Studies*, 16(4), 505—527. <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1253225>
- Aras, B. (2017). Turkish foreign policy after July 15. *Istanbul Policy Center*, 1—14.
- Areteos, E. (2020). Mavi Vatan and forward defense. The sinuous journey of a republican and imperial hybridization. *Turkish Desk of the Diplomatic Academy of University of Nicosia*, 1—17.
- Bargu, B. (2018). Year one: Reflections on Turkey’s second founding and the politics of division. *Critical Times*, 1(1), 23—48. <https://doi.org/10.1215/26410478-1.1.23>
- Bilgin, P. (2007). Only strong states can survive in Turkey’s geography. The uses of ‘geopolitical truths’ in Turkey. *Political Geography*, 26(7), 740—756. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2007.04.003>
- Bilgin, P. (2012). Turkey’s ‘geopolitics dogma’. In S. Guzzini (Ed.), *The return of geopolitics in Europe? Social mechanisms and foreign policy identity crises* (pp. 151—173). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139225809.010>
- Bora, T. (2017). *Cereyanlar. Türkiye’de Siyasi İdeolojiler*. İstanbul: İletişim Yayınları.
- Çelenk, T. (2017). *Türk Sağının Düşünce Atlası “İnsanı Yaşat ki Devlet Yaşasın”*. İstanbul: Mahfil Yayınları.
- Duran, B. (2018). 15 Temmuz Darbe Girişiminin Türkiye’nin iç ve dış politikasına etkisi. In B. Duran, K. İnat & M. Caner (Eds.), *Türk Dış Politikası Yıllığı 2017* (pp. 13—43). İstanbul: SETA Yayınları.
- Gökçe, G. (2019). Değişen Dünyanın Yeni Mücadele Alanı Doğu Akdeniz. In B. Duran, K. İnat & M. Caner (Eds.), *Türk Dış Politikası Yıllığı 2018* (pp. 403—424). İstanbul: SETA Yayınları.
- Gürdeniz, C. (2018). *Mavi Vatan Yazıları*. İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi.
- Kaliber, A. (2009). Re-imagining Cyprus: The rise of regionalism in Turkey’s security lexicon. In T. Diez & N. Tocci (Eds.), *Cyprus: A conflict at the crossroads* (pp. 105—123). Manchester & New York: Manchester University Press.
- Karahanoğulları, Y., & Türk, D. (2018). Otoriter Devletçilik, Neoliberalizm, Türkiye. *Mülkiye Dergisi*, 42(3), 403—448.

- Kaygusuz, O. (2018). Authoritarian neoliberalism and regime security in Turkey: Moving to an ‘exceptional state’ under AKP. *South European Society and Politics*, 23(2), 281—302. <https://doi.org/10.1080/13608746.2018.1480332>
- Miş, N., Gülen, S., Coşkun, İ., Duran, H., & Ayvaz, M. E. (2016). 15 Temmuz Darbe Girişimi Toplumsal Algı Araştırması. *Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı*, 1—75.
- Özden, B. A., Akça, İ., & Bekmen, A. (2017). Antinomies of authoritarian neoliberalism in Turkey: The Justice and Development Party era. In C.B. Tansel (Ed.), *States of discipline: Authoritarian neoliberalism and the contested reproduction of capitalist order* (pp. 189—210). London: Rowman & Littlefield Int.
- Özertem, H. S. (2016). Turkish foreign policy and the energy bonanza in the Eastern Mediterranean. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 18(4), 361—374. <https://doi.org/10.1080/19448953.2016.1195983>
- Özkan, B. (2012). *From the abode of Islam to the Turkish Vatan: The making of a national homeland in Turkey*. New Haven & London: Yale University Press.
- Tamçelik, S., & Kurt, E. (2014). Türkiye’nin Münhasır Ekonomik Bölge Algısı ve Yakın Tehdit Algısı: Kıbrıs. *Uluslararası Güvenlik Kongresi Bildiriler Kitabı*, (3), 882—913. Kocaeli: Kocaeli Üniversitesi Yayınları.
- Taş, H. (2020). The formulation and implementation of populist foreign policy: Turkey in the Eastern Mediterranean. *Mediterranean Politics*, 1—26. <https://doi.org/10.1080/13629395.2020.1833160>
- Ulusoy, K. (2016). The Cyprus conflict: Turkey’s strategic dilemma. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 18(4), 393—406. <https://doi.org/10.1080/19448953.2016.1196007>
- Yeşiltaş, M. & Pirinççi, F. (2020). *Küresel Dönüşüm Sürecinde Türkiye’nin Büyük Stratejisi*. İstanbul: SETA Yayınları.

About the author: *Moudouros Nikos* — PhD in Turkish Studies, Lecturer, Department of Turkish and Middle Eastern Studies, University of Cyprus; ORCID: 0000-0001-8095-5234; e-mail: moudouros.nikos@ucy.ac.cy

Сведения об авторе: *Мудурос Никос* — доктор наук (турецкие исследования), преподаватель департамента турецких и ближневосточных исследований Кипрского университета; ORCID: 0000-0001-8095-5234; e-mail: moudouros.nikos@ucy.ac.cy

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486

Научная статья / Research article

Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье

П.А. Гудев

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация
 gudev@imemo.ru

Аннотация. Восточное Средиземноморье становится новым регионом межгосударственного противостояния и столкновения национальных интересов. Во многом это обусловлено открытием запасов нефти и газа, разработка которых становится возможной с учетом существующих технологий. Особую позицию в отношении этого морского региона занимает Турецкая Республика. На основе обращения к широкому списку источников анализируются те основы — исторические, политические и правовые, которые определяют современную политику Турции в отношении делимитации морских пространств и урегулирования морских споров в Восточном Средиземноморье. В частности, показано, что политика Турции в регионе продолжает строиться на тех подходах, которые были озвучены турецкой стороной еще в ходе проведения I—III Конференций ООН по морскому праву (1958, 1960, 1973—1982 гг. соответственно) и остались неизменными вплоть до сегодняшнего времени. Эта позиция, как в отношении внешних границ территориального моря, правового режима островов, так и разграничения континентального шельфа, продолжает определять суть противоречий между Турцией и другими странами региона, включая Грецию и Республику Кипр. При этом показано, что существует целый набор обстоятельств, которые существенным образом ограничивают перспективы решения этих межгосударственных противоречий в рамках международных судебных инстанций, среди которых Международный Суд ООН и Международный Трибунал по морскому праву. Делается вывод о том, что как для Турции, так и для Греции наиболее приемлемым вариантом была бы выработка «модели» урегулирования, которая не предполагала бы обязательность ее моментальной имплементации. Отдельное внимание уделяется идеологическому и практическому оформлению турецких притязаний в рамках доктрины «Голубая родина», разработанной рядом отставных турецких офицеров. Показано, как с ее помощью Анкара использует идеи пантюркизма и неоосманизма для обоснования своих претензий на обширные морские пространства. При этом отличительной чертой этой доктрины является ее антиамериканская, антинатовская и антиевропейская направленность. Автор приходит к заключению, что определенные идеи, закрепленные в этой концепции, напрямую коррелируются с интересами Российской Федерации.

Ключевые слова: Турция, Греция, США, ЕС, НАТО, Средиземное море, международное морское право, территориальное море, континентальный шельф, Международный Суд ООН, Международный Трибунал по морскому праву

Для цитирования: Гудев П.А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 472—486. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486

© Гудев П.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Foundations of Turkish Claims in the Eastern Mediterranean

Pavel A. Gudev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russian Federation
gudev@imemo.ru

Abstract. The Eastern Mediterranean is becoming a new region of interstate confrontation and clash of national interests. This is largely due to the discovery of oil and gas reserves, the development of which is becoming possible with the existing technology. The Republic of Turkey has a special position regarding this maritime region. The paper analyzes those bases — historical, political and legal — that determine Turkey’s current policy with regard to maritime delimitation and the settlement of maritime disputes in the Eastern Mediterranean. Particularly, it is shown that Turkey’s policy in the region continues to be based on the approaches that were announced by Turkey during the I—III UN Conferences on the Law of the Sea (1958, 1960, 1973—1982 respectively), which have remained unchanged up to now. This position, as regards both the outer limits of the territorial sea, the legal regime of islands and the delimitation of the continental shelf, continues to define the essence of the controversy between Turkey and other countries of the region, including Greece and the Republic of Cyprus. At the same time, it is shown that there is a set of circumstances that significantly limit the prospects of solving these interstate contradictions within the framework of international judicial instances, including the International Court of Justice and the International Tribunal for the Law of the Sea. The conclusion is made that, for both Turkey and Greece, the most acceptable option would be to work out a “model” of settlement, which would not imply the obligation of its immediate implementation. Particular attention is paid to the ideological and practical framing of Turkish claims within the framework of the “Blue Homeland” doctrine, developed by a number of retired Turkish officers. It shows how Ankara uses the ideas of pan-Turkism and neo-Ottomanism to justify its claims to vast maritime spaces. The distinctive feature of this doctrine most likely is its anti-American, anti-NATO and anti-European orientation. There is a paradoxical situation when certain ideas enshrined in this concept directly correlate with the interests of the Russian Federation.

Key words: Turkey, Greece, US, EU, NATO, Mediterranean, international law of the sea, territorial sea, continental shelf, UN International Court of Justice, International Tribunal for the Law of the Sea

For citation: Gudev, P. A. (2021). Foundations of Turkish Claims in the Eastern Mediterranean. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 472—486. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486>

Введение

Турция проводит достаточно агрессивную и провокационную политику в тех регионах мира, которые она рассматривает как попадающие в сферу ее геополитических интересов. С одной стороны, такая внешняя политика напрямую связана с личностью президента Р.Т. Эрдогана, с другой стороны, она опирается на определенную идеологию, в том числе неоосманизма и пантюркизма, которые носят яркий наступательный характер. Доктринальное оформление этой идеологии применительно к морским пространствам вылилось в разработку концепции «Голубая родина» (*Mavi Vatan*), обосновывающей притязания Анкары на те или иные акватории.

В районе Восточного Средиземноморья, где пересекаются интересы не только Турции и Греции (в отношении пространств и

акваторий Эгейского моря), Турции и других региональных государств (Республики Кипр, Израиль, Сирия, Египта, Ливана и др.), но и Турции и внерегиональных стран (США, стран — членов ЕС и НАТО, Российской Федерации), подход официальной Анкары по защите своих национальных интересов непосредственно опирается на определенную историческую практику и позиционирование, которые не всегда соответствуют действующим нормам и положениям международного, прежде всего морского, права. Однако для Анкары в выборе между международным правом и критерием справедливости именно последний рассматривается как наиболее важный и единственно верный. Акцентируя на этом внимание, Анкара продолжает отстаивать собственное видение в отношении применения и интерпретации тех или иных конвенционных норм.

Турция и внешние границы территориального моря

Как известно, Турция является категорическим противником введения 12-мильного лимита территориального моря со стороны Греции в Эгейском море, в особенности вокруг огромного количества греческих островов, так как такой шаг приведет к тому, что большая часть его акватории, воздушного пространства, дна и недр окажется под суверенитетом Греции, а значит, интересы Анкары в области судоходства, полетов и доступа к живым и неживым ресурсам будут существенно ограничены. Напомним в этой связи, что 12-мильный лимит территориального моря был введен в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а само обсуждение расширения внешней границы с трех до шести (12) морских миль происходило в рамках I и II Конференций ООН по морскому праву (1958 и 1960 гг.).

Для нас принципиально важным является то, что Турция не только не подписала и не ратифицировала четыре ключевые Конвенции 1958 г. — об открытом море, о территориальном море и прилегающей зоне, о континентальном шельфе, о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря, но уже тогда выступала за сохранение именно 3-мильного лимита территориального моря, правда, не возражая против его расширения до шести морских миль, но лишь исключительно на основе принципа взаимности (Inan & Gozen, 2009, p. 154). При этом Анкара всегда ссылалась на положения Лозаннского мирного договора 1923 г., где в ст. 12 было зафиксировано, что «за исключением случаев, когда в настоящем Договоре содержится положение об обратном, острова, расположенные менее чем в трех морских милях от азиатского побережья, остаются под суверенитетом Турции»¹. Для Турции это положение ст. 12 было фактическим доказательством того, что обе страны — и Греция, и Турция —

обязаны соблюдать этот лимит, а если и вводить новые внешние границы, то лишь по согласованию друг с другом.

Тем не менее, реагируя на трансформации международного морского права, Турция в 1960 г. поддержала формулу 6+6, которая предполагала равные лимиты для территориального моря и рыболовной зоны за ее пределами. Однако в 1964 г. она отошла от своего первоначального подхода и расширила внешние границы территориального моря с трех до шести морских миль². Вместе с тем в ст. 2 соответствующего закона было введено исключение, предусматривавшее, что более широкие границы могут объявляться на основе взаимности, если другие государства вводят более протяженные границы территориального моря. В соответствии с этим положением границы территориальных вод Турции были расширены на основе взаимности до 12 морских миль в Черном и Средиземном морях, в то время как ширина территориальных вод в Эгейском море сохранилась на уровне шести морских миль (Inan & Gozen, 2009, pp. 155—156).

Выступая против расширения внешней границы территориального моря Греции с 6 до 12 морских миль в Эгейском море, Анкара еще с 1974 г. использует тезис о том, что таким образом Эгейское море превратится в «греческое озеро» (Politakis, 1995, p. 510). Официальная позиция Турции по этому вопросу сформулирована таким образом, что Эгейское море — это уникальный морской регион, узкое, полузамкнутое море с рядом географических особенностей, таких как наличие более 1 тыс. греческих островов. Греция и Турция обладают в Эгейском море равными правами и законными интересами, касающимися обеспечения их безопасности, развития экономики, осуществления судоходства и других традиционных видов использования открытого моря. Сохранение 6-мильного лимита — это, по мнению официальных лиц Турции, важный элемент сохранения текущего статус-кво в регионе,

¹ Treaty of Peace with Turkey Signed at Lausanne // World War I Document Archive. July 24, 1923. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Lausanne (accessed: 10.02.2021).

² Отметим, что Греция перешла на 6-мильный лимит территориального моря еще в 1936 г.

основанного на балансе прав и интересов двух стран³.

Действительно, при нынешней 6-мильной границе территориального моря обеих стран Греция благодаря наличию многочисленных островов владеет примерно 43,5 % Эгейского моря, а доля Турции составляет 7,5 %. Остальная половина Эгейского моря — это открытое море, которое свободно используется Турцией и другими странами международного сообщества в соответствии с международным правом. Любое расширение греческого территориального моря за пределы шести миль приведет к тому, что греческий суверенитет и суверенные права будут распространены на нынешние акватории открытого моря, международное воздушное пространство, а также континентальный шельф, который остается спорным районом, еще не разграниченным между Турцией и Грецией. Таким образом, Турция с протяженной береговой линией в Эгейском море, измеряемой тысячами миль, будет заблокирована в этом море. Турецкое побережье будет окружено греческими территориальными водами, и Турция будет практически отрезана от открытого моря (van Dyke, 2005, p. 84).

В ответ на заявления Греции о легитимности такого шага, в том числе последовавшие за ратификацией Конвенции ООН по морскому праву в 1995 г.⁴, 8 июня 1995 г. турецкий парламент заявил, что такие действия Греции будут восприняты турецкой стороной как «объявление войны» (*casus belli*) (Yiallourides, 2019, p. 49). С тех пор на любые попытки Греции расширить внешние границы своего территориального моря Анкара ссылается на то, что данное заявление турецкого парламента не утратило свою силу⁵.

Правда, нельзя не заметить, что у греческих экспертов есть свои аналогичные претензии к Турции. Например, они отмечают, что Анкара неоднократно ставила под вопрос принадлежность Греции тех или иных островов в Эгейском море. Так, в частности, в 1976 г. премьер-министр Турции заявил, что Докаденесский архипелаг — это не греческая территория, а просто Эгейские острова. Тогда же было сделано похожее заявление, что все острова Эгейского моря в пределах 50 морских миль от турецкого побережья должны принадлежать Турции. Почему же эти заявления Анкары не могут восприниматься как *casus belli* в Афинах? — справедливо задаются вопросом греческие эксперты (Politakis, 1995, p. 513).

Турция на III Конференции ООН по морскому праву (1973—1982 гг.)

В ходе переговоров Анкара не изменила свою позицию в отношении внешних границ территориального моря: она полагала, что они не могут быть установлены таким образом, чтобы ограничивать выход другого прибрежного государства в открытое море, а также вести к тому, чтобы «отрезать» территориальное море другого государства⁶. При этом Турция считала, что в полузамкнутых морях, имеющих особые географические характеристики, к коим безусловно относится и Эгейское, установление внешних границ территориального моря должно осуществляться путем согласования между всеми региональными странами. Если же у государств со смежными или же противоположными побережьями возникнет необходимость разграничения территориальных морей, то

³ Письмо Постоянного представителя Турции при ООН от 23 июня 1995 года на имя Генерального секретаря. A/50/256. 23.06.1995 // ООН. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/50/256&Lang=R (дата обращения: 18.02.2021).

⁴ Письмо Постоянного представителя Греции при ООН от 21 июня 1995 года на имя Генерального секретаря. A/50/216. 21.06.1995 // ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/50/216> (дата обращения: 18.02.2021).

⁵ Greece, Turkey in spat over extension of territorial waters // Ekathimerini. October 23, 2018. URL:

<https://www.ekathimerini.com/233935/article/ekathimerini/news/greece-turkey-in-spat-over-extension-of-territorial-waters> (accessed: 15.03.2021).

⁶ A/CONF.62/C.2/L.8 Turkey: draft article on the breadth of the territorial sea; global or regional criteria; open seas and oceans, semi-enclosed seas and enclosed seas // Third United Nations Conference on the Law of the Sea, 1973—1982. Vol. III: Documents of the Conference, Second Session. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_l8.pdf (accessed: 15.03.2021).

оно должно быть достигнуто путем заключения соответствующего соглашения, основанного на принципе справедливости⁷. В ходе переговоров стороны могут использовать различные комбинации методов делимитации, но опять-таки с целью достижения исключительно справедливого решения. Именно поэтому такие особые географические характеристики Эгейского моря, как протяженность береговой линии двух государств, а также наличие большого количества островов, островков и скал должно учитываться в первую очередь.

Как известно, Конвенция 1982 г. наделила острова — естественные образования суши, имеющие возможность поддерживать жизнедеятельность человека и находящиеся выше уровня воды, — правом на формирование всех возможных морских зон: территориального моря, исключительной экономической зоны (ИЭЗ) и континентального шельфа (КШ) (Тихомин, 2008). Турция, однако, изначально была не согласна с таким правовым режимом⁸.

Во-первых, она считала, что острова не могут формировать вокруг себя ИЭЗ и КШ, если расположены в пределах ИЭЗ и на КШ другого государства⁹, а их площадь составляет менее 1/10 от материковой площади прибрежного государства, а население — менее 1/10 от населения материковой части прибрежного государства.

Во-вторых, как острова, так и скалы и осыхающие при отливе возвышения, не имеющие возможности поддерживать жизнедеятельность человека и расположенные за

⁷ A/CONF.62/C.2/L.9 Turkey: draft article on the delimitation of the territorial sea; various aspects involved seas // Third United Nations Conference on the Law of the Sea, 1973—1982. Vol. III: Documents of the Conference, Second Session. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_19.pdf (accessed: 15.03.2021).

⁸ A/CONF.62/C.2/L.55 Turkey: draft articles on the regime of islands seas // Third United Nations Conference on the Law of the Sea, 1973—1982. Vol. III: Documents of the Conference, Second Session. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_155.pdf (accessed: 15.03.2021).

⁹ В случае же Эгейского моря — Турции, по мнению официальной Анкары.

пределом территориального моря, не могут иметь никаких морских зон вокруг себя.

В-третьих, государства, имеющие под своим суверенитетом группы островов, не могут претендовать на суверенитет над ними лишь на основании концепции архипелажных вод и статуса государства-архипелага¹⁰.

Наконец, Турция отстаивала позицию, что в полузамкнутых морских регионах с их особыми географическими характеристиками установление морских зон вокруг островов должно определяться соответствующими региональными странами. Естественно, что такая позиция Турции не могла устроить греческую сторону, которая всячески поддерживала иное видение правового режима островов¹¹, которое в конечном счете и было зафиксировано в ст. 121 Конвенции 1982 г.

Особое мнение имела Турция и по вопросу о правовом режиме континентального шельфа. Оно отличалось как от той правовой формулы, которая была зафиксирована еще в Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. — это так называемый критерий «эксплуататбельности»¹², так и от дистанционного критерия¹³, закрепленного позднее в

¹⁰ Греция не может быть отнесена к данной категории, так как не соответствует критерию, изложенному в ст. 46 Конвенции 1982 г., а именно: «“Государство-архипелаг” означает государство, которое состоит полностью из одного или более архипелагов и может включать другие острова».

¹¹ A/CONF.62/C.2/L.50 Greece: draft articles on the regime of islands and other related matters seas // Third United Nations Conference on the Law of the Sea, 1973—1982. Vol. III: Documents of the Conference, Second Session. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_150.pdf (accessed: 15.03.2021).

¹² Ст. 1 позволяла разработку его ресурсов до тех глубин, до которых прибрежное государство при наличии соответствующих технологий могло позволить себе разрабатывать естественные богатства этих районов.

¹³ Права на континентальный шельф (подводную окраину материка) в пределах 200 морских миль от исходных линий получали абсолютно все прибрежные государства, даже те, которые с геологической точки зрения таким шельфом не обладали; при наличии соответствующих геологических, геоморфологических и батиметрических характеристик внешние границы континентального шельфа могут быть отодвинуты за пределы 200 миль: а) на расстояние 350 миль от исходных линий; б) на расстояние в 100 морских миль

Конвенции 1982 г. Анкара настаивала на приоритете концепции «естественного продолжения», то есть в большей степени ориентировалась не на юридическое понимание континентального шельфа, закрепленное в договорном праве, а на его естественно-научное понимание: как продолжение сухопутной территории прибрежного государства через «наличие определенной связи соответствующих участков морского дна и недр с континентальным массивом прибрежного государства, которая может подтверждаться строением, структурой, формой соответствующих элементов дна и недр, составом образующих их пород, историей их возникновения по отношению к тем же характеристикам сухопутной территории» (Лабуть, 2018, с. 42).

В результате позиция Анкары строилась на том, что большая часть греческих островов Эгейского моря не может обладать собственным континентальным шельфом в рамках ст. 121 Конвенции 1982 г., так как в силу естественных причин эти острова находятся на анатолийском континентальном шельфе.

Турция настаивала, что при разграничении континентального шельфа между государствами на основе соглашения главным опять-таки должен являться принцип справедливости. При этом в ходе переговоров государства должны учитывать значимые факторы, среди которых геоморфологическая и геологическая структура шельфа вплоть до внешних границ подводной окраины материка, а также особые обстоятельства — общее направление береговой линии, наличие островов, островков и скал одного государства на континентальном шельфе другого государства¹⁴.

Безусловно, такая позиция Анкары основывалась на апелляции к решению Международного Суда ООН (МС ООН) 1969 г. по делу

от изобаты 2500 метров (линии, соединяющей точки с глубинами в 2500 м) (ст. 76 Конвенции 1982 г.).

¹⁴ A/CONF.62/C.2/L.23 Turkey: draft article on delimitation between States; various aspects involved seas // Third United Nations Conference on the Law of the Sea, 1973—1982. Vol. III: Documents of the Conference, Second Session. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_c2_l23.pdf (accessed: 15.03.2021).

о континентальном шельфе Северного моря. В нем, в частности, было указано: «По всем вышеприведенным основаниям Суд пришел к выводу, что в каждом случае использование метода равного отстояния не является обязательным для сторон; что не имеется другого единого метода делимитации границ континентального шельфа, применение которого во всех обстоятельствах является обязательным; что при делимитации необходимо действовать по соглашению, следуя *принципам справедливости и принимая во внимание все обстоятельства* (курсив наш. — П.Г.), относящиеся к делу, и тем самым оставить каждой стороне в максимально возможной мере все те части континентального шельфа, которые образуют *естественное продолжение ее территории* (курсив наш. — П.Г.), без вторжения в естественное продолжение сухопутной территории другой стороны; и что если в результате такой делимитации произойдет частичное совпадение территорий, они должны быть разделены между сторонами в согласованных пропорциях либо, в случае недостижения соглашения, поровну, если стороны не примут решения о режиме совместной юрисдикции, совместном пользовании или эксплуатации. При переговорах в число факторов, которые должны быть приняты во внимание, необходимо включить: *общую конфигурацию побережья сторон, а также его особые или необычные признаки; известные или легко устанавливаемые характеристики физической и геологической структуры и природные ресурсы континентального шельфа; показатель какого-то разумного соответствия между размерами территорий континентального шельфа, принадлежащих каждому государству, и длиной побережья этого государства, измеренной по общему направлению береговой линии* (курсив наш. — П.Г.), с учетом уже имеющихся или будущих результатов любых других делимитаций границ континентального шельфа в данном регионе»¹⁵.

¹⁵ Дела о континентальном шельфе Северного моря. Решение от 20 февраля 1969 года // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948—1991. С. 90—95.

Таким образом, в деле о континентальном шельфе Северного моря Суд ориентировался на принцип справедливости при делимитации континентального шельфа Нидерландов, Дании и Федеративной Республики Германии. Строгое применение принципа равноудаленности лишило бы последнюю всей, за исключением небольшой, части шельфа, поскольку береговая линия Германии вогнута. Суд постановил, что «соответствующие обстоятельства», которые следует учитывать при достижении справедливого решения, включают конфигурацию береговой линии и пропорциональность между протяженностью береговой линии государства и площадью континентального шельфа этого государства.

Дело о континентальном шельфе Северного моря, вероятно, более всего известно тем, что в своем решении Суд опирался на принцип «естественного продолжения» континентального шельфа, согласно которому подводный шельф рассматривается как продолжение континента, что приводит к выводу о том, что острова, находящиеся на этом шельфе, не обладают такой же способностью создавать зоны, как сама континентальная суша. В этом решении Суд указал, что наличие островков и скал должно игнорироваться при делимитации континентального шельфа (van Dyke, 1989, p. 54).

В итоге Турция отказалась присоединиться к Конвенции 1982 г. Помимо того что ее мнение по многим вопросам не было учтено, среди главных причин отказа были следующие: непризнание за прибрежными государствами права выступать с «оговорками или исключениями» (ст. 309); закрепление внешнего лимита территориального моря в 12 морских миль и его фактическое рассмотрение в качестве нормы международного обычного права; игнорирование так называемых «особых обстоятельств» при проведении разграничения ИЭЗ и КШ; наделение островов правом по формированию расширенных морских зон даже в условиях наличия «особых обстоятельств» (Inan & Gozen, 2009, pp. 161—164).

URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

Турция и международное судебное разбирательство

Греция неоднократно заявляла, что она готова обратиться в международные судебные инстанции с иском против действий Турции как в Эгейском море, так и непосредственно в восточной части Средиземного моря (так называемом Левантийском море). Рассматривая спор, сводящийся лишь к трактовке норм и положений международного морского права, Греция выражает уверенность в благоприятном для себя решении, считая позицию Анкары необоснованной с правовой точки зрения, а следовательно, заведомо проигрышной. При этом в СМИ уже хрестоматийно высказывается точка зрения, что Анкара крайне боится такого развития событий.

На первый взгляд, все верно: даже турецкие эксперты признают, что передача дела на рассмотрение Международного Суда ООН будет не в интересах Турции, так как спор вокруг Эгейского моря — это не просто спор о правовых вопросах, а в большей степени политическая дискуссия, касающаяся толкования норм и положений Лозаннского мирного договора 1923 г. И если МС ООН будет руководствоваться современными нормами и положениями международного, в том числе морского права, то решение, безусловно, может быть вынесено в пользу Греции, а не Турции (Başlar, 2001, p. 28).

Действительно, международные судебные инстанции зачастую руководствуются правовым позитивизмом, а значит, гораздо меньше внимание обращают на соблюдение принципа справедливости, который является краеугольным камнем турецких притязаний. И если Суд будет оперировать исключительно действующими нормами международного права, то решение, скорее всего, будет в пользу Греции. Кроме того, национальный состав судейской коллегии также может иметь непосредственное влияние на направленность выносимого вердикта. Наконец, Турция может опасаться и того, что вынесенное решение, если оно будет не в ее пользу, будет необратимым и имеющим обязательную силу (Georgiades, 2011, p. 123).

Однако, с нашей точки зрения, ситуация выглядит несколько сложнее.

Во-первых, нельзя забывать, что Греция уже инициировала иск против Турции в 1976 г. в МС ООН по вопросу о разграничении континентального шельфа Эгейского моря. Суд признал у себя отсутствие юрисдикции по рассмотрению этого иска, так как Греция сделала в 1931 г. целый ряд оговорок к Генеральному акту о мирном разрешении международных споров 1928 г., которые не позволяли передать дело на рассмотрение Суда, а именно: «Процедуры, описанные в Генеральном акте, не распространяются на следующие споры... касающиеся вопросов, которые по международному праву решаются исключительно в рамках внутренней юрисдикции государств, и в частности споры, касающиеся *территориального статуса Греции* (курсив наш. — П.Г.), включая споры, связанные с ее правом на суверенитет над ее портами и линиями связи»¹⁶.

Несмотря на то, что Греция считала данную формулировку никак не связанной с проблематикой континентального шельфа, так как самого такого института тогда не существовало, а фраза «территориальный статус» вряд ли может быть отождествлена с конвенционной формулировкой о «суверенных правах» прибрежного государства в отношении ресурсов континентального шельфа, Суд счел иначе. Он пришел к выводу, что выражение «споры, касающиеся территориального статуса Греции» должно толковаться в соответствии с нормами международного права в том виде, в каком они существуют сегодня, а не в том виде, в каком они существовали в 1931 г. Суд отметил, что было бы трудно принять утверждение, что делимитация совершенно не связана с понятием территориального статуса, и указал, что спор, касающийся разграничения континентального шельфа, уже по

своему характеру относится к тем, которые связаны с территориальным статусом, поскольку права прибрежного государства на континентальный шельф вытекают из его суверенитета над прилегающими территориями суши.

В результате можно предположить, что для Греции в той или иной степени подача нового иска против Турции может вылиться в повторение ситуации середины 1970-х гг., что крайне нежелательно для официальных Афин. Помимо этого ситуация осложняется тем обстоятельством, что при ратификации Конвенции 1982 г. Греция воспользовалась предоставленным ею правом в рамках ст. 298 исключить целый ряд споров из-под юрисдикции международных судебных инстанций (Международный Суд ООН, Международный Трибунал по морскому праву, Арбитраж и Специальный Арбитраж), предписанных Конвенцией. В частности, это:

— споры, касающиеся *делимитации морских границ* (курсив наш. — П.Г.);

— споры, связанные с историческими заливами или титулами;

— споры, касающиеся военной деятельности;

— споры, касающиеся правоприменительной деятельности в связи с осуществлением суверенных прав или юрисдикции;

— споры, в отношении которых Совет Безопасности ООН осуществляет функции, возложенные на него Уставом.

При этом Греция оставила для себя определенную «лазейку» возможностей, заявив: «Во исполнение статьи 287 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву правительство Греческой Республики настоящим выбирает Международный трибунал по морскому праву, учрежденный в соответствии с приложением VI к Конвенции, в качестве средства урегулирования вопросов, связанных с толкованием или применением Конвенции»¹⁷.

¹⁶ Дело о континентальном шельфе Эгейского моря (меры временной защиты). Постановление от 11 сентября 1976 года // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948—1991. С. 128—132. URL: https://legal.un.org/iccsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

¹⁷ Declarations and Reservations. Greece // United Nations Convention on the Law of the Sea. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en#EndDec (accessed: 12.02.2021).

Таким образом, может сложиться впечатление, что Греция имеет право подать иск против Турции в Международный Трибунал по морскому праву. Однако Трибунал — это орган, созданный именно в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., участницей которой, как мы уже упоминали выше, Турция до сих пор не является. Из этого следует, что никаких легитимных способов привлечения Турции к разбирательству по инициативе Греции в Трибунале без согласия официальной Анкары не существует.

Представляется, что даже если бы турецкое правительство пошло на такой шаг, то Трибунал был бы вынужден сначала решить вопрос со своей юрисдикцией по иску: проанализировать те исключения, которые были сделаны Грецией в рамках ст. 298 и других международных соглашений, а также зафиксировать факт наличия попыток урегулирования спора между сторонами путем проведения переговоров или консультаций. Учитывая, что Афины вообще не видят предмета для дискуссии с Анкарой, так как считают турецкие претензии полностью нелегитимными, сделать это будет непросто.

Кроме того, принимая во внимание неучастие Турции не только в Конвенции 1982 г., но и во всех Женевских конвенциях 1958 г., любая международная судебная инстанция будет вынуждена анализировать, какие нормы этих соглашений могут считаться на сегодняшний день устоявшимися нормами международного обычного права (так называемый международный обычай) (Вылегжанин, Каламкьян, 2012), а значит, быть обязательными для исполнения Турцией. Одно это обстоятельство максимально ограничивает перспективы судебного разбирательства.

И последнее: пока споров, в которых перед Трибуналом ставились бы вопросы толкования материального международного морского права, было чрезвычайно мало (Абгарян, 2015, с. 100). Первым подобным делом был спор о делимитации морской границы между Бангладеш и Мьянмой 2012 г., причем основной целью данного разбирательства было достижение именно справедливого результата.

Некоторые эксперты обращают внимание, что ст. 20 Статута Трибунала предусматривает процедуру запроса консультативного заключения¹⁸, которое могло бы дать ответ на вопрос, какие принципы следует использовать при делимитации границ без фактического разграничения или о типах временных соглашений, которые оба государства могли бы осуществить без ущерба для будущих границ делимитации и своих суверенных прав (Georgiades, 2011, p. 125). Однако и здесь есть одно существенное ограничение: согласно ст. 138 Регламента, «Трибунал может вынести консультативное заключение по юридическому вопросу, если международное соглашение, касающееся целей Конвенции, конкретно предусматривает представление Трибуналу просьбы о вынесении такого заключения»¹⁹. К сожалению, на данный момент таких соглашений нет (Караман, 2007, с. 58).

Безусловно, Греция и Турция могут прибегнуть и к другим формам урегулирования спора, таким как: согласительная процедура, расследование и установление фактов, добрые услуги и посредничество, — главной взаимоприемлемой характеристикой которых является необязательность выполнения решения для сторон в отличие от любого судебного разбирательства. С нашей точки зрения, именно отсутствие «обязательности» могло бы устроить обе стороны конфликта, но для этого требуется политическая воля с двух сторон.

Концепция «Голубая родина»

К настоящему времени у Турции сложилось свое видение того, какие морские зоны суверенитета и юрисдикции существуют у нее не только в Черном, но и Средиземном море, включая Эгейское. Принципиальное

¹⁸ Statute of the International Tribunal for the Law of the Sea // ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/basic_texts/statute_en.pdf (accessed: 12.02.2021).

¹⁹ Rules of the Tribunal // ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/basic_texts/ITLOS_8_25.03.21.pdf (accessed: 12.02.2021).

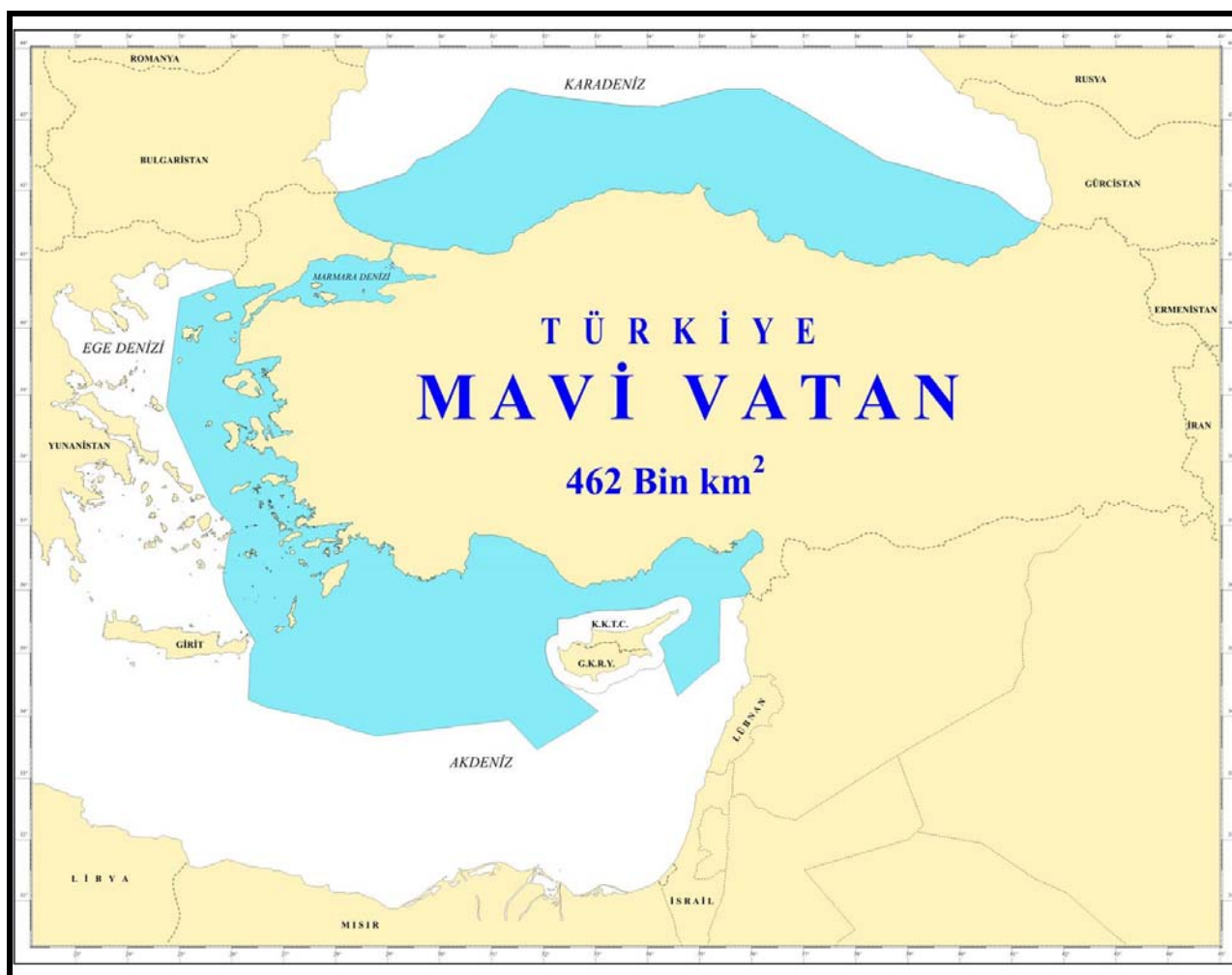

Рис. 1. Карта морских притязаний Турции в рамках доктрины «Голубая родина»
 Источник: Mavi Vatan. URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/Mavi_Vatan (accessed: 15.03.2021).

Fig. 1. Turkey's maritime claims under "Mavi Vatan" doctrine

Source: Mavi Vatan. URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/Mavi_Vatan (accessed: 15.03.2021).

различие между этими двумя морскими регионами лишь в том, что в Черном море морские границы Турции с другими странами давно согласованы в рамках серии двусторонних соглашений (с Болгарией и СССР)²⁰, а в Средиземном — у Турции нет никаких договоренностей ни с Грецией, ни с Кипром, ни

²⁰ Правда, можно отметить один немаловажный нюанс: советско-турецкие договоренности 1970—1980-х гг. сохранили свою силу и после распада СССР, но были подтверждены дополнительным протоколом между Турцией и Грузией в 1997 г. При этом таких протоколов не было заключено ни с Россией, ни с Украиной. В свете вхождения Крыма в состав Российской Федерации вряд ли следует ожидать таких действий со стороны Анкары, так как это де-юре уже будет означать признание российских морских зон вокруг Крымского полуострова.

с Сирией. Однако это не мешает Анкаре высказывать свои претензии на достаточно большие морские пространства (рис. 1).

Катализатором этих правопритязаний стала так называемая «Севильская карта» (Potka, 2006, р. 20), на которой было показано, какие морские зоны должны иметь в Восточном Средиземноморье Республика Кипр и Греция. Для Турции самым неприемлемым стало то, что греческий остров Кастелоризо, находящийся в непосредственной близости от турецкого берега, при формировании внешних границ своих ИЭЗ и КШ позволяет этим зонам сомкнуться с идентичными зонами Республики Кипр (Çubukçuoğlu, 2014). Это прямо противоречит изначальной позиции Турции, что острова не могут

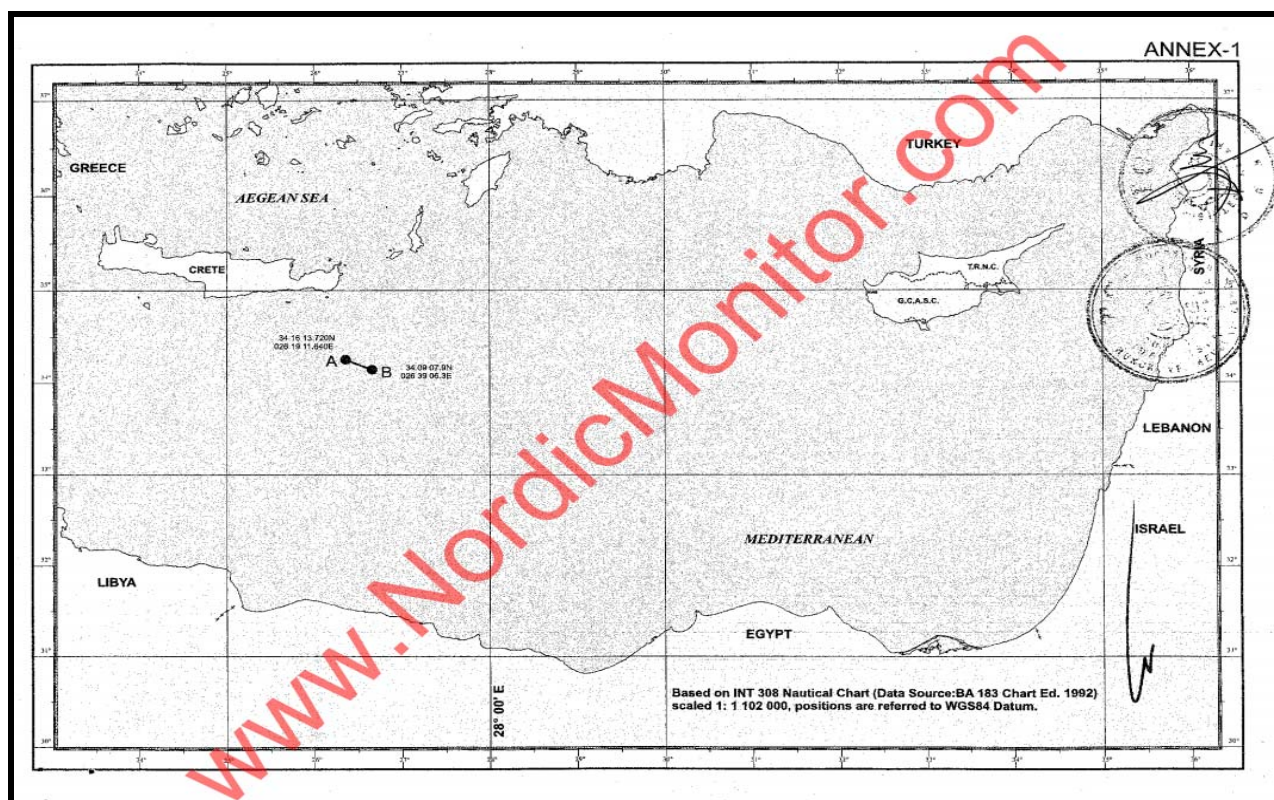

Рис. 2. Линия разграничения морских пространств между Турцией и Ливией по Меморандуму 2019 г.

Источник: Full text of Turkey-Libya maritime agreement revealed. URL: <https://nordicmonitor.com/2019/12/the-full-text-of-turkey-libya-maritime-agreement-revealed/> (accessed: 15.03.2021).

Fig. 2. The delimitation line between Turkey and Libya under 2019 Memorandum

Source: Full text of Turkey-Libya maritime agreement revealed. URL: <https://nordicmonitor.com/2019/12/the-full-text-of-turkey-libya-maritime-agreement-revealed/> (accessed: 15.03.2021).

обладать правом на формирование расширенных морских зон за исключением территориального моря, и ведет к лишению Турции как акваторий под ее суверенитетом и юрисдикцией, так и огромной площади континентального шельфа (Sioussiouras & Chrysochou, 2014).

В качестве ответа на эти «провокации» турецкий адмирал Джем Гюрдениз (Sem Gürdeniz) и другой высший офицер турецкого флота Джихат Яйджи (Cihat Yauci) разработали карту и концепцию «Голубая родина» (*Mavi Vatan*) (Gürdeniz, 2019; 2020). Она постепенно превратилась из просто концепции в хоть и неофициальную, но фактически морскую доктрину Турции. Во всяком случае, как иначе еще оценивать тот факт, что практически повседневной рутинной стало предложенное в ее рамках оспаривание практики Республики Кипр по выдаче лицензий на разведку нефти и газа в зонах, которые Анкара рассматривала как находящиеся под

юрисдикцией Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК)²¹. В этих целях использовались турецкие сейсмологические и буровые суда в сопровождении национальных ВМС. Кроме того, в марте 2019 г. прошли первые военно-морские учения, носящие название «Голубая родина».

Кульминацией реализации этой доктрины стал турецко-ливийский меморандум от 27 ноября 2019 г.²², суть которого сводилась к тому, что именно Турция (а не Греция!) и

²¹ Gürel A., Mullen F., Tzimitras H. The Cyprus Hydrocarbons Issue: Context, Positions and Future Scenarios // PRIO Cyprus Centre. 2013. URL: https://www.prio.org/Global/upload/Cyprus/Publications/Hydrocarbons_Report-ENG.pdf (accessed: 15.03.2021). См. также: (Kaysi, 2013).

²² Full text of Turkey — Libya maritime agreement revealed // Nordic Monitor. December 5, 2019. URL: <https://www.nordicmonitor.com/2019/12/the-full-text-of-turkey-libya-maritime-agreement-revealed/> (accessed: 26.03.2021).

Ливия в этом морском регионе являются государствами с противоположными побережьями, а значит, должны провести разграничение морских пространств (рис. 2) (Yauci, 2019; 2020). При этом такая делимитация была проведена обеими странами таким образом, чтобы показать Греции, что ее острова, даже такие большие, как Крит и Родос, полностью лишены права на формирование морских зон вокруг себя. Более того, такое двустороннее разграничение, вне всяких сомнений, было призвано показать, что именно Турция будет решать судьбу Восточно-средиземноморского газового трубопровода, так как его маршрут, с точки зрения Анкары, проходит по ее континентальному

шельфу, а значит, без согласия турецкого правительства реализация этого проекта является невозможной. Нет ничего удивительного, что подписание этого документа, который, правда, не надо отождествлять с межгосударственным соглашением, вызвало критически острую реакцию не только в Афинах, но и в Брюсселе.

Наконец, в 2020 г. на имя Генсекретаря ООН была отправлена карта с указанием географических координат внешних границ континентального шельфа Турции (рис. 3), как их видела последняя после заключения Меморандума с Ливией. Отличие этой карты от карты «Голубой родины» лишь в том, что она не включает в себя районы притязаний

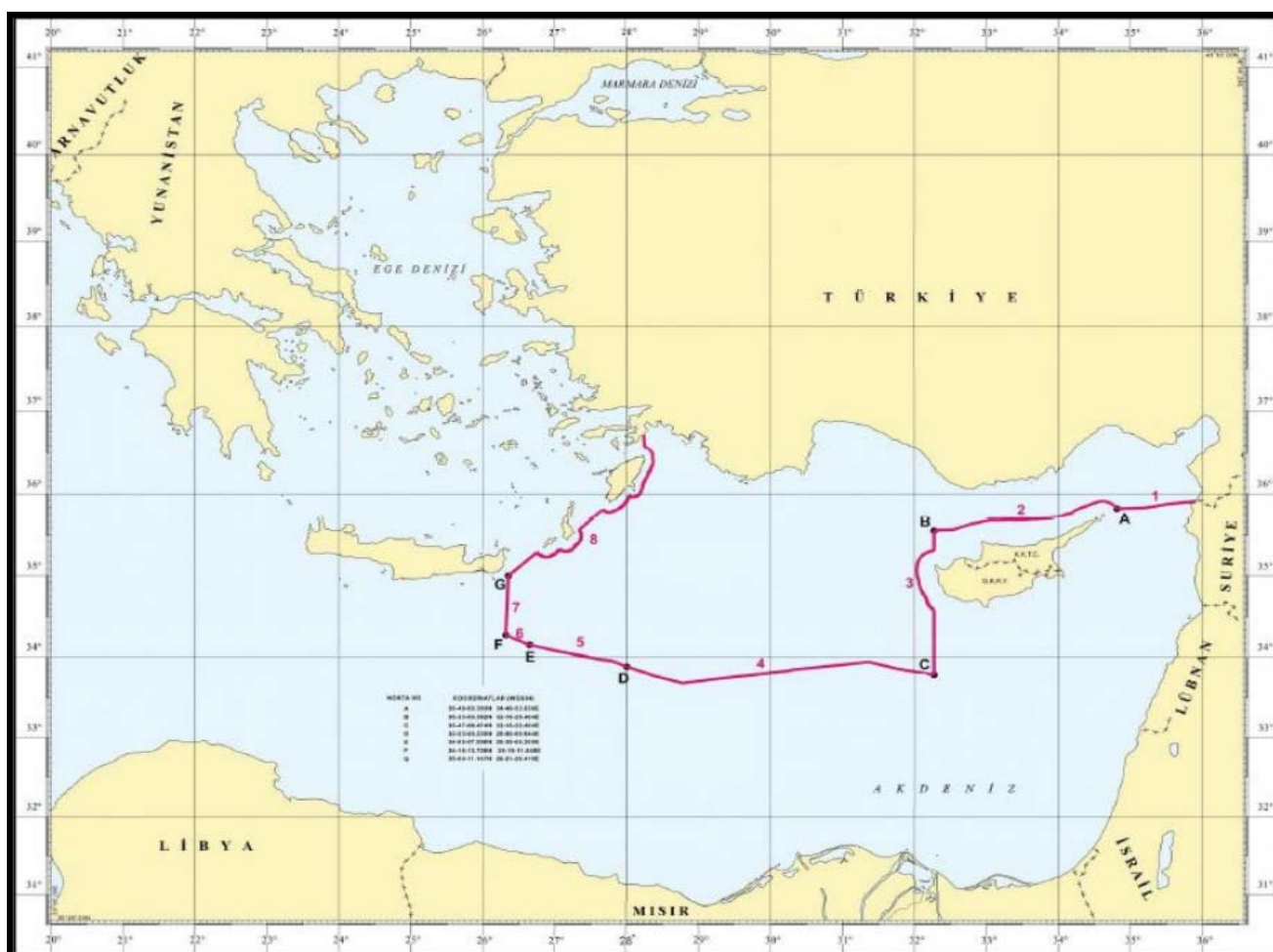

Рис. 3. Внешние границы континентального шельфа Турции, представленные в ООН

Источник: Приложение к письму Постоянного представителя Турции при Организации Объединенных Наций от 18 марта 2020 года на имя Генерального секретаря. URL: <https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/74/824> (дата обращения: 10.02.2021).

Fig. 3. Turkey's outer limits of the continental shelf presented to the UN

Source: Letter dated 24 April 2020 from the Permanent Representative of Cyprus to the United Nations addressed to the Secretary-General. URL: <https://undocs.org/en/a/74/824> (accessed: 10.02.2021).

Турции к востоку и юго-востоку от о. Кипр, то есть между последним, с одной стороны, и Сирией, и Ливаном — с другой. Причина таких отличий — осторожность турецкого МИДа, который не хотел таким образом ухудшать и так непростые отношения с другими странами региона.

С точки зрения Джема Гурдениза, «Голубая родина» зиждется на трех столпах²³.

Во-первых, это констатация того, что Турция снова обращает свой взгляд на моря и океаны, вновь становится морской державой. Анкара в открытую заявляет о своих интересах в этой области и делает ставку на развитие своего морского и военно-морского потенциалов.

Во-вторых, очерчивание зон суверенитета и юрисдикции Турции, включая внешние границы территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа.

В-третьих, это больше не просто концепция, а фактически доктрина защиты прав Турции на прилежащие морские акватории, дно и недра, а также ее прав в тех областях, где у нее есть собственные национальные интересы. Ее реализация предполагает использование ВМС Турции в качестве инструмента военной дипломатии и дипломатии сдерживания; использование потенциала оборонной промышленности для поддержания должной боеготовности ВМС и ВВС Турции; использование турецких сейсмологических и буровых судов для проведения соответствующих работ; создание правовой базы для готовности отстаивать свои интересы в ходе судебных разбирательств.

Важным элементом этой доктрины является идеология пантюркизма или даже, если можно так выразиться, «морского неосманизма»: «Турция представляет турецкий мир: она представляет народы от Казахстана до Балкан, у которых нет береговой линии. Турецкая Республика является единственной

²³ Qu'est-ce que la « patrie bleue »? Une conversation avec l'idéologue de la doctrine géopolitique turque // Le Grand Continent. 26.10.2020 URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/10/26/cem-gurdeniz-geopolitique-maritime-turque/> (accessed: 26.03.2021).

страной, которая может позволить этому миру стать морскими державами и дать этим народам выход к морю и остальному миру. Мы должны думать обо всех этих народах и государствах»²⁴.

Помимо этого, доктрина «Голубая родина», как это ни удивительно на первый взгляд, имеет острую антинаатовскую, антиамериканскую и антиевропейскую направленность²⁵. С точки зрения одного из авторов доктрины, США и НАТО заинтересованы в ограничении Турции районом Анатолии, то есть будут пытаться закрыть для Турции выход из Средиземного моря в Мировой океан, а также в лишении Турции доступа к ресурсам всего Восточного Средиземноморья, создании независимого Курдистана с выходом к морю, и открытая поддержка гюленистов — прямое тому свидетельство. В этой связи он полагает, что в интересах Турции — заключение новых альянсов и поиск новых союзников, среди которых рассматривается и Россия. В частности, он предлагает признать суверенитет Абхазии в ответ на признание со стороны Москвы суверенитета ТРСК²⁶.

Заключение

Турция активно включилась в борьбу за Восточное Средиземноморье, за его морские пространства и ресурсы. Несмотря на то, что современный турецкий подход к решению региональных противоречий и конфликтов неизбежно ведет к нарушению или же ущемлению прав тех или иных региональных государств (хотя эти права предоставляются в рамках норм и положений современного международного морского права), а также зиждется на идеологии пантюркизма или же

²⁴ What Turkey wants? // InsideOver. September 8, 2020. URL: <https://www.insideover.com/politics/mediterranean-gurdeniz-turkey.html> (accessed: 12.03.2021).

²⁵ Blue Homeland: The Heated Politics behind Turkey's New Maritime Strategy // War on the Rocks. June 2, 2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/06/blue-homeland-the-heated-politics-behind-turkeys-new-maritime-strategy/> (accessed: 18.03.2021).

²⁶ What Turkey wants? // InsideOver. September 8, 2020. URL: <https://www.insideover.com/politics/mediterranean-gurdeniz-turkey.html> (accessed: 12.03.2021).

нового османизма, у него есть свои определенные исторические корни.

Турция изначально имела принципиально иное видение в отношении тех вопросов, которые затрагивали ее национальные интересы в морской сфере, но в силу гораздо более слабого потенциала и меньшего дипломатического веса не могла отстоять свою позицию пред лицом великих держав времен холодной войны. В этой связи можно даже предположить, что Турция никогда бы не пошла на подписание Лозаннского мирного договора 1923 г., который закрепил баланс интересов между странами в регионе, если бы знала, каким путем пойдет трансформация международного морского права (Wilson, 1979, p. 1), а именно — к появлению 12-мильного лимита территориального моря, наделению островов правом формирования расширенных морских зон, появлению правового режима континентального шельфа и отказу от концепции его естественного продолжения и т. д. Все это вместе сформировало условия для того, чтобы Анкара пришла к выводу, что нормы и положения международного права не могут занимать более

высокое положение, нежели критерий справедливости.

Безусловно, справедливость — это философская категория, и международным судебным инстанциям бывает очень тяжело делать выбор между правовым позитивизмом и принципом справедливости, здесь нет единой и универсальной практики. Однако это не означает, что Турция в рамках своего подхода не может озвучивать свою позицию, даже если она в каких-то сферах отличается излишним радикализмом. Более того, Турции нельзя отказать в некоей последовательности при отстаивании своих национальных интересов. И даже появление новой морской доктрины Турции *Mavi Vatan* — это не просто закономерный этап развития ее взглядов, концептуально-идеологическое оформление ее претензий, но и одновременно — реакция на действия США, ЕС и НАТО в регионе. И как ни парадоксально, даже сложные отношения России с Турецкой Республикой не означают автоматически, что реализация определенной части турецких морских амбиций не отвечает интересам Российской Федерации в тех или иных сферах.

Поступила в редакцию / Received: 31.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список / References

- Абгарян Д.Р. Практика Международного Трибунала по морскому праву. М.: Юстицинформ, 2015. [Abgarjan, D. R. (2015). *Practice of the International Tribunal for the Law of the Sea*. Moscow: Justicinformpubl. (In Russian).]
- Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. 2012. № 6. С. 78—89. [Vylegzhanin, A. N., & Kalamkaryan, R. A. (2012). International custom as the main source of international law. *State and Law*, (6), 78—89. (In Russian).]
- Караман И.В. Международный Трибунал по морскому праву: регламентация деятельности и судопроизводство. Одесса: Феникс, 2007. [Karaman, I. V. (2007). *International Tribunal for the Law of the Sea: Regulations and justice*. Odessa: Feniks publ. (In Russian).]
- Лабуць Д.А. Концепция «естественного продолжения сухопутной территории государства» в документах Комиссии по границам континентального шельфа // Международное право. 2018. № 2. С. 27—46. DOI: 10.25136/2306-9899.2018.2.26992 [Labut, D. A. (2008). The concept of “natural continuation of the state’s land territory” in the documents of the Commission on the Limits of the Continental Shelf. *International Law*, (2), 27—46. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2306-9899.2018.2.26992>]
- Тихомин К.В. Роль островных территорий при разграничении морских пространств // Московский журнал международного права. 2008. № 3. С. 151—171. [Tihomin, K. V. (2008). The role of island territories in the delimitation of sea spaces. *Moscow Journal of International Law*, (3), 151—171. (In Russian).]
- Başlar, K. (2001). Two Facets of the Aegean Sea Dispute: ‘de lege lata’ and ‘de lege ferenda’. In K. Başlar (Ed.), *Turkey and international law* (pp. 153—213.). Ankara: Özen Publ. Retrieved from https://web.archive.org/web/20060822022924/http://www.turkishweekly.net/pdf/aegean_sea.pdf

- Çubukçuoğlu, S. S. (2014). *Turkey's EEZ in the Mediterranean Sea: The case of Kastellorizo* [master's thesis]. Fletcher School of Law and Diplomacy. Retrieved from https://www.academia.edu/9532225/Turkeys_EEZ_in_the_Mediterranean_Sea_The_Case_of_Kastellorizo
- Georgiades, E. A. (2011). The Imia Islets: A beginning to the maritime delimitation of the Aegean Sea dispute. *Ocean and Coastal Law Journal*, 17(1), 103—126. Retrieved from <https://digitalcommons.maine.edu/oclj/vol17/iss1/5>
- Gürdeniz, C. (2019). *Mavi Vatan Yazilari*. Istanbul: Kirmizi Kedi Yayınevi.
- Gürdeniz, C. (2020). *Mavi Vatan'ın Güney Cephesi: Dogu Akdeniz*. Ankara: Pankus Yayınları.
- Inan, Y., & Gozen, M. P. (2009). Turkey's maritime boundary relations. In M. Kibaroglu (Ed.), *Eastern Mediterranean. Countries and issues* (pp. 153—213). Ankara: Foreign Policy Institute.
- Kaysi, D. A. (2013). *The law and geopolitics of maritime delimitation in the Eastern Mediterranean* [master's thesis]. Yale Law School. Retrieved from https://www.academia.edu/28172239/The_Law_and_Geopolitics_of_Maritime_Delimitation_in_the_Eastern_Mediterranean
- Politakis, P. G. (1995). The Aegean agenda: Greek national interests and the new law of the Sea Convention. *The International Journal of Marine and Coastal Law*, 4(4), 497—527. <https://doi.org/10.1163/157180895X00259>
- Potka, F. (2006). *Geopolitics and the overlapping EEZ claims in Eastern Mediterranean: a Liberal Institutionalism approach for the resolution between Cyprus and Turkey* [master's thesis]. Flensburg: Europa-Universität Flensburg & University of Southern Denmark. Retrieved from https://www.academia.edu/29570077/Geopolitics_and_the_overlapping_EEZ_claims_in_Eastern_Mediterranean_a_Liberal_Institutionalism_approach_for_the_resolution_between_Cyprus_and_Turkey
- Siousiouras, P., & Chrysochou, G. (2014). The aegean dispute in the context of contemporary judicial decisions on maritime delimitation. *Laws*, 3(1), 12—49. <https://doi.org/10.3390/laws3010012>
- Van Dyke, J. M. (1989). The role of islands in delimiting maritime zones: The case of the Aegean Sea. *Ocean Yearbook Online*, 8(1), 44—69. <https://doi.org/10.1163/221160089X00047>
- Van Dyke, J. M. (2005). An analysis of the Aegean disputes under international law. *Ocean Development & International Law*, 36(1), 63—117. <https://doi.org/10.1080/00908320590909088>
- Wilson, A. (1979). The Aegean dispute: Introduction. *The Adelphi Papers*, 19(155), 1—1. <https://doi.org/10.1080/05679327908457350>
- Yaycı, C. (2019). *Libya Türkiye'nin Denizden Komsusudur — Dogu Akdeniz'de Deniz Alanlarının Sinirlendirilmesinde Libya'nin Rolü*. Istanbul: ASAM Yayınları.
- Yaycı, C. (2020). *Libya Türkiye'nin Denizden Komsusudur*. Istanbul: Kirmizi kedi Yayınevi.
- Yiallourides, C. (2019). *Maritime disputes and international law: Disputed waters and seabed resources in Asia and Europe*. London: Routledge.

Сведения об авторе: Гудев Павел Андреевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН); ORCID: 0000-0002-2951-6313; e-mail: gudev@imemo.ru

About the author: Gudev Pavel Andreevich — PhD in History, Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS); ORCID: 0000-0002-2951-6313; e-mail: gudev@imemo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-487-497

Научная статья / Research article

Позиция Германии по греко-турецкому спору: интерговернментализм vs. неофункционализм

Н.В. Ивкина

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 ivkina-nv@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению позиции Германии по греко-турецкому спору в Эгейском море сквозь призму двух теорий: интерговернментализма и неофункционализма. Актуальность темы исследования обусловлена постоянно возникающими противоречиями между Турцией и Грецией в Восточном Средиземноморье, а также необходимостью вмешательства в данный спор третьих сторон. В качестве предмета исследования выбрана немецкая позиция, что объясняется стремлением страны стать медиатором в решении данного конфликта. Кроме того, в европейской историографии, посвященной интеграционным вопросам, не утихают споры относительно того, чем руководствуются страны при принятии внешнеполитических решений: общеевропейским набором норм, принципов и ценностей или собственными национальными интересами. Целью исследования является выявление принципов, которым следует Германия в процессе определения политического вектора внешней политики на примере спора между Турцией и Грецией в Эгейском море и соотнесение их с теорией интерговернментализма и неофункционализма. В качестве методов исследования выбраны сравнительно-сопоставительный анализ для соотношения постулатов выбранных теорий с практическими шагами Германии по урегулированию спора между Турцией и Грецией, а также институциональный метод, позволяющий определить роль и место государства в системе принятия общеевропейских решений. Результаты исследования представлены в виде соотношения основных критериев теории интерговернментализма и функционализма с выявленными практическими шагами Германии по урегулированию спора между Турцией и Грецией в Восточном Средиземноморье. В заключении определена приверженность Германии одной из двух теорий по каждому из выбранных критериев.

Ключевые слова: теория интерговернментализма, теория неофункционализма, греко-турецкий спор в Эгейском море, Германия, национальные интересы, Европейский совет, ЕС

Для цитирования: *Ивкина Н.В.* Позиция Германии по греко-турецкому спору: интерговернментализм vs. неофункционализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 487—497. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-487-497

Germany's Position on the Greek-Turkish Dispute: Intergovernmental Theory vs. Neofunctionalism

Natalia V. Ivkina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 ivkina-nv@rudn.ru

Abstract. The article identifies Germany's position on the Greek-Turkish dispute in the Aegean Sea from the point of the intergovernmentalist and neofunctionalist theories. The relevance of the research topic is due to the constantly emerging contradictions between Turkey and Greece in the Eastern Mediterranean, as well as the need for the third parties to intervene in this dispute. The subject of the study is the German position, which is explained

© Ивкина Н.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

by the desire of the country to become a mediator. In addition, in European historiography on the integration there is an ongoing debate as to whether countries are guided in their foreign policy decisions by a common European set of norms, principles and values, or still by their own national interests. The aim of the study is to identify the principles that Germany follows in determining the political vector of its foreign policy, using the example of the dispute between Turkey and Greece in the Aegean Sea, and correlate them with the theories of intergovernmentalism and neofunctionalism. The research methods are comparative analysis for defining the correlation of the postulates and selected theories with the practical steps taken by Germany to resolve the Greek-Turkish dispute, as well as the institutional method, which allows determining the role and place of the state in the system of pan-European decision-making. The results of the study are presented in the form of a correlation of the main criteria of the theories of intergovernmentalism and neofunctionalism with the identified practical steps of Germany to resolve the dispute between Turkey and Greece in the Eastern Mediterranean. The conclusion identifies Germany's commitment to one of the two theories for each of the selected criteria.

Key words: theory of intergovernmentalism, theory of neofunctionalism, Greek-Turkish dispute in the Aegean Sea, Germany, national interests, European Council, EU

For citation: Ivkina, N. V. (2021). Germany's Position on the Greek-Turkish Dispute: Intergovernmental Theory vs. Neofunctionalism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 487—497. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-487-497>

Введение

На сегодняшний день в мире сохраняется значительное количество нерешенных конфликтов, создающих напряженность в отношениях между странами. Одним из таких конфликтов является греко-турецкий спор по акватории, воздушному пространству и природным ресурсам Эгейского моря. Проблема встала на повестку дня еще 50-х гг. XX в., неоднократно приводя стороны на грань военного конфликта. Большинство экспертов сходятся во мнении, что рассматривать данный спор между Турцией и Грецией необходимо с точки зрения противоречий в контексте континентального шельфа, территориальных вод, воздушного пространства, демилитаризованного статуса восточных Эгейских островов,

островков и скал (Avar & Lin, 2019, p. 58), а также в контексте недавно разведанных природных ресурсов.

Все эти вопросы имеют как юридический, так и политический подтекст. Турция больше склонна к политическому решению на двусторонней основе. В свою очередь, Греция в 1978 г. обращалась в Международный Суд ООН, однако проблемы это не решило в силу того, что Турция не признала легитимность судебного разбирательства. Сам Международный Суд ООН отказался брать на себя ответственность за разрешение конфликта. Позиции сторон относительно шельфа, вод и воздушного пространства были противоположны еще до постановки на повестку дня энергетического вопроса (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ позиций Турции и Греции по ключевым пунктам спора в Эгейском море

Проблемный вопрос	Позиция Турции	Позиция Греции
Континентальный шельф	1. Несогласие с тем, что геологически острова Восточно-Эгейского и Турецкого побережья являются неотъемлемой частью и продолжением п-ова Малая Азия (Анатолия). 2. Отказ от принципа равноудаленности. 3. Соглашение о делимитации. 4. Достижение равноправного результата при использовании континентального шельфа обоими государствами	1. При отсутствии соглашения между соседними странами спор должен быть урегулирован по средней линии, проходящей между греческими островами Восточно-Эгейского и Турецкого побережья. 2. Греческие острова геологически являются продолжением п-ова Малая Азия
Территориальные воды	Выступает за сохранение границы территориальных вод обоих государств в пределах 6 морских миль (обладая 6 милями, Греция контролирует почти половину Эгейского моря, 43,68 %, по данным Турции, при этом Турция получает только 7,5 %, оставляя открытым морем около 49 %)	1. Претендует на 12-мильные территориальные воды (не хочет консультироваться по этому вопросу с Турцией, ссылаясь на Конвенцию о морском праве). 2. Право на расширение территориальных вод не может быть ограничено какими-либо особыми обстоятельствами

Окончание табл. 1

Проблемный вопрос	Позиция Турции	Позиция Греции
Воздушное пространство	Недопущение расширения воздушного пространства Греции, чтобы предотвратить усиление ее влияния в Эгейском море в целом	Претензии на 10 миль воздушного пространства, что обусловлено не только необходимостью аэронавигации и воздушного полицейского контроля над территориальными водами Греции, но и тем, что Турция не возражала против данного положения (эстоппель)
Демилитаризованный статус восточных Эгейских островов	1. Против милитаризации греческих островов Лемнос и Самофракия, ибо и Турция, и Греция являются членами НАТО, следовательно, данный регион не требует избыточного вооружения с целью усиления национальной безопасности. 2. Демилитаризация 14 греческих островов Додеканеса обязательна, так как они находятся в непосредственной близости к Турции, что угрожает ее национальной безопасности	1. За милитаризацию островов Лемнос и Самофракия, так как Конвенция Монтрё 1936 г. заменила Лозаннскую конвенцию 1923 г. 2. Милитаризация островов Лесбос, Хиос, Самос и Икарция (Никария) необходима по нескольким причинам: — «вторжение» Турции и продолжающаяся «оккупация» Кипра; — <i>casus belli</i> (то есть «турецкая военная угроза»), нависший над Эгейским морем; — формирование 4-й турецкой армии, базирующейся в Измире; — присутствие в данном регионе большой флотилии турецких десантных судов

Источник: составлено автором по материалам: (Heraclides, 2010; Gonenc & Durmaz, 2020; Yildiz, 2020).

Table 1

Comparative analysis of the positions of Turkey and Greece on the key points of the dispute in the Aegean Sea

Issue	Position of Turkey	Position of Greece
The continental shelf	1. Objection to the islands being an extension of Anatolia. 2. Rejection of the principle of equidistance. 3. The delimitation agreement. 4. The achievement of an equal result in the use of the continental shelf by both States	1. In the absence of an agreement between the neighboring countries, the dispute should be settled along the middle line between the Greek islands of the East Aegean and the Turkish coast. 2. The Greek islands are a direct extension of Anatolia
Territorial waters	Maintaining a limit of 6 miles of territorial waters (having 6 miles, Greece controls almost half of the Aegean Sea, 43.68 % according to the Turkey information, while Turkey receives only 7.5 %, leaving the open sea-about 49 %)	1. Claims a limit of 12 miles of territorial waters (does not want to consult with Turkey on this issue, referring to the Convention on the Law of the Sea). 2. The right to an extension cannot be qualified by special circumstances limiting this right
National airspace	Preventing Greek expansion in the airspace, in order to prevent the strengthening of Greek influence in the Aegean Sea as a whole	Claims for 10 miles of airspace, which is not only due to the need for air navigation and air police control over Greek territorial waters, but also because Turkey did not object to this provision (estoppel)
Demilitarized status of the eastern Aegean islands	1. Against the militarization of the Greek islands of Lemnos and Samothrace, since both Turkey and Greece are members of NATO, therefore, this region does not require excessive weapons in order to strengthen national security. 2. The demilitarization of the 14 Greek Dodecanese islands is mandatory, as they are too close to Turkey, which threatens its national security	1. Support for the militarization of the islands of Lemnos and Samothrace, since the Montreux Convention of 1936 replaced the Lausanne Convention of 1923. 2. The militarization of the islands of Lesbos, Chios, Samos and Ikaria (Ikaria) is necessary for several reasons: — Turkey's "incursions" and the ongoing "occupation" of Cyprus; — <i>casus belli</i> (i.e. "Turkish military threat") looming over the Aegean Sea; — formation 4th Turkish Army based in Izmir; — presence in this region has a large flotilla of Turkish landing crafts

Source: compiled by the author based on the materials of the articles (Heraclides, 2010; Gonenc & Durmaz, 2020; Yildiz, 2020).

Конфликт усложняется еще и тем, что обе страны состоят в Организации Североатлантического договора (НАТО), которая не приветствует двусторонние конфликты между странами-членами, а следовательно, избежать участия третьих сторон в решении проблемы невозможно. Греция и Турция давно провоцируют конфликтные ситуации внутри Альянса, несколько раз доводя его до призывов к роспуску в связи с кипрским вопросом (Карпан, 1994, р. 80). По мнению экспертов Фонда Карнеги, НАТО не удастся помочь сторонам достичь консенсуса из-за нежелания отойти от основной цели создания организации — защиты стран от внешних угроз, и переходить к разрешению двусторонних проблем¹.

В связи с этим актуальным является рассмотрение усилий отдельных стран, заинтересованных в решении этой проблемы. Среди наиболее активных третьих сторон особого внимания заслуживают позиции Франции и Германии, которых с Грецией помимо НАТО связывают интеграционные процессы в рамках Европейского союза (ЕС), а Турция давно является кандидатом на вступление в организацию.

При этом если Францию можно считать определившейся — она активно поддерживает Грецию в этом вопросе, то позиция Германии менее однозначна. Это связано, прежде всего, с тем, что Франция и Греция имеют общие интересы в Средиземном море, регулярно проводя совместные военные учения, особенно в те моменты, когда в регионе наблюдается турецкая активность². Президент Франции Эммануэль Макрон регулярно призывает ЕС заступиться за Грецию как страну — члена организации и даже прекратить любые партнерские отношения с Турцией³.

¹ Dempsey J. Judy Asks: Is NATO Paralyzed Over the Greece-Turkey Conflict? // Carnegie Europe. September 3, 2020. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/82643> (accessed: 17.04.2021).

² France joins Greece's naval exercises amid Turkey row // Deutsche Welle. August 26, 2020. URL: <https://www.dw.com/en/france-joins-greeces-naval-exercises-amid-turkey-row/a-54700105> (accessed: 17.04.2021).

³ Pourquoi la Grèce et la Turquie s'affrontent en Méditerranée orientale // Le Monde. Septembre 14, 2020.

На фоне этого взгляд Германии значительно более расплывчатый и неконкретный. На официальном уровне немецкая сторона призывает стороны ограничиться дипломатическими мерами по урегулированию спора и отказаться от действий с позиции силы.

Теоретическая база исследования

Теоретической базой исследования являются две теории — неофункционализм и интерговернментализм. В основе обеих лежат постулаты европейской интеграции, которые в XXI в. играют определяющую роль в позициях стран, входящих в ЕС. Теоретический выбор объясняется тем, что актуальным остается вопрос относительно наднациональных и межправительственных перспектив интеграции и, как следствие, их репликации на процесс принятия внешнеполитических решений европейскими странами. При этом за основу взят принцип, который предлагает рассматривать различные точки зрения не как конкурирующие теории (Hooghe & Marks, 2009, р. 3), изучив постулаты которых в финале делается выбор в пользу одной из них (Beach & Pedersen, 2019, pp. 55—57), а как набор эмпирических утверждений, лежащих в основе принятия решений в пользу того или иного разрешения проблемы. Таким образом, цель исследования состоит в том, чтобы с помощью теоретических постулатов определить принципы, которыми руководствуется Германия в процессе определения политического вектора внешней политики на примере спора между Турцией и Грецией в Эгейском море.

Появление неофункционализма как самостоятельной теоретической концепции связано с первыми попытками евроинтеграции в 60-х гг. XX в. Автором идеи стал Э. Хаас, который, опираясь на позицию еврофедералистов, взялся утверждать, что любая форма интеграции намного лучше и надежнее для Европы, чем продолжение восстановления национальных государств после Второй

URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/09/14/pourquoi-la-grece-et-la-turquie-s-affrontent-emediterranee-orientale_6052162_3210.html (accessed: 17.04.2021).

мировой войны (Haas, 1961, p. 378). Неофункционализм призван объяснить «экспансивную логику интеграции секторов», в соответствии с которой интеграция одного сектора приводит к «техническому» давлению, которое, в свою очередь, подталкивает государства-члены к интеграции других секторов (Haas, 1968, p. 72).

Учитывая уже известные этапы построения европейской интеграции, можно предположить, что авторы концепции рассчитывали на углубление интеграционных процессов от экономических вопросов к политике и сфере безопасности. Этот процесс характеризует основное понятие неофункционализма — «эффект перетекания», или «побочный эффект» (*spillover effect*).

В классических работах неофункционалистов выделено три основных «побочных эффекта»: функциональный, политический и культивируемый (Tranholm-Mikkelsen, 1991, p. 17).

Функциональный «побочный эффект» предполагает постоянное движение в сторону установления взаимозависимости между отдельными секторами (политика, экономика, культура) и отказа от изоляции отдельных проблемных вопросов друг от друга. Таким образом, процесс интеграции становится определяющим, и страны уже не могут отказаться от взаимодействия друг с другом в контексте вопросов, возникающих между ними, или относительно проблем, которые приходится решать вне региона.

Политический «побочный эффект» проистекает из понимания политическими элитами европейских стран, что современные проблемы не могут быть решены на национальном уровне и требуют коллективного решения. Оправдание этого эффекта — создание большого количества рабочих групп внутри ЕС (Lindberg, 1963, p. 32), что приводит к регулярным контактам между представителями различных государственных ведомств европейских стран и, как следствие, повышению уровня доверия между ними.

И наконец, *культивируемый «побочный эффект»* призван гарантировать, что созданные наднациональные органы будут заинтересованы в постоянном углублении интеграции,

что в результате пойдет на пользу всем государствам, участвующим в этом процессе (Lindberg, 1963, p. 43). Именно этот критерий формирует базовые принципы интеграционных процессов (Riddervold & Rosén, 2016, p. 688).

Все эти позиции призваны оправдать необходимость европейской интеграции и показать странам выгоды от их участия в процессе построения взаимозависимости друг от друга. Фактически неофункционализм стирает грань между национальным интересом и интересом интеграционной организации.

В качестве критики такого подхода к интеграции выступила теория интерговернментализма. Ключевой вопрос, который ставит на повестку дня эта теория, звучит так: «Кто руководит европейской интеграцией?» (Schmidt, 2019). Выбор предполагает либо самостоятельные наднациональные органы (такие как Европейский Совет, Еврокомиссия и Европарламент), либо национальные государства, которые имеют своих представителей в каждой из вышеуказанных структур. Представители интерговернментализма склоняются к тому, что достичь того уровня интеграции, на который рассчитывали неофункционалисты, до сих пор не удалось и решения в условиях функционирования ЕС по-прежнему принимаются с учетом интересов отдельных национальных государств.

По мнению одного из основоположников интерговернментализма Э. Моравчика, институциональные субъекты, действующие в рамках наднациональных организаций, играют в лучшем случае незначительную, посредническую роль. Сами же государства-члены формируют и направляют курс политики ЕС, что и объясняет умеренную скорость европейской интеграции (Moravcsik, 2018). Существует мнение, что именно интерговернментализм является основным двигателем интеграционного развития в силу того, что он близок понятию наднационализм (Пименова, 2019, с. 78).

Также главы государств и правительств играют основополагающую роль в принятии решений, руководствуясь не общим курсом, а вопросами, которые сами ставят на повестку

дня (Middelaar, 2019, p. 138). Сравнительный анализ по классическим постулатам каждой из выбранных теорий выглядит следующим образом (табл. 2). Он будет необходим для дальнейшего сопоставления выбранных критериев с реальными шагами Германии по разрешению греко-турецкого спора.

Как видно из данных табл. 2, основным различием между двумя теориями является

акторный дискурс, то есть спор о том, чем руководствуются страны ЕС при принятии внешнеполитических решений, а также при формировании позиции по тому или иному вопросу — общеевропейскими интересами или собственным взглядом на проблему. Для ответа предлагается рассмотреть кейс позиции Германии по греко-турецкому спору сквозь призму двух теорий.

Таблица 2

Сравнительный анализ ключевых постулатов интергouverнментализма и неофункционализма

Критерий	Неофункционализм	Интергouverнментализм
Корни теории	Демократический плюрализм, функционализм	Либеральный институционализм и другие интеграционные теории
Основной актор	Наднациональные институты	Национальные государства, принимающие участие в интеграции
Отношение к государству	Концептуализация государства как арены, на которой общественные субъекты действуют для реализации общих интересов	Государства добровольно вступают в союзы, формируя взаимозависимость, однако сохраняют национальный интерес и суверенитет
Международная система	Добровольное взаимодействие субъектов для достижения взаимовыгодных условий интеграции	Международное сотрудничество как продукт национальных предпочтений либеральных демократий с учетом своих интересов
Отношение к интеграции	Посредством поступательной интеграции (от экономической к политической сферам) возможно достичь серьезных успехов на всех уровнях, в том числе консолидировать усилия в вопросах безопасности	Возможно добиться консолидации усилий исключительно в базовых вопросах, например экономических; в политике и безопасности добиться успехов невозможно, так как это затрагивает национальные интересы

Источник: составлено автором по материалам статей (Hooghe & Marks, 2009; Hooghe et al., 2019; Haas 2004).

Table 2

Comparative analysis of the key postulates of intergovernmentalism and neofunctionalism

Criteria	Neofunctionalism	Intergovernmental theory
Basic principles	Democratic pluralism, functionalism	Liberal institutionalism and other integration theories
Main actor	Supranational institutions	National States participating in integration
The state	Conceptualization of the state as an arena in which public actors act to realize common interests	States voluntarily enter into alliances, forming interdependence, but retain national interest and sovereignty
International system	Voluntary interaction of subjects to achieve mutually beneficial integration conditions	International cooperation as a product of national preferences of Liberal democracies, taking into account their interests
Integration process	Through progressive integration (from the economic to the political spheres), to achieve serious success at all levels, including consolidating efforts in security issues	Consolidation of efforts only in basic issues, for example, economic, political and security, it is impossible to achieve success, because it affects national interests

Source: compiled by the author based on the materials of the articles (Hooghe & Marks, 2009; Hooghe et al., 2019; Haas 2004).

Позиция Германии по греко-турецкому спору: внешнее и внутреннее измерения

Для достижения поставленной цели, а именно выявления позиции Германии по греко-турецкому спору в Эгейском море и

соотнесения с двумя теориями, необходимо рассмотреть два основных измерения: внешнее и внутреннее.

Под внешним измерением понимается влияние ЕС на разрешение конфликта между Турцией и Грецией при посредничестве

институтов ЕС, соблюдении норм европейского права (Stemona & Micklit, 2016, p. 174). Согласно неофункционалистской теории, Германия должна придерживаться основной позиции Европейского союза по греко-турецкому спору с превалированием над национальным интересом страны по данному вопросу.

Исследователи предполагают, что позиция ЕС по разрешению спора между Грецией и Турцией стала формироваться только после 1999 г. Российские специалисты по греко-турецкому спору связывают это с саммитом ЕС в Хельсинки, когда греческое правительство поддержало инициативу Турции начать процесс европейской интеграции (Атрашкевич, 2019, с. 677). До этого периода политика ЕС характеризовалась в основном попытками принудить Турцию пойти на уступки Греции взамен на новые послабления по вступлению в организацию (Rumelili, 2004, p. 8). Такую тактику условно назвали политикой «кнута и пряника». Однако она оказалась нежизнеспособной и не привела к решению конфликта. Причина этого кроется в том, что решение о принятии или отказе в принятии Турцией и Грецией в ЕС принималось в тот момент, когда Европейское сообщество было довольно консервативно в отношении своей потенциальной роли в урегулировании конфликтов. ЕС предпочел игнорировать споры между государствами-членами по национальным вопросам (Stephanou & Tsardanides, 1991, p. 211). Когда организация действительно почувствовала потенциал для решения вопросов безопасности, Греция уже была ее членом. Она использовала сближение с европейскими странами как рычаг давления на Турцию в споре. С этим согласны не только немецкие и французские, но и греческие исследователи (Couloumbis, 1994, p. 192).

Здесь возникает вопрос о том, что ЕС может предложить для решения конфликта. Первое — это сила норм европейского права, второе — особый тип адаптации стран в системе ЕС. Выработывая собственные нормы, ценности и принципы, ЕС стремился экспортировать свою систему на те страны, которые могли им соответствовать. Приняв Грецию в

свой состав и увязав согласие на принятие Турцией с разрешением спора в Эгейском море (Rumelili, 2004, p. 9), ЕС обозначил свою позицию по этому конфликту. Турция даже пошла на определенные уступки по внедрению норм европейского права в свою национальную правовую систему — с 2001 по 2004 г. были приняты различные пакеты политических реформ для выполнения копенгагенских политических критериев, которые привели к углублению процесса европеизации Турции (Вас, 2005, p. 30). Следует отметить, что именно на этот период (2002—2004 гг.) пришелся прогресс по вопросу урегулирования греко-турецкого спора в Эгейском море.

Следовательно, можно говорить о том, что между потенциальной возможностью вступления Турции в ЕС и урегулированием ее спора с Грецией по шельфу и территориальным водам есть прямая взаимозависимость. Однако данного факта оказалось недостаточно для того, чтобы ЕС иначе посмотрел на возможность турецкого членства в организации.

ЕС регулярно демонстрирует свою про-греческую позицию. Так, например, в 2019 г. турецкие буровые суда «Фатих» и «Явуз» начали работать на континентальном шельфе в Восточном Средиземноморье, утверждая, что это турецкая зона. Европейский Совет назвал поведение турецких судов «незаконным бурением» и подготовил проект перечня санкций⁴. В середине августа 2020 г. турецкое научно-исследовательское судно «Орук Рейс» сопровождали два турецких военно-морских фрегата, когда оно отправилось в спорные воды к западу от о. Кипр для проведения буровых работ. Напряженность возросла, когда один из военных кораблей — фрегат «Кемаль Рейс» — столкнулся с греческим фрегатом «Лемнос» 12 августа 2020 г.⁵

⁴ Turkey's illegal drilling activities in the Eastern Mediterranean: Council adopts conclusions // European Council. July 15, 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/10/14/council-conclusions-on-turkey-s-illegal-drilling-activities-in-the-eastern-mediterranean/> (accessed: 17.04.2021).

⁵ Turkish and Greek warships collide in eastern Mediterranean // The Independent. August 12, 2020. URL:

В качестве посредников для урегулирования нового витка напряженности между Грецией и Турцией выступили председатель Европейского Совета Шарль Мишель, а также канцлер Германии Ангела Меркель, не представлявшая на тот момент официальные структуры ЕС, а действовавшая в русле немецкой инициативы по предотвращению конфликта в регионе.

В октябре 2020 г. прошло заседание Европейского Совета в Брюсселе, где целый блок вопросов касался Восточного Средиземноморья. Европейский Совет подтвердил свою полную солидарность с Грецией и Кипром, суверенные права которых должны уважаться: «...Проведение добропорядочного диалога и воздержание от односторонних действий, которые противоречат интересам ЕС и нарушают международное право и суверенные права государств — членов ЕС, является абсолютным требованием в этом отношении. Все разногласия должны быть урегулированы посредством мирного диалога и в соответствии с международным правом»⁶.

Как видно из анализа внешнего измерения, ЕС не берет на себя техническую составляющую разрешения спора, но готов содействовать предотвращению эскалации.

Внутреннее измерение определяется собственной позицией Германии по данному территориальному спору. Основной вопрос заключается в том, совпадает ли она с официальной позицией ЕС.

Для начала следует отметить, что собственная национальная позиция Германии по греко-турецкому спору в Эгейском море формировалась под влиянием нескольких факторов. Во-первых, после окончания Второй мировой войны, а также объединения ГДР и ФРГ новое немецкое государство взяло курс на мирное разрешение любых конфликтов, чтобы повысить степень доверия со стороны международного сообщества. Во-вторых, исторически сложилось, что отношения

<https://www.independent.co.uk/news/world/europe/turkey-greece-war-mediterranean-erdogan-ships-collide-a9670416.html> (accessed: 17.04.2021).

⁶ Special European Council, 1—2 October 2020. Main results // European Council. October 2, 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2020/10/01-02/> (accessed: 17.04.2021).

Турции с Германией находятся на более высоком уровне, чем с другими странами ЕС.

Сообразно такому подходу Германия видит себя медиатором решения греко-турецкого спора, актором, который способствует отказу от силового решения проблемы. Причем с течением времени ставки постоянно повышались в силу того, что спор теперь идет не столько за группу островов в Эгейском море, сколько за право добывать природный газ в Восточном Средиземноморье⁷. И если Э. Макрон видит решение проблемы во введении экономических санкций против Турции, то А. Меркель ведет активный диалог с турецкой стороной, который дает положительные результаты. Так, в 2020 г. произошел очередной виток напряженности между сторонами из-за активности Турции по разведке природных ресурсов в спорном районе. Но по просьбе Германии президент Турции Р.Т. Эрдоган приостановил геологоразведочные работы⁸, что и снизило градус напряженности конфликта.

Такая политика Германии вызывает недоумение у Греции. По мнению греческих дипломатов, «у них с Германией совершенно разные взгляды на то, как надо вести себя с Турцией, так как последняя давно и навсегда отказалась от западных ценностей, а значит, надо оставить попытки умиротворения агрессора»⁹. Кроме того, министр обороны Греции и вовсе подозревает Германию в нежелании следовать внешнеполитическому курсу ЕС и посылать сигналы Турции о ее недопустимом поведении в регионе¹⁰. Такая позиция немецкой стороны объяснима наличием тесных экономических и инвестиционных связей с Турцией, а также большой турецкой диаспоры, проживающей на территории страны.

⁷ How Merkel Can Calm the Conflict Between Greece and Turkey // Bloomberg. September 7, 2020. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-09-07/merkel-can-calm-the-conflict-between-greece-and-turkey> (accessed: 17.04.2021).

⁸ Ibid.

⁹ Greece irked by Germany in standoff with Turkey. Athens wants more support from Berlin in Eastern Mediterranean // Politico. August 21, 2020. URL: <https://www.politico.eu/article/greece-irked-by-germany-in-standoff-with-turkey/> (accessed: 17.04.2021).

¹⁰ Ibid.

Германия является третьим по величине экспортером в мире после Китая и США с объемом экспорта около 1,3 трлн долл. США в год. В 2002—2018 гг. прямые инвестиции из Германии в Турцию составили 9,2 млрд долл. США. Кроме того, в Германии действует около 80 тыс. турецко-немецких предприятий с годовым оборотом около 52 млрд евро. В рамках турецких инициатив работают почти 500 тыс. человек в 50 различных секторах экономики¹¹. Вместе с тем в Турции находится более 7500 немецких компаний, и Германия хочет развивать экономические связи¹². Как видно из приведенных данных, наблюдается высокая степень взаимозависимости между Германией и Турцией в экономической сфере.

По последним данным, обнародованным правительством Германии, в стране проживает около 2 млн 800 тыс. человек турецкого происхождения¹³. Статистическое агентство Statistica подтверждает, что турецкая диаспора — самая многочисленная из этнических меньшинств, проживающих на территории Германии: на 2020 г. официально зафиксировано 1 461 910 иностранных турецких граждан¹⁴. Все это говорит о серьезном этническом лобби.

Турки активно получают гражданство Германии и крайне позитивно оценивают политику страны. Так, например, если в большинстве европейских стран, таких как Австрия или Франция, наблюдается высокий индекс дружелюбия представителей турецкой

диаспоры к левым и левоцентристским партиям, то в Германии, наоборот, консервативный лидер Христианско-демократического союза Германии (ХДС) А. Меркель получает наивысший индекс благоприятствования¹⁵. Интересно, что самый известный политик страны турецкого происхождения — представитель Партии зеленых Джем Оздемир — частый критик политики Турции в области прав человека и не пользуется популярностью среди турок, проживающих в Германии¹⁶. Поддержка со стороны турецкой диаспоры дает А. Меркель еще больше стимулов для выстраивания хороших отношений непосредственно с Турцией.

Таким образом, Берлин фактически становится плацдармом для переговоров между Грецией и Турцией. Наибольшей проблемой, которая на сегодняшний день мешает сторонам начать дипломатическое урегулирование, является недоверие, и именно Германия помогает преодолеть его.

Выводы

Сопоставляя позицию Германии по греко-турецкому спору в Эгейском море с двумя теориями, положенными в основу исследования, можно сделать следующие выводы.

Наблюдается заметный крен в сторону внутреннего измерения, то есть политика Германии в отношении Турции и Греции ориентирована скорее на собственные, национальные потребности, а не интересы институтов ЕС. Германия готова вносить посильный вклад в урегулирование спора, но, в отличие от ряда других европейских стран, открыто не критикует Турцию за провокации в Восточном Средиземноморье. Это в полной мере отвечает идее Э. Моравчика о скрытом игнорировании отдельных интересов

¹¹ New period in Turkish-German ties commences based on mutual interests // Daily Sabah. September 21, 2018. URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2018/09/21/new-period-in-turkish-german-ties-commences-based-on-mutual-interests> (accessed: 17.04.2021).

¹² Turkey, Germany vow to boost economic ties // Anadolu Agency. September 21, 2018. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkey-germany-vow-to-boost-economic-ties/1261429> (accessed: 17.04.2021).

¹³ Almanya'da 2,8 milyon Türkiye kökenli yaşıyor // Deutsche Welle. July 30, 2020. URL: <https://www.dw.com/tr/almanya-da-28-milyon-t%C3%BCrkiye-k%C3%B6kenli-ya%C5%9F%C4%B1yor/a-54385723> (accessed: 17.04.2021).

¹⁴ Number of foreigners in Germany from 2018 to 2020, by country of origin // Statista. September 30, 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/890277/foreigner-numbers-by-country-of-origin-germany> (accessed: 17.04.2021).

¹⁵ Hoffman M., Makovsky A., Werz M. The Turkish Diaspora in Europe. Integration, Migration, and Politics // Centre for American progress. December 10, 2020. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2020/12/10/491951/turkish-diaspora-europe/> (accessed: 17.04.2021).

¹⁶ Cem Özdemir: “Erdogan wants to establish Turkey in Germany” // Deutsche Welle. July 19, 2017. URL: <https://www.dw.com/en/cem-ozdemir-erdogan-wants-to-establish-turkey-in-germany/a-39761625> (accessed: 17.04.2021).

интеграционных структур и сосредоточении на внутренних интересах для решения функциональных проблем (Moravcsik, 2018). По основному критерию, а именно акторной составляющей, позиция Германии приближена к интергouverнментализму.

По критерию, призванному прояснить отношение представителей двух теорий к функционированию международной системы, также можно считать доказанным приверженность Германии теории интергouverнментализма. Процесс принятия решения по поддержке/осуждению действий той или иной стороны принимается согласно установкам, описанным еще в самом начале формирования теории. Он разбивается на три этапа: внутреннее формирование национальных предпочтений (Германия отталкивается от интересов в отношениях с Турцией и Грецией); межправительственные переговоры (содействие двустороннему формату переговоров между сторонами для недопущения эскалации вооруженного конфликта); имплементация решений на европейский уровень (весомое влияние Германии на решения Европейского Совета) (Moravcsik, 1998).

На первом этапе государственные предпочтения формируются мощными политическими группами, прежде всего партиями, имеющими наибольший вес в Бундестаге, а также лоббистскими структурами. В этом контексте поддержка этническими турками, проживающими в Германии, правящей коалиции является примером успешного взаимодействия государственных и негосударственных акторов. На втором этапе

Германия пытается стать медиатором в разрешении уже существующего спора, предложить свои варианты решения проблемы и вынести их на общеевропейское обсуждение. Третий этап характеризуется тем, что решения, принимаемые Европейским Советом, отвечают не только и не столько интересам ЕС как интеграционного объединения, сколько отдельным странам, прежде всего Франции и Германии (Bergman, 2018, pp. 1267—1268).

Последний критерий — интеграционный вопрос — на теоретическом уровне не вызывает таких острых дискуссий. Представители обеих теорий сходятся во мнении, что процесс интеграции был закономерным шагом для большинства европейских стран. Однако различаются подходы к уровню интеграции: неофункционалисты считают достижимой интеграцию в политической области и сфере безопасности, в то время как интергouverнменталисты ограничивают интеграцию экономической областью. В рамках данного исследования выявлено, что Германия при принятии решения по вопросу обеспечения безопасности в Эгейском море (проблема регулярных провокаций со стороны Турции) не руководствуется какой-то одной из рассматриваемых теорий. Она вносит посильный вклад как на уровне ЕС, принимая участие в заседаниях Европейского Совета, так и на двусторонней основе, проводя личные переговоры с Р.Т. Эрдоганом. Однако эффективность этого вклада разная. При прямом контакте с турецкой стороной удастся добиваться гораздо больших результатов, чем при посредничестве ЕС.

Поступила в редакцию / Received: 12.05.2021
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список / References

- Атрашкевич А.Н. Турция и Греция: политические и экономические отношения в конфликтных условиях (1999—2017 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 675—689. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-675-689 [Atrashkevich, A. N. (2019). Turkey and Greece: Political and economic relations within the conflict circumstances (1999—2017). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(4), 675—689. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-4-675-689>]
- Пименова О.И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 76—93. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-05 [Pimenova, O. (2019). Legal integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative analysis. *International Organisations Research Journal*, 14(1), 76—93. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-05>]

- Avar, Y., & Lin, Y. C. (2019). Aegean disputes between Turkey and Greece: Turkish and Greek claims and motivations in the framework of legal and political perspectives. *International Journal of Politics and Security*, 1(1), 57—70.
- Bac, M. (2005). Turkey's political reforms and the impact of the European Union. *South European Society and Politics*, 10(1), 17—31. <https://doi.org/10.1080/13608740500037916>
- Beach, D., & Pedersen, R. B. (2019). *Process-tracing methods: Foundations and guidelines*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Bergman, J. (2018). Neofunctionalism and EU external policy integration: The case of capacity building in support of security and development (CBSD). *Journal of European Public Policy*, 26(9), 1253—1272. <https://doi.org/10.1080/13501763.2018.1526204>
- Couloumbis, T. (1994). Introduction: The impact of EC membership on Greece's foreign policy profile. In P. Kazakos & P. Ioakimidis (Eds.), *Greece and EC membership evaluated* (pp.189—198). London: Pinter Publishers.
- Cremona, M., & Micklit, H.-W. (2016). *Private law in the external relations of the EU*. Oxford: Oxford University Press.
- Gonenc, D., & Durmaz, G. (2020). The politics of neoliberal transformation on the periphery: A critical comparison of Greece and Turkey. *Southeast European and Black Sea Studies*, 20(4), 617—640. <https://doi.org/10.1080/14683857.2020.1843284>
- Haas, E. (1961). International integration: The European and the universal process. *International Organization*, 15(3), 366—392.
- Haas, E. B. (1968). *The Uniting of Europe*. Stanford: Stanford University Press.
- Haas, E. B. (2004). *The Uniting of Europe: Political, social and economic forces, 1950—1957*. Stanford: Stanford University Press.
- Heraclides, A. (2010). *The Greek-Turkish conflict in the Aegean: Imagined enemies*. Palgrave Macmillan.
- Hooghe, L. & Marks, G. (2009). A postfunctionalist theory of european integration: From permissive consensus to constraining dissensus. *British Journal of Political Science*, 39(1), 1—4. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
- Hooghe, L., Lenz, T., & Marks, G. (2019). *A theory of international organization*. Oxford: Oxford University Press.
- Kaplan, L. S. (1994). *NATO and the United States. Updated edition. The enduring alliance*. New York: Twayne Publishers.
- Lindberg, L. (1963). *The Political dynamics of European integration*. Stanford: Stanford University Press.
- Middelaar, L. (2019). *Alarums and excursions: Improvising politics on the European stage*. Newcastle: Agenda Publishing.
- Moravcsik, A. (1998). *The choice for Europe*. Ithaca: Cornell.
- Moravcsik, A. (2018). Preferences, power and institutions in 21st-century Europe. *Journal of Common Market Studies*, 56(7), 1648—1674. <https://doi.org/10.1111/jcms.12804>
- Riddervold, M., & Rosén, G. (2016). Trick and treat: How the commission and the European Parliament exert influence in EU foreign and security policies. *Journal of European Integration*, 38(6), 687—702. <https://doi.org/10.1080/07036337.2016.1178737>
- Rumelili, B. (2004). The European Union's impact on the Greek-Turkish conflict. *Working Papers Series in EU Border Conflicts Studies*. Bogazici University, University of Birmingham.
- Schmidt, V. (2019). Politicization in the EU: Between national politics and EU political dynamics. *Journal of European Public Policy*, 26(7), 1018—1036. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1619189>
- Stephanou, C., & Tsardanides, C. (1991). The EC factor in the Greece — Turkey — Cyprus Triangle. In D. Consta (Ed.), *The Greek-Turkish conflict in the 1990s: Domestic and external influences* (pp. 207—230). New York: St. Martin's Press.
- Tranholm-Mikkelsen, J. (1991). Neo-functionalism: Obstinate or obsolete? *Millenium*, 20(1), 1—22. <https://doi.org/10.1177/03058298910200010201>
- Yildiz, E. (2020). The Conflict between Greece and Turkey Mediterranean sea (international maritime law study). *Jurnal Hukum*, 36(2), 126—137. <https://doi.org/10.26532/jh.v36i2.11393>

Сведения об авторе: *Ивкина Наталья Викторовна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8654-7629; e-mail: ivkina-nv@rudn.ru

About the author: *Ivkina Natalia Viktorovna* — PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0001-8654-7629; e-mail: ivkina-nv@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516

Научная статья / Research article

Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991—2019 гг.

А.А. Ирхин^{ID}✉, О.А. Москаленко^{ID}

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

✉alex.irhin@mail.ru

Аннотация. Черноморский регион (ЧР) становится геополитическим пространством столкновения — прифронтовой зоной формирования новой системы международных отношений. После окончания холодной войны регион из периферийного района мировой политики становится одним из центров конкуренции между региональными и мировыми державами. При этом регион носит не географический, а геополитический характер, который существенно расширяет его границы как минимум в четырех вариациях: ЧР как пространство семи прибрежных государств, ЧР как Балто-Черноморский регион, ЧР как Черноморско-Каспийский регион и ЧР как «нервный узел» Большого Средиземноморья. Рассматриваются геополитические проекты великих держав в отношении Черноморского региона в 1991—2019 гг. Целью является исследование эволюции и динамики реализации указанных геополитических проектов через сопоставление концептуального, доктринального уровней и уровня практической политики субъектов международных отношений в отношении ЧР. Научная новизна заявленной темы состоит в системном исследовании геополитических проектов великих держав в отношении ЧР после окончания холодной войны, который становится в текущий период мировой истории одним из критически важных регионов. Авторы приходят к выводу, что США, ЕС и Турция имеют наступательную стратегию в ЧР, тогда как стратегия РФ после дезинтеграции СССР направлена на сохранение статуса-кво. После 2014 г. США и их союзники приступили к третьей попытке реализации проектов Евроатлантического Причерноморья и проекта Большого Черноморского региона, которые предполагают вытеснение РФ из Черноморского региона. Геополитическое значение ЧР определяется его стратегическим положением на пересечении интересов ключевых игроков международных отношений. Их конкуренция в ЧР осуществляется как на внутрирегиональном (Россия — Турция — ЕС), так и глобальном (США — Россия, Турция, Иран; ЕС — Россия, Турция, США; Китай — США, ЕС, Россия) уровнях, определяя содержание концептуальных подходов к политическому устройству региона и конкретных интеграционных (и инфраструктурных) проектов. Сложность текущей геополитической ситуации в регионе определяется большим количеством конкурирующих держав и меняющимися контурами международной системы в целом.

Ключевые слова: Черноморский регион, геополитический проект, великие державы, Россия, США, ЕС, Турецкая Республика, НАТО

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-114-50055.

© Ирхин А.А., Москаленко О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: *Ирхин А.А., Москаленко О.А.* Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991—2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 498—516. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516

The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991—2019

Aleksandr A. Irkhin , Olga A. Moskalenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

 alex.irhin@mail.ru

Abstract. The Black Sea region (BSR) is becoming a geopolitical space of clash — a frontline zone for the formation of a new system of international relations. After the Cold War, the region from the peripheral became one of the centers of competition between regional and global powers. It has mostly geopolitical rather than simple geographical character, significantly expanding its borders in at least four variations: the BS as the space of seven coastal states, the BS as the Baltic-Black Sea region, the BS as the Black Sea-Caspian Sea region, and the BS as the “nerve center” of the Greater Mediterranean. The article analyzes the geopolitical projects of great powers in relation to the Black Sea region in 1991—2019. The aim is to study the evolution and dynamics of these geopolitical projects by comparing the conceptual and doctrinal levels, as well as the level of practical policy of the key actors in relation to the Black Sea region. The scientific novelty lies in the systematic analysis of the geopolitical projects of great powers in the BSR after the Cold War, which becomes one of the critically important regions in the current period of world history. The authors conclude that the United States, the EU and Turkey follow an offensive strategy in the BSR, while Russia’s strategy is aimed at maintaining the status quo. After 2014, the USA and its allies have embarked on a third attempt to implement the Euro-Atlantic Black Sea project and the Greater Black Sea project, which involve the displacement of the Russian Federation from the Black Sea region. The geopolitical significance of the BSR is determined by its strategic location at the intersection of the interests of key actors. Their competition in the BSR is carried out both at the regional (Russia — Turkey — EU) and global (USA — Russia, Turkey, Iran; EU — Russia, Turkey, USA; China — USA, EU, Russia) levels, determining the content of conceptual approaches to the political structure of the region and specific integration (and infrastructure) projects. The complexity of the current geopolitical situation in the region is determined by a large number of competing powers and changing contours of the international system. The main axis of intra-regional competition in the BSR is focused on achieving a balance of power between Russia and Turkey.

Key words: Black Sea region, geopolitical project, great powers, Russia, EU, USA, Turkey, NATO

Acknowledgements: The reported study was supported by RFBR, project number 20-114-50055.

For citation: Irkhin, A. A., & Moskalenko, O. A. (2021). The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991—2019. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 498—516. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>

Введение

Существующая система международных отношений (СМО) трансформируется за счет объективной конкуренции между главными, но противоположными тенденциями — глобализацией и регионализацией как проявлениями универсального мирового порядка и логики «сфер влияния». В этой конкуренции стремление к контролю над ключевыми регионами мира остается основным императивом держав: как сторонниц поддержания

однополярного мира, так и многополярного. Одним из ключевых регионов является Черноморский регион (ЧР), который в современной мировой политике имеет стратегическое положение на пересечении интересов ключевых игроков. Как покажет проведенное исследование, каждая из держав под ЧР подразумевает свой вариант его конфигурации и на этой основе предлагает и реализует геополитические проекты (ГП), которые вступают во взаимодействие и конкуренцию друг с другом.

Объектом исследования является ЧР, предметом — ЧР в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991—2019 гг. Цель состоит в исследовании геополитических проектов великих держав в отношении ЧР в хронологических рамках 1991—2019 гг.

Задачи исследования заключаются в следующем:

— определении моделей геополитического позиционирования ЧР в современных геополитических концепциях и проектах;

— исследовании геополитических проектов великих держав в отношении ЧР;

— изучении основных положений внешней политики США, ЕС, России и Турции после окончания холодной войны в отношении ЧР.

В основе методологии исследования лежат системный, геополитический и цивилизационный подходы.

Авторы, опираясь на исследования Т. Шаклеиной (2011), И. Шамина (2012), А. Гольцова (2016), под ГП великих держав понимают ограниченный во времени, обеспеченный соответствующими ресурсами и поставленной целью проект в отношении преобразования геополитического пространства различного масштаба со стороны государств — региональных и мировых лидеров.

Дискуссии по определению границ ЧР

При исследовании ЧР возникает проблема определения его границ. Прибрежный принцип позволяет выделить семь государств: Россия, Турция, Украина, Грузия, Болгария, Румыния и Молдова, имеющих выход к берегам Черного моря. М. Айдин с точки зрения политической и экономической безопасности и стабильности говорит о наличии геостратегических оснований связать черноморскую территорию с территорией Кавказа, Каспия, Восточной и Юго-Восточной Европы (Aydin, 2004, p. 6).

Ряд исследователей оперирует понятием «Балтийско-Черноморское пространство» или «Балтийско-Черноморский регион» (БЧР) (Sinovets & Maksymenko, 2020; Zazhigaev,

2009; Левик, 2014; Левченков, 2020). При этом проявляется явное разделение на сторонников БЧР как имеющего естественное происхождение и существование и на воспринимających его как искусственную конструкцию, результат геополитического проектирования; конфигурация ЧР зависит «от интересов тех субъектов международных отношений, которые реализуют в отношении его определенный внешнеполитический курс» (Тупота, 2015, с. 142).

А. Гольцов отмечает существенные изменения структуры СМО в современном мире, вследствие чего становится возможным возникновение новых региональных объединений. Одним из последствий нынешней конфронтации между Западом и Россией явилась актуализация проектирования в БЧР геополитических интеграционных структур, например «Междуморья» (Гольцов, 2016, с. 95). На основе желаемой модели может быть создан ГП как стратегический план действий, имеющий своей целью трансформировать геопространственную структуру той или иной политической системы (Гольцов, 2016, с. 96).

М.В. Ильин является последовательным сторонником естественного происхождения и существования БЧР (Ильин, 2009; Ильин, Мелешкина, 2012): геополитическая Балто-Черноморская система (БЧС) лежит в географическом Балто-Черноморском «Междуморье» (Ильин, 2008, с. 180).

Существуют концепции, объединяющие черноморское пространство со Средиземноморьем в одну геополитическую единицу — Большое Средиземноморье¹. Черноморское пространство включается экспертами и в состав Черноморско-Каспийского региона (ЧКР) (Волович, 2008). Как отмечает украинский исследователь Л. Максименко, термин «начал активно использоваться с 1991 г., но и теперь нет [его] четкого определения.

¹ Ильин М.В. Вводный очерк для Большого Средиземноморья // ResearchGate. January 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/338901203_Vvodnyj_ocherk_dla_Bolsogo_Sredizemnomora (дата обращения: 26.04.2021). DOI: 10.13140/RG.2.2.22076.18569. См. также: (Irkhin & Moskalenko, 2020; Нечаев и др., 2019; Чихарев, 2021).

Аналитики чаще всего относят к этому региону такие страны: Азербайджан, Болгарию, Армению, Грузию, Иран, Казахстан, Киргизию, Молдову, Россию, Румынию, Таджикистан, Турцию, Туркменистан, Узбекистан, Украину» (Максименко, 2005, с. 137).

А.Р. Никифоров отстаивает прибрежный принцип определения ЧР в качестве самостоятельного, отмечая начало деструктивной фазы его развития, которая характеризуется дроблением береговой линии между образующимися новыми государствами в конце 1980—1990-х гг. и до настоящего времени, что вновь и надолго делает его центром внимания мировых центров силы (Никифоров, 2016; 2018).

Р. Асмус (*A New Euro-Atlantic Strategy...*, 2004; Асмус, 2007) предложил концепцию Большого Черноморского региона (Большой ЧР; *wider Black Sea region*), включив в него все прибрежные государства, причем государства Южного Кавказа упоминаются в связи с «евроазиатским энергетическим коридором», связывающим Евро-Атлантическое сообщество с энергоресурсами Каспия и Центральной Азии (Асмус, 2007). Данный подход к геополитическому районированию региона был озвучен М. Брайзой (Bryza, 2006), который в 2006 г. декларировал готовность США воспринимать регион как целостный и влиять на формирование его экономико-политической идентичности. Согласно этому подходу, регион включает десять государств: Россию, Украину, Турцию, Грузию, Армению, Азербайджан, Болгарию, Румынию, Молдову и Грецию (Тупота, 2015, с. 142). В попытках выделения ЧР проявляется и институциональный подход, связанный с деятельностью Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) в составе 12 государств.

Обобщенную позицию в отношении региона выразим через тезисы украинского профессора А. Гончаренко о ЧКР: «Это чрезвычайно важная и чувствительная зона на краю между Хартландом и Римландом, которая имеет огромные природные ресурсы и стратегически важные транспортные и энергетические коридоры. Как сегодня, так и в будущем контроль над регионом фактически

означает контроль над всей Евразией» (Гончаренко, 2005, с. 9).

В ЧР действуют три группы акторов: 1) мировые державы — США, Россия, ЕС; 2) региональные державы в лице, прежде всего, Турции, которая стремится перейти в круг великих мировых держав; 3) более слабые акторы — Украина, Грузия, а также другие государства, являющиеся объектами политики со стороны первой и второй группы; международные организации — ОЧЭС, НАТО, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ЕС, ОБСЕ, СНГ, Организация за демократию и экономическое развитие — ГУАМ (ОДЭР—ГУАМ), Содружество демократического выбора (СДВ).

США и ЧР

После окончания холодной войны в ЧР уже в третий раз за столетие сложилась новая геополитическая реальность, когда восточно-европейские страны вынуждены играть роль объекта манипулирования со стороны ведущих держав в создании санитарного кордона. Почти одновременное расширение НАТО и Евросоюза на Восток привело к резкому нарушению военно-стратегического баланса, сложившегося после Второй мировой войны. Хотя Запад после окончания холодной войны становится более разобщенным, в моменты обострений отношений с Россией его действия отличаются скоординированностью.

В период между 1991 и 1997 гг. США переживали период дискуссий о дальнейшем внешнеполитическом курсе. Вакуум внешнеполитического влияния на южных границах бывшего СССР заполнил главный союзник США в этом регионе — Турецкая Республика — через слабо структурируемый геополитический проект ОЧЭС. Однако в 1997 г. было создано другое интеграционное объединение — Организация за демократию и экономическое развитие ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова; ГУАМ — после выхода из состава Узбекистана) с явной американской проекцией. Так, грузинский академик В. Папава, анализируя интеграционные процессы в регионе, обращается к геополитическим исследованиям евразийского

континента Зб. Бжезинского, который выделил Украину, Азербайджан, Южную Корею, Турцию и Иран в качестве геополитических центров региона (Папава, 2008).

Интеграционное объединение, показавшее свою неэффективность, тем не менее, формально продолжает существовать. При этом в данном ГП просматриваются цели, которые достигают США в регионе: 1) энергетическая; 2) создание санитарных заслонов между действующими и потенциальными конкурентами США; 3) поддержание геополитического плюрализма на Евразийском континенте.

Задача диверсификации путей транспортировки энергоносителей впервые была актуализирована в 1997 г. в Стратегии национальной безопасности США в виде приоритета разработки энергоресурсов Каспийского бассейна², а в Стратегии 1998 г. получила конкретную формулировку³ и практическую реализацию: в марте 1999 г. Чешская Республика, Венгрия и Польша стали новыми членами Альянса. В 1997 г. был заключен основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и НАТО, а в 1999 г. на Стамбульском саммите стран — участниц ОБСЕ США инициировали подписание соглашения о прокладке по территории Азербайджана, Грузии и Турции трубопровода Баку — Джейхан (Тупота, 2011, с. 56).

В период 1990—2000-х гг. проблемы ЧР заняли одну из ключевых позиций в рамках научно-исследовательской и практической деятельности американских аналитических центров. С 1997 г. Вашингтон разрабатывает и апробирует новый внешнеполитический подход по переформатированию Евразии — концепцию «Больших пространств». В 2004 г. «Германский фонд Маршалла Соединенных Штатов» (*The German Marshall Fund of the*

United States) представил концепцию «Развитие новой Евро-Атлантической стратегии в отношении Черноморского региона» (*Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region*), содержание которой было кратко изложено авторами в авторитетных источниках стран региона (Asmus, 2004; Асмус, 2007). Она явилась одной из первых попыток концептуального оформления тех практических шагов, которые США предпринимают в регионе с начала 1990-х гг., с перспективой упрочения позиций на данном пространстве.

Эта же цель отражена в еще одном варианте внешнеполитической стратегии США в ЧР, разработанном в 2006 г. сотрудниками Фонда «Наследие» (*The Heritage Foundation*) в работе «Стратегия США в Черноморском регионе» (*US Strategy in the Black Sea Region*) (Cohen & Irwin, 2006). Обе стратегии были направлены на концептуализацию процесса вытеснения России из региона за счет продвижения «евро-атлантической общности» в восточную часть ЧР: Украину, Грузию, Молдову, а также Азербайджан и Армению. Последние государства включаются ведущими американскими институтами в данную региональную общность, так как они, по их мнению, представляют собой геополитически целостный регион — Большое Причерноморье (Bryza, 2006). В рамках вышеперечисленных американских стратегий в процессе вытеснения России из ЧР предполагалось использование двух факторов: 1) замена российских миротворцев на международные военные силы; 2) диверсификация путей поставки ресурсов из этого региона путем существенного вытеснения российских энергетических компаний (Irkhin & Moskalenko, 2020).

Современные американские подходы в отношении ЧР определяются тремя факторами, раскрывающими содержание и направленность американской внешней политики:

1) обеспечение диверсификации поставок нефти и газа в обход России и создание надежного военно-стратегического плацдарма и оперативной инфраструктуры, которая может быть использована в любых операциях, которые США и НАТО смогли бы проводить в регионах, сопредельных с Черноморским;

² A National Security Strategy for a New Century, May 1, 1997. P. 27// National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-1997/> (accessed: 26.04.2021).

³ A National Security Strategy for a New Century, October 1, 1998. P. 38 // National Security Strategy Archive. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-1998/> (accessed: 26.04.2021).

2) фундаментальной основой американской стратегии в Евразии является логика поддержания геополитического плюрализма (Бжезинский, 2007, с. 140), в том числе и за счет создания Балто-Черноморской дуги, которая может быть продолжена на Восток через Закавказье до Центральной Азии;

3) таким образом, вычленяется и задача американской геостратегии — создание изоляционного заслона в виде дуги от Прибалтики до Центральной Азии. Поэтому стоит задача расширения НАТО на Восток через включение в союз не только Украины и Грузии, но и Армении и Азербайджана. В случае реализации данного сценария США получают ключевой контроль над Германией и Францией, Россией, Турцией, Ираном и Китаем — неоимперскими центрами будущей СМО (Ирхин, 2011, с. 245).

На практическом уровне политики американские императивы реализуются через два геополитических проекта: ОДЭР — ГУАМ (1997 г.: Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) и СДВ (2005 г.: Украина, Грузия, Молдова, Латвия, Литва, Эстония, Словения, Северная Македония, Румыния). Два проекта, помимо прочего, объективно направлены на блокирование восстановления целостности постсоветского пространства и реализации российских интеграционных инициатив в рамках процессов евразийской интеграции.

ЧР в геополитических проекциях ЕС

Несмотря на то, что США и ЕС являются стратегическими союзниками, политика Брюсселя в ЧКР в значительной мере отличается от политики Вашингтона как по целям, так и методам их достижения. Если в основе политики США в регионе лежит задача геополитического доминирования и вытеснения из него России, то для ЕС жизненно важным является доступ к энергоресурсам Каспия. К тому же уровень конкуренции между Россией и ЕС является менее жестким, чем между Россией и США, поскольку бассейн Черного моря и Кавказ являются частью Большой Европы, и ЕС имеет больше оснований для присутствия в регионе, чем США. ЕС и Россия — скорее партнеры, чем конкуренты,

при этом более взаимозависимы, чем каждая из сторон зависит от США. Более того, Брюссель пытается проводить независимую или отличную от американской политику на международной арене, и в частности в ЧКР, что не исключает сотрудничества и взаимодействия между Брюсселем и Вашингтоном. В моменты обострения отношений с Россией и Брюссель, и Вашингтон, как правило, усиливают координацию своих действий (Волович, 2008 с. 13).

До начала XXI в. ЕС не проявлял системного интереса к ЧР. Однако после присоединения к ЕС в мае 2004 г. 10 новых членов положение изменилось, а «отношения Евросоюза с государствами постсоветского пространства как некое целостное направление внешней политики начали формироваться в 2002—2004 гг., когда была разработана Европейская политика соседства (ЕПС), включающая в себя также сотрудничество со странами Средиземноморского бассейна»⁴. ЕПС продемонстрировала яркий положительный пример распространяющейся в Восточном регионе мощи ЕС, что позволило Союзу зарекомендовать себя в качестве глобального актора. Появились очертания «подлинной» внешней политики ЕС периода 1993—2004 гг. по отношению к тем располагающимся на Востоке континента государствам, которые не обладают реальными перспективами на вступление (Пенке, 2005). Новый внешнеполитический курс ЕС — ЕПС — стартовал в 2004 г. с целью формирования привилегированных отношений и активизации сотрудничества в различных сферах деятельности между Союзом и его 16 соседями на Юге и Востоке (Горюнова, 2011, с. 108—109).

Присоединение Румынии и Болгарии к ЕС привело к тому, что Черное море было провозглашено «зоной европейской ответственности», и в 2007 г. Европейская комиссия представила новую инициативу регионального сотрудничества — «Черноморская

⁴ Стрелков А. Политика Европейского союза на постсоветском пространстве: вызовы и шансы для России? // Перспективы. 09.04.2009. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35930> (дата обращения: 09.04.2021).

синергия» (*Black Sea Synergy*), которая была «предназначена для того, чтобы привлечь политическое внимание к ЧР и создать новые возможности посредством улучшения сотрудничества с Евросоюзом» (Пашковская, 2017). Она также создавала возможности для улучшения сотрудничества как с Турцией, так и Россией. Инициатива в основном сосредоточена на обеспечении энергетической безопасности, а также вопросах развития инфраструктуры, окружающей среды, морской политики, рыболовства и торговли. Эксперты отмечают, что «Черноморская синергия» все еще сохранила статус актуального элемента ЕПС как один из важных факторов в переговорах о вступлении Турции в Евросоюз (Чеботарь, 2019, с. 93—94).

Августовская война 2008 г. продемонстрировала наличие противоречий между ЕС и РФ, ужесточив риторику, однако не приведя к концептуальному переосмыслению действий ЕС, сделавшего ставку на развитие ЕПС, которая приобрела новые измерения. Вскоре после окончания августовской войны на Кавказе ЕС созвал чрезвычайный саммит по ситуации в Грузии, на котором была принята резолюция, отмечавшая, что «более чем когда-либо необходимо оказать поддержку региональному сотрудничеству и укрепить отношения с восточными соседями, в частности, на основе политики добрососедства, инициативы “Черноморская синергия” и Восточного партнерства»⁵.

Еще в мае 2008 г. была впервые обнаружена совместная польско-шведская инициатива «Восточное партнерство» (ВП), а в мае 2009 г. в Праге прошел первый саммит ВП. Эскалация конфликта в Закавказье в августе 2008 г. ускорила процесс выработки программы и придала ей более жесткие формулировки. Если в первоначальном варианте говорилось, что «новая политика ЕС вторична по отношению к взаимодействию с Россией и лишь дополняет его», то в итоговой версии

указывается, что «Восточное партнерство будет развиваться параллельно сотрудничеству с Россией», как подчеркивает А.А. Стрелков⁶.

Тем не менее нельзя считать ВП исключительно ответом на российские действия по отношению к Грузии. ВП должно было усовершенствовать возможности ЕПС, позволив новым государствам — членам ЕС заявить о своих внешнеполитических приоритетах⁷.

Программа стала результатом критического анализа начального этапа ЕПС — помимо стран — членов ЕС в ней участвуют и шесть восточноевропейских стран-партнеров: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина. В терминологии ЕС появились изменения: государства, на которые распространяется действие ВП, принято называть «восточными партнерами» ЕС (вместо прежней классификации — «восточно-европейские и южно-кавказские соседи ЕС»). Инициатива не предусматривает перспективу получения полноправного членства в ЕС для участников со стороны СНГ, при этом не исключая ее категорически (Косикова, 2012, с. 172).

Анализ политики ЕС в отношении ЧР позволяет сделать вывод, что она носит наступательный характер. Если в 1990-е гг. ЧР не рассматривался в качестве целостного, то такие геополитические проекты, как «Черноморская синергия» и «Восточное партнерство», интегрировали регион в виде двух региональных конфигураций в стратегию экспансии ЕС — ЧКР и БЧР.

На практическом уровне эволюция политики ЕС в отношении ЧР включила в себя этапы становления и реализации ЕПС в 2004 г., затем появилась «Черноморская синергия» с ее содействием региональному сотрудничеству и безопасности. В 2008 г. была принята инициатива «Восточное партнерство» с акцентом на гармонизацию и большую интеграцию государств Балто-Черноморской дуги с ЕС с возможным предоставлением

⁵ Rozoff R. Eastern Partnership: The West's Final Assault On the Former Soviet Union // Global Research. February 13, 2009. URL: <https://www.globalresearch.ca/eastern-partnership-the-west-s-final-assault-on-the-former-soviet-union/12299> (accessed: 07.04.2021).

⁶ Стрелков А. Восточное партнерство: первые результаты // Перспективы. 26.03.2010. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=51336> (дата обращения: 09.04.2021).

⁷ Там же.

ассоциации. За счет «Восточного партнерства» Евросоюз объективно сформировал ситуацию конкуренции интеграционных проектов с Россией на постсоветском пространстве, ядром которой является ЧР. При этом необходимо учитывать, что ЧС в целом повторяет рамки американского проекта «Большой ЧР», а «Восточное партнерство» отвечало одной из трех задач американской геостратегии в отношении Евразии — созданию санитарных барьеров между геополитическими центрами.

ЧР во внешнеполитической стратегии Турции

В настоящее время Турецкая Республика (ТР) является региональной державой в ЧР и Черноморско-Средиземноморском регионе (ЧСР) с секторальным лидерством в глобальном масштабе. Ее проектную деятельность в отношении ЧР можно соотнести с этапами внутреннего развития самой Турции и внешними факторами, которые формируют четыре этапа:

1) 1990—2002 гг. — время активной интеграционной политики Турции в отношении региона и согласованность действий с западными союзниками, прежде всего США: формализованная ОЧЭС, неформализованный проект «Великий Туран»;

2) 2002—2008 гг. — от прихода ПСР к власти до пятнадцатидневного конфликта в Южной Осетии: российско-турецкое сближение и движение «Черноморской гармонии» (ЧГ) — российско-турецко-украинской военно-морской инициативы в противовес американской операции «Активные усилия» в Средиземном море;

3) 2008—2014 гг. — формирование и движение турецкой «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе» и сближение Турции и России;

4) с 2014 г. Турция приступает к реализации более открытой и наступательной политики в ЧР, которой присущи черты согласованности с Западом по сдерживанию России после воссоединения с Крымом в 2014 г.

На сегодняшний день стало очевидным, что Турция сделала выбор в сторону имперского возрождения, и европейский вектор

более не рассматривается как магистральный. Идеологическое направление позволяет Турции выходить на глобальный уровень влияния и позиционировать себя защитником мусульман всего мира. Для подтверждения данного статуса Турция проводит масштабные инвестиции в сферу «мягкой силы», которые в условиях наличия привлекательной идеологии показывают свою эффективность (Ирхин, Москаленко, 2021).

В период между 1991 и 1997 гг. активную роль в преобразовании ЧР играла именно Турция, которая одновременно выступала в качестве проводника интересов США. Идею создания «Черноморской зоны процветания и сотрудничества», предполагавшей участие в этом проекте всех государств, имевших на тот момент выход к Черному морю: СССР, Турции, Румынии и Болгарии, — озвучил еще в 1990 г. президент Турции Тургут Озал, а через два года была подписана Стамбульская декларация, провозгласившая создание организации «Черноморское экономическое сотрудничество» (ЧЭС). Соучредителями стали Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдавия, Румыния, Российская Федерация, Турецкая Республика и Украина (в дальнейшем к ним добавилась Сербия). 5 июня 1999 г. на саммите организации в Ялте был принят Устав и учреждены надгосударственные структуры, после чего организация приобрела свой нынешний вид и современное название — Организация Черноморского экономического сотрудничества. Однако за почти два десятилетия ОЧЭС не реализовала ни одного масштабного проекта и практически не продвинулась по пути экономической интеграции ЧР (Никифоров, 2016, с. 79).

Тем не менее несовпадающие, иногда противоречащие друг другу внешнеполитические позиции участников ОЧЭС не препятствуют обсуждению и частичному совместному решению ряда проблем, при этом входящие в нее страны, не имеющие дипломатических отношений (Россия — Грузия, Армения — Азербайджан, Армения — Турция), получают возможность взаимодействовать (Язькова, 2016, с. 2). Первоочередная задача

ОЧЭС — развитие экономического сотрудничества в регионе Черного моря, продвижение различных интеграционных проектов от глобальных до более мелких (Иваницкая, 2019, с. 235).

Как справедливо подчеркивает украинский профессор В. Дергачев, «после распада Советского Союза... экономическое сотрудничество должно было стать гарантом стабильности в регионе, способствовать взаимопониманию славянских, тюркоязычных и других народов. Однако этого не произошло... Парадоксальная особенность Черноморского экономического сотрудничества заключается в том, что большинство стран, игнорируя реальную географию и геополитику, декларируют стратегический европейский или проамериканский выбор» (Дергачев, 2008, с. 22—43). Более того, отмечая в октябре 2008 г., что ЧР «втягивается в международный глобальный конфликт», а «обстановка в регионе стала взрывоопасной», он подчеркнул, что это замораживает на неопределенное время реализацию многочисленных коммуникационных и энергетических проектов, делая ЧР непривлекательным для инвестиций (Дергачев, 2008, с. 36).

Болгарский эксперт П. Желев отмечает, что страны ЧР в значительной степени не смогли интегрироваться со своими соседями, несмотря на общие уровни зависимости от внешней торговли: цепочки поставок на Черном море в значительной степени связывают регион с внешним миром, в первую очередь с Европой и Азией, а не соседними странами. Страны Черного моря связаны своей физической близостью, но сильно различаются по территории, населению, экономической структуре и политической ориентации⁸. Кроме того, политическая и экономическая ориентация стран ОЧЭС не способствует экономической интеграции региона. Хотя Турция и являлась инициатором создания ОЧЭС, она в итоге не стала локомотивом организации

в силу собственной относительной экономической слабости, а также ряда вышечисленных причин, не способствующих экономической интеграции ЧР. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. повысило уровень разобщенности внутри ОЧЭС.

Еще один проект Турции, который активно реализовывался с начала 1990-х гг., можно условно обозначить как «Великий Туран» — проект, основанный на идеях пантюркизма, целью которого являлось объединение всех тюрков, проживающих на территориях, простирающихся от Балкан до Великой Китайской стены, под эгидой Турции, и ЧР стал сердцем этого проекта. Он имел две прагматичные задачи: 1) ускорить процесс суверенизации на постсоветском пространстве и 2) обеспечить продвижение Анкары к ресурсам Каспийского региона и Центральной Азии. Однако из-за финансовых трудностей к концу 1990-х гг. проект был свернут. В 2009 г. начался новый этап реализации турецкого пантюркистского проекта под брендом Тюркского совета.

После прихода к власти умеренных исламистов в 2002 г. и вплоть до 2014 г. ТР держала курс на сближение своих позиций в ЧР с РФ. Это отражалось в таких проектах, как «Черноморская гармония» (ЧГ) и «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» (ПССК).

В начале 2003 г. руководство Турции выступило инициатором проведения в акватории Черного моря операции с условным наименованием «Черноморская гармония» (*Black Sea Harmony*). Цель операции — установление постоянного присутствия с задачей предупреждения, предотвращения и устранения угрозы терроризма и нелегальной транспортировки оружия массового уничтожения. Цели и задачи операции в основном совпадали с целями и задачами операции НАТО «Активные усилия» в Средиземном море. Фактически эта операция является ее дополнением, хотя проводится национальными вооруженными силами Турции (Королев, 2011, с. 26). В ноябре 2004 г. Турция официально пригласила причерноморские страны к участию, и в декабре 2006 г. РФ присоединилась

⁸ Zhelev P. Challenges of Economic Integration in the Black Sea // Middle East Institute. September 27, 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/challenges-economic-integration-black-sea> (accessed: 07.04.2021).

к операции «Черноморская гармония». По сути, с этого момента программа была направлена на недопущение проникновения США в регион. ТР, выстроив таким образом военно-политический параллельный механизм, методами не прямой стратегии блокировала американскую экспансию в Черном море.

В течение 2000-х гг. ТР начала реализовывать новую геостратегическую составляющую своей внешней политики. Подход умеренных исламистов был направлен на повышение регионального статуса Турции: от положения претендента на роль регионального лидера до превращения в действительно могущественную региональную державу и влиятельного глобального игрока — в рамках концепции «Стратегической глубины» (Davutoğlu, 2013), нацеленной в первую очередь на формирование блока региональных союзников из числа стран, ранее входивших в состав Османской империи: Египта, Ирака, Туниса, Алжира, Ливии, а также Сирии (в турецком понимании только после смещения Башара Асада) и других государств, которые на современном этапе примут Турцию в качестве своего лидера (Ирхин, 2018).

В 2008 г. во время Августовской войны Турция, по сути, заняла сторону России, не допустив в критический момент американские корабли в Черное море на основании Конвенции Монтрё. Предполагалось, что Турция, будучи членом НАТО, присоединится к большинству западных стран, осудивших действия РФ в рамках конфликта в Южной Осетии. Турция же неожиданно выступила с предложением создания так называемой Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе. Возможно, резкое вмешательство ТР в дела Кавказского региона было тщательно спланировано, и она использовала ухудшение ситуации в Южной Осетии для реализации своих давних намерений по проникновению в регион, что долгое время являлось проблематичным вопросом для турецкой элиты.

Концепция ПССК была нацелена на сотрудничество трех стран Южного Кавказа — Грузии, Армении, Азербайджана — с Турцией

и Россией и разрешение существующих конфликтов при посредничестве последних (Кочарян, 2015, с. 92). Грузинский эксперт М. Манчхашвили отмечает, что реакция Вашингтона на инициативу Турции оказалась весьма сдержанной, и подчеркивает, что, по словам заместителя помощника госсекретаря США по европейским и евразийским делам М. Брайзы, американская сторона была даже не проинформирована об этом, хотя в Белом доме считали необходимым более тесное сотрудничество с союзной Турцией, тем более что у двух стран много общих интересов (Манчхашвили, 2010, с. 102). При этом руководство Армении предложило расширенный формат, вовлекающий в проект США и ЕС: 3+3+2 (Армения, Азербайджан, Грузия + Россия, Турция, Иран + США и ЕС) (Манчхашвили, 2010, с. 101). Однако именно турецкое предложение получило поддержку в Москве.

Хотя ПССК оказалась нежизнеспособной в плане разрешения основных противоречий на Кавказе, она сыграла значительную роль для укрепления и продвижения турецких интересов в регионе. Кратковременный и ситуативный турецко-российский альянс состоялся за счет интересов США и ЕС, а также игнорирования региональных позиций Ирана, который только через год присоединился к платформе. В дальнейшем по мере продвижения Турции на Южном Кавказе столкновение с российскими интересами становилось неизбежным, что и проявилось в 2020 г. во время очередной разморозки карабахского конфликта.

После воссоединения Крыма с Россией ТР столкнулась с рядом вызовов в ЧР. Турция восприняла переход Крыма под юрисдикцию России как меньшее зло по сравнению с появлением американских баз на полуострове, однако обратной стороной стало усиление России не только в ЧР, но и в Средиземноморском регионе — зоне турецкого ближнего зарубежья. Ответом ТР стало создание военно-морской базы на Черном море в провинции Трабзон в г. Сюрмене (270 км от г. Сочи), развитие военно-технического сотрудничества с Украиной, публичная дипломатическая

поддержка крымских татар и украинской позиции в отношении «аннексированного Крыма», которая ежегодно декларируется турецким МИД накануне 16 марта⁹, то есть усиление своих позиций в ЧР. Однако самым большим вызовом для российской внешней политики является реализация проекта по созданию параллельного Босфору и Дарданеллам искусственного канала «Стамбул» с выдающейся пропускной способностью [Современная Турция..., 2019, с. 48—52), который может в перспективе поставить под вопрос функционирование отдельных пунктов конвенции Монтрё, действующей с 1936 г. и в настоящее время полностью отвечающей интересам РФ (Ирхин, Нелина, 2020, с. 27). Турция уравнивала воссоединение Крыма с Россией активной внешней экспансией на Южном Кавказе и Украине, по сути, взяв российские военно-политические позиции в Крыму в клещи.

Необходимо отметить эволюцию ГП ТР в отношении ЧР в период с 1991 г. до настоящего времени. Общерегиональный подход и роль проводника интересов США (1991 г. — начало 2000-х гг.) и других западных союзников после дезинтеграции СССР (ОЧЭС, участие в «Блэксифор») сменились более самостоятельной политикой в регионе с опорой на региональные силы, прежде всего Россию с начала 2000-х гг. до 2014 г. («Черноморская гармония», Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе), а затем более самостоятельными наступательными действиями после 2014 г. Новый курс предполагает возвращение к коалиционному подходу в рамках НАТО в Черном море и двустороннему сотрудничеству с Россией, если это необходимо для соблюдения интересов Анкары.

⁹ См.: No: 74, 16 March 2020, Press Release Regarding the Sixth Anniversary of the Illegal Annexation of Crimea // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_74_-kirim-in-yasadisi-ilhakinin-altinci-yildonumu-hk.en.mfa (accessed: 07.04.2021); No: 105, 16 March 2021, Press Release Regarding the Seventh Anniversary of the Illegal Annexation of Crimea // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_105_-kirim-in-yasadisi-ilhakinin-yedinci-yildonumu-hk.en.mfa (accessed: 07.04.2021).

Неизменным при этом остается одно — конвенция Монтрё, которая является для Турции *sine qua non*, впрочем, как и для России, что позволяет блокировать экспансию нерегиональных сил и сохранять эксклюзивную роль Турции для своих западных союзников и России.

ЧР в геополитических проектах РФ

Развал СССР привел к катастрофическим последствиям для исторической России. Потеря Южного Кавказа способствовала появлению стратегических опасений относительно возобновления влияния Турции; потеря Средней Азии породила чувство утраты значительных энергетических и минеральных ресурсов, равно как и чувство угрозы в связи с потенциальными миграционными проблемами; независимость Украины бросила вызов притязаниям России на предназначение быть знаменосцем всего панславянского сообщества (Бжезинский, 1999, с. 110). Кардинально изменился баланс сил в ЧР. Российская часть береговой линии Черного моря сократилась более чем в пять раз: с 2499 до 421 км по сравнению с советской. Ситуация изменилась после событий 2014 г., когда в составе РФ оказался полуостров Крым с береговой линией в 750 км, что позволило Москве вернуться к активной внешней политике в ЧСР.

Анализ российской внешней политики в отношении ЧР после дезинтеграции СССР позволяет сделать вывод, что все геополитические инициативы РФ были направлены на сохранение неизменности своего положения в нем как фактора обеспечения национальной безопасности. Логика сохранения статуса-кво стояла за действиями российской элиты при подписании Большого договора с Украиной в 1997 г. и передаче Севастополя с одновременной арендой главной базы Черноморского Флота РФ (ЧФ РФ) на 25 лет с возможностью пролонгации. Эта же логика прослеживалась во время Августовского конфликта в 2008 г. и воссоединения с Крымом в 2014 г., когда после «революции достоинства» в Украине стало понятно, что договоренности по ЧФ РФ будут денонсированы новым руководством украинского государства.

Логика сохранения статуса-кво прослеживается и во вмешательстве России в гражданскую войну в Сирии с целью сохранения военно-политических позиций в Средиземноморье, оставшихся после развала СССР.

Сохранение своих геополитических позиций проходит в рамках трех направлений: 1) военно-политическая активность, направленная на недопущение нового нерегионального игрока или расширение враждебного военно-политического блока на акваторию Черного моря; 2) евразийские интеграционные инициативы с попыткой пересобрать постсоветское пространство и 3) развитие новых трубопроводных проектов, позволяющих удерживать позиции России на энергетических транспортных потоках в рамках южного для себя коридора: из Каспийского региона в Средиземноморский. Все три направления внешней политики РФ в ЧР реализуются в пространстве жесткой конкуренции.

Доктор политических наук, профессор филиала МГУ в г. Севастополе, член Официальной делегации России на переговорах с Украиной по Черноморскому Флоту (до 2014 г.) С.А. Усов отмечает, что после развала Советского Союза Черное море, где СССР со своими союзниками прежде доминировал, стало сосредоточением различных интересов черноморских и нечерноморских государств, и эти интересы зачастую не только не совпадали, но и противоречили интересам России. С учетом всей совокупности политических, экономических и военных факторов Россия была заинтересована в сохранении ЧФ и его системы базирования в Севастополе и Крыму, оказавшихся на территории независимого государства Украина (Усов, 2003, с. 210). Однако кроме военно-политических и экономических интересов Крым и Севастополь как опорные пункты России в ЧР имели и иное значение: Е.М. Примаков в этом контексте отмечал, что «в сердцах преобладающей части русских, не только составляющих большинство населения этого города, и вообще русских, нахождение Севастополя вне России вызывало острую болезненную реакцию» (Примаков, 1999, с. 392).

Еще одна проблема после развала СССР становится для России вызовом, который

формирует несколько направлений внешней политики РФ. Как отмечают в работе «Черноморский узел» С.Р. Гриневецкий, С.С. Жильцов и И.С. Зонн, одной из главных проблем «Большого Черноморского региона» является достижение политической стабильности, напрямую связанное с решением вопроса взаимоотношений с непризнанными государствами. Без разрешения этих конфликтов регион не сможет стать зоной стабильности и процветания (Гриневецкий и др., 2007, с. 88).

Существенный вклад в концептуальное осмысление места РФ в ЧР после 1991 г. и возможных механизмов действия российского руководства в новых геополитических условиях внесла Н.А. Нарочницкая. Она отмечает, что выход в Балтийское и Черное моря, геополитические позиции Прибалтики и Крыма с Севастополем — «две самые стратегические точки, которых нас лишили. Еще русские государи пришли к выводу, что нельзя твердо стоять на Черном море, не имея за собой обеспеченный тыл — Кавказ» (Нарочницкая, 2009, с. 80, 236).

В процессе отстаивания своих позиций в ЧР российское руководство продолжительное время опиралось на позицию второй региональной державы в ЧР — Турции — и в целом до 2014 г. это было оправдано. До 2014 г. Россия и Турция сдерживали попытки проникновения США в регион за счет формирования, по сути, регионального военно-политического альянса в районе Черного моря и Черноморских проливов, что формализовалось в таких проектах, как «Блэксифор» (2001 г.), «Черноморская гармония» (2004 г.) и Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе (2008 г.). Однако после 2014 г. региональная военно-политическая ситуация усложнилась и Турция присоединилась к коалиционному «сдерживанию» России в ЧР.

Последствия воссоединения Крыма с Россией формируют для США возможности приступить к третьей по счету попытке реализации проекта Большой Черноморский регион и Евроатлантическое Причерноморье за счет расширения евро-атлантической общности на восток ЧР: Украину, Грузию,

Армению и Азербайджан. Однако реализация данных геополитических проектов разбила о твердость российской позиции, проявившуюся в августе 2008 г. и 2014 г. После 2014 г. в ЧР сложилась новая геополитическая реальность — США и их союзники вступили в непосредственное военнополитическое, близкое к силовому, взаимодействие с Россией.

Следующим направлением сохранения своих позиций в ЧР стала интеграционная политика РФ на постсоветском пространстве: СНГ, Евразийский союз, ОДКБ, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Таможенный союз. Восстановление единства постсоветского пространства было одним из приоритетов российской внешней политики. В 2011 г. В.В. Путин в газете «Известия» выступил со статьей «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня»¹⁰, которая по сути была его программой перед президентскими выборами 2012 г. Ядро евразийских интеграционных проектов должны были составить РФ, Украина, Белоруссия и Казахстан. Украина изначально уклонялась от прямого участия в евразийских интеграционных проектах, а «революция достоинства» 2014 г. и последующие события в российско-украинских отношениях отдалили Киев и Москву от создания общего геополитического пространства. В целом полноценная реализация идей евразийской интеграции в настоящее время отложена российским руководством до более благоприятного исторического периода, что связано с выбыванием из евразийских интеграционных проектов ключевого элемента — Украины.

Третьей проекцией сохранения своих позиций в ЧР стали трубопроводные энергетические проекты: «Голубой поток» и «Турецкий поток», которые направлены на стратегическое сотрудничество с Турцией, носящее, однако, проблемный характер вследствие стремления Анкары получить непосредствен-

ный выход к энергетическим ресурсам ЧКР. Россия в начале XXI в. реализовала проекты нефте- и газопроводов в регионе на опережение, получая преимущество в этой сфере конкуренции, однако впоследствии это преимущество было утрачено. Российский нефтепровод Тенгиз — Новороссийск был введен в строй в 2001 г., и путем невероятных усилий казахстанская нефть пошла по этому пути, тогда как нефтепровод Баку — Джейхан, составляющий сердцевину американской политики на Каспии, был отложен на непродолжительный срок и начал функционирование в 2005 г. (Магомедов, 2005, с. 27, 32).

Таким образом, российские проекты в отношении ЧР после драматической потери геополитического пространства в результате поражения в холодной войне связаны с консервацией существующего положения. Все российские военно-политические механизмы в ЧР подчинены логике защиты и сохранения регионального статуса-кво, сложившегося после окончания холодной войны.

Выводы

Формирование современного геополитического облика ЧР осуществляется за счет советского наследия, и *первый* этап этого процесса пришелся на 1992—1996 гг., когда реализовывались крупные интеграционные инициативы — провозглашение ОЧЭС и его институционализация, направленные на постепенное дистанцирование бывших союзных республик от Москвы. *Второй* этап — 1997—2001 гг. — был связан с усилением внимания к региону со стороны США и ЕС. *Третий* — 2001—2008 гг. — определялся действиями США после событий 11 сентября 2001 г., началом операции в Афганистане, американской интервенцией в Ирак, возрастанием роли каспийской нефти, «цветными революциями» в Грузии и Украине, вступлением Болгарии и Румынии в НАТО и ЕС, а также политикой РФ, направленной на укрепление своих позиций в регионе за счет активизации трубопроводной политики. С августа 2008 по 2014 г. длился *четвертый* этап развития ситуации в регионе, связанный с Августовской войной, усилением позиций

¹⁰ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 04.10.2011. URL: <https://web.archive.org/web/20130224030806/http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 09.04.2021).

ЕС, наступлением мирового финансового и экономического кризиса. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. начинает *пятый* этап развития ЧР, который характеризуется ростом военно-политической конкуренции на региональном и глобальном уровне, повышением интенсивности экспансии НАТО, армяно-азербайджанским конфликтом в Нагорном Карабахе осенью 2020 г.

Тот факт, что основным ресурсом конструирования ЧР выступает в большей мере геополитическое пространство России, позволяет сделать вывод, что он построен за счет России, а продолжение этого движения направлено на то, что этот процесс планируется завершить и без России. На системном уровне взаимодействие в регионе проходит в трех сферах: геополитической, энергетически-коммуникационной и цивилизационной.

Главным внерегиональным игроком являются США, для которых ЧР до начала XXI в. имел периферийное значение, где главной задачей выступало сдерживание России через слабо организованные объединения (ОЧЭС, ОДЭР — ГУАМ) и поддержку Турции. Однако после 11 сентября 2001 г. стратегическое значение ЧР для Вашингтона возросло и стало заключаться в его способности стать новой границей Евroatлантики (НАТО) и плацдармом для обеспечения своих интересов на Ближнем и Среднем Востоке.

Другим внерегиональным игроком является Китай, для которого значение ЧР состоит в его потенциальном включении в китайский мегапроект «Один пояс — один путь» как кратчайшем пути на европейский континент (Ирхин, Нелина, 2020, с. 24). После 2014 и 2016 гг., когда произошли два ключевых события — переход Крыма в состав России и начало процесса выхода Британии из ЕС — самостоятельную активность в отношении ЧР начинает проявлять также Лондон, имеющий давние интересы и традиции экспансии в регионе.

Главная ось внутререгиональной конкуренции в ЧР при существовании конвенции Монтрё сосредоточена на достижении регионального баланса сил России и Турции. Крушение СССР способствовало активному

продвижению Турцией своих ГП, включающих такие инициативы, как ОЧЭС, «Великий Туран», «Черноморская гармония», Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе, концепции «Стратегической глубины» и после 2016 г. — «Морального реализма». Помимо исключительно турецких интересов ряд этих инициатив направлен и на реализацию интересов США в регионе, являясь результатом пересечения ситуативных и долгосрочных интересов Анкары и Вашингтона.

Россия, восстанавливая свою роль на постсоветском пространстве, стремится к усилению позиций в ЧР через включение стран региона в евразийские интеграционные проекты. Украинский кризис продемонстрировал пределы реализации данной стратегии и сформировал контуры нового подхода к региону, базирующегося на усилении военноморского присутствия и доминировании в сфере энергетической инфраструктуры ЧР.

Европейские интересы в ЧР первоначально реализовывались через Европейскую политику соседства, но с 2007 г. после расширения Евросоюза за счет Румынии и Болгарии ЕС становится внутререгиональным игроком и оформляет собственную стратегию в регионе в концепции «Черноморской синергии», не встретившей поддержки других региональных держав, в первую очередь России. На современном этапе ЕС реализует свои интересы через «Восточное партнерство» и развитие двусторонних отношений с целью расширения импорта каспийских энергоресурсов.

Авторы полагают, что возвращение Крыма в состав РФ рассматривается субъектами международных отношений как угроза существующему балансу сил, сложившемуся в регионе после окончания холодной войны. Сотрудничество и конкуренция по оси Россия — Турция будет сохранять свое приоритетное значение в регионе, но в процессе выстраивания самостоятельной региональной системы сдерживания Москва и Анкара будут использовать как собственные проекты, так и поддерживать либо блокировать инициативы других игроков, что актуализирует изучение эволюции реализуемых сегодня в пределах

ЧР геополитических проектов. При этом данная ось сохраняет свою приоритетность для региона при условии незыблемости сложившегося еще до Второй мировой войны порядка функционирования Черноморских проливов в рамках конвенции Монтрё.

В настоящее время ЧР в различных конфигурациях представляет собой «нервный узел» региональной и мировой политики, имеет огромные природные ресурсы и стратегически важные транспортные и энергетические коридоры, где столкнулись две тенденции развития современной системы международных отношений — глобализм и регионализм — логика универсального мирового порядка и реализация механизмов сфер влияния.

США, ЕС, Россия и Турция активно реализуют геополитические проекты в отношении ЧР. Причем если политика США, ЕС и Турции носит наступательный характер, то проекция РФ в отношении ЧР нацелена на сохранение статуса-кво после крушения советского геополитического пространства. Наступательный характер геополитических проектов США, ЕС и Турции и оборонительная политика России отражаются в доктринальных документах этих государств и позволяют сделать вывод, что современные конфигурации ЧР реализуются за счет России с дальнейшим стремлением выстроить новый геополитический облик ЧР и без России.

Поступила в редакцию / Received: 15.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список

- Асмус Р. Евро-Атлантическое Причерноморье // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 3. С. 66—77.
- Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999.
- Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007.
- Волович О. Політика Росії, Туреччини, США і ЄС в Чорноморсько-Каспійському регіоні: взаємодія і суперництво // Чорноморська безпека. 2008. Т. 1. № 7. С. 11—14.
- Гольцов А.Г. Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4. С. 95—107. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-95-107
- Гончаренко О. Чорноморсько-Каспійський регіон: регіональні структури безпеки та демократичний контроль // Чорноморська безпека. 2005. № 1. С. 3—9.
- Горюнова Е. Программы трансграничного сотрудничества как фактор реализации Европейской политики соседства в Украине // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3 (18). С. 107—114.
- Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. М.: Международные отношения, 2007.
- Дергачев В. Новая геополитическая архитектура Черноморского региона // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: материалы Международного круглого стола, 14—17 июня 2008 г. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 22—23.
- Иваницкая Н.А. Роль ОЧЭС в развитии экономического взаимодействия в Причерноморье (2014—2019) // Лазаревские чтения. Причерноморье: история, политика, география, культура: сборник материалов XVII Международной научной конференции 7—9 октября 2020 г. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. С. 235—237.
- Ильин М.В. Балто-Черноморская система. Матрицы и перспективы восточноевропейского политического развития // Космополис. 2008. № 1. С. 180—195.
- Ильин М.В. Геохронополитика Балто-Черноморья // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 1. С. 49—58.
- Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Балто-Черноморье в двойной системе Европа — Азия // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81—97.
- Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и концепция «Стратегической глубины»: вызовы и возможности для российской внешней политики в Черноморско-Средиземноморском регионе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 98—104. DOI: 10.17223/15617793/432/12
- Ирхин А.А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь: Рибэст, 2011.
- Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы

- народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91—107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107
- Ирхин А.А., Нелина Л.П.* Россия и Турция в Черноморском регионе: диалектика сотрудничества и конкуренции региональных держав после 2014 года // Причерноморье. История, политика, культура. 2020. № 29. С. 21—27.
- Королев В.И.* Антитеррористическая операция «Черноморская Гармония» как один из инструментов обеспечения безопасности в Черноморском регионе // Морской сборник. 2011. № 6. С. 25—28.
- Косикова Л.С.* Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России // Россия и современный мир. 2012. № 1 (74). С. 171—190.
- Кочарян Л.С.* Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 1. С. 92—98.
- Левик Б.* Концепція балто-чорноморського союзу і пострадянський простір // Схід. 2014. № 5 (131). С. 80—84.
- Левченков А.С.* Концепция Балто-Черноморской дуги и украинская внешняя политика (1990-е — начало 2000-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2020. № 4. С. 89—108. DOI: 10.28995/2686-7648-2020-4-89-108
- Магомедов А.К.* Каспийская нефть, география и геополитика в начале XXI века // Россия и современный мир. 2005. № 4. С. 22—41.
- Максименко Л.* Проблеми безпеки та політичної стабільності у Чорноморсько-Каспійському регіоні: генезис та еволюція конфліктів (на прикладі Таджикистану, Киргизії, Узбекистану) // Дослідження світової політики. 2005. № 33. С. 136—149.
- Манчхашвили М.* Турция и безопасность Южного Кавказа: «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 11. № 4. С. 100—107.
- Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в современном мире. М.: Алгоритм, 2009.
- Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В.* Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 1. С. 67—74.
- Никифоров А.Р.* Черноморский регион: опыт пространственных измерений // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4. № 2. С. 47—52.
- Никифоров А.Р.* Черноморский регион: пространство и время // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. Т. 2. № 4. С. 78—87.
- Папава В.* О роли «кавказского тандема» в ГУАМ // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 3—4. С. 50—59.
- Паиковская И.Г.* Юбилей внешней политики Европейского Союза в регионе Черного моря: 10 лет Черноморской синергии // Мировая политика. 2017. № 2. С. 34—52. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.2.23151
- Пенке Ю.* Восточная политика расширенного Европейского союза: политика «соседства» или восточное измерение? // Европа. 2005. № 5. С. 130—141.
- Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999.
- Современная Турция: тренды развития и значение для России* / под ред. И.Я. Кобринской, Л.С. Вартазаровой, С.В. Уткина. М.: ИМЭМО РАН, 2019. DOI: 10.20542/978-5-9535-0550-5
- Тупота О.М.* Госсекретарь Мадлен Олбрайт: личностный фактор в формировании и реализации региональной политики США // Причерноморье. История, политика, культура. 2011. № 7. С. 50—57.
- Тупота О.М.* Роль Черноморского региона в глобальной геостратегии США (1991—2013 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1. № 4. С. 137—150.
- Усов С.А.* Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР. Севастополь: Экокси-Гидрофизика, 2003.
- Чеботарь О.Г.* Черноморский регион в стратегических документах Европейского союза // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 4. С. 90—102.
- Чихарев И.А.* Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 129—146. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.09
- Шаклеина Т.А.* Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2. С. 29—39.
- Шамин И.В.* Геополитическое положение Российской Федерации в рамках постбиполярной системы международных отношений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3. С. 47—53.

- Язькова А.А. Проблемы формирования и развития региона // Большое Причерноморье: геополитика и геоэкономика: Выступления участников круглого стола 8 июня 2016 г. М.: Институт Европы РАН, 2016. С. 1—10.
- A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region* / Ed. by R. Asmus, J. Forbrig, K. Dimitrov. Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States, 2004.
- Asmus R. Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region // *Insight Turkey*. 2004. Vol. 6. No. 3. P. 43—65.
- Aydin M. Europe's Next Shore: the Black Sea Region after EU Enlargement // *EU Institute for Security Studies Occasional Papers*. 2004. No. 53. P. 1—37.
- Bryza M. The Policy of the United States toward the Black Sea Region // *Next Steps in Forging Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea* / Ed. by R. Asmus. Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States, 2006. P. 37—42.
- Cohen A., Irwin C. U.S. Strategy in the Black Sea Region // *Heritage Foundation*. 2006. No. 1990. P. 1—11.
- Davutoğlu A. *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. Istanbul: Kure Yayinlari, 2013.
- Irkhin A.A., Moskalenko O.A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // *Geopolitics Quaterly*. 2020. Vol. 15. No. 56. P. 110—121.
- Sinovets P., Maksymenko I. The Baltic—Black Sea Region in Great Powers' Relations: The Hard Power Aspect // *Baltic-Black Sea Regionalisms. Patchworks and Networks at Europe's Eastern Margins* / ed. by O. Bogdanova, A. Makarychev. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 75—86. DOI: 10.1007/978-3-030-24878-9_6
- Zazhigaev B. One of the Limitrophe Territories of the Global World (Transformation of the States of the Baltic-Black Sea Region in the 21st Century). Part I // *Central Asia and the Caucasus*. 2009. No. 4—5. P. 106—117.

References

- Asmus, R. (2004). Developing a New Euro-Atlantic strategy for the Black Sea region. *Insight Turkey*, 6(3), 43—65.
- Asmus, R. (2007). The Euro-Atlantic Black Sea region. *Russia in Global Affairs*, 5(3), 66—77. (In Russian).
- Asmus, R., Forbrig, J., & Dimitrov, K. (Eds.). (2004). *A new Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea region*. Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States.
- Aydin, M. (2004). *Europe's next shore: The Black Sea region after EU enlargement*. EU Institute for Security Studies Occasional Papers, (53), 1—37.
- Bryza, M. (2006). The policy of the United States toward the Black Sea region. In R. Asmus (Ed.), *Next steps in forging Euroatlantic strategy for the wider Black Sea* (pp. 37—42). Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States.
- Brzezinski, Zb. (1999). *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. (In Russian).
- Brzezinski, Zb. (2007). *The choice: Global domination or global leadership*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. (In Russian).
- Chebotar, O. G. (2019). Black Sea region in the EU strategic documents. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, (4), 90—102. (In Russian).
- Chikharev, I. A. (2021). The Great Mediterranean as a multi-dimensional object of political research. *Polis. Political Studies*, (3), 129—146. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
- Cohen, A., & Irwin, C. (2006). *U.S. strategy in the Black Sea region*. Heritage Foundation, (1990), 1—11.
- Davutoğlu, A. (2013). *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. Istanbul: Kure Yayinlari.
- Dergachev, V. (2008). New geopolitical architecture of the Black Sea region. In *Security problems of the Black Sea region and the neutral status of Ukraine: Materials of the International round table*, June, 14—17, 2008 (pp. 22—23). Simferopol: SONAT. (In Russian).
- Goltsov, A. G. (2016). Regional geopolitical project “Intermarium”: Perspectives of realization. *Comparative Politics Russia*, 7(4), 95—107. (In Russian). [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-95-107](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-95-107)
- Goncharenko, O. (2005). The Black Sea and Caspian region: Regional security structures and democratic control. *Black Sea Security*, (1), 3—9. (In Ukrainian).
- Goryunova, E. (2011). The programs of trans-border cooperation for Ukraine as a factor of realization of the European Neighborhood Policy. *Ojkumena. Regional Researches*, (3), 107—114. (In Russian).
- Grinevetski, S. R., Zhiltzov, S. S., & Zonn, I. S. (2007). *The Black Sea knot*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. (In Russian).
- Ilyin, M. V. (2008). The Baltic and Black Sea system. Matrices and prospects for Eastern European political development. *Cosmopolis*, (1), 180—195. (In Russian).

- Ilyin, M. V. (2009). Geochronopolitics of the Black Sea region. *MGIMO Review of International Relations*, (1), 49—58. (In Russian).
- Ilyin, M. V., & Meleshkina, Ye. Yu. (2012). The Baltic-Pontic region in the Europe-Eurasia dual system. *The Baltic Region*, (2), 81—97. (In Russian).
- Irkhin, A. A. (2011). *Geopolitical cycles of Eurasia and the national interests of Ukraine*. Sevastopol: Ribest publ. (In Russian).
- Irkhin, A. A. (2018). The U.S. Greater Middle East initiative and the Strategic Depth doctrine of Turkey: Challenges and opportunities for the Russian foreign policy in the Black Sea and the Mediterranean Sea region. *Tomsk State University Journal*, (432), 98—104. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/432/12>
- Irkhin, A. A., & Moskalenko, O. A. (2020). Russia's foreign policy in the Great Mediterranean: Prospects and constraints. *Geopolitics Quarterly*, 15(56), 110—121.
- Irkhin, A. A., & Moskalenko, O. A. (2021). “The World is Bigger than Five”. Turkey's emergence as a global actor in world politics: Prospects and challenges for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 91—107. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
- Irkhin, A. A., & Nelina, L. P. (2020). Russia and Turkey in the Black Sea region: Dialectics of cooperation and rivalry of the regional powers after 2014. *Black Sea Region. History, Politics, Culture*, (29), 21—27. (In Russian).
- Ivanitskaya, N. A. (2019). The role of BSEC in the development of economic interaction in the Black Sea region (2014—2019). In *Lazarev's readings. Black Sea region: History, politics, geography, culture* (pp. 235—237): Materials of the XVII International scientific conference, October 7—9, 2020. Sevastopol: Lomonosov MSU Branch in Sevastopol. (In Russian).
- Kobrinskaya, I. Ya., Vartazarova, L. S., & Utkin, S. V. (Eds.). (2019). *Modern Turkey: Development trends and the meaning for Russia*. Moscow: IMEMO RAS publ. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0550-5>
- Kocharyan, L. S. (2015). “Stability and cooperation platform in the Caucasus”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, (1), 92—98. (In Russian).
- Korolev, V. I. (2011). Anti-terrorist operation “Black Sea harmony” as one of the tools for ensuring security in the Black Sea region. *Morskoy Sbornik*, (6), 25—28. (In Russian).
- Kosikova, L. S. (2012). The EU Eastern Partnership with the CIS countries and Russia's interests. *Russia and the Contemporary World*, (1), 171—190. (In Russian).
- Levchenkov, A. S. (2020). The concept of the Baltic-Black Sea Arc and Ukrainian foreign policy (1990 — early 2000). *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, (4), 89—108. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2020-4-89-108>
- Levyk, B. (2014). The concept of the Baltic-Black Sea Union and the post-Soviet Space. *East*, (5), 80—84. (In Ukrainian).
- Magomedov, A. K. (2005). Caspian oil, geography and geopolitics in the beginning of the 21st century. *Russia and the Contemporary World*, (4), 22—41. (In Russian).
- Maksymenko, L. (2005). Problems of security and political stability in the Black Sea-Caspian region: Genesis and evolution of conflicts (on the example of Tajikistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan). *Research of World Politics*, (33), 136—149. (In Ukrainian).
- Manchkhashvili, M. (2010). Turkey and the security of the South Caucasus: “The Caucasus stability and cooperation platform”. *Central Asia and the Caucasus*, 11(4), 100—107. (In Russian).
- Narochnitskaya, N. (2009). *Russia and the Russians in the modern world*. Moscow: Algoritm publ. (In Russian).
- Nechaev, V. D., Chikharev, I. A., Irkhin, A. A., & Makovskaya, D. V. (2019). Framework of the geostrategic atlas of the Greater Mediterranean. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, (1), 67—74. (In Russian).
- Nikiforov, A. R. (2016). Black Sea region: Space and time. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*, 2(4), 78—87. (In Russian).
- Nikiforov, A. R. (2018). Black Sea region: The experience of spacial measurements. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*, 4(2), 47—52. (In Russian).
- Papava, V. (2008). On the role of “Causacian Tandem” in GUAM. *Central Asia and the Caucasus*, (3—4), 50—59. (In Russian).
- Pashkovskaya, I. G. (2017). EU foreign policy's jubilee: The tenth anniversary of the Black Sea Synergy Initiative. *World Politics*, (2), 34—52. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2017.2.23151>
- Penke, Yu. (2005). Eastern Policy of the enlarged European Union: Neighborhood policy or Eastern dimension? *Europe*, (5), 130—141. (In Russian).
- Primakov, Ye. M. (1999). *Years in big politics*. Moscow: Soveshenno Sekretno publ. (In Russian).

- Shakleina, T. A. (2011). Great powers in global and regional politics. *International Trends*, 9(2), 29—39. (In Russian).
- Shamin, I. V. (2012). The geopolitical position of the Russian Federation within the framework of the post-bipolar system of international relations. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, (3), 47—53. (In Russian).
- Sinovets, P., & Maksymenko, I. (2020). The Baltic—Black Sea region in great powers' relations: The hard power aspect. In O. Bogdanova & A. Makarychev (Eds.), *Baltic-Black Sea regionalisms. Patchworks and networks at Europe's Eastern margins* (pp. 75—86). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-24878-9_6
- Tupota, O. (2011). Secretary of State Madeleine Albright: The personal factor in the formation and implementation of US regional policy. *Black Sea Region. History, Politics, Culture*, (7), 50—57. (In Russian).
- Tupota, O. (2015). The role of the Black Sea region in the global geostrategy of the USA (1991—2013). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology*, 1(4), 137—150. (In Russian).
- Usov, S. A. (2003). *The Black Sea fleet and Sevastopol problem under the dissolution of the Russian Empire and USSR*. Sevastopol: Ecossea-Gidrofizika publ. (In Russian).
- Volovich, O. (2008). The politics of Russia, Turkey, USA and EU in the Black Sea and Caspian region: Interaction and contest. *The Black Sea Security*, 1(7), 11—14. (In Ukrainian).
- Yazkova, A. A. (2016). Problems of formation and development of the region. In *The Great Black Sea region: Geopolitics and geoeconomics* (pp. 1—10). Reports of the participants of the round table, June 8, 2016. Moscow: Institut Evropy RAN publ. (In Russian).
- Zazhigaev, B. (2009). One of the limitrophe territories of the global world (transformation of the states of the Baltic-Black Sea region in the 21st century). Part I. *Central Asia and the Caucasus*, (4—5), 106—117.

Сведения об авторах: Ирхин Александр Анатольевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки и философия» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru
Москаленко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета; ORCID: 0000-0002-4162-3162; e-mail: kerulen@bk.ru

About the authors: Irkhin Aleksandr Anatolievich — PhD, Dr. of Sc. (Political Sciences), Head, Political Science and Philosophy Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru
Moskalenko Olga Aleksandrovna — PhD in Philology, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University; ORCID: 0000-0002-4162-3162; e-mail: kerulen@bk.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-517-528

Research article / Научная статья

The Role of non-Western Countries in the Construction of Russian Great Power: The Cases of Turkey and Israel

Ebru Birinci¹ , Ali E. Sucu² , Ivan A. Safranchuk² ¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation² MGIMO University, Moscow, Russian Federation ebrubirinci@windowslive.com

Abstract. This article contributes to the study of Russian great power, focusing on the potential of the Russian-Turkish and Russian-Israeli relations to influence the construction of Russia's great power status in a multipolar world. Based upon Russian and English literature dedicated to the study of great power concept and Russian great power, authors adopt analytic eclecticism for the theoretical framework of the study. In this regard, for a comprehensive understanding of Russian great power, both constructivism with its focus on identity, and neorealism stressing national interests, security, and power, are applied. The authors actively employ the official documents, international agreements, statements of government officials, and official declarations. As a result, the study examines to what extent bilateral relations with Turkey and Israel, the West's traditional non-Western allies, can contribute to the construction of Russian great power identity. For this purpose, first of all, the factors of Russian great power construction and its role in Russian foreign policy are examined. After addressing the efficiency of great power status as a foreign policy tool, the development of Russian-Turkish and Russian-Israeli relations are discussed. It is concluded that Russia has developed strategically significant relations with Turkey and Israel despite the deteriorated relations with the West, and the development of these relations has supported the consolidation of Russia's great power status at the international and regional levels. Furthermore, the study suggests that Russian-Turkish and Russian-Israeli bilateral relations can enable Russia to strengthen its great power status vis-à-vis the West via cooperation and competition and contribute to the construction of a multipolar world.

Key words: great power, Russian-Turkish relations, Russian-Israeli relations, foreign policy, identity, Russian foreign policy, the West

For citation: Birinci, E., Sucu, A. E., & Safranchuk, I. A. (2021). The Role of non-Western Countries in the Construction of Russian Great Power: The Cases of Turkey and Israel. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 517—528. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-517-528>

Роль незападных стран в формировании российской великодержавности: примеры Турции и Израиля

Э. Биринчи¹ , А.Э. Суджу² , И.А. Сафранчук² ¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация² МГИМО Университет, Москва, Российская Федерация ebrubirinci@windowslive.com

Аннотация. В статье рассматривается великодержавность России в контексте влияния динамики российско-турецких и российско-израильских отношений на формирование великодержавного статуса России в многополярном мире. Опираясь на исследования на английском и русском языках, посвященные

© Birinci E., Sucu A.E., Safranchuk I.A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

изучению концепций великой державы и российской великодержавности, авторы прибегают к аналитическому эклектизму в качестве теоретической основы исследования. Для изучения великодержавности России используются конструктивизм с опорой на базовый концепт идентичности, а также неореализм с неизменным приоритетом национальных интересов, безопасности и государственной мощи. На основе представленных теоретических подходов анализируются официальные документы, международные соглашения, заявления государственных должностных лиц и официальные декларации. Изучается вопрос, в какой степени двусторонние отношения России с Турцией и Израилем, являющимися традиционными незападными союзниками стран Запада, могут способствовать формированию российской идентичности великой державы. Для этого исследуются факторы формирования российской великодержавности и ее роль в российской внешней политике. После анализа статуса великой державы как инструмента российской внешней политики изучается развитие российско-турецких и российско-израильских отношений. Авторы приходят к выводу, что Россия развивает стратегические отношения с Турцией и Израилем, несмотря на ухудшение отношений с Западом. Это способствует укреплению статуса России как великой державы на международном и региональном уровнях. Кроме того, выдвигается тезис, что развитие российско-турецких и российско-израильских отношений может укрепить великодержавный статус России в отношениях со странами Запада и внести вклад в формирование многополярного мира.

Ключевые слова: великодержавность, российско-турецкие отношения, российско-израильские отношения, идентичность, российская внешняя политика, Запад

Для цитирования: *Birinci E., Sucu A.E., Safranchuk I.A.* The Role of non-Western Countries in the Construction of Russian Great Powerness: The Cases of Turkey and Israel // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 517—528. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-517-528

Introduction

Russia's great power status is an extensive concept that should be comprehended in terms of both material and ideational parameters. On the one hand, Russian political discourse attributes Russian great powerness to material sources such as vast Russian territory, Russian military and nuclear power. On the other hand, great powerness is an element of Russian national identity as a historical continuity, evolving with Russia's belonging to and exclusion from the West. Despite the efforts to integrate Russia to the western world after the collapse of Soviet Union, self-other nexus determined the nature of Russian-Western relation. Against the backdrop of deteriorated Russian-Western relations since 2014 and China's rise as a potential superpower Russia has turned to the East and China to avoid its political and economic isolation. Nevertheless, securing Russian great power status, which is possible in a multipolar world system, requires Russia to maintain better relations with the West, and prevent a total the US-Chinese (bi)polarisation of the world order.

Despite the plenitude of scholarly work addressing Russian great power status and its construction within the framework of its relations with the West, no particular study has paid

specific attention to what extent Russian great power status considerations are prominent and instrumental beyond the Western direction.

Turkey and Israel constitute suitable directions for contributing the study of Russian great powerness beyond the Western direction, as they are Western-oriented non-western countries, that Russia's relations cannot simply be understood as a pro-Western or anti-Western. In spite of deteriorated relations with the West, Russia could maintain pragmatic relations with the traditionally Western allies such as Turkey and Israel in the Middle East, where it has strengthened its great power status through military and diplomatic achievements. In the light of this picture, Russia obtains the opportunity to employ its relations with Turkey and Israel, it developed under Vladimir Putin's presidency, as a leverage in its relations with the West and to enhance its great power role in a multipolar world order.

Construction of Russian Great Powerness as Historical Continuity

Great powerness is a concept in international relations (IR), can be understood both by material and ideational categories (Buzan & Waever, 2004, p. 32). The large scale

of these categories and the alternative interpretations of individual IR theories prevented a general agreement on the parameters by which a country should be classified as a great power (Shakleina, 2011, p. 30). When assessing the great power status of a country, the neoliberal theory gives the first place to the economic power, levels of economic dependencies with other states, the share in the world economy, the standard of living of citizens, scientific, technical potential capabilities and participation of the state in international and regional institutions. The neorealist theory, for its part, takes into consideration the measurable resources such as military power, territory, population, natural resources, development of societies, geopolitical interests of states, foreign policy alliances, etc. From a neorealist point of view, it is also significant that the great power status of a country should be recognized by other actors based on the status and influence on weaker states in the international system (Mearsheimer, 2001). Furthermore, the criteria of determining the great power status of any state depend on the systemic structure of the international system as bipolar, unipolar or multipolar. For instance, in unipolar and bipolar systems, states with great power capacity have limited foreign policy areas for emerging great power states. In a multipolar international system, on the contrary, states have the opportunity to strengthen their great power roles through a balance of power. Therefore, the international system directly affects the status behaviors of the actors.

There are two aspects of defining Russia as a great power in the international system. The first is to what extent Russia is recognized as a great power based on its material capabilities by the major actors in the system, and the other is the constructing Russian great power status as a core of national identity and foreign policy concept. Hence, Russia's great power status is suitable to discuss and comprehend both material and ideational sources of great power status. According to A. P. Tsygankov, Russian great power status implies "(1) a sphere of cultural and value influence in Eurasia and Europe, (2) political and economic self-sufficiency, and

(3) military capabilities sufficient to defeat any other power" (Tsygankov, 2020). Russia's great power status relies on its material and behavioral capabilities. Its military power, natural resources, vast territory, scientific-technological development, and size of its economy are sufficient to assume the great power status today. In addition to tangible material resources, Russia is an influential state in international and regional institutions that support this status in the international system with its permanent membership in the UN Security Council, its involvement in regional and global non-Western alliances such as SCO, AEB, and BRICS, and its influence on regional and global developments.

On the other hand, status considerations are influential as much as material resources for great power status in the constructivist studies, focusing on identity for a better understanding of states' foreign policies. The predominance of the West in the formation of Russian identity, Russian orientation towards the West in the course of modern history is a phenomenon, to development of which many scholarly works contributed mainly since the introduction of constructivist theory into the international relations studies (Neumann, 2003; Hopf, 2002). The perceptual source of such an approach to the Russian great power status dates back to Peter the Great's reforms inspired by the Western values (Safranchuk, 2020).

Sergei Karaganov emphasizes that sovereignty and defense are Russian national ideas, and Russia has been feeling more and more like a great power since the time of Peter the Great¹. Institutionalization of Russian statehood in a historical continuity began within the European-state system at the end of the Eighteenth Century. Russian Empire was an equal (European) great power of the Concert of Europe in the 19th century, a multipolar international order limited to Europe, where a balance of great powers could be preserved for a

¹ Караганов С.А. Чтобы выживать, Россия должна побеждать // Россия в глобальной политике. 20.11.2017. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/chtoby-vyzhivat-rossiya-dolzha-pobezhdad/> (дата обращения: 15.01.2020).

few decades. Under the bipolar world order during the Cold War, on the other hand, the USSR, Russian Federation's predecessor, acted as one of the two superpowers with the military, economic, political capacities, and ideological cause. Unlike Tsarist Russia, the Soviet Union built an anti-western / anti-capitalist Soviet identity.

The demise of the USSR, which already started to adopt liberal western values, brought an identity crisis to Russia. During the 1990s, pro-Western and anti-Western groups conflicted over the place to which Russia belonged. In the early 1990s, when the Westernizers, such as Andrei Kozyrev, Yegor Gaidar, acquired significant positions in the government, Russian foreign policy oriented in the West, Russia did not oppose the US policies, hoping to become a full member of the Western civilization (Kuchins & Zevelev, 2012, p. 149; Safranchuk, 2018, pp. 98—99). The Statist idea, supporting a stronger state and revival of Russia's great power status, has gradually found more support among political elites against the backdrop of NATO's continuing expansion towards Eastern Europe and rising domestic discontent with the advantages of the tardy integration with the West (Tsygankov, 2016, p. 68). Yevgeny Primakov, who later served as minister of foreign affairs and prime minister, led the statist camp in Moscow. He was a politically exposed person in the Middle East and represented the USSR in secret meetings with Israel between 1971 and 1977. Primakov's appointment as the minister of foreign affairs in 1996 marked the departure from the Westernist policies with the well-known 'the Primakov Doctrine' and restoration of relations with the Eastern powers. According to the statist view, NATO's expansion in the former Soviet territories stemmed from the lack of Western recognition of Russian national interests and posed a threat to Russian sovereignty.

Russian President Vladimir Putin's foreign policy thinking has been a continuation of Primakov's conception. Consolidating Russia's place as a sovereign great power in a multipolar world has been Putin's foreign policy objective since he acceded to power in 2000. Nevertheless, the international terrorism and the other

expanding global problems that call international cooperation with the West, rendered Putin's foreign policy understanding more pragmatic than that of Primakov.

Putin's realism evolved two-fold. First, Russia is dedicated to present itself as a great power, entitled to defend its national interests, constructed on the Tsarist and Soviet experiences, against the western expansionism in and out of the former Soviet territories. Second, distinguishing the US from the West in general, it acknowledges the superiority of American power. Furthermore, Russia officially values the international institutions' role, the need for global cooperation to cope with global problems.

Since Putin's Munich speech (2007), Russian criticism over the US/NATO unilateralist policies intensified, and Russian-Western tension increased. The Ukrainian crisis in 2014 has been the turning point of Russian-Western relations. The West imposed sanctions on Russia, Russia has been excluded from G-7, insulated from the Western(-centric) world. In the face of these developments, Russia conducted a military operation in Syria in 2015 and developed its relations with non-Western countries, particularly China. The current Russian foreign policy tilt to Asia and the deteriorated relations with the West should not be interpreted as a departure from the Western-oriented (Eurocentric) foreign policy thinking. It is an exclusionary moment in the Russian-Western relations. In the historical context, Russian foreign policy thinking, in parallel with the Russian identity, evolved under the effect of its relations with the West, more precisely, its exclusion from and inclusion / belonging to Europe.

By the 2010s, on the one hand, the US global hegemony gradually decreased, Brexit endangered the European cooperation, Trump's election as the US president encouraged nationalist and popular ideas, on the other hand, China has risen as an economic superpower, other middle and great powers succeeded more leverage. Such an international environment resembled a relative multipolar moment where Russia can also assume a great power role. After the Ukrainian crisis, Russia could consolidate its

great power status eliminating the further NATO expansion towards its borders. By confronting what it calls Western-backed forced regime change in Syria; it emerged as an assertive great power in the Middle East that can fill the void resulting from the diminishing US presence. These foreign policy achievements vis-à-vis the West became possible when Russia stopped appealing only to the West and enlarged cooperation with non-Western partners². Russian international vision put a lot of emphasis to the global role of non-Western international organizations, SCO and BRICS in the first place, as key elements of the just world order, and also to the increasing role of regional organizations for solving security and economic challenges (Denisov & Safranchuk, 2016; Lukin, 2018; Denisov et al., 2019).

Despite the tendency towards non-Western partners, Russian global economic, political, and ecological foreign policy objectives cannot be accomplished through its isolation from the Western world, given that Russia is economically and politically attached to Europe. Only the European Union (EU) itself is Russia's largest trade partner and Western countries and their allies continue to dominate the global economy. Furthermore, the most effective mechanisms and institutions tackling global problems from climate change to migration and terrorism, critical for Russia's security as much as other countries are built over the western neoliberal values. Lastly, Democrat candidate Joe Biden's election as the US president in 2020 signals a new assertiveness in the U.S. policy regarding these problems. Renascent global ambitions of the U.S., reminding pre-Trump period, stimulate the confrontation between Russia and the West. Therefore Russia, having economic and demographic constraints, rather than confronting the West, can use its diplomatic and military achievements in and beyond the post-Soviet territories to sustain ties with the

West to address Russian foreign policy goals. In addition, Russia can use its "competitive advantages in the domain of indirect warfare"³ through these relations drawing Russian-Western confrontation to the Western sphere of influence from the Russian sphere of influence. Developing bilateral relations with the traditional Western allies like Israel and Turkey since the end of the Cold War delivers Russia an opportunity this purpose. Through its relations with Turkey and Israel, Russia can strengthen its image as an equal great power, able to offer alternatives for the Western allies and create opportunities for enhancing cooperation with the Western powers.

Russian-Turkish Relations

Pro-Western orientation in Turkish foreign policy was one of the most significant elements that shaped Turkish-Soviet relations during the Cold War period. Therefore, in that period, Turkish-Russian relations were shaped by the perception of threat / security in general. Despite this perception, Turkish-Russian relations have begun to develop in the energy sphere with the construction of the first gas pipeline project in 1987 (Ulçenko, 2016, p. 122).

After the end of the Cold War, the disappearance of the land border between Turkey and Russia (by Georgia's and Armenia's independence) eliminated Turkey's security concerns from the Soviet Union. Besides, new republics that have gained independence in the South Caucasus and Central Asia have become a priority in Turkish foreign policy over time. As a result, a new competitive environment has emerged with Russia over these regions. Although the two states' foreign policy interests were always different from each other at the regional level, there was no de facto confrontation between Russia and Turkey during the 1990s, including the Azerbaijan — Armenia conflict. On the other hand, during this period, while both states tried to ensure economic and

² Karaganov S.A. Where to go and with whom to go: Russia's foreign policy on the threshold of a new decade // *Russia in Global Affairs*. January 28, 2020. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/where-to-go-and-with-whom-to-go-russias-foreign-policy-on-the-threshold-of-a-new-decade/> (accessed: 21.05.2020).

³ Kofman M. Great Power Competition in the 21st Century // *Valdai Discussion Club*. June 21, 2018. URL: <https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/great-power-competition-in-21st-century/> (accessed: 21.05.2021).

political stability within their countries. Turkey's PKK problem and the Russian Chechen problem forced both of them primarily to protect their territorial integrity.

Since the beginning of the 2000s, due to the change of the governments and relatively stable economic growth in both countries, Russian-Turkish relations have begun to develop in many areas from energy to military-security fields. Turkey is a member state of NATO; it generally followed pro-Western foreign policy discourse until the mid-2010s. However, currently, Turkey has started to move away from its goal of becoming a member of the European Union, and it is also experiencing a number of problems with NATO member states. Turkish foreign policy priorities are mainly differentiated from its western partners in Syria, Libya, the South Caucasus, and the Mediterranean Sea. At that point, Russia is emerging as a strategic partner for Turkey even though there is generally a conflict of interests of two states on a regional level. The Astana talks between Turkey, Iran and Russia, the bilateral cooperation mechanisms in Libya, and finally the creating military mechanism to control the ceasefire between Azerbaijan and Armenia, indicate that Turkey and Russia are acting jointly in solving regional crises. It can be said that bilateral relations have been progressing on the axis of cooperation in recent periods.

It is clear that Turkish policymakers aim to reformulate the foreign policy priorities of Turkey from the Western to the non-Western / Eurasian world. Russia, as a defender of the multilateral world order and pursuing a foreign policy for the restoration of its status as a great power on the regional level, aims to cooperate with Turkey to resolve regional problems. It gives both of them a significant opportunity to request to changes in the current international system.

Political, Economic and Military Relations

The structure of Turkish-Russian relations has several problems in itself. While Turkey and Russia's foreign policy interests in a global sense align with each other, conflicts of interest arising at the regional level pose some difficulties in

defining the relations of the two countries. For instance, on the one hand, Turkish-Russian relations are defined as a strategic or multilateral partnership. On the other, since the 2000s, geopolitically breaking points have resulted in some crises in Turkish-Russian relations. For example, conflict in the Caucasus in 2008, the annexation of Crimea to Russia in 2014, and the November crises in 2015 have affected the structure of bilateral relations in such kind of dilemma from strategic partnership to regional rivalry. Lastly, the SU-24 jet crisis in 2015 results led to the fact that bilateral relations between Russia and Turkey returned from a strategic partnership to the process of "normalization" (Erşen, 2017, p. 95). These ups and downs raise the dilemma of "trust in distrust" in bilateral relations.

Turkish-Russian economic relations have started to develop steadily since the 1990s. Bilateral relations in the energy field constitute the most significant dimension of economic relations. Russia is the most significant state in Turkey's energy supply. Nowadays, it supplies gas to Turkey through only three pipelines: the Trans-Balkan Pipeline (1987), the Blue Stream Pipeline (2005), and the Turkish Stream Pipeline (2020). Finally, nuclear energy represents a new dimension of the energy relations between Russia and Turkey. The agreement on the construction of the Akkuyu nuclear power plant in the Turkish city of Mersin was signed in 2010, the project cost is estimated about 20 billion USD⁴. As cooperation in the energy sector continues to deepen, it should be noted that the discovered natural gas reserves by Turkey in the Black Sea can shape bilateral energy relations with Russia in coming years.

At the same time, Turkey is trying to diversify its energy supply countries. For instance, while apart from Russia, Turkey also imports natural gas from Azerbaijan, Iran and Algeria; it imports oil from Iraq, Russia, and Nigeria. According to statistics, in the list of Russian oil and petroleum products export countries, Turkey ranked 11th in 2013—2018 — its total amount is 34.3 billion USD, and Turkey's

⁴ Akkuyu NGS İnşaat Projesi // Akkuyu Nükleer. URL: <http://www.akkunpp.com> (accessed: 20.05.2021).

Table 1

Foreign Trade of Turkey and Russia, 2008—2019

Russia	Export to Turkey, billion USD	Import from Turkey, billion USD	Bilateral trade volume, billion USD	Russia's foreign trade, billion USD	Turkey's foreign trade, billion USD	Russia's share, %	Turkey's share, %
2008	27.7	6.1	33.8	734.9	333.9	11.3	4.5
2010	20.3	4.9	25.2	625.9	299.4	8.7	4.0
2012	27.4	6.9	34.3	841.9	389.0	8.5	4.0
2016	13.4	2.1	15.5	460.5	341.1	5.0	3.3
2018	21.3	4.2	25.5	688.2	390.8	6.7	3.7
2019	21.0	4.9	26.0	267.2	374.3	7.2	9.7

Source: calculated by: Trade between Russia and Turkey (2013—2019) // Ru-Stat. URL: <https://en.ru-stat.com/date-Y2013-2020/RU/trade/TR> (accessed: 21.04.2020) and Foreign Trade Statistics // Turkish Statistical Institute. URL: <https://biruni.tuik.gov.tr/disticaretapp/disticaret.zul?param1=0¶m2=0&sitcrev=0&isicrev=0&sayac=5801> (accessed: 21.04.2020).

share is 2.6 %⁵. For Russia, Turkey is the second-largest importer of Russian gas after Germany. Moreover, for Turkey, Russia ranks third in the number of oil-exporting countries to Turkey after Iraq and Iran. In 2018, Turkey imported 46.9 % of its natural gas consumption and 25.21 % of its oil from Russia⁶. It also demonstrates that Turkey is still dependent on Russia for energy supply; it is the main pillar of trade volume of two states. Both countries intend to increase the volume of mutual trade to 100 billion USD (Masumova, 2018, p. 38). The table 1 shows the trade data of the two countries. Moreover, mutual investments between Russia and Turkey reach 20 billion USD. Turkish firms are also implemented in Russia at the 1972 project in the amount of 75.7 billion USD⁷.

Recently, military and technical cooperation has started to develop as a new area for bilateral relations. The most significant move in that area is Turkey's purchase of S-400 air defense systems from Russia. That has resulted in several problems within the alliance as a NATO. Turkey has been excluded from the F-35 program in

return. Although the S-400 air defense systems are not currently activated in Turkey, this purchase is a significant illustration of changing Turkish foreign policy priorities. In Russia, such critical arms sales to a traditional Western ally will undoubtedly be considered to affect the NATO alliance. The example of cooperation with Turkey in the military-technical field offers also an alternative to the other Western allies.

Although the regional interests of Turkey and Russia are generally competitive, bilateral economic relations have developed successfully. As a result, Russian-Turkish relations have a structure that deepens from the energy field to military-technical partnership. In addition to Turkey's purpose of deepening its relations with Eurasian countries and Russia's foreign policy objective to maintain its status as a great power brings them a significant opportunity to develop bilateral relations.

Russian-Israeli Relations

After the reestablishment of diplomatic relations in 1991, the changing balances in domestic politics between pro-Western and anti-Western leads in Russia have brought ups and downs to the Russian-Israeli relations. Developing relations with Israel was not well-received by communists and ultranationalists, assuming Israel as a Western ally (Freedman, 1998). The Israeli direction of Soviet/Russian foreign policy has been mostly subjected to its relations with the West or its Middle Eastern policy, highly dependent on Russian-Western

⁵ Экспорт из России в Турцию. «Нефть и нефтепродукты». 2013—2018 // Ru-Stat. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2018/RU/export/TR/0527> (дата обращения: 02.05.2020).

⁶ Enerji Piyasası Düzenleme Kurumu, Petrol Piyasası 2018 Sektör Raporu // EPDK. 30.11.2019. URL: <https://www.epdk.gov.tr/Detay/Icerik/3-0-104/petrolaylik-sektor-raporu> (accessed: 21.05.2021).

⁷ Türkiye-Rusya İlişkileri // T.C. Dış İşleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-rusya-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (accessed: 15.04.2020).

relations (Katz & Casula, 2018, p. 295). Nevertheless, Russian-Israeli relations have become relatively stable and pragmatic in political, technical, economic, and cultural spheres for 30 years despite conflicting interests.

Political, Economic and Military Relations

The positions of the two countries in several international problems determine the limits of bilateral relations. Paving the way for reconstructing bilateral relations in the early 1990s, the Arab-Israeli peace process expanded Russian-Israeli communication. This enabled Russia, seeking to restore its great power role, to play an active role in the solution of Palestinian problem (Zvyagelskaya, 2014, p. 123). Russia, as the USSR did, acknowledges Israel's right to exist and security concerns, stands by the UN Resolutions, suggesting a two-state solution, is critical of Israeli occupation in the West Bank. So far, Russian foreign policy concepts have not addressed its relations with Israel; however, the Israeli-Palestinian conflict is mentioned as a critical issue. Russia is determined to seek resolution, underlining its great power role with permanent membership to UNSC and Middle East Quartet. During several international crises that engendered the Western-Russian confrontation, Israel dissociated from the West. One of the very first examples of it was when Israeli foreign minister Ariel Sharon criticized the NATO Operation to Kosovo. Israel did not join Western sanctions against Russia after the Ukrainian crisis, although it does not recognize Crimea as Russian territory. By doing so, Israel could avoid any threat of Russian arms-sales to its enemies in the region, as it happened during the conflict in the Caucasus (Pinfeld & Peters, 2021, p. 42).

After the Chechen Wars and terrorist attacks in Russia, when radical Islam and terrorism have become a security threat for the national security, Russia and Israel have had a common security concern, levelling the security aspect of the relations beyond great power competition in the Middle East⁸. Common terrorism threat opened

⁸ Borshchevskaya A. The Maturing of Israeli-Russian Relations // The Washington Institute. April 15, 2016. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/maturing-israeli-russian-relations> (accessed: 12.01.2021).

up one of the most vital bilateral cooperation areas. During a Middle East tour in 2004, Russian Foreign Minister Sergei Lavrov accepted cooperation in counter-terrorism with Israel (Freedman, 2010, p. 54).

In 2015, despite their contradictory concerns, Israel rapidly adjusted its policy to the conditions, changed with Russia's emergence in the region as an assertive great power, yet indicated its concerns over the Iranian penetration in Syria towards Israeli borders (Lasensky & Michlin-Shapir, 2019, p. 142). Russia and Israel are aware of the consequences of trapping in a zero-sum game in Syria. Pragmatic and realistic policies sustained successful military-diplomatic coordination between Russian and Israeli officials to eliminate any confrontation risk. Such coordination prevented the Il-20 in 2018 incident from escalating into a confrontation despite the Russian accusations on Israel and increased anti-Israeli/Western rhetoric⁹. On the other hand, Russian President Putin was convinced about its tragic incidental circumstances, differing from the intentional downing of the Russian SU-24 jet by Turkey¹⁰. Besides, Netanyahu's efforts to maintain good relations have prevented alienation of parties.

Israel and Russia have deep historical, social, and cultural ties despite the short history of diplomatic relations. Nevertheless, this fact has been officially reflected more after the second term of Vladimir Putin's Presidency in 2004. Putin promotes the Russian-Israeli cultural ties, a shared Russian-Israeli identity through religion by underlining the importance of holy land for the Orthodox Russians, through history reviving the role of the Red Army in defeating

⁹ See: МИД РФ вызвал посла Израиля в связи с ситуацией со сбитым в Сирии Ил-20 // ТАСС. 18.09.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5576477> (дата обращения: 12.01.2021); Глава комитета СФ считает, что инцидент с Ил-20 в Сирии срежиссирован Израилем // ТАСС. 18.09.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5577422> (дата обращения: 12.01.2021).

¹⁰ Putin says loss of a Russian warplane to Syria's air defense during an Israeli attack was due to 'tragic accidental circumstance' // Meduza. September 18, 2018. URL: <https://meduza.io/en/news/2018/09/18/moscow-blames-israel-for-the-russian-military-plane-shot-down-in-syria-by-syrian-air-defense> (accessed: 12.01.2021).

the Nazis and freeing the Jewish population from the concentration camps in World War II and the Soviet support and role in the foundation of Israel, and through language by emphasizing the Russian-speaking society of Israel, the largest Russian speaking community out of the former Soviet Union, consisting of around 12 % of the Israeli population. Israel's Russian-speaking society is one of the most frequently mentioned phenomena as a potential source of Russian soft power in Israel. In his official speeches, Vladimir Putin often refers to Israel's Russian-speaking society, stressing the organic link between countries. Furthermore, many Russian-speaking Israelis have had important positions in government and representation in Knesset. However, it is still hard to find a prominent Russian lobby in Israel, pursuing particular relations with Russia (Moshkova, 2018, p. 391).

Despite the efforts made, there are significant obstacles to more institutionalized and stable bilateral relations. Kremlin's close relations with Iran, Syria, and Hamas, on the one hand, Israel's long-lasting partnership with the US on the other, remind the Cold-War-like alliances that are based on a zero-sum game. Arms sales are one of the critical issues within this context. Israel has long been concerned that Russian arms sales to its enemies like Syria and Iran would change the regional balance of power. Nevertheless, arms sales often have been considered as *quid pro quo* by both countries in bilateral relations. In the mid-2000s, Russia refused to sell Iskandar missiles to Syria due to Israeli concerns (Freedman, 2014). During the Russo-Georgian War in 2008, Israel could prevent the delivery of the S-300 air-defense system to Iran in exchange for halting its arms-sales and military assistance to Georgia (Pinfold & Peters, 2021, p. 42).

Again, after the Il-20 incident, Russia began to deploy S-300 in Syria, delivery of which Netanyahu convinced Putin to cancel in 2013¹¹. After the 2008 Georgia — South Ossetia War, the Russian development of unmanned aerial

vehicle (UAV) proved inefficient, and Israel has become the only Middle Eastern country that exports military equipment to Russia, while the region itself is one of the main destinations of Russian arms. According to SIPRI arms transfer database¹², Russia bought Forpost, to be produced in Russia, and Zastava UAVs from Israel between 2009 and 2010, expected to contribute to the modernization of the Russian military. Israel was interested in arms-sale to Russia, through which it can attain further influence in Russian foreign policy (Katz & Bohbot, 2017, p. 199). Long delay of Russian S-300 to Iran followed these deals, including close military cooperation and professional support to Russian personnel on UAV¹³. In 2014, against the backdrop of American pressure regarding the Ukrainian crisis, Israel suspended the cooperation with Russia¹⁴. Russian Minister of Defense announced modification of Forpost in 2017, which would be developed entirely based on Russian production¹⁵.

Israel is convinced that a stronger Iranian nuclear capacity is a direct threat to its security. Hence, the nuclear deal signed between Iran and Russia in 2005 is another notable matter for Russian-Israeli relations. Russian relations with Hamas and Russian stance towards Hezbollah's activities are other sources of the Israeli skepticism and increase tension between parties, highlighting Moscow and Israel's different positions. Besides, the depth of Israeli-American relations from military to diplomatic areas affects Russia's Israel policy. In contrast to Russian

¹² SIPRI Arms Transfers Database // SIPRI. March 15, 2021. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed: 21.05.2021).

¹³ Hilsman P. Analysis: Drone deals heighten military ties between Israel and Russia // Middle East Eye. October 4, 2015. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/analysis-drone-deals-heighten-military-ties-between-israel-and-russia> (accessed: 13.01.2021).

¹⁴ Egozi A. Israel blocks further UAS sales to Russia // Flight Global. August 4, 2014. URL: <https://www.flightglobal.com/military-uavs/israel-blocks-further-uas-sales-to-russia/114113.article> (accessed: 13.01.2021).

¹⁵ Новый военный беспилотник «Форпост-Р» начнет поступать в войска с 2020 года // ТАСС. 22.08.2019. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/6788812> (дата обращения: 13.01.2021).

¹¹ Friedman R. Russia Canceled S-300 Deal with Assad, Report Says // Times of Israel. May 26, 2013. URL: <https://www.timesofisrael.com/russia-cancels-s-300-sale-to-syria/> (accessed: 13.01.2021).

multilateral policy, cooperating with multiple actors, including Israeli enemies, the US foreign policy decisions in favor of Israel, such as moving the American Embassy to Jerusalem, recognition of Golan Heights as Israeli territory, restricts Russian political thinking concerning Israel.

Enhancement of economic relations and joint projects, especially in agriculture, high technology, and industry is supported by the both governments despite the negative effects of the political problems, different economic systems and geographical factors. Israel's good grasp of Western technology renders cooperation with Israel more substantial for Russia under the Western economic sanctions. Experts tend to see the combination of the relatively cheaper industry, the demand for high technology and inflow of capital in Russia, and Israel's development level in high-tech as an opportunity that can constitute a ground for cooperative projects in scientific and technological fields (Oulin, 2013, p. 81).

According to Russia's Federal Customs Service data, Israel was ranked 48, the lowest in comparison to earlier 10 years, among Russia's trade partners in 2019 and Russian-Israeli trade in 2019 amounted to 2 250 million USD, 17 % lower than 2018 trade volume¹⁶. Nevertheless, Russian Deputy Minister of Energy Anton Inyutsyn stated that "At the end of 2019, the trade turnover between Russia and Israel exceeded 5 billion USD, half of which was in the energy sector"¹⁷. The difference between the given numbers stems from the Israeli policy of not announcing its oil and gas purchase for security concerns. With the discovery of natural gas fields in its territories Israel appeared as a potential competitor of Russia in the European

market. Nevertheless, instead of competition, introduction of the experienced Russian companies, such as Gazprom, to the Israeli natural gas sector, through technology export bears many profits for Russia, which needs consolidating its influence in the region.

The visa-free agreement in 2008 between the countries drastically increased the number of Russian tourists to Israel and the number of Israelis visiting Russia, which could contribute to tourism and bring Russia investment from Israel. In 2019, Putin and Netanyahu decided to accelerate the creation of a free-trade zone between Israel and Eurasian Economic Union (EAEU). In March 2020 the 6th and last round of negotiations on a free trade agreement was held with Israel¹⁸. The deal has not been signed yet, although it was anticipated to be signed in early 2021¹⁹. Given the Israeli economy's size, a substantial economic contribution is not expected. However, if EAEU can make a deal with Israel while having the preferential trade agreement with Iran, it can advance the Russian great power image, based on its multidimensional foreign policy capability.

Conclusion

The great powerness is a significant component of Russian national identity and foreign policy discourse. The great power status of Russia, as a product of centuries-long Russian-Western relations, has also become one of the important determinants of the Russian-Western relations. It also allows the development of relations with regional states in the Western alliance. In this way, Russia strengthens its great power status in the international system while providing foreign policy alternatives in various

¹⁶ Торговля между Россией и Израилем в 2020 году // Внешняя торговля России. 13.02.2021. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiyey-i-izrailem-v-2020-g/> (дата обращения: 30.05.2021).

¹⁷ Антон Инюцын: «По итогам 2019 года товарооборот между Россией и Израилем превысил 5 млрд долларов, из которых половина пришлась на энергетический сектор» // Министерство энергетики Российской Федерации. 22.01.2020. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/16847> (дата обращения: 13.01.2021).

¹⁸ Информация о ходе реализации в 2020 году государственной программы Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» // Министерство экономического развития Российской Федерации. 28.04.2021. URL: https://economy.gov.ru/material/file/ef3a3c6e82ca59883d1e1c3002772600/otchet_2020.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

¹⁹ Израиль надеется подписать соглашение о ЗСТ с ЕАЭС в начале 2021 года // ТАСС. 02.12.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10151795> (дата обращения: 14.01.2021).

areas for regional powers in Western alliance such as Israel and Turkey.

Russia's belonging to and exclusion from the West have influenced the nature of relations. Notably after the Ukrainian crisis in 2014, the deteriorated Russian-Western relations underlined Russian exclusion from the West despite the earlier Russian efforts to integrate the country in the Western block. Accordingly, in the context of worsening relations with the West after that crises, Russia puts emphasize on non-Western world, prioritizes its relations with China, a rising superpower endangering the U.S. global hegemony that can lead to the formation of a multipolar international system.

On the other hand, balanced Russian-Western relations are essential for securing its great power status and contributing to forming a multipolar world order. Despite the worsening relations with the West, Russia could maintain strategic and pragmatic relations with non-Western allies of the West. Instead of costly direct normalization efforts towards the West, Russia pragmatically improves bilateral relations with Israel and Turkey, which are traditional Western allies. Russian-Turkish relations have developed deeper, particularly in the economic sphere, compared to Russian-Israeli relations due to political, economic, and geographical reasons. The purchase of Russian S-400 air defense systems initiated military and technical cooperation between the two countries, signaling

a profound transformation in Turkish foreign policy. For its part, Israel constitutes a donor/supplier of high technology from military to agricultural spheres for Russia. Russia, in turn, offers Israel opportunities to influence its enemies in the region, which the U.S. lacks.

Both Turkey and Israel are critical regional powers and historical Western allies for Russia, seeking to fill the power vacuum, emerged out of reduced US interest in the Middle East. Russia's relations with Israel and Turkey are vital for its great power status, installed over its multidimensional dialogue capacity across the region. For Turkey and Israel, Russia is an alternative country for their foreign policy priorities in different fields from economy to military-technical cooperation. Developing bilateral or trilateral mechanisms, such as the Astana Peace process with Turkey and Iran or military coordination with Israel in Syria, Russia offers these non-Western allies alternative policy options beyond what the West suggests them. These relations, first, can be a domain for Russia to challenge the West beyond its immediate borders and achieve its recognition of Russian great power-ness. Second, Russia can decrease its alienation from the West, prevent further Chinese-American bi-polarization of the world order, and maintain its position as a great power with stronger influence.

Received / Поступила в редакцию: 18.01.2021

Accepted / Принята к публикации: 10.06.2021

References / Библиографический список

- Buzan, B., & Waever, O. (2004). *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Denisov, I., & Safranchuk, I. (2016) Four problems of the SCO in connection with its enlargement. *Russian Politics and Law*, 54(5—6), 494—515. <https://doi.org/10.1080/10611940.2016.1296304>
- Denisov, I., Kazantsev, A., Lukyanov, F., & Safranchuk, I. (2019). Shifting strategic focus of BRICS and great power competition. *Strategic Analysis*, 43(6), 487—498. <https://doi.org/10.1080/09700161.2019.1669888>
- Erşen, E. (2017). Evaluating the fighter jet crisis in Turkish-Russian relations. *Insight Turkey*, 19(4), 85—103. <https://doi.org/10.25253/99.2017194.06>
- Freedman, R. O. (1998). Russia and Israel under Yeltsin. *Israel Studies*, 3(1), 140—169.
- Freedman, R. O. (2010). Russia, Israel and the Arab-Israeli conflict: The Putin years. *Middle East Policy*, 17(3), 51—63. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4967.2010.00450.x>
- Freedman, R. O. (2014). Israel and Russia: Jerusalem and its relations with Moscow under Putin. In C. Shindler (Ed.), *Israel and the world powers diplomatic alliances and international relations beyond the Middle East* (pp. 125—154). London and New York: I.B. Tauris.

- Hopf, T. (2002). *Social construction of foreign policy: Identities and foreign policies. Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Katz, M. N., & Casula, P. (2018). The Middle East. In A. P. Tsygankov (Ed.), *Routledge handbook of Russian foreign policy* (pp. 295—310). London and New York: Routledge.
- Katz, Y., & Bohbot, A. (2017). *The Weapon wizards: How Israel became a high-tech military superpower*. New York: St. Martin's Press.
- Kuchins, A. C., & Zevelev, I. A. (2012). Russian foreign policy: Continuity in change. *The Washington Quarterly*, 35(1), 147—161. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.642787>
- Lasensky, S. B., & Michlin-Shapir, V. (2019). Avoiding zero-sum: Israel and Russia in an evolving Middle East. In K. Mezran & A. Varvelli (Eds.), *The MENA Region: A great power competition* (pp. 141—157). Milano: ISPI and Atlantic Council.
- Lukin, A. (2018). A Russian perspective on the Sino-Russian rapprochement. *Asia Policy*, 13(1), 19—25. <https://doi.org/10.1353/asp.2018.0004>
- Masumova, N. (2018). Russia and Turkey: Resetting economic partnership. *PERCEPTIONS: Journal of International Affairs*, 23(2), 33—50.
- Mearsheimer, J. J. (2001). *The tragedy of great power politics*. New York: W. W. Norton & Company.
- Moshkova, T. (2018). Russian-Israeli relations: The role of the Russian-speaking community of the state of Israel. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(2), 387—399. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-387-399>
- Neumann, I. (2003). *Russia and the idea of Europe: A study in identity and international relations*. New York and London: Routledge.
- Oulin, S. (2013). Bilateral Economic Relations. In Z. Magen & V. Naumkin (Eds.), *Russia and Israel in the changing Middle East* (pp. 81—86). Tel Aviv: Institute for National Security Studies.
- Pinfold, R. G., & Peters, J. (2021). The limits of Israel's periphery doctrine: Lessons from the Caucasus and Central Asia. *Mediterranean Politics*, 26(1), 25—49. <https://doi.org/10.1080/13629395.2019.1693125>
- Safranchuk, I. A. (2018). Russian-U.S. relations: Torn between the practical and ideational agendas. *Russia in Global Affairs*, 16(4), 96—119. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-4-96-119>
- Safranchuk, I. A. (2020). M — Messianism. *Russia in Global Affairs*, 18(1), 105—107. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-1-105-107>
- Shakleina, T. A. (2011). Great powers and regional subsystems. *Mezhdunarodnye Processy*, 9(2), 29—39. (In Russian). [Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2. С. 29—39.]
- Tsygankov, A. P. (2016). *Russia's foreign policy: Change and continuity in national identity*. New York: Rowman & Littlefield.
- Tsygankov, A. P. (2020). G — Great powerness. *Russia in Global Affairs*, 18(1), 85—91. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-1-85-91>
- Ulçenko, N. (2016). Sovyet Sonrası Dönemde Türkiye-Rusya Ticari ve İktisadi İlişkileri. *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 3(2), 121—138.
- Zvyagelskaya, I. D. (2014). *Middle East clinch: Conflicts in the Middle East and Russian politics*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian). [Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014.]

About the authors: *Birinci Ebru* — PhD Student, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University; ORCID: 0000-0002-6919-4275; e-mail: ebrubirinci@windowslive.com
Sucu Ali Emre — PhD Student, Department of Global Political Process, MGIMO University; ORCID: 0000-0003-0789-2198; e-mail: a.sudju@inno.mgimo.ru
Safranchuk Ivan Alekseevich — PhD in Political Sciences, Director, Center of Euro-Asian Research, Institute for International Studies, MGIMO University; ORCID: 0000-0003-2214-6628; e-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Сведения об авторах: *Биринчи Эбру* — аспирантка кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; ORCID: 0000-0002-6919-4275; e-mail: ebrubirinci@windowslive.com
Суджу Али Эмре — аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО Университета; ORCID: 0000-0003-0789-2198; e-mail: a.sudju@inno.mgimo.ru
Сафранчук Иван Алексеевич — кандидат политических наук, директор Центра евроазиатских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0003-2214-6628; e-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-529-542

Научная статья / Research article

Интернет-революции или просто фитнес: к десятилетию «арабской весны»

А.М. Васильев^{1,2} , Н.А. Жерлицына^{1,2} ¹ Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация zherlitsyna-na@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена десятой годовщине революционных событий в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), получивших название «арабской весны». Актуальность исследования последствий политических трансформаций в арабских странах обусловлена незавершенностью процессов модернизации в таких сферах, как государственное управление, правосудие и права человека. Все это породило недовольство активной части общества, которая стала инициатором протестов. Авторы ставили целью сопоставить причины народных возмущений, способы политической борьбы, роль основных акторов и результаты «арабской весны» для большинства стран, затронутых данным процессом. Особое внимание уделено росту популярности исламистских политических сил, которые дали свои ответы и псевдоответы на острые общественные вопросы. С опорой на методы сравнительного и типологического анализа были изучены особенности различных моделей политического развития ближневосточных и североафриканских стран. За истекший десятилетний период мировая наука накопила значительный пласт исследований, посвященных изучению феномена «арабской весны». Авторы учли широкий спектр мнений ученых из Европы, США, Турции, Израиля и арабских стран. Ставя целью оценить политическую трансформацию региона БВСА за последние 10 лет, данное исследование анализирует изменения в позиции внешних акторов, таких как Россия и США. Авторы приходят к выводу, что влияние США в целом в регионе уменьшилось, а России, Турции, Ирана и Саудовской Аравии возросло. Израилю удалось укрепить собственную безопасность, установив нормальные отношения с рядом арабских государств региона. Народные волнения, вновь вспыхнувшие в Ираке, Ливане, Судане, Алжире, да и в Тунисе в 2018—2021 гг., объективно были вызваны теми же условиями, которые породили «арабскую весну» и пока что с теми же неопределенными результатами.

Ключевые слова: Ближний Восток и Северная Африка, «арабская весна», авторитаризм, безработица, революция, гражданская война, радикальный исламизм, народные волнения, нестабильность

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

© Васильев А.М., Жерлицына Н.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Интернет-революции или просто фитна: к десятилетию «арабской весны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 529—542. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-529-542

Internet Revolution or Just Fitna: Towards the Tenth Anniversary of the Arab Spring

Alexey M. Vasiliev^{1,2}, Natalia A. Zherlitsina^{1,2}✉

¹ Institute for African Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

² Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
✉ zherlitsyna-na@rudn.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the tenth anniversary of the revolutionary events in the Middle East and North Africa (MENA), called the Arab Spring. The relevance of the study of the consequences of political transformations in Arab countries is due to the incompleteness of the modernization processes in such areas as public administration, justice and human rights, which gave rise to the discontent of the active part of society, which had initiated the protests. The idea of the research was to compare the causes of popular uprisings, the methods of political struggle, the main actors and the results of the Arab Spring for most of the countries affected by this process. Particular attention has been paid to the growing popularity of Islamist political forces, which have given their answers and pseudo-answers to acute societal issues. With the help of comparative and typological analysis, the peculiarities of different models of political development in the Middle East and North African countries have been studied. Over the past decade, world science has accumulated a significant layer of research on the Arab Spring phenomenon. The authors have taken into account a wide range of opinions of scholars from Europe, the United States, Turkey, Israel, and the Arab states. Aiming to assess the political transformation of the MENA region over the past 10 years, this study analyzes changes in the position of external actors such as Russia and the USA. The authors conclude that the influence of the US as a whole in the region has decreased, while the influence of Russia, Turkey, Iran, and Saudi Arabia has increased. Israel has managed to strengthen its own security by establishing normal relations with a number of Arab states in the region. The popular unrest that erupted again in Iraq, Lebanon, Sudan, Algeria, and Tunisia in 2018—2021 was objectively caused by the same conditions that had given rise to the Arab Spring and with the same uncertain results so far.

Key words: Middle East and North Africa, Arab Spring, authoritarianism, unemployment, revolution, civil war, radical Islamism, civil unrest, instability

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant 19-18-00155 “Islamist extremism in the context of international security: threats to Russia and opportunities for counteraction”.

For citation: Vasiliev, A. M., & Zherlitsina, N. A. (2021). Internet Revolution or Just Fitna: Towards the Tenth Anniversary of the Arab Spring. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 529—542. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-529-542>

Введение

Арабские революции, потрясшие Ближний Восток и Северную Африку 10 лет назад, получили оптимистическое название «арабская весна», или «фитна»¹. Сейчас оценки западных политологов и СМИ говорят о «провале “арабской весны”», «арабской зиме» и рухнувших надеждах на демократизацию стран региона. С

¹ Фитна — арабский термин, означающий «хаос», «смуту».

ними переключается и большинство пессимистических высказываний самих арабов. Далекая от оптимизма картина включает в себя:

— сохранение и ужесточение авторитарных режимов в Египте и Сирии;

— продолжающиеся гражданские войны в Йемене, Ливии (только приостановленной) и Сирии (только приостановленной);

— распад государственности в Йемене и Ливии, сохраняющиеся угрозы единства Сирии;

— относительная заморозка народных движений в монархиях Марокко, Иордании, Саудовской Аравии, Омане, Кувейте и Бахрейне (под контролем саудовских и эмиратских войск);

— отголоски «арабской весны» в антиправительственных волнениях 2018—2020 гг. в Судане (свержение прежней диктатуры с неясными перспективами), Алжире (смена лиц в руководстве), Ираке и Ливане;

— антиправительственные волнения в Тунисе.

На ситуацию накладывается пандемия, вызвавшая всеобщее падение экономических показателей и усиление жестких мер контроля со стороны властей за обществом.

Видный американский политолог и специалист по Ближнему Востоку Стивен Кук пишет: «Регион стал антиутопией, которую отличает применение насилия, восстановление авторитаризма, экономический упадок, региональные конфликты при том, что нет очевидного выхода из этой ситуации. В первый раз вполне резонно чувствовать безнадежность, оценивая Ближний и Средний Восток»².

Чтобы понять, в чем заключалась «утопия» «арабской весны» и стала ли она «антиутопией» и «безнадежностью», логично обратиться к истокам народных волнений 2010—2011 гг., последующим событиям и их результатам.

Методология

В основу данного исследования итогов «арабской весны» положен структурно-функциональный подход, позволяющий прогнозировать посткризисные социально-политические изменения. Для осуществления качественного анализа в ходе данной работы применен метод экспертных оценок. Выявление особенностей различных моделей политического развития ближневосточных стран потребовало привлечения сравнительного и

типологического анализа, а осмысление целей и реальных приоритетов ближневосточных политических организаций и отдельных личностей происходило посредством критического дискурс-анализа. Авторы учли в работе существенный вклад в изучение заявленной научной и политической проблемы российских, арабских, турецких авторов, а также представителей западной научной школы (Труевцев, 2020; Kepel, 2020; Burns, 2019; Fakihi, Haimoun & Kassem, 2020; Heydemann, 2016; Khatib & Ghanem, 2018; Issaev & Zakharov, 2020; Korotayev & Shishkina, 2020).

Причины протестов

Казалось бы, все сходятся на том, что общей причиной волнений («революций») были репрессии авторитарных режимов, коррупция властей, разрыв между богатством и нищетой, безработица, экономические проблемы. Действительно, все перечисленные проблемы имели место, но арабские авторитарные режимы не числились среди самых репрессивных на Земном шаре, нигде не было голода, экономика развивалась (в Египте накануне волнений ВВП на душу населения возрастал на 4—6 % ежегодно)³. По уровню коррупции арабские страны находились где-то в середине списка, хотя общепринятых показателей не существует, а традиционный для большинства стран региона разрыв между богатством и нищетой сохранился и в начале XXI в.

Конечно, все эти негативные явления к началу второго десятилетия нашего века создавали критическую массу (Steinert-Threlkeld, 2017, p. 388). На нее подействовали дополнительно три фактора: создание «молодежного бугра», то есть резкое увеличение процента молодых людей (самой пассионарной части общества) в результате улучшения здравоохранения 20—30 лет назад, что

² Cook S.A. Arab Dignity Is Real. So Is Arab Failure // *Foreign Policy*. December 17, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/12/17/arab-spring-dignity-is-real-so-is-arab-failure/> (accessed: 12.03.2021).

³ Gordon M. Forecasting instability: The case of the Arab Spring and the limitations of socioeconomic data // *Wilson Center*. February 8, 2018. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/forecasting-instability-the-case-the-arab-spring-and-the-limitations-socioeconomic-data> (accessed: 14.03.2021).

приводило к росту безработицы и отсутствию социальных лифтов для молодежи (Fakih, Naimoun & Kassem, 2020, p. 319). Вторым фактором — правители оставались у власти несколько десятилетий, за это время создавали вокруг себя коррупционные кланы. Третьим фактором — развитие СМИ (телевидения) и информационных технологий (Васильев, Жерлицына, 2019, с. 83). Они обеспечивали взаимосвязь всего арабского мира и показывали другую, более достойную, красивую и материально обеспеченную жизнь, рассказывали об успехах не только европейцев и американцев, но и неевропейских стран — Японии, Южной Кореи, а затем и Китая. Естественно, это вызывало чувство протеста: а почему «у нас, представителей древней цивилизации и носителей самой лучшей религии — ислама, — все не так? Куда уплывает наша нефть? Куда уплывают наши деньги?». Добавим к этому некоторое увеличение цен на продовольствие, что добавляло горечи в ежедневную жизнь обществ.

Нужна была искра для взрыва накопившейся критической массы. Ею стало самоожжение и последующая мучительная смерть 26-летнего тунисца — безработного, у которого отобрали тележку с овощами и при этом оскорбили. Весть о его судьбе и страшной смерти разносили телеканалы и Интернет (Наумов, 2019, с. 121). С протестом против деспотического режима выступили десятки, затем сотни тысяч человек. Режим был сметен. Президент З.А. Бен Али бежал из страны.

Благодаря единому интернет- и медиапространству события немедленно стали известными в регионе «от океана до Залива». Взаимосвязь событий и их общие причины очевидны, но ситуация настолько отличалась от страны к стране, что привело к разным результатам того цунами революций, что пронеслось по арабскому миру.

Тунис — успех или провал?

Первым бенефициаром революции и нестабильности стали исламисты, обладавшие широкой социальной базой и ореолом борцов с режимом. Они победили на выборах 23 октября 2011 г. Их партия «Ан-Нахда» в союзе с

двумя другими партиями сформировала правительство. Но они не смогли решить социальных проблем, справиться с ростом цен на продовольствие, уменьшить безработицу. «Ан-Нахда» вынуждена была отойти от власти, сохранив надежды на будущие успехи (Körpülü, 2020, p. 216).

В 2020—2021 гг. Тунис вновь захлестнули волнения. Объекта ненависти — диктатора и его клана — не было. Однако сохранялась главная причина народного недовольства — высокая безработица. Быстро изменить ситуацию и дать тунисцам работу не смогли несколько последовательно сменивших друг друга правительств. Несмотря на истолкованные мировым сообществом результаты парламентских и президентских выборов как ориентацию Туниса на демократическое развитие, ситуация в стране остается весьма хрупкой. Внутренние вызовы и нерешенные проблемы дополняются вновь возникающими извне угрозами безопасности.

Египет: поражение «Братьев-мусульман» и усиление военных

После 18 дней массовых волнений президент Египта Хосни Мубарак, правивший 32 года, 11 февраля 2011 г. ушел в отставку, но остался в стране. Командование вооруженных сил во главе с министром обороны Хусейном Тантави взяло власть. Х. Мубарака и его сыновей арестовали, как и нескольких министров, якобы замешанных в особо крупных актах коррупции.

Вооруженные силы оставались главной составной частью любого политического руководства страны. После выхода в отставку многие офицеры и генералы занимали важные посты в государственных структурах, правлениях компаний и банков. Бывшие генералы в отставке становились губернаторами.

Второй главной силой в определении нового политического курса страны была Ассоциация «Братьев-мусульман»⁴ — наиболее массовая общественная и религиозная организация. Ее опора — религиозно настроенное

⁴ Организация запрещена в РФ.

население, для которого были чужды лозунги «демократии», «либерализма», «свободных выборов» и т. д. «Братья» проповедовали возвращение «к истинно исламским ценностям», использование шариата в правлении и ежедневной жизни. Их лозунги — «Ислам — вот решение», «Коран — вот наша конституция» (Al-Anani, 2021, p. 43).

Революцию организовало по Интернету молодое поколение 20—30-летних достаточно образованных египтян, представителей среднего класса, которые были настроены оппозиционно к режиму, проповедовали демократические принципы — свободные выборы, свободные СМИ, права человека.

На сравнительно свободных выборах в парламент в ноябре 2011 — начале января 2012 г. политическое крыло ассоциации «Братья-мусульмане» — Партия свободы и справедливости — и ее союзники получили 47 %, то есть почти половину голосов. Представителей интернет-молодежи в Национальном собрании фактически не было. Конституционный суд под давлением военных объявил результаты выборов нелегитимными (Fisk & Cockburn, 2017, p. 134).

Однако на выборах президента в июне 2012 г. с небольшим преимуществом победил представитель «братьев» Мухаммед Мурси. Социально-экономические требования масс не выполнялись, страна бушевала (Solomon & Tausch, 2020, p. 186). «Пути демократии и революции в арабских странах рано или поздно должны были разойтись, и они разошлись», — констатировали российские политологи-эксперты по Ближнему Востоку (Vasiliev, 2018, p. 341).

В обстановке растущего хаоса общество тосковало по сильной руке. Военный переворот, поддержанный Саудовской Аравией, не заставил себя ждать и был осуществлен, «выполняя волю народа». М. Мурси был отстранен от власти 3 июля 2013 г. и арестован. Протесты «братьев» против переворота были подавлены с немалой кровью. Их лидеры оказались за решеткой, в том числе и свергнутый президент М. Мурси, скончавшийся в тюрьме в июне 2019 г.

«Быть избранным демократически — это полдела, надо еще уйти демократически, а

“Братья-мусульмане” не хотели, — считает М.Л. Богданов, видный дипломат-арабист в российском МИДе. — Они довели общество до кризиса. От хаоса и гражданской войны Египет спасли военные. Не очень “демократично”? А что было делать?» (Vasiliev, 2018, p. 348).

Из социально-экономического кризиса авторитаризм вновь вырос в еще более жесткой форме, чем было при президенте Х. Мубараке. Западные СМИ утверждают, что в постреволюционном Египте число политзаключенных доходит до 60 тыс. против 5—6 тыс. при Х. Мубараке⁵.

Перед египетским государством во главе с фельдмаршалом А. ас-Сиси стоят многочисленные трудноразрешимые проблемы: подавить террористов, связанных с ИГИЛ⁶, на Синайском полуострове, и экстремистов из числа «братьев», обеспечить поступательное развитие экономики, которая была загнана в тупик в результате популистских решений, возродить туристический сектор и одновременно попытаться решить водную проблему в связи со строительством Эфиопией платины на Ниле.

Протестная волна, вызванная «эффектом домино» в 2011 г., накатила на Алжир. Население требовало работы, улучшения условий труда и повышения зарплаты. Власти быстро отреагировали на вспышки массовых волнений, приняв комплекс социальных и политических мер, призванных сбить недовольство.

Массы в 2019 г. стали протестовать против попыток поставить у власти недееспособного к тому времени А. Бутефлику, а фактически — его ближайшее окружение. Протесты в исключительно мирных условиях позволили сменить президента. Это несколько утихомирило волнения, оппозиция получила большую свободу действий. Но принципиальные проблемы — бедности и безработицы — не были решены.

⁵ Hammer J. How Egypt’s activists become “generation jail” // The New York Times Magazine. March 14, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/14/magazine/how-egypts-activists-became-generation-jail.html> (accessed: 26.02.2021).

⁶ Организация запрещена в РФ.

Ливия: выстоит ли государственность?

Цунами арабских революций достигло Ливии и переросло в гражданскую войну между оппозицией и сторонниками режима полковника Муаммара Каддафи. В Ливии уровень жизни был достаточно высоким, правительство обеспечивало население многими социальными благами. Но уровень безработицы среди граждан Ливии составил 20,7 %, то есть оказался едва ли не самым высоким среди всех стран региона (Idowu & Oladiti, 2016, p. 113). Молодежь получала образование, но не находила работы. Рос накал неудовлетворенных желаний, чаяний, надежд, амбиций. М. Каддафи и его режим стали объектом яростной информационной войны, были «демонизированы» западными и арабскими каналами.

Среди восставших сразу выделились организации крайних исламистов. Многие из них были подготовлены заранее за границей. Они стали ядром вооруженных групп, успешно захватывали склады оружия. Опираясь на некоторые части армии, на наемников и верные ему племена, М. Каддафи находился в двух шагах от возможности подавить восстание. США и страны НАТО сделали ставку на оппозицию, просто закрывая глаза на реальный характер исламистов.

«Грехи» М. Каддафи на Западе не забыли: в частности, помнили о национализации нефтяных ресурсов — самых крупных в Африке, ликвидации американских и английских военных баз. Исказив суть резолюции Совета Безопасности ООН, вооруженные силы НАТО более семи месяцев с помощью авиационных (около 10 тыс. бомбежек!) и ракетных ударов расчищали путь к военной победе повстанцев (Burns, 2019, p. 162). В войне на стороне оппозиции согласились участвовать ОАЭ и Катар.

После убийства Муаммара Каддафи Ливия распалась на враждующие племена и кланы, исламистские и этнические группировки, просто вооруженные банды. Переходный национальный совет контролировал только небольшую часть страны. Государство фактически прекратило свое существование, не было институтов гражданского общества и

реально действующих государственных структур. Создать их десятком декретов было невозможно, да и декреты вводили жесткие нормы шариата. В 2014 г. началась новая гражданская война между бывшими «революционерами» (Issaev & Zakharov, 2020, p. 59).

К началу третьего десятилетия парламент (Палата представителей) на востоке страны, опиравшийся на Ливийскую арабскую армию во главе с Халифой Хафтаром, захватила большую часть территории страны. Казалось, что армия Х. Хафтара имела достаточный потенциал для того, чтобы занять доминирующее положение и создать свой авторитарный режим. Но в его победе не были заинтересованы не только его противники, но и многие члены коалиции, которую он возглавлял. Одновременно его армия столкнулась с внешним вмешательством. Турция, вставшая на сторону Правительства национального согласия, сначала перебросила туда часть сирийских боевиков, а потом турецкий спецназ, который укрепил военный потенциал триполийского правительства, заставил армию Х. Хафтара отступить и принудил к временному перемирию (Sánchez-Mateos, 2019, p. 474). Но в этот момент Египет, который выступал на стороне Х. Хафтара вместе с ОАЭ и Саудовской Аравией, был готов к вмешательству, что могло вызвать прямое военное противостояние с Турцией. Война в Ливии завершилась шатким перемирием, компромиссом и созданием в марте 2021 г. Правительства национального единства, но имеются большие сомнения, сможет ли оно реально контролировать ситуацию на всей территории страны.

Пока что потенциально одна из богатейших стран Африки со сравнительно небольшим населением, самыми крупными запасами нефти, прекрасным 2000-километровым побережьем и историческими памятниками, которая могла стать притягательной для европейского туризма, находится в экономическом упадке, усугубленном пандемией.

Сирия: конфликт не закончен

Предпосылки протестных взрывов в Тунисе и Египте присутствовали и в Сирии. Коррупция государственного аппарата и

«верхов», авторитарный режим, репрессии вызывали неприятие значительной части «низов». Триада баасистской идеологии — единство, свобода и социализм — обветшала и перестала быть привлекательной. Монополия Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ, или «Баас») на власть уже не стала восприниматься как необходимость населением страны, открытой внешнему миру и с довольно высоким образовательным уровнем.

Башар Асад и его баасистский режим были неприемлемы для Запада и его местных союзников из-за близких отношений Дамаска с Россией, сотрудничества с Ираном. С помощью информационных технологий он был «демонизирован», как и режим М. Каддафи (Barbera & Jackson, 2020, p. 302). Оппозиция получала оружие, кадры и добровольцев из-за границы. Столкновения с оппозиционными силами приняли характер гражданской войны. Внутри оппозиционных сил верх взяли самые одиозные джихадисты.

Нейтралитет в войне в Ливии показал российскому руководству опасность подобного развития событий в Сирии: ликвидация государственности, раскол страны, бесчинства крайних исламистов, что создает прямую угрозу России. По просьбе Дамаска в 2015 г. Москва вмешалась. Использование военнокосмических сил резко изменило ситуацию в пользу законной власти (Крылов, 2020, с. 119).

Баасистский режим смог восстановить власть над большей частью территории. Однако на северо-западе страны, в провинции Идлиб, контроль находится по-прежнему в руках крайних исламистов, в северной части Сирии турки ввели нечто наподобие оккупационного режима. На северо-востоке существует хотя и не враждебный Дамаску, но как бы независимый, поддерживаемый американцами курдский режим (Korotayev & Shishkina, 2020, p. 301). В южной части этой зоны действуют арабские племена и пока что сохраняются незаконно введенные туда американские войска. Президент США Д. Трамп собирался полностью вывести их из Сирии, а президент Дж. Байден отложил эвакуацию.

Экономика Сирии лежит в руинах. Погибли сотни тысяч граждан, более 5 млн

сирийцев находятся в эмиграции. Для сохранения единства Сирии необходим компромисс в пределах еще не разработанной и не принятой новой конституции, но баасистский режим не может согласиться делить власть с исламистами, а те — с баасистами, и в этом — проблема.

Йемен: внутренний конфликт и внешняя интервенция

Кризис начался и в Йемене, где 33 года правил президент Али Абдалла Салех. Это одна из самых бедных и отсталых арабских стран, с всеильной бюрократией и всеобщей коррупцией. Особую роль играли противоречия между племенами, а также между умеренными шиитскими группировками (зейдитами) и суннитами (Prasanta, 2017, p. 24). Решающая роль принадлежала крупным конфедерациям йеменских племен.

Президент Салех отказался от своего поста в пользу вице-президента Абд Раббо Мансура Хади и примкнул к оппозиции. Менялись союзники и менялись лозунги. Ни одна из проблем, вызвавших восстание 2011 г. в Йемене, не была решена (Shishkina & Issaev, 2017, p. 3).

Наиболее дисциплинированными и боеспособными оказались вооруженные силы организации шиитов-хуситов. В сентябре 2014 — феврале 2015 г. они смогли установить контроль практически над всем Северным и частью Южного Йемена. Хуситы объединились со сторонниками бывшего президента Салеха. А.Р. Мансур Хади в январе 2015 г. бежал из страны, но затем смог закрепиться в Адене при содействии саудовских и эмиратских вооруженных сил. В 2015 г. в войну вмешались вооруженные силы Саудовской Аравии и ОАЭ. В стране, разделенной примерно по прежней границе между Северным и Южным Йеменом, продолжались столкновения.

Монархические арабские режимы: причины устойчивости

В аравийских нефтяных государствах не было достаточного потенциала для революционных взрывов, трансформационные

процессы пока могли протекать эволюционно. В Саудовской Аравии — медленно, в других монархиях, возможно, быстрее. Коренное население в своем большинстве не было настроено антимонархически. Но в качестве превентивной меры саудовский король Абдалла еще в 2011 г. распорядился значительно увеличить расходы на социальные нужды, на них было дополнительно выделено примерно 100 млрд долл. США. Продолжал действовать неписанный «социальный договор»: нефтяные монархии делились частью своего дохода с коренным населением, и оно не вмешивалось в политику и было социальной базой режимов.

Исключением среди арабских монархических режимов стало островное королевство Бахрейн. В стране началось массовое протестное движение шиитов, составляющих большинство населения, против суннитского королевского режима. Правительство Бахрейна пригласило в страну войска из Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов, которые подавили волнения.

Свою специфику имели королевские режимы в Марокко и Иордании. Там правили монархи, которые заранее начали сверху проводить кое-какие реформы, вести диалог с мусульманской оппозицией и допустили во власть исламистов. Обе династии считаются прямыми потомками пророка Мухаммеда и пользуются почитанием среди верующих. Правда, бедность населения, нехватка ресурсов, не позволяющие удовлетворить запросы масс, усиливали социальную напряженность, хотя не вызывали антимонархических движений.

В ноябре 2011 г. в относительно свободной обстановке в Марокко прошли выборы в новый парламент, на которых победу одержали исламисты, а в 2016 г. они повторили этот успех. Королевство превратилось в конституционную монархию с избираемым парламентом.

2018—2021: эхо «арабской весны»

Отголоски «арабской весны», во всяком случае ее методов и форм, в 2018—2021 гг. задела другие арабские страны. Мы уже упомянули события в Алжире. Антиправительственные волнения в Судане, проходившие по

схемам «арабской весны», завершились в апреле 2019 г. военным переворотом. Впрочем, как и в других странах, они не означали принципиально новой системы, а просто смену лиц во властных структурах (Eid & El-Desouky, 2021, p. 105). Судан уже был расколот на Север и Юг, регион Дарфур также обладал потенциалом сепаратизма. Конституционная декларация позволила договориться гражданским демонстрантам и военным о последовательной смене руководства страной. Сейчас государство живет в условиях переходного периода, который продлится до 2023—2024 гг. Об отсутствии стабильности свидетельствует и решение о приостановке соглашения с РФ по морской базе, о чем стало известно в начале июня 2021 г.

Ливан события собственно «арабской весны» как бы обошли стороной, но его конфессиональная политическая структура постоянно давала сбой. Пятнадцатилетняя гражданская война 1975—1990 гг. просто оставила страну в застывшем состоянии, но в ней резко усиливалась шиитская военно-политическая составляющая и складывалась перспектива возвращения боевых отрядов «Хезболлы» из Сирии, что укрепило бы влияние шиитов в стране (Makangali et al., 2020, p. 108). Когда Ливан оказался в положении экономического банкрота, которое ухудшилось в результате страшного взрыва в бейрутском порту в августе 2020 г., волнения выплеснулись на улицы. Существенная особенность: протестующие не выдвигали никаких конфессиональных лозунгов, а требовали смены правительства, ликвидации всей политической элиты, построенной на конфессиональной основе. Существующий кризис в социально-экономической и политической сферах еще более усугубился в период пандемии.

Ирак стоял вне событий «арабской весны», но был жертвой суннитского экстремизма в лице ИГИЛ, пережил гражданскую войну. Сохранить государственность помогли срочные поставки вооружения (за плату) из России и организация Корпусом стражей иранской революции шиитского ополчения, которое смогло подавить ИГИЛ вместе

с беспощадными бомбардировками Мосула и других позиций ИГИЛ авиацией США и их союзников.

Новое движение протеста развивалось по опыту «арабской весны», без существенного лидерства, через интернет-технологии. Протестующие уже не верили своей элите, какой бы она ни была, требовали падения правительства. По экспорту нефти Ирак стал вторым государством в ОПЕК после Саудовской Аравии⁷. Но денег не хватало на элементарные социальные услуги. Ситуация говорила о том, что прежний американский псевдоплан после оккупации Ирака в 2003 г. создать «образцовое демократическое государство» привел к расколу страны по этноконфессиональному признаку, к гражданской войне, создал неработающую конституцию.

Социальный протест в Ираке не носил конфессионального характера, но в какой-то степени затрагивал господствующие позиции шиитов во власти и влияние Ирана в Ираке. Тегеран вынужден был очень осторожно и гибко подходить к этим волнениям. США сохраняли инструменты военного давления на Багдад.

Позиция США

Отношение к «арабской весне», последующим событиям и к сегодняшней обстановке у США двойственное.

С одной стороны, в США, во всяком случае в экспертном сообществе, понимали, что на Ближнем Востоке и в Северной Африке необходимы реформы, но постепенно, сверху, то есть демократизация в рамках союза с Западом.

С другой стороны, Вашингтон считал, что давление снизу через прозападные неправительственные организации тоже окажется эффективным. Силу исламистов в США и западных странах просто игнорировали. Не следует забывать, что в период борьбы с Советским Союзом и антизападными националистическими и левыми режимами Запад

поддерживал исламистов как внутри арабских стран, так и в особенности во время «джихада» против советских войск и просоветского правительства в Афганистане (Vasiliev, 2018, p. 179). И сейчас, если и были какие-то подозрения в адрес исламистов, в Вашингтоне надеялись их «приручить».

Политика двойных стандартов была обычной для Вашингтона, который сотрудничал с лидерами проамериканских режимов, но одновременно помогал неправительственным организациям, давал им соответствующие технологии, готовил будущих активистов. Сейчас об этом не любят вспоминать, но на Западе фактически готовили будущих повстанцев через американский Национальный фонд развития демократии с бюджетом в десятки миллионов долларов США, на деньги предпринимателя Джорджа Сороса, а также через сеть неправительственных организаций. В данном случае преследовалась цель «демократизировать по-американски» весь мир, в том числе и Ближний Восток, в котором, естественно, лидирующую роль должны играть США и западные страны, что превращало их правительства в пленников собственной пропаганды и идеологии (Koehler, 2017, p. 371). Так, если перед началом «арабской весны» авторитарные лидеры Туниса и Египта считались союзниками США, то когда стала очевидна неизбежность революций, американские власти, не сомневаясь, отказали в поддержке З.А. Бен Али и Х. Мубараку.

Главная слабость такого подхода заключалась в том, что у революций и народных движений была своя логика, свои цели и инструменты. США были настроены резко отрицательно по отношению к режиму Б. Асада. Они прислушивались к призывам своих союзников, особенно с Аравийского полуострова, «пробомбить» оппозиции путь к власти. Но увидев, что эта оппозиция реально представляла силы «Аль-Каиды»⁸ или террористов из ИГИЛ, начали военную операцию против нее, косвенно поддержав тем самым режим Б. Асада. Однако после разгрома самых одиозных террористов США предприняли усилия, чтобы вызвать новые волнения,

⁷ Iraq facts and figures // Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). URL: https://www.opec.org/opec_web/en/about_us/164.htm (accessed: 10.02.2021).

⁸ Организация запрещена в РФ.

не допустить возвращения беженцев, в конечном итоге в целях свержения Б. Асада и замены его одну из своих марионеток. Одновременно они прямо поддерживали сепаратистские настроения курдов, вызывая гнев Анкары.

Если США хотели в своих интересах как-то использовать исламистов, то исламисты стремились использовать США. «Братья-мусульмане» в период нахождения у власти в Египте действительно делали серьезные жесты, удовлетворяющие Запад, не только сохранив мирный договор с Израилем, но и помогая временно урегулировать отношения между Газой, где у власти находился палестинский филиал «братьев», и Израилем. Однако одновременно вопреки сопротивлению США и Саудовской Аравии они урегулировали отношения с Ираном.

Позиция России

Россия с самого начала событий «арабской весны» предпочитала оставаться от них в стороне, считая, что народы сами должны решать свои проблемы. Москва была ориентирована на расширение политического диалога с этими странами, выработку общего мнения относительно региональных и мировых проблем, а также продвижение взаимовыгодных проектов в экономической сфере.

В России сложились две разные точки зрения на «арабскую весну» и последующие события.

Первая гласила, что они вызваны, прежде всего, внутренними социально-экономическими, психологическими и другими причинами.

Согласно второй точке зрения, распространённой не только в российских СМИ, но и в правительственных структурах, «арабская весна» была частью «теории заговора». Логика была такая: США поддерживали антироссийские «цветные революции», а затем по их сценарию стали разворачиваться события «арабской весны». А дальше стояла задача провести подобные же «цветные революции» в самой России, чтобы добиться ее дезинтеграции. После событий в Ливии и натовского военного вмешательства, которое привело к

развалу страны, усилению исламистских сил в самой Ливии и распространению конфликта на близлежащие страны, в России сочли невозможным оставаться вне конфликта в Сирии (Vasiliev, 2018, p. 321). Североафриканской стране грозила утрата ее государственности, раскол, распространение войны за пределы ее территории, усиление международного терроризма, направленного, в частности, и против России. В последние годы РФ выступает за урегулирование конфликтов в Сирии и Ливии, недопущение кровопролития, налаживание конструктивного взаимодействия с теми государствами, где обеспечена стабильность (Египет, Алжир, Марокко и др.).

Подводя итоги

Арабский регион в целом «от океана до Залива» оказался отброшенным на периферию современного мира в результате потрясений «арабской весны», гражданских войн, внешнего военного вмешательства, экономического застоя и роста безработицы в связи с демографическими проблемами. Ожидать какого-либо прорыва в среднесрочной перспективе вряд ли возможно. Пандемия повсеместно привела к падению ВВП и одновременно усилила контроль властей над населением.

К началу третьего десятилетия XXI в. ситуация в арабских странах такова: государственность Ливии была разрушена, в Йемене — частично разрушена, существенно ослаблена в Ираке и Сирии. Египет перестал быть региональным лидером, видимо, временно. А полноценным лидером региона Саудовская Аравия стать не смогла.

Возвращаясь к хлесткому определению Ближнего Востока и Северной Африки как «антиутопии», данному С. Куком, следует уточнить, что подразумевать под несостоявшейся «утопией». Естественно, утопией были надежды западных СМИ и попавших в ловушку собственных идеологий западных правительств на создание в регионе «демократических» режимов по западным лекалам, которое должно было привести к стабильности, социальному миру, экономическому развитию и сохранению господства США и других стран Запада в регионе.

Сохранились все объективные условия, которые сложились в начале «арабской весны» для революций: авторитаризм большинства режимов, разрыв между богатством и нищетой, коррупция, безработица. Пандемия нанесла дополнительный удар по экономике региона, и так подорванной событиями, которые последовали за «арабской весной». ВВП в регионе упал в 2020 г. почти на 5 %, а в некоторых отсталых, разбитых гражданскими войнами странах, еще больше⁹. Тяжелейший удар нанесен по туризму и переводам мигрантов, в основном из нефтяных государств Персидского залива. «Молодежный бугор» в арабских странах вырос, так как быстрый демографический рост продолжился, что приводит к растущей безработице и нищете, особенно в неформальном секторе. Миллионы людей мигрировали из Сирии или стали перемещенными лицами внутри своей страны. Ливия стала воротами нелегальной миграции из Африки в Европу.

Если раньше главным лозунгом масс было требование сместить режимы, то сейчас требование работы стоит на первом месте. В Египте каждый год прибавляется 700 тыс. рабочих рук, которым нужны занятия. По оценкам ООН, к 2030 г. в регионе нужно создать от 60 до 100 млн добавочных рабочих мест¹⁰. И это в условиях, когда в мире в целом уменьшается спрос на рабочую силу, особенно неквалифицированную, в результате автоматизации, цифровизации, роботизации экономик, развития информационных технологий. Так было до пандемии, а сейчас эта тенденция еще больше усилилась. Рабо-

чие места не появляются, а это означает рост численности отчаявшихся.

Политические лозунги «арабской весны»: свержение правительств, выборы, свободы и т. д. — скрывали главное: желание масс улучшить свое материальное положение, получить возможности для социального продвижения, добиться прекращения репрессий, которые стали невыносимыми. Последовавший хаос и упадок породили тоску по сильной руке в крепком режиме. Наличие авторитарных режимов и их более жестких методов — это факт, а в условиях пандемии эта тенденция еще более усилилась. Правительства увеличили контроль над гражданами, органы безопасности получили большую свободу, происходят локдауны, чрезвычайные ситуации, аресты, специальные ограничения на свободу собраний под предлогом пандемии.

Заключение.

Ждать ли следующей «весны»?

Народные волнения в Ираке, Ливане, Судане, Алжире, а также в Тунисе в 2018—2021 гг. объективно были вызваны теми же условиями, которые породили «арабскую весну», и пока что с теми же неопределенными результатами. Надежды на демократические преобразования по западным лекалам, несомненно, были утопией, хотя сожаления о неудавшемся «демократическом транзите» характерны больше для западной политологии и СМИ (Gilbert & Mohseni, 2020, p. 203).

События в регионе имели свою логику и шли по своим законам. В арабском обществе выросли силы исламистов, которые давали свои ответы и псевдоответы на острые общественные вопросы, выдвигая свои способы их решения на основе по-своему понятых общественно-политических задач.

Восстановление авторитаризма показывает, что в таких социально-экономических условиях даже поверхностные формы демократии вряд ли появятся (Tkachenko & Tkachenko, 2020, p. 25). Как показали прошедшие годы, существующие проблемы могут снова породить массовые радикальные

⁹ Soubbotina T., Sheram K. Beyond economic growth: Meeting the challenges of global development // The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. New York, 2020. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/408121468149372828/pdf/806610PUB0Beyo00Box379809B00PULBI C0.pdf> (accessed: 11.01.2021).

¹⁰ MENA Investing in children and youth today to secure a prosperous region tomorrow. The report of UNICEF Headquarters and the Regional Office for the Middle East and North Africa // United Nations Children's Fund (UNICEF). April 2019. URL: <https://www.unicef.org/mena/media/4141/file/MENA-Gen2030.pdf> (accessed: 23.03.2021).

исламистские движения, которые давали видимость ответа на вызовы и вербовали сторонников. Несмотря на разгром ИГИЛ в Ираке и Сирии и существенное ослабление «Джабхат ан-нусры» («Хайат тахрир аш-Шам»)¹¹, они могут существовать в новых формах и с новыми лозунгами, апеллируя к сердцам верующих, загнанных в социально-экономический тупик. Поэтому перед любым режимом стоит вопрос, как обеспечить рабочие места, потому что это «как раз то, что народ хочет».

Что касается молодежи как выразителей устремлений умеренно-светской части среднего класса, опьяненной западными лозунгами демократии, то они хотели бы получить плоды демократии, а не ее саму. Менталитет, цивилизационные традиции, структура общества Ближнего Востока и Северной Африки в целом плохо сочетаются с западными ценностями. Максимально схематизируя, можно сказать, что демократия была постепенно сложившейся формой политического существования западного общества (Западной Европы и Северной Америки), сформировавшейся, по крайней мере, за 200 лет — с конца XVIII в., а скорее всего, и со времен Реформации. Молодые арабские революционеры мечтали одномоментно получить современные политические и социальные блага западных обществ, но в реальности оказались во всех странах, включая Тунис, на обочине политической жизни.

Влияние США в целом в регионе уменьшилось, а России, Турции, Ирана и Саудовской Аравии — возросло. Но за этот успех всем четырем странам приходится платить достаточно высокую экономическую цену. Хотя говорить об особом «успехе» Саудовской Аравии, учитывая провальную войну в Йемене, временный, хотя и как будто бы преодоленный раскол в ССАГПЗ, вряд ли можно.

¹¹ Организация запрещена в РФ.

Сейчас бенефициаром как на региональном, так и на мировом уровне выглядит Израиль. Этому способствовало не только сохранение мира с Египтом и Иорданией, но и подписание договоров о мире с Бахрейном и Объединенными Арабскими Эмиратами. Арабский мир фрагментирован настолько, что никакой угрозы безопасности для Израиля не представляет. Палестинцы опять отодвинуты в сторону, но как жертвы проводимой израильским руководством политики остаются бомбой замедленного действия. Доказательством этого являются начавшиеся в мае 2021 г. столкновения силовых структур Израиля с палестинскими протестными манифестациями и взаимные обстрелы Израиля и сектора Газа.

Не следует говорить о провале «арабской весны» без оговорок. Сила народных движений показала, что автократы могут быть сильны, могут уходить и возвращаться, производить впечатление порядка и стабильности. Речь идет о том, какими временными периодами оценивать общественно-политические изменения. Многие вспоминают сказанный то ли в шутку, то ли с глубоким философским смыслом ответ Чжоу Эньлая на вопрос французского корреспондента, как он оценивает итоги Великой французской революции, состоявшейся как раз за 200 лет до этого интервью. Чжоу Эньлай отметил: «Еще рано делать выводы»¹².

Оценивая перспективы огромного региона, не следует быть ни пессимистами, ни оптимистами, а просто реалистами. Чтобы оценить масштаб и направление перемен, потребуется гораздо более продолжительный период, чем одно десятилетие.

¹² Лукин В. Личность, время, культура, судьба. К выходу книги Юрия Карякина «Перемена убеждений (От ослепления к прозрению)» // Независимая газета. 2008. 25 марта. № 60.

Библиографический список / References

- Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Эволюция СМИ в странах Северной Африки после кризиса «арабской весны» // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 1. С. 81—95. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(1).81-95 [Vasiliev, A. M., & Zherlitsina, N. A. (2019). Evolution of the media in North Africa countries after the crisis of the Arab Spring. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 8(1), 81—95. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(1\).81-95](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(1).81-95)]
- Крылов А.В. Последствия гражданской войны в Сирии и пути их преодоления // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 9. С. 114—125. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-114-125 [Krylov, A. V. (2020). Consequences of the civil war in Syria and ways of overcoming them. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 64(9), 114—125. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-114-125>]
- Наумов А.О. Использование технологий «мягкой силы» при смене политических режимов в ходе «арабской весны» (на примере «жасминовой революции» в Тунисе) // Международные отношения. 2019. № 1. С. 114—128. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.1.23575 [Naumov, A. O. (2019). The use of ‘Soft Power’ technologies against the change in political regimes during the Arab Spring (the case study of the Jasmine Revolution in Tunisia). *International relations*, (1), 114—128. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2019.1.23575>]
- Труевцев К.М. Поворот 2019: продолжение «арабской весны» или начало новой парадигмы политического развития? // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2020. № 2. С. 96—105. DOI: 10.31857/S086919080009103-0 [Truevtsev, K. M. (2020). 2019 Turn: The new stage of the “Arab Spring” or start of the new paradigm of political development? *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istorii i Sovremennost’*, (2), 96—105. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086919080009103-0>]
- Al-Anani, K. (2021). *Islamism and revolution across the Middle East: Transformations of ideology and strategy after the Arab Spring*. London: I.B. Tauris.
- Barbera, S., & Jackson, M. O. (2020). A model of protests, revolution, and information. *Quarterly Journal of Political Science*, 15(3), 297—335. <http://dx.doi.org/10.1561/100.00019002>
- Burns, S. (2019). *Revolts and the military in the Arab Spring: Popular uprisings and the politics of repression*. London: I.B. Tauris.
- Eid, M., & El-Desouky, A. (2021). *Cultural production and social movements after the Arab Spring: Nationalism, politics and transnational identity*. London: I. B. Tauris.
- Fakih, A., Haimoun, N., & Kassem, M. (2020). Youth unemployment, gender and institutions during transition: evidence from the Arab Spring. *Social Indicators Research*, 150(1), 311—336. <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02300-3>
- Fisk, R., & Cockburn, P. (2017). *Arab Spring then and now: From hope to despair*. London: Independent Print Limited.
- Gilbert, L., & Mohseni, P. (2020). NGO laws after the colour revolutions and the Arab Spring: Nondemocratic regime strategies in Eastern Europe and the Middle East. *Mediterranean Politics*, 25(2), 182—214. <https://doi.org/10.1080/13629395.2018.1537103>
- Heydemann, S. (2016). Explaining the Arab uprisings: Transformations in comparative perspective. *Mediterranean Politics*, 21(1), 192—204. <https://doi.org/10.1080/13629395.2015.1081450>
- Idowu, A. S., & Oladiti, A. A. (2016). The forces of globalisation and the Arab Spring in modern Libya. *Journal of Globalization Studies*, 7(1), 112—123.
- Issaev, L., & Zakharov, A. (2020). Decentralization in Libya after the Arab Spring. *Middle East Policy*, 27(1), 56—70. <https://doi.org/10.1111/mepo.12474>
- Kepel, G. (2020). *Away from chaos: The Middle East and the challenge to the West*. New York: Columbia University Press.
- Khatib, I., & Ghanem, A. (2018). Diffusion in the Arab world: Turkey and Iran as models of emulation on the eve of the Arab Spring. *Insight Turkey*, 20(2), 223—250. Retrieved from <https://www.insightturkey.com/file/909/diffusion-in-the-arab-world-turkey-and-iran-as-models-of-emulation-on-the-eve-of-the-arab-spring>
- Koehler, K. (2017). Political militaries in popular uprisings: A comparative perspective on the Arab Spring. *International Political Science Review*, 38(3), 363—377. <https://doi.org/10.1177/0192512116639746>
- Köprülü, N. (2020). The paradox of inclusion/exclusion of Islamist parties in Tunisia and Jordan after the Arab uprisings: A comparative study. *Insight Turkey*, 22(1), 211—236. <https://doi.org/10.25253/99.2019EV.03>
- Korotayev, A. V., & Shishkina, A. R. (2020). Relative deprivation as a factor of sociopolitical destabilization: Toward a quantitative comparative analysis of the Arab Spring events. *Cross-Cultural Research*, 54(2—3), 296—318. <https://doi.org/10.1177/1069397119882364>

- Makangali, B., Amirbekova, S., Khamitova, M., & Baydarov, E. (2020). Religious aspects of the Syrian crisis on social media. *Central Asia and the Caucasus*, 21(1), 102—111. <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.1.10>
- Prasanta, K. P. (2017). *Arab Spring and sectarian faultlines in West Asia: Bahrain, Yemen and Syria*. New Delhi: Pentagon Press.
- Sánchez-Mateos, E. (2019). Internal dystrophy and international rivalry: The (de)construction of Libyan foreign policy. *The Journal of North African Studies*, 24(3), 468—489. <https://doi.org/10.1080/13629387.2018.1454653>
- Shishkina, A., & Issaev, L. (2017). From Fitnah to Thaura: The metamorphosis of the Arab-Muslim protest movements. *Religions*, 8(9), 1—9. <https://doi.org/10.3390/rel8090193>
- Solomon, H., & Tausch, A. (2020). The demise of the Muslim Brotherhood in the Arab world? *Jewish Political Studies Review*, 31(1/2), 171—209. Retrieved from <https://jcpa.org/article/the-demise-of-the-muslim-brotherhood-in-the-arab-world/>
- Steinert-Threlkeld, Z. C. (2017). Spontaneous collective action: Peripheral mobilization during the Arab Spring. *American Political Science Review*, 111(2), 379—403. <https://doi.org/10.1017/S0003055416000769>
- Tkachenko, A. A., & Tkachenko, K. A. (2020). The renovation processes in the Middle East and North Africa in the 21 century. *Asia and Africa Today*, (6), 21—28. Retrieved from <https://asaf-today.ru/s032150750009874-3-1/>
- Vasiliev, A. (2018). *Russia's Middle East policy: From Lenin to Putin*. London: Routledge.

Сведения об авторах: *Васильев Алексей Михайлович* — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный президент Института Африки РАН; заведующий кафедрой африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-0372-9775; e-mail: vasilyev-am@rudn.ru
Жерлицына Наталья Александровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН; доцент кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8647-9419; e-mail: zherlitsyna-na@rudn.ru

About the authors: *Vasiliev Aleksey Mikhailovich* — PhD, Dr. of Sc. (History), Academician, Professor, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Head, Department of African and Arab Studies, RUDN University; ORCID: 0000-0002-0372-9775; e-mail: vasilyev-am@rudn.ru
Zherlitsina Natalia Aleksandrovna — PhD in History, Leading Research Fellow, Center for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of African and Arab Studies, RUDN University; ORCID: 0000-0001-8647-9419; e-mail: zherlitsyna-na@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554

Научная статья / Research article

Популизм во внешней политике Турецкой Республики

В.А. Аватков^{1,2} ¹ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация² Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

v.avatkov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли и особенностей популизма во внешней политике современной Турецкой Республики. Популизм стал особенно популярен во внешнеполитическом дискурсе Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. и Р.Т. Эрдогана на пост президента в 2014 г. Особое внимание уделено популистским высказываниям лидера Турции Р.Т. Эрдогана, озвученным им в контексте трех ключевых внешнеполитических идеологем — неоосманизма, неопантюркизма и исламизма. Пропаганда идей неоосманизма нацелена на возвращение Турции былого — имперского — величия; конечной целью турецкого популизма в тюркских государствах является формирование новой туркоцентричной подсистемы международных отношений — «тюркского мира»; что касается религиозного дискурса, то исламский популизм Турции внутри страны, прежде всего, направлен на консервативную часть населения государства, а на международной арене — на представителей мирового исламского сообщества. Ключевой задачей такого популизма Турции является постепенный отход страны от принципов М.К. Ататюрка и светского характера государства, а также формирование общественного мнения о том, что Анкара является центром исламского мира. Делается вывод, что турецкий популизм является достаточно эффективным и помогает правящей элите достигать поставленных внешнеполитических целей. Во многом успех турецкого популизма зависит от грамотной политики его реализации Р.Т. Эрдоганом, представляющим собой классический пример восточного политика, которому свойствен харизматический тип лидерства. Тем не менее ситуация в значительной степени может измениться в случае смены в Турции власти и появления в будущем нового лидера, а вместе с ним — новых популистских механизмов.

Ключевые слова: Турция, Р.Т. Эрдоган, СМИ, лидерство, популизм, неоосманизм, пантюркизм, исламизм, кемализм, эрдоганизм

Для цитирования: Аватков В.А. Популизм во внешней политике Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 543—554. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554

Populism in the Foreign Policy of the Turkish Republic

Vladimir A. Avatkov^{1,2} ¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russian Federation² Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

v.avatkov@gmail.com

Abstract. The paper explores the role and peculiarities of the populism in the modern foreign policy of the Republic of Turkey. Populism became especially popular in Turkey's foreign policy discourse when the Justice and Development Party came to power in 2002 and R.T. Erdoğan as President in 2014. Special attention is paid

© Аватков В.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

to R.T. Erdoğan's populist statements made in the context of the key foreign policy ideologies — Neo-Ottomanism, Neo-Panturkism and Islamism. The propaganda of Neo-Ottoman ideas is aimed at restoring Turkey to its former Imperial greatness. The ultimate goal of Turkey's populism in Turkic states is to form a new Turkish-centric subsystem of international relations — the "Turkic world". Turkey's Islamic populism within the country is primarily aimed at the conservative part of the population and at the world Islamic community on the international arena. The main task of such populism is the gradual abandonment of the principles of M.K. Atatürk and the secularism, as well as the formation of public opinion that Ankara is the center of the Islamic world. The author comes to the conclusion that Turkey's populism is quite effective and assists the ruling elite in achieving its foreign policy goals. In many ways, the success of Turkey's populism depends on the competent policy of its implementation by R.T. Erdoğan — a classic example of an Eastern politician with a charismatic type of leadership. However, the situation may change significantly in case of the power change in Turkey, emergence of a new leader and, consequently, new populist mechanisms.

Key words: Turkey, R.T. Erdoğan, mass-media, leadership, populism, Neo-Ottomanism, Pan-Turkism, Islamism, Kemalism, Erdoğanism

For citation: Avatkov, V. A. (2021). Populism in the Foreign Policy of the Turkish Republic. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 543—554. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554>

Введение

Популизм является органичной составляющей внешнеполитического курса Турции на современном этапе. В условиях изменения ближневосточной подсистемы и структуры международных отношений в целом (Савичева, 2014, с. 15) вокруг него строятся ключевые идейно-ценностные послы и стратагемы правящей элиты, без которых сложно понять цели и деятельность Анкары в мировой политике.

Рост значения популизма во внешней политике Турции встраивается в расширение идеологической составляющей мирового порядка. Укрепление националистических и консервативных взглядов, их противостояние классическим глобальным ценностям — все это должно было найти свое отражение и в турецком политическом процессе. Современная «новая Турция» Р.Т. Эрдогана позиционирует себя мировой державой, формулирует идейные концепты своего доминирования в сопредельных регионах и делает символические шаги для подчеркивания собственной роли (Аватков, 2017, с. 96).

Во внешнеполитическом курсе Анкары доминируют два синдрома — имперскости (Атаç, 2019, р. 65) и ущемленности системой международных отношений. Первый проявляется в радикальном переосмыслении исторического и пропаганде османского наследия в качестве «позитивного и идеализированного», а также «прогрессивного» (Надеин-Раевский, 2020, с. 141).

Второй синдром требует от властей символических шагов по укреплению положения Турции на международной арене и проявляется в том, что Анкара не боится бросать вызов всей системе международных отношений, а Р.Т. Эрдоган продолжает утверждать, что «мир больше пяти» членом Совета Безопасности ООН, требуя расширить участие растущих региональных держав в мировом политическом процессе.

Вышеописанные синдромы априори требуют наличия идеологизированных и популистских концептов, которые естественным образом объединялись бы в идеологический конструкт. По сути, такого рода конструктом стала «многовекторность по-турецки», которая подразумевает использование своего геополитического пространства, равноудаленность от Запада и Востока (при росте значения последнего) и доминирование в трех пространственных измерениях, а также определяет региональную великодержавность Турции.

В основу такого популистского конструкта были положены три идеологемы — неоосманизм, неопантюркизм и исламизм по-турецки. Турция стремится быть лидером на постосманском и тюркском постсоветском пространстве, а также в исламском мире. Тем не менее, несмотря на такие идейно-ценностные ориентиры, в случае с турецким популизмом было бы не совсем целесообразно при его исследовании опираться на подход,

например, К. Мюдде и других политологов, понимающих под популизмом, прежде всего идеологию (Mudde, 2004, p. 543). Популизм в Турецкой Республике является скорее неофициальной частью идеологии правящей элиты, в связи с чем для его изучения более подходящим представляется подход К. Вейланда, рассматривающего популизм в том числе как политическую стратегию, которая может иметь разнообразные меняющиеся идеологические ориентации (Weyland, 2013, p. 20).

Происламский популизм

Наибольшее значение в контексте современного популизма приобрело религиозное направление, основанное на идее главенства Турецкой Республики в исламском мире (Вайнштейн, 2017, с. 71). В контексте Турции его уникальность состоит в том, что со времен М.К. Ататюрка государство носило светский характер, что на практике означало отделение институтов государственной власти от религии. Мысль о Турции как новой колыбели ислама привнес в массы президент Р.Т. Эрдоган, который начал карьеру с происламских партий, впоследствии основав умеренно-исламистскую Партию справедливости и развития (ПСР) (Киреев, 2004, с. 87). Лидер государства начал активную популяризацию политического ислама внутри страны, постепенно вынося данный вопрос на внешнеполитическую повестку.

Так, с течением времени в дискурсе официальной Анкары появился пункт о защите палестинцев, уйгуров КНР и населяющего Мьянму народа рохинджа — главным образом как представителей мусульманского сообщества. Кроме того, в своей борьбе с «исламофобией» — еще одной ветвью религиозного популизма — Турция перешла к довольно агрессивной риторике в отношении своих западных коллег, в частности Франции. Идеологическое столкновение союзников по Североатлантическому альянсу, которое достигло пика к 2020 г., во многом было спровоцировано словами Ф. Макрона о борьбе с сепаратизмом и радикальным исламизмом. Президент Турции в достаточно резкой манере высказался о ситуации, намекнув

своему коллеге о проблемах с психическим здоровьем и сравнив его действия с «фашизмом»¹. Примечательно, что такие слова были озвучены Р.Т. Эрдоганом в ходе митинга в Кайсери — небольшом центрально-анатолийском городе, где проживает консервативная и восприимчивая к подобным речам часть населения страны. Позднее лидер Турции и вовсе призвал сограждан к бойкоту французских товаров², что, однако, в равной степени могло быть вызвано затяжным экономическим кризисом и необходимостью поддержки турецких производителей.

Подобная идейная конфронтация со странами Запада также вызвана внешнеполитическим разворотом Турции на Восток и частичным дистанцированием от западочентричных процессов. И если среди консервативных групп такая политика приветствуется, то западно ориентированные круги турецкого общества, преимущественно проживающие в крупных городах, такие перемены не одобряют. Таким образом, задача популизма в данном случае заключается в формировании благосклонно относящегося к правящей элите общества и его убеждению в правильности проводимой руководством политики. Во многих публичных выступлениях Р.Т. Эрдоган стремится донести до общественности мысль о том, что западные ценности, к которым Турция стремилась на начальном этапе своего государственного строительства, являются пережитком прошлого, в то время как почитание исламских традиций представляет собой залог успешного развития (Baran, 2010).

Особенно трепетное отношение президента Турции в данном контексте прослеживается к мусульманским святыням, находящимся на территориях немусульманских государств или спорных территорий. Так, в 2018 г., комментируя действия Израиля в секторе Газа и решение о переносе посольства

¹ Эрдоган посоветовал Макрону «лечить психику» после идеи о «просвещенном исламе» // Известия. 24.10.2020. URL: <https://iz.ru/1078140/2020-10-24/erdogan-posovetoval-makronu-lechit-psikhiku-posle-idei-o-prosveshchennom-islame> (дата обращения: 30.11.2020).

² Эрдоган призвал к бойкоту французских товаров // РИА Новости. 26.17.2020. URL: <https://ria.ru/20201026/erdogan-1581588917.html> (дата обращения: 30.11.2020).

США из Тель-Авива в Иерусалим на полях чрезвычайного саммита Организации исламского сотрудничества, Р.Т. Эрдоган заявил, что статус Иерусалима — первой киблы ислама, представленной мечетью Аль-Акса, — является «красной чертой» для мусульман³.

При этом следует подчеркнуть, что глава Турции не боится переходить условную «красную черту христиан», принимая решение о превращении Собора Святой Софии и других неисламских святынь в мечети. Более того, Р.Т. Эрдоган уверенно противостоит политике отца-основателя Турецкой Республики, называя смену статуса собора на музей в далеком 1934 г. «исторической ошибкой»⁴, которую нынешние власти страны великодушно исправили во имя блага своего же народа. Все эти действия носят открытый популистский характер, нацеленный на сплочение вокруг правящей элиты консервативной части населения, с идейными установками которой в свое время боролся М.К. Ататюрк.

Вероятно, Р.Т. Эрдоган тем самым стремится не только образовать на территории своей страны новую киблу, концентрируя исламский мир, и прежде всего суннитские страны, вокруг Турции, но и создать образ нового национального лидера, который останется в истории. В целом подобно западному феномену «трампизма» (Печатнов, 2017) и вместо укоренившегося с десятилетиями «кемализма» (Atatürkçülük) в турецком публичном медиапространстве уже укрепилось понятие «эрдоганизма» (Erdoğanlık)⁵.

Даже несмотря на то, что «эрдоганизм» нередко рифмуется с новым султанатом, употребляется журналистами и общественными активистами в негативном ключе и стоит в

одном ряду с «анти-эрдоганизмом», можно сделать вывод, что неординарная политика Р.Т. Эрдогана, в том числе и его провокационные высказывания, все же выполняют возложенные на них функции по пропаганде «культы личности» Р.Т. Эрдогана и предложенных им идей. В негативном контексте или нет — персона действующего президента Турции, даже в сравнении со многими мировыми фигурами, дает определенное количество инфоповодов, возводя его личность в ранг одного из самых обсуждаемых политиков современности, что в действительности означает следующее: Р.Т. Эрдоган уже находится на полпути к достижению поставленных целей и в среднесрочной перспективе, вероятно, будет наполнять свою происламскую риторiku новыми смыслами.

Турецкий «тюркский мир»

Отдельную нишу во внешнеполитическом популизме Турции занимает тюркское и тюркоязычное пространство, в первую очередь представленное государствами Центральной Азии, Закавказья и некоторыми субъектами Российской Федерации. Известно, что с начала 1990-х гг. политика Турецкой Республики была всецело обращена в сторону тюркских стран. Анкара распространяла свое влияние, создавая интеграционные проекты под своей эгидой и возрождая пантюркистские настроения. В общественно-политической среде тюркоязычные народы России и СНГ уже тогда именовались «внешними турками»⁶, однако открыто об их объединении в общее пространство в то время предпочитали не говорить, лишь изредка подчеркивая главенствующую роль Турции в близких к понятию интеграции процессах.

С избранием Р.Т. Эрдогана президентом Турции в 2014 г. в официальном политическом дискурсе стало укрепляться словосочетание «тюркский мир», в рамках которого Турция рассматривалась и продолжает рассматриваться в качестве лидера и идейного

³ Эрдоган назвал статус Иерусалима «красной чертой» для мусульман // РИА Новости. 19.05.2018. URL: <https://ria.ru/20180519/1520901500.html> (дата обращения: 30.11.2020).

⁴ Эрдоган назвал изменение статуса Айя-Софии исправлением ошибки // РИА Новости. 14.07.2020. URL: <https://ria.ru/20200714/1574355684.html> (дата обращения: 30.11.2020).

⁵ Bayramoğlu A. Erdoğanlık ve anti-Erdoğanlık arasında // Yeni Şafak. 02.01.2015. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/alibayramoglu/erdoganlik-ve-anti-erdoganlik-arasinda-2006935> (accessed: 30.11.2020).

⁶ Грязев А. Обыграть Москву: как Анкара строит тюркский мир // Газета.ru. 18.07.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/07/18_a_13157329.shtml?updated (дата обращения: 30.11.2020).

вдохновителя общетюркских инициатив и институтов. При этом в текущий период времени мысли о «тюркском мире» — особой туркоцентричной подсистеме международных отношений — звучат не только от вышестоящих властных элит, но и распространяются на региональном уровне.

Ярким примером могут послужить слова губернатора г. Эдирне Э. Джанальпа, который является одним из городов-претендентов на статус культурной столицы тюркского мира в 2021 г. В ходе встречи с Генеральным секретарем турецкой Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) губернатор, многозначительно подчеркнув, что Эдирне также может рассматриваться еще и с точки зрения культурного центра Балкан, заявил следующее: «Вы представляете обширное пространство — тюркский мир. Мы вместе будем стремиться к тому, чтобы сделать как Эдирне и Турцию, так и тюркский мир более интегрированными друг с другом и более взаимосвязанными»⁷.

При этом для Турции создание «тюркского мира» является результатом того самого синдрома ущемленности глобальными процессами и скорее представляет собой инструмент исправления исторической несправедливости вселенского масштаба: в условиях, когда для Турции не нашлось места в мировой системе международных отношений, она решительно создает свою собственную, вовлекая туда большое количество акторов, что у нее в том числе за счет популизма — при всем количестве идейных недостатков и неточностей — в целом получается.

Демократия и справедливость по-турецки

Помимо вышперечисленного на внешнеполитической арене Турция также выступает защитником мира и демократии. В первом случае это проявляется в поддержке «угнетенных», которых Анкара хотела бы

представлять в Совете Безопасности ООН. Во втором случае — Турция говорит о себе как о самом демократическом государстве (Ünal, 2018, p. 267), которое поддерживает отдельно взятые народы (к примеру, народ Сирии) и законные, по его мнению, правительства.

На пространстве Ближнего Востока, и в частности Сирийской Арабской Республики, Турция вскоре после начала в регионе «арабской весны» и массовых антиправительственных выступлений приняла сторону оппозиции и протестующих, придерживаясь роли «посла демократии» на ближневосточном пространстве (Глазова и др., 2015, с. 94). Вскоре Турция достаточно однозначно стала высказываться против дальнейшего «незаконного» нахождения на посту президента Сирии Б. Асада — противника одного из ключевых энергетических проектов Анкары и Дохи (катаро-турецкого газопровода) и к тому же алавитов.

Результатом подобных настроений и одним из векторов сирийского направления внешней политики современной Турции стала поддержка деятельности населяющих север страны сирийских туркменов, или туркоманов, — тюркского народа, в составе вооруженных формирований воюющего против официального Дамаска и курдов и по этой причине представляющего особый интерес для Турции⁸.

Аналогичную политику Анкара проводит и в соседнем Ираке, под предлогом защиты туркоманского населения вводя свои войска в нефтеносные районы страны, в частности в Мосул (Balci, 2017, p. 353). Более того, в своей аргументации власти Турецкой Республики нередко прибегают к искажению фактов, выдавая желаемое за действительное. Так, например, в Турции заявляли о том, что большую часть населения Мосула составляют именно туркоманы, в то время как в реальности еще после освобождения региона от террористов ИГИЛ⁹ этнографическая обстановка существенно изменилась (Наумкин, 2019, с. 85).

⁷ Baran S. Edirne 'Türk Dünyası Kültür Başkenti' olmaya aday // Anadolu Ajansı. 16.09.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/edirne-turk-dunyasi-kultur-baskenti-olmaya-aday-/1975139> (accessed: 30.11.2020).

⁸ Волков К. Что за шум вокруг Идлиба // Российская газета. 18.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/02/18/zachem-turciia-prishla-v-siriiu.html> (дата обращения: 01.12.2020).

⁹ Организация запрещена в РФ.

Особое внимание также следует уделить египетскому кейсу. В ходе кризиса в этой арабской стране, который в конечном итоге завершился свержением президента М. Мурси, Турция совместно со своим союзником в лице Катара активным образом осуждала попытки смены власти и организованный в 2013 г. военный переворот. Причина такой обеспокоенности Турции и Р.Т. Эрдогана лично заключалась в том, что экс-президент Египта М. Мурси был верным союзником Анкары и принадлежал к панисламистской организации «Братья-мусульмане»¹⁰, идеологические взгляды которой разделяет лидер Турции (Надеин-Раевский, 2020, с. 141).

В тот период во многих городах Турецкой Республики, включая Стамбул и Анкару, возле посольства и консульства Египта прошли митинги молодежного крыла ПСР и других гражданских активистов под лозунгами «Сопrotивляйся, Мурси, умма с тобой» и «От Анкары до Египта — тысяча приветов братьям»¹¹ (вероятно, отсылка к «Братьям-мусульманам»), одновременно совмещающими в себе демократическую и происламскую риторику.

Что касается ситуации в Ливии, то до формирования в марте 2021 г. Правительства национального единства Турецкая Республика поддерживала официально признанное ООН Правительство национального согласия (ПНС) и открыто заявляла о «нелегитимности» власти Х. Хафтара¹². Несмотря на то, что поддержку официального Триполи можно объяснить простой выгодой (Турецкая Республика заключила с Ливией соглашения о делимитации морских зон и военном сотрудничестве, Анкара поставляет в регион свои вооружения и в целом укрепляет позиции на Севере Африки), Ливийская

национальная армия (ЛНА), возглавляемая Х. Хафтаром, не могла бы стать союзником Анкары по определению. Силы ЛНА поддерживаются главными геополитическими конкурентами Турецкой Республики на Ближнем Востоке и в исламском мире — Саудовской Аравией, ОАЭ и Египтом, по причине чего ставка Анкарой была сделана на ПНС.

Следует отметить, что подобная политика государства вполне вписывается в еще один ключевой внешнеполитический идейный концепт Турции, который можно охарактеризовать как «справедливость». Однако с оговоркой, что справедливость — «по-турецки» и никак иначе. Президент Р.Т. Эрдоган и по совместительству глава одной из правящих в Турции партий с символическим названием «Справедливости и развития» имеет собственную, весьма отличающуюся от общепринятых, трактовку этого понятия.

Справедливость в понимании лидера Турции — это интеграция тюрок под турецким началом, лояльные Турции режимы в странах-партнерах и в целом — ведение игры по правилам Анкары. Несправедливость в интерпретации лидера страны, напротив, представляет собой отсутствие Турции среди постоянных членов СБ ООН, критику ее незаконных с точки зрения международного права, но законных с точки зрения национальных интересов действий на территориях приграничных государств, неготовность мирового сообщества воспринимать Республику как мирового актора и ряд других ситуаций, противоречащих идеалистическим воззрениям властной элиты Турции.

Диаспора как особый объект популизма

В отдельном рассмотрении нуждаются инструменты популизма, применяемые властями в отношении турецкой диаспоры, проживающей за рубежом. Довольно показательными представляются события 2017 г., когда внимание турецкой общественности было сконцентрировано вокруг процедуры проведения конституционного референдума на фоне крупномасштабного кризиса в отношениях между европейскими и турецкими властями.

¹⁰ Организация запрещена в РФ.

¹¹ İstanbul ve Ankara'da Mursi'ye destek gösterişi // Anadolu Ajansı. 03.07.2013. URL: <https://www.aa.com.tr/dunya/istanbul-ve-ankarada-mursiye-destek-gosterileri/234597> (accessed: 01.12.2020).

¹² Эрдоган назвал Хафтара «проплаченным легионером» // RT. 21.02.2020. URL: <https://russian.rt.com/world/news/720951-erdogan-peregovory-haftar> (дата обращения: 01.12.2020).

Поводом для противоречий стало решение некоторых стран Европейского союза отказать турецким политикам в проведении агитационных митингов, а также запрет Роттердама на посадку самолета с министром иностранных дел Турции на борту. Инцидент традиционно спровоцировал протесты в Турции, и, вероятно, не без воздействия Р.Т. Эрдогана также повлиял на исход результатов голосования на европейских участках.

В этом контексте Р.Т. Эрдоган действовал в лучших традициях теории пропаганды Г. Лассуэлла, утверждавшего, что напряженность в обществе является лучшим условием эффективности пропаганды, а деморализация врага и пробуждение к нему ненависти — одними из ее главных стратегических целей (Лассуэлл, 1929, с. 166). И если Г. Лассуэлл обосновывал свою теорию прежде всего в условиях вооруженного столкновения и традиционной войны, то Эрдоган умело экстраполирует эти знания и свои заслуживающие уважения ораторские способности на другую плоскость — войны ценностей и интересов (Аватков, 2019, с. 113). В рамках европейского кризиса (Шлыков, 2020, с. 113) президент Турции действовал, четко следуя этим заветам и провоцируя общественность на своеобразный «рванш».

«Они ничего не знают о международных отношениях и дипломатии. Они дрожащие от страха трусы. Они нацистские недобитки и фашисты»¹³, — именно в такой жесткой манере президент Турции тогда высказался о происходящем, явно стараясь получить соответствующий отклик от представителей турецкой общины. Если к этим словам добавить перманентные упреки Р.Т. Эрдогана в разжигании исламофобии и дискриминации, то пункт о пробуждении ненависти к противнику в целом можно считать выполненным. Что касается вопроса напряженности в обществе, то в данном случае она возникла естественным образом вследствие череды запретов со стороны европейских руководителей и усилившихся на этом фоне противоречий.

¹³ Куприянов А. Эрдоган, нацизм и апельсины // Lenta.ru. 14.03.2017. URL: https://lenta.ru/articles/2017/03/14/eu_turkey/ (дата обращения: 01.12.2020).

В конечном итоге лидер Турецкой Республики получил то, к чему стремился. За рубежом наблюдался рост поддержки президента со стороны электората, о чем свидетельствуют и результаты голосования. Диаспора сказала «да» конституционным поправкам, которые в действительности означали переход к президентской системе правления, в наиболее «проблемных» с точки зрения организации референдума регионах — в Германии, Франции, Австрии и Нидерландах¹⁴. При этом следует отметить, что с тех времен президент Турецкой Республики практически не изменил свою тактику: вся европейская политика современной Турции в целом сводится к действиям в рамках вышеописанной схемы и базируется на популистских и провокационных высказываниях Р.Т. Эрдогана.

Инициативность, гуманность, популизм

Отдельного внимания заслуживает популистская идеологема министра иностранных дел Турции, который заявил, что внешняя политика Турции будет инициативной (*girişimci*) и гуманитарной / ориентированной на человека (*insani*)¹⁵. Инициативность внешней политики Турции не вызывает сомнений: если еще несколько лет назад внешнеполитическая активность Турции во многом ограничивалась Центральной Азией, Ближним Востоком и — частично — Северной Африкой, то сегодня, помимо названных регионов, Турецкая Республика является активным игроком в Восточном Средиземноморье, Закавказье, а также на пространстве Западной и Восточной Африки.

История с конфликтом вокруг геолого-разведочной деятельности Турции в водах Средиземного моря, а затем и поддержка Азербайджана в ходе военных действий в

¹⁴ Конституционный референдум в Турции в 2017 году // РИА Новости. 24.04.2017. URL: <https://ria.ru/20170424/1492828175.html> (дата обращения: 01.12.2020).

¹⁵ Çavuşoğlu M. 2021 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız // T.C. Dışişleri Bakanlığı. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2021-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения: 01.12.2020).

Нагорном Карабахе ознаменовали новый этап внешней политики Турецкой Республики, которая, судя по всему, решила не ограничиваться близлежащими регионами в вопросе укрепления влияния на международной арене.

Кроме того, отличительной чертой инициативности Турции в последнее время является ее все более заметный переход в военную плоскость с приобретением явного милитаристского акцента. Так называемые «антитеррористические» военные операции, которые проводятся ВС Турецкой Республики на территориях приграничных государств (Сирии и Ирака) без соответствующего разрешения правительств этих государств, уже вошли в обыкновение, став неотъемлемой частью внешней политики страны.

Более того, руководство Турецкой Республики придает военным кампаниям особое значение, транслируя идею об исключительной роли Турции в борьбе с терроризмом и формируя противоречивое общественное мнение в целях сплочения общества. Так, например, резюмируя итоги антитеррористической деятельности Турции на фоне начала операции «Источник мира» в 2019 г. президент Р.Т. Эрдоган, отметив, что Турция и турецкий народ не сдавались никогда в истории, заявил: «Мы сделали то, что должны были сделать. Мы вместе с нашей нацией подняли боевой флаг»¹⁶.

Вместе с тем популистская риторика используется Турцией в контексте национальных достижений в области военной техники, причем иногда за счет прозападных изданий и СМИ (Wuthrich & Ingleby, 2020). Так, например, на фоне событий в Нагорном Карабахе в интернет-версии американской газеты *The Washington Post* вышла статья, повествующая о военных успехах Турции и особой роли турецких беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в Сирии, Ливии и на Кавказе. В статье, в частности, приводятся комментарии

¹⁶ Cumhurbaşkanı Erdoğan: 'Barış Pınarı Harekatı'nın sona ermesi için tek şartımız var!' // Milliyet. 16.10.2019. URL: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/cumhurbaskani-erdogan-baris-pinari-harekatinin-sona-ermesi-icin-tek-sartimiz-var-6058227> (accessed: 01.12.2020).

профессора Университета Алтынбас (г. Стамбул): «Они (дроны) рассматриваются как источник национальной гордости и бесспорный символ того, что Турция в состоянии позаботиться о себе сама»¹⁷. Принимая во внимание, что автор статьи — глава стамбульского отделения газеты — много лет работал на западные издания и получил образование в США, можно сделать вывод, что современная Турция имеет «своих» людей даже в крупных нетурецких СМИ, пропагандирующих ценности Турецкой Республики. Символично, что даже во время военного переворота 2016 г. Р.Т. Эрдоган обратился к своим гражданам с призывами защищать демократию через эфир в FaceTime, транслируемый CNN Türk — турецкой версией одного из крупнейших американских телеканалов¹⁸.

Что касается гуманитарного вектора внешнеполитической линии Турции, то «человекоориентированная» политика Турецкой Республики в особенности проявилась в период общемировой пандемии. На фоне распространения COVID-2019 Анкара сделала ставку на собственные силы, что вписывается в популистские меры, направленные как на внутреннее, так и внешнее потребление. Турция демонстрирует готовность защищать все человечество, раздавая вакцины и гуманитарную помощь малообеспеченным (и не только) странам. При этом обстановку с распространением вируса в самой Турции, равно как и экономическую ситуацию в стране, едва ли можно охарактеризовать как не вызывающую беспокойства.

Тем не менее на саммите G20 в 2020 г. глава Турции охарактеризовал усилия своей страны следующим образом: «В борьбе с

¹⁷ Fahim K. Turkey's military campaign beyond its borders is powered by homemade armed drones // The Washington Post. November 29, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/turkey-drones-libya-nagorno-karabakh/2020/11/29/d8c98b96-29de-11eb-9c21-3cc501d0981f_story.html (accessed: 02.12.2020).

¹⁸ Genc K. Erdogan's Way. The Rise and Rule of Turkey's Islamist Shapeshifter // Foreign Affairs. September/October 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2019-08-12/erdogans-way> (accessed: 02.12.2020).

пандемией Турция находилась рядом со своими друзьями и братьями, при этом удовлетворяя собственные потребности и отвечая на запросы о помощи 156 стран и 9 международных организаций»¹⁹. Помимо тюркских государств Турция действительно активно отправляла гуманитарные грузы в Европу, в том числе в страны Балканского субрегиона. Символично, что на ящиках турецкой гуманитарной помощи была прописана философская цитата «Безысходность оставит место надежде. Восход сменит мрак»²⁰ авторства небезызвестного в мире ислама Мевляны Джалалуддина Руми — одного из влиятельнейших суфиев, чье учение легло в основу одного из самых известных тарикатов мевлевийя. Исходя из этого, можно сделать вывод, что даже таким образом Турция пытается продвигать свои ценности во внешнеполитическую сферу.

Популист с харизматическим типом лидерства

Очевидно, что сегодня турецкий популизм является составляющей современной политической культуры страны. При этом, как уже отмечалось, несмотря на иногда проявляющееся стремление стать частью Запада, которое выражается в участии Турции в интеграционных процессах в Европе, турецкий политический процесс больше относится к восточному типу. Если рассматривать образ главы страны Р.Т. Эрдогана — основного

идеолога турецкого популизма — с точки зрения взглядов М. Вебера, то тип его лидерства, несмотря на законность процедуры прихода к власти, скорее соотносим с харизматическим (Воронин, 2014, с. 39), нежели чем с так называемым легальным, а политик сам по себе является ярким популистом.

Еще не являясь президентом, Р.Т. Эрдоган вместе с созданной им Партией справедливости и развития появился в политической жизни Турции в критический для страны период. В эпоху затяжного экономического кризиса начала 2000-х гг. сильная команда Р.Т. Эрдогана смогла выполнить свои предвыборные обещания, вернув Турцию на путь социально-экономического благополучия и развития. Несмотря на то, что и ПСР в 2002 г., и сам Р.Т. Эрдоган в 2014 г. одержали победу на выборах законным демократическим путем, ставка в турецком обществе скорее была сделана на веру в будущего президента, на Р.Т. Эрдогана как личность и только потом — на аффилированную с ним политическую структуру.

Интересно, что турецкий популизм, в отличие от многих других мировых примеров, дает практические результаты. Слова притягивают действия, за идеями выстраивается рост влияния Анкары. Формирование идеализированной научно-образовательной среды в Африке, тюркских странах Центральной Азии и Кавказа создает предпосылки для создания лоббистских групп, которые воспринимают Турцию как центр мирового порядка.

Так, например, с активизацией турецкой политики в некоторых арабских государствах начали появляться политические партии «Справедливости и развития» (Надеин-Раевский, 2017, с. 151), подобные правящей турецкой. В сознании тюркских центрально-азиатских государств уже давно укрепилось восприятие Турции как главного покровителя «тюркского мира», а в некоторых особенно приближенных к Анкаре странах и вовсе сформировались протурецкие властные элиты. Наиболее наглядным примером такого государства служит Азербайджанская Республика, где во время эскалации Нагорно-Карабахского конфликта в 2020 г., по данным

¹⁹ Erdoğan: Türkiye kendi ihtiyaçlarını karşılayarak 156 ülkeye destek verdi // BirGün. 21.11.2020. URL: <https://www.birgun.net/haber/erdogan-turkiye-kendi-ihiyaclarini-karsilayarak-156-ulkeye-destek-verdi-323745> (accessed: 02.12.2020).

²⁰ Турция направила помощь для борьбы с Covid-19 в Великобританию // Агентство Анадолу. 10.04.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D1%8C-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D1%8B-%D1%81-covid-19-%D0%B2-%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E/1799529> (дата обращения: 02.12.2020).

СМИ, военные Турции осуществляли непря-
мое содействие азербайджанской армии²¹,
а популярное выражение «Две нации — одно
государство» со временем стало больше
походить на реальность.

Заключение

Таким образом, на фоне складывания по-
лицентричного миропорядка (Громыко, 2016)
и с приходом к власти сначала Партии спра-
ведливости и развития (Ульченко, 2012, с.
83), а затем и Р.Т. Эрдогана в качестве прези-
дента популизм занял одно из главных мест
во внешней политике современной Турецкой
Республики. За счет своих популистских
высказываний президент Турции достигает
многих поставленных внутри- и внешнеполи-
тических целей.

Не считая его победы на выборах и сам
факт прихода к власти (что тоже во многом
обусловлено грамотно выстроенной предвы-
борной кампанией и содержательными агита-
ционными речами), Р.Т. Эрдоган, коренным
образом реформируя годами неизменные
принципы, постепенно прокладывает новый
путь новой Турции к активному участию в
формирующейся полицентричной системе
международных отношений. В рамках этой
системы глава Турции видит свою страну как
минимум одним из мировых центров силы и
как максимум — наследницей великой импе-
рии, заслуживающей привилегированного
положения на международной арене.

Благодаря популизму Р.Т. Эрдогана Тур-
ция сегодня укрепляется в качестве лидера

исламского сообщества и «тюркского мира»,
а также активным образом демонстрирует ак-
торам мировой политической системы свою
самостоятельность, независимость и готов-
ность помогать другим, защищая «угнетен-
ные» народы. Несмотря на то, что во многом
такого рода политика обусловлена чрезмер-
ными амбициями президента Турецкой Рес-
публики, следует признать, что Р.Т. Эрдоган
является примером опытного политика и,
более того, прекрасного оратора, владеющего
искусством вербальной борьбы и умеющего
словом расставить все необходимые акценты.
Президент Турции грамотно доносит смысло-
вые послы практически до всех слоев
населения внутри страны и четко обозначает
свои приоритеты на внешнеполитическом
пространстве.

При этом турецкий популизм только
входит в основную фазу своего развития. В
этой связи необходимо подчеркнуть, что
дальнейший успех популистских инициатив
Турции будет напрямую зависеть от лично-
сти, которая возглавит государство в буду-
щем. Учитывая, что в 2023 г. Турцию ждут
всеобщие выборы, а поддержка Р.Т. Эрдогана
среди неконсервативной части населения по-
прежнему невелика (одно из «слабых мест»
популизма Р.Т. Эрдогана), то говорить о
безоговорочной победе действующего прези-
дента в грядущей выборной гонке прежде-
временно. Популизм, прочно укрепившийся в
турецкой политике, с наибольшей вероятно-
стью останется с Турцией при любом исходе,
однако степень его эффективности может
быть снижена, а сферы применения попу-
листских механизмов, как и сами популист-
ские методы, в дальнейшем могут быть
подвергнуты существенным изменениям.

Поступила в редакцию / Received: 13.01.2021
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список

- Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 4. С. 113—129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129
- Аватков В.А. Кризис турецкой идентичности // Политика и общество. 2017. № 4. С. 96—103. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.4.19718
- Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69—89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06

- Воронин С.А. Власть — это то, чего всегда не хватает. О природе и типологии политического лидерства, типов политических систем и режимов в историческом процессе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2014. № 3. С. 32—57.
- Глазова А.В., Иваненко В.И., Колесников А.А., Свистунова И.А. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока // Россия и мусульманский мир. 2015. № 4 (274). С. 94—117.
- Громько А.А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5—12. DOI: 10.15211/soveurope620160510
- Киреев Н.Г. Турция: что в багаже у партии власти «умеренного ислама» // Россия и мусульманский мир. 2004. № 8. С. 87—100.
- Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. М.-Л.: Государственное издательство, 1929.
- Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1 (58). С. 139—156. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156
- Надеин-Раевский В.А. Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10. № 6. С. 138—151. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154
- Наушкин В.В. Курдская головоломка Ближнего Востока (на примере Ирака) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 76—87. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-76-87
- Печатнов В.О. Феномен Трампа и американская демократия // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 13—34. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.3
- Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 14—21.
- Ульченко Н.Ю. Социально-экономическая политика Партии справедливости и развития Турции: от популизма к популярности // Восток. Афро-азиатские общества и современность. 2012. № 3. С. 72—86.
- Шлыков П.В. Между США, Европой и Азией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1 (105). С. 110—135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06
- Ataç C.A. Pax Ottomanica No More! The “Peace” Discourse in Turkish Foreign Policy in the Post-Davutoğlu Era and the Prolonged Syrian Crisis // *Digest of Middle East Studies*. 2019. No. 1. P. 48—69. DOI: 10.1111/dome.12152
- Balcı A. *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar*. İstanbul: ALFA, 2017.
- Baran Z. *Torn Country. Turkey between Secularism and Islamism*. Stanford: Hoover Institution Press, 2010.
- Mudde C. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 541—563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x
- Ünal M. AK Parti Döneminin Demokratikleşme Adımları // *Kuruluşundan bugüne AK Parti. Siyaset*. İstanbul: SETA Kitapları, 2018. P. 261—274.
- Weyland K. Latin America’s Authoritarian Drift. The Threat from the Populist Left // *Journal of Democracy*. 2013. Vol. 24. No. 3. P. 18—32. DOI: 10.1353/jod.2013.0045
- Wuthrich F.M., Ingleby M. The Pushback Against Populism: Running on “Radical love” in Turkey // *Journal of Democracy*. 2020. Vol. 31. No. 2. P. 22—40. DOI: 10.1353/jod.2020.0034

References

- Ataç, C. A. (2019). Pax Ottomanica no more! The “peace” discourse in Turkish foreign policy in the post-Davutoğlu era and the prolonged Syrian crisis. *Digest of Middle East Studies*, (1), 48—69. <https://doi.org/10.1111/dome.12152>
- Avatkov, V. A. (2017). Turkish identity crisis. *Politics and Society*, (4), 96—103. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.4.19718>
- Avatkov, V. A. (2019). Ideology and values in Turkey’s foreign policy. *MGIMO Review of International Relations*, 12(4), 113—129. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>
- Balcı, A. (2017). *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar*. İstanbul: ALFA.
- Baran, Z. (2010). *Torn country. Turkey between secularism and Islamism*. Stanford: Hoover Institution Press.
- Glazova, A. V., Ivanenko, V. I., Kolesnikov, A. A., & Svistunova, I. A. (2015). Impact of the Arab Spring upon non-Arab countries in the Middle East. *Russia and the Moslem world*, (4), 94—117. (In Russian).
- Gromyko, A. A. (2016). New populism and the post-Cold War order in the making. *Contemporary Europe*, (6), 5—12. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/soveurope620160510>
- Kireev, N. G. (2004). Turkey: What is in the luggage of the “moderate islam” party. *Russia and the Moslem world*, (8), 87—100. (In Russian).

- Lasswell, G. D. (1929). *Propaganda technique in the World War*. Moscow—Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo publ. (In Russian).
- Mudde, C. (2004). The Populist zeitgeist. *Government and Opposition*, (4), 541—563. <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Nadein-Raevskiy, V. A. (2017). R.T. Erdogan as an example of a charismatic politician. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 10(6), 138—151. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154>
- Nadein-Raevskiy, V. A. (2020). Turkish policy in the Middle East. *Pathways to Peace and Security*, 1(58), 139—156. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-1-139-156>
- Naumkin, V. (2019). The Kurdish conundrum of the Middle East (the case of Iraq). *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 63(5), 76—87. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-76-87>
- Pechatnov, V. O. (2017). The Trump phenomenon and American democracy. *Mezhdunarodnye Processy*, 15(1), 13—34. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.1.48.3>
- Savicheva, E. M. (2014). On geopolitical situation in the Middle East: Interaction between regional and global trends. *Vestnik RUDN. International Relations*, (1), 14—21. (In Russian).
- Shlykov, P. V. (2020). Between the US, the EU and Eurasia: Transformation of foreign policy priorities of Turkey. *Current Problems of Europe*, (1), 110—135. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/ape/2020.01.06>
- Ulchenko, N. Yu. (2012). Socio-economical policy of Justice and Development Party of Turkey: From populism to popularity. *Vostok. Afro-Aziatskie Obschestva: Istorii i Sovremennost*, (3), 72—86. (In Russian).
- Ünal, M. (2018). AK Parti Döneminin Demokratikleşme Adımları. *Kuruluşundan Bugüne AK Parti. Siyaset*. İstanbul: SETA Kitapları.
- Vainshtein, G. I. (2017). Modern populism as a subject of political science. *Polis. Political Studies*, (4), 69—89. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06>
- Voronin, S. A. (2014). Power is what is never enough. About the nature and typology of political leadership, types of political systems and regimes in the historical process. *RUDN Journal of World History*, (3), 32—57. (In Russian).
- Weyland, K. (2013). Latin America's authoritarian drift. The threat from the populist left. *Journal of Democracy*, (3), 18—32. <https://doi.org/10.1353/jod.2013.0045>
- Wuthrich, F. M., & Ingleby, M. (2020). The pushback against populism: Running on “radical love” in Turkey. *Journal of Democracy*, (2), 22—40. <https://doi.org/10.1353/jod.2020.0034>

Сведения об авторе: Аватков Владимир Алексеевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук; доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации; ORCID: 0000-0002-6345-3782; e-mail: v.avatkov@gmail.com

About the author: Avatkov Vladimir Alekseevich — PhD in Political Science, Senior Research Fellow, Center for post-Soviet studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS); Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; ORCID: 0000-0002-6345-3782; e-mail: v.avatkov@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-555-570

Научная статья / Research article

Военно-политические особенности участия ФРГ в операции «Решительная поддержка» в 2015—2021 гг.

Ф.О. Трунов

Институт общественной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Российская Федерация
 ltrunov@mail.ru

Аннотация. С учетом масштаба и длительности (почти два десятилетия) военного присутствия ФРГ в Афганистане данное направление приложения военно-политических усилий Германии вне зоны ответственности НАТО является одним из важнейших для германской внешней политики. В этой связи задача статьи — исследование особенностей использования ФРГ военного и политико-дипломатического инструментария в ходе операции «Решительная поддержка» (Resolute Support). Основными методами исследования избраны сравнительный и ивент-анализ. Дается оценка характеристик и результатов вклада Германии в деятельность МССБ (ISAF) к середине 2010-х гг. Показывается, что во многом усилия контингента бундесвера в рамках миссии «Решительная поддержка» были направлены на завершение работы над неоконченными задачами в период существования МССБ. Определяются вновь поставленные (с 2015 г.) задачи германских военных, их детерминированность, особенности реализации. Прослеживается восходящая динамика военного присутствия ФРГ в Афганистане. В сопоставлении с Сирией и Ираком, с учетом масштаба угроз, проецируемых с их территории на Евroatлантическое сообщество в середине 2010-х гг., показываются особенности форм и объемов использования бундесвера на афганском направлении. Исследуются попытки официального Берлина сохранить военное присутствие в Афганистане в условиях заключения администрацией Д. Трампа и движением «Талибан» (запрещено в РФ) договоренностей от 29 февраля 2020 г. о выводе войск США. Определяется круг факторов, способных повлиять на пересмотр позиции Белого дома во второй половине 2020 — начале 2021 г. В этот период германская сторона последовательно прилагала усилия для сохранения своего присутствия в Афганистане. Однако после принятия окончательного решения уже администрацией Дж. Байдена о выводе войск официальный Берлин был вынужден пойти на ускоренную (уже к 1 июля 2021 г.) эвакуацию своего контингента, что во многом перечеркивало декларируемые ранее результаты стратегии на афганском направлении. Делается вывод о последствиях свертывания военного присутствия в Афганистане для внешней политики ФРГ в целом.

Ключевые слова: Афганистан, Германия, бундесвер, «Решительная поддержка», США, Д. Трамп, вооруженные конфликты

Для цитирования: Трунов Ф.О. Военно-политические особенности участия ФРГ в операции «Решительная поддержка» в 2015—2021 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 555—570. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-555-570

© Трунов Ф.О., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Military-Political Peculiarities of Germany's Participation in Resolute Support Operation, 2015—2021

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS),
Moscow, Russian Federation
 ltrunov@mail.ru

Abstract. The Afghan direction is rather important for German foreign policy, given the scale and duration (nearly two decades) of German military presence in this Central Asian country. It remains to continue one of the directions of Bundeswehr's usage outside the NATO zone of responsibility. The article tries to explore the specifics of the German military and political-diplomatic tools used in the course of Resolute Support operation. The key research methods are comparative and event-analysis. The paper evaluates the characteristics and the results of the German participation in ISAF activity by the mid-2010s. In this regard it is shown that to a large extent the efforts of the Bundeswehr contingent in Resolute Support were aimed at completing unfinished tasks during the ISAF mission. The new (since 2015) tasks of the German military personal, their determinism, and the peculiarities of their implementation are defined. The article traces the ascending dynamics of the German military presence in Afghanistan. In comparison with Syria and Iraq, taking into account the scale of threats projected from their territory to the Euro-Atlantic community in the mid-2010s, the peculiarities of forms and amounts of the Bundeswehr's use in Afghanistan are demonstrated. The author examines Berlin's attempts to maintain its military presence in Afghanistan in conditions when US President Trump's administration and the Taliban (banned in Russia) signed an agreement on the withdrawal of US troops on February 29, 2020. The range of factors that could affect the revision of the White House's position in the second half of 2020 and early 2021 is defined. During this period, Germany has been trying to keep its military presence in Afghanistan. But after the final decision of the Biden administration on the withdrawal of troops, official Berlin was forced to accelerate the evacuation of its contingent (by July 1, 2021), which largely crossed out the previously declared results of the strategy in Afghanistan. The article concludes by presenting the consequences of the military drawdown in Afghanistan for the foreign policy of the Federal Republic of Germany as a whole.

Key words: Afghanistan, Germany, Bundeswehr, Resolute Support, the USA, Donald Trump, armed conflicts

For citation: Trunov, Ph. O. (2021). Military-Political Peculiarities of Germany's Participation in Resolute Support Operation, 2015—2021. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 555—570. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-555-570>

Введение

В 2000—2010-е гг. афганское направление неизменно входило в число ключевых векторов приложения масштабных внешнеполитических усилий ФРГ вне Евроатлантического сообщества, в том числе собственно военных. В этой связи Афганистан служит уникальным примером деятельности ФРГ на мировой арене сразу в нескольких отношениях. Безусловно, список стран и территорий, где ФРГ развертывала и сохраняла присутствие бундесвера на длительную (от 10 лет и более) перспективу, позиционируя себя как миротворца, отнюдь не ограничивался одним Афганистаном. Это Босния и Герцеговина, Косово, Сомали, Ливан, а также Мали и Ирак, где представители бундесвера находятся с 2013 и 2015 гг. соответственно.

Во-первых, в указанных случаях (за исключением Мали и Ирака) по мере сохранения присутствия германских войск численность их контингентов постепенно уменьшалась. В свою очередь, в Афганистане имели место сразу два продолжительных этапа последовательного и значительного роста объемов присутствия бундесвера — в 2002—2012 гг. (наращивание усилий по участию в операции МССБ) и в 2016—2020 гг. (уже в рамках операции «Решительная поддержка»).

Во-вторых, в большинстве случаев (кроме Косово) в течение 8—12 лет с момента развертывания контингента бундесвера его численность опускалась реально до отметки в 0,1 тыс. солдат и офицеров (формально «потолок» контингента, определяемый Бундестагом, находился на уровне 0,2—0,4 тыс.

военнослужащих). Напротив, в случае Афганистана предельная численность достигалась в 2010—2011 гг. (в рамках МССБ, «потолок» был определен в 5 тыс. военнослужащих и еще 0,35 тыс. — в оперативном резерве¹, что составляло свыше 50 % от всех германских военных, используемых вне зоны ответственности НАТО в тот период (Glatz et al., 2018, p. 9)) и с 2018 г. («Решительная поддержка», 1,3 тыс.), причем во втором случае он продолжает держаться более двух лет (табл. 1), то есть эти показатели сохраняются почти 10 и более лет с момента появления германских военных в Афганистане.

В-третьих, в случае с Афганистаном Германия в принципе согласилась на сохранение своего военного присутствия при смене миссий НАТО — от МССБ к операции «Решительная поддержка», хотя ее масштаб изначально резко сократился (де-юре в 6 раз) и сузился спектр выполняемых задач (отказ от реализации операций по поддержанию мира в пользу сохранения лишь обучения и консультирования). Аналогичная ситуация имела место только в случае Боснии и Герцеговины (переформатирование миссии НАТО IFOR/SFOR в операцию ALTHEA («Алтея») под эгидой ЕС в 2004 г.).

Наконец, в-четвертых, вне пределов Европы афганское направление лидировало с точки зрения масштабов применения бундсвера сразу в двух отношениях. Так, именно здесь был зафиксирован максимум численности германских военных, единовременно используемых в одной стране за границами Евроатлантического сообщества (до 5 тыс. военнослужащих). С середины 2000-х гг. афганское направление стабильно занимало первое место, а в 2015—2020 гг. уверенно входило в двойку (наряду с Мали) наиболее масштабных векторов использования бундсвера вне зоны ответственности НАТО. Причем в Мали речь идет сразу о двух миссиях — миротворческой MINUSMA (МИНУСМА,

ООН) и военно-тренировочной EUTM Mali (ЕС), в то время как в случае Афганистана — лишь об одной («Решительная поддержка», НАТО).

Представленные положения указывают на большой удельный вес афганского вектора в политике ФРГ на мировой арене в целом. В этой связи возникает логичный вопрос: как Германия реагировала в 2019—2021 гг. на планы и действия США, избравших при Д. Трампе (февраль 2020 г.) и в итоге подтвердивших (апрель 2021 г.) уже при Дж. Байдене решение о свертывании военного присутствия в Афганистане?

Задача данной статьи — исследование особенностей участия и перспектив ФРГ в операции «Решительная поддержка» (2015—2021 гг.). Основные методы исследования — ивент-анализ, то есть изучение чувствительных шагов официального Берлина политико-дипломатического и военного характера, а также сравнительный анализ (применительно к вопросам использования бундсвера в Афганистане и на других направлениях в середине — второй половине 2010-х гг.).

Как иностранными, прежде всего самими германскими и американо-британскими, так и отечественными учеными был создан огромный задел в изучении и осмыслении опыта, накопленного ФРГ в Афганистане. Так, ими давалась оценка как промежуточным, по состоянию на конец 2000-х гг.² (Егоров, 2012; Михайлин, 2009а; 2009b; Погорельская, 2012; Bindenagel, 2010; Lombardi, 2008; Noetzel & Rid, 2009; Noetzel & Schreer, 2008; Roos 2010) и середину 2010-х гг. (Хришкевич, 2016; Birtsch, 2017; Hilpert, 2014), так и итоговым результатам участия Германии в деятельности Международных сил содействия безопасности в Афганистане (Власов, 2016; Kaim, 2013; Rudolf, 2013; Wörmer, 2013). Особое внимание уделялось сотрудничеству между гражданскими и военными германскими представителями в Афганистане (Paul, 2009) —

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan // Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402, 13.01.2011. S. 2—4.

² Ehrhart H.-G. 10 Jahre Afghanistankrieg — was nun? // Institut für Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universität Hamburg. 10.10.2011. URL: <https://ifsh.de/news-detail/id-10-jahre-afghanistankrieg-was-nun> (accessed: 06.07.2021).

Таблица 1

Вклад ФРГ в проведение операции «Решительная поддержка»

Период	Расходы (распределение по календарным годам внутри срока), млн евро	Предельная численность контингента, чел.	Документ Бундестага
01.01.2015 — 31.12.2015	282,1	850	Drucksache 18/3246, 19.11.2014
01.01.2016 — 31.12.2016	245,3	980	Drucksache 18/6743, 18.11.2015
01.01.2017 — 31.12.2017	269,2	980	Drucksache 18/10347, 16.11.2016
01.01.2018 — 31.03.2018	78,7	980	Drucksache 19/21, 25.10.2017
01.04.2018 — 31.03.2019	315,3 (236,5+78,8)	1 300	Drucksache 19/1094, 07.03.2018
01.04.2019 — 31.03.2020	360,9 (270,7+90,2)	1 300	Drucksache 19/7726, 13.02.2019
01.04.2020 — 31.03.2021	427,5 (320,6+106,9)	1 300	Drucksache 19/17287, 19.02.2020

Источник: составлено автором по: Antrag der Bundesregierung. Entsendung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support Mission // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3246, 19.11.2014. S. 5; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/6743, 18.11.2015. S. 4; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10347, 16.11.2016. S. 4; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/21, 25.10.2017. S. 4; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094, 07.03.2018. S. 4; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/7726, 13.02.2019. S. 4; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 19/17287, 19.02.2020. S. 4—5.

Table 1

Germany's contribution to the Resolute Support Operation

Period	Expenses (distribution by calendar years within the term), mln euros	Maximum contingent (military), person	Bundestag document
January 1, 2015 — December 31, 2015	282,1	850	Drucksache 18/3246, 19.11.2014
January 1, 2016 — December 31, 2016	245,3	980	Drucksache 18/6743, 18.11.2015
January 1, 2017 — December 31, 2017	269,2	980	Drucksache 18/10347, 16.11.2016
January 1, 2018 — March 31, 2018	78,7	980	Drucksache 19/21, 25.10.2017
April 1, 2018 — March 31, 2019	315,3 (236,5+78,8)	1 300	Drucksache 19/1094, 07.03.2018
April 1, 2019 — March 31, 2020	360,9 (270,7+90,2)	1 300	Drucksache 19/7726, 13.02.2019
April 1, 2020 — March 31, 2021	427,5 (320,6+106,9)	1 300	Drucksache 19/17287, 19.02.2020

Source: compiled by the author in accordance with: Antrag der Bundesregierung. Entsendung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support Mission // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3246, 19.11.2014. S. 5; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/6743, 18.11.2015. S. 4; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10347, 16.11.2016. S. 4; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/21, 25.10.2017. S. 4; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094, 07.03.2018. S. 4; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/7726, 13.02.2019. S. 4; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 19/17287, 19.02.2020. S. 4—5.

прежде всего, в контексте функционирования провинциальных восстановительных команд (Hett, 2005; Hochwart, 2009).

На фоне столь значительного внимания к действиям Германии под эгидой МССБ вопросам ее участия в операции «Решительная поддержка» уделялось меньшее внимание, особенно со стороны отечественных исследователей. В основном фокусе были ход переговоров, заключение договоренностей между США и «Талибаном»¹, возможности их реализации, учитывая их огромное влияние на перспективы сохранения присутствия ФРГ в Афганистане (Glatz & Kaim, 2019; 2020).

В поисках новых форм обеспечения военного присутствия в Афганистане

Уже на рубеже 2000—2010-х гг. перед странами — участницами НАТО отчетливо встал вопрос о перспективах сохранения усилий на афганском направлении после окончания деятельности МССБ. В положительном отношении данный вопрос принципиально был решен 5 декабря 2011 г. на Конференции по Афганистану — символично, что она проходила в Бонне². Соответственно, была начата детальная проработка вопросов сохранения присутствия в данной стране Азии на переходный период (сроки которого первоначально ограничивались десятилетием 2015—2024 гг.). В своей основе она была завершена на Уэльском саммите НАТО (4—5 сентября 2014 г.), в ходе которого был декларирован переход эстафеты в вопросах стабилизации обстановки в Афганистане от сил МССБ к миссии «Решительная поддержка» с 1 января 2015 г.³

30 сентября 2014 г. между странами — членами Альянса и официальным Кабулом было подписано соглашение о статусе войск НАТО на территории Афганистана, закреплявшее за ними широкие права (включая служебный иммунитет) и рассматриваемое сторонами в качестве правовой основы для

сохранения длительного военного присутствия стран Запада в данной стране⁴.

19 ноября 2014 г. Бундестаг ФРГ одобрил использование бундесвера в рамках планируемой к запуску операции НАТО «Решительная поддержка»⁵. Это решение, окончательно устранившее неопределенность в вопросе сохранения военного присутствия Германии в Афганистане, было принято на фоне завершения вывода основной массы сил бундесвера (свыше 80 %), до этого задействованных в деятельности МССБ.

Каковы основные характеристики и результаты германского политико-военного вклада в деятельность МССБ?

В дипломатическом отношении ФРГ играла роль организатора и модератора «Боннского процесса» — переговоров между различными силами в Афганистане (де-юре всеми, кроме «Аль-Каиды»⁶ и «Талибана») с целью восстановления вертикали власти в стране. Стартовав в декабре 2001 г., «Боннский процесс» формально завершился в сентябре 2005 г. после проведения первых за длительное время парламентских выборов в стране⁷.

Внутри Афганистана в вопросах обеспечения мира и безопасности Германия сфокусировала свои усилия на районе столицы и северных провинций — в последнем случае бундесвер принял на себя роль «рамочной нации» в составе многонациональной группировки государств-участников и партнеров НАТО. В одноименном центре провинции Мазари-Шариф было развернуто субрегиональное командование МССБ «Север» с ведущим участием ФРГ. Ею были учреждены провинциальные восстановительные команды в провинциях Кундуз (2003—2012 гг.) и Бадахшан (2004—2012 гг.), используемые в качестве механизмов кооперации министерств обороны, иностранных дел, внутренних дел, экономического сотрудничества и

¹ Организация запрещена в РФ.

² Antrag der Bundesregierung. Entsendung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support Mission // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3246, 19.11.2014. S. 5.

³ Ibid.

⁴ Ibid. S. 4.

⁵ Ibid.

⁶ Организация запрещена в РФ.

⁷ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense. 2009. P. 79—80.

развития, имевшие целью содействие воссозданию эффективной системы власти на местном (провинциальном) уровне⁸.

ФРГ инвестировала в стабилизацию Афганистана огромные ресурсы: так, только финансирование деятельности германского контингента в составе МССБ в 2001—2014 гг. составило свыше 8,2 млрд евро⁹. Вместе с тем достигнутые успехи на деле оказались весьма ограниченными. Так, декларируемая в 2000-е гг. как крупный успех стабильность на севере Афганистана уже в первой половине 2010-х гг. стала демонстрировать свою «хрупкость». Восстановление и дальнейший рост потенциала антиправительственных формирований, прежде всего «Талибана», привели к его растущей активизации в считавшихся относительно спокойными северных провинциях.

Неудачи во многом объяснялись ошибками, допускаемыми как на уровне МССБ в целом (запоздалое решение о создании многочисленной национальной армии и сил безопасности Афганистана, недостаточное внимание к вопросам их подготовки до конца 2010-х гг.), так и ФРГ в частности. Так, германские миротворческие подразделения во многом лишь «демонстрировали флаг» при патрулировании местности, избегая заходить во многие труднодоступные места, где могли складироваться запасы и концентрироваться мелкие группы боевиков (Hett, 2005, pp. 7—15). В этой связи следует отметить и запаздывание с наращиванием военного присутствия ФРГ в северных провинциях: достаточно серьезные силы (2—3 батальонные тактические группы) были сосредоточены здесь лишь в 2009—2012 гг., причем и их было явно мало для обеспечения перелома ситуации в обширных гористых провинциях Кундуз и Бадахшан.

⁸ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense. 2009. P. 80—81.

⁹ Рассчитано автором на основе ежегодно продляемых мандатов Бундестага на использование контингента бундесвера в Афганистане. URL: www.bundestag.de (accessed: 08.06.2021).

К моменту запуска миссии «Решительная поддержка» практически все наземные подразделения войск ФРГ (равно как и других европейских стран НАТО), выполнявшие задачи «в поле», были выведены из Афганистана. Основу германского контингента, задействованного в проведении операции «Решительная поддержка», составляли военные инструкторы, штабной персонал, а также небольшие по численности подразделения охраны военных баз, армейской авиации (управления и обслуживания парка беспилотных летательных аппаратов (БПЛА)) и сил специальных операций (ССО). Соответственно, это отражало изменившиеся политико-военные задачи ФРГ в Афганистане после 2015 г., во многом направленные на исправления тех недочетов и ошибок, которые были допущены в период деятельности МССБ.

Согласно мандатам Бундестага, основными задачами германских военных в рамках операции «Решительная поддержка» были определены обучение (в том числе дообучение), консультирование и поддержка правительственных афганских войск¹⁰. Как и в период функционирования МССБ, германские подразделения должны были дислоцироваться в районе Кабула (где отдельное внимание уделялось их участию в охране мест размещения дипмиссии ФРГ)¹¹, Баграма (провинция Парван, где имелся большой аэродром) и, прежде всего, Мазари-Шарифа, где был сохранен штаб северного командования «Север» сил государств-участников и партнеров НАТО, задействованных в операции «Решительная поддержка»¹².

Как и в случае МССБ, при проведении операции «Решительная поддержка» Германия приняла на себя функции «рамочной нации» в комплектовании и деятельности

¹⁰ Antrag der Bundesregierung. Entsendung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support Mission // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3246, 19.11.2014. S. 2—3.

¹¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/6743, 18.11.2015. S. 2—3.

¹² Ibid.

штаба и войск командования «Север». Наиболее крупной военной базой, где были развернуты германские войска, стал лагерь «Мармаль» (площадью 3 кв. км) вблизи Мазари-Шарифа — именно они стали «ядром» войск данного гарнизона. Также здесь базировалась группировка БПЛА бундесвера, привлекаемая на регулярной (практически ежедневной) основе для сбора тактической разведывательной информации в интересах сил стран НАТО и правительственных афганских войск, действующих в зоне командования «Север»¹³. Параллельно бундесвер должен был оказывать им логистическую поддержку, используя для этого транспортные самолеты и вертолеты, сосредоточенные на базе «Мармаль», а также на аэродроме Баграм¹⁴.

Германским войскам предписывалось активно и последовательно, вплоть до истечения мандата, участвовать в совершенствовании имевшейся в их зоне ответственности инфраструктуры военного и двойного назначения с перспективой ее последующей передачи афганской стороне¹⁵. На практике, учитывая заинтересованность ФРГ в сохранении своего военного присутствия на предельно длительную перспективу, эта передача в реалиях второй половины 2010-х гг. рассматривалась как вопрос отдаленного будущего.

В лагере «Мармаль» проходила подготовка, в том числе проведение совместных двусторонних учений с участием ССО бундесвера, элитных частей афганских вооруженных сил. На решение этой задачи обращалось самое пристальное внимание в парламентских мандатах — афганскому спецназу

отводилась ключевая роль в борьбе с антиправительственными военизированными формированиями на севере Афганистана¹⁶. На данном направлении действия германских военных формально ограничивались лишь обучением и консультированием, включая помощь в планировании и осуществлении боевых операций на штабном уровне.

Однако на практике мандат Бундестага открывал возможность для точечного боевого использования бундесвера, главным образом подразделений ССО. Прежде всего, санкционированная с правовой точки зрения возможность их применения возникала при появлении угрозы жизни личного состава миссии «Решительная свобода» (в том числе и в случае угрозы жизни представителям союзнических контингентов в пределах действия командования «Север») и (или) необходимости эвакуации персонала¹⁷. Де-юре это было фиксированием расширенного права на самооборону. При этом число случаев, когда его стало можно и нужно реализовывать, стало стремительно возрастать в середине 2010-х гг. В северной части Афганистана, считавшейся на протяжении большей части времени деятельности МССБ относительно спокойной, наблюдалось существенное укрепление позиций антиправительственных сил. Симптоматично, что в конце сентября — начале октября 2015 г. афганскому «Талибану» удалось занять Кундуз — центр одноименной провинции, где в 2003—2012 гг. действовала германская провинциальная восстановительная команда и с момента ее запуска находились германские военные. Как показал отчет Бундестага, взятие Кундуза явилось шоковым известием для официального Берлина¹⁸.

¹³ Schwarzbuch. *Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr*. Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung und Fraktion die LINKE, 2016. S. 25.

¹⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10347, 16.11.2016. S. 2—3.

¹⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/6743, 18.11.2015. S. 2—3.

¹⁶ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/21, 25.10.2017. S. 2—3.

¹⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/6743, 18.11.2015. S. 2—3.

¹⁸ Ibid.

Использование бундесвера в Афганистане в 2016—2019 гг.: попытка возвращения старых тактик для решения новых проблем?

В условиях реальной угрозы утраты официальным Кабулом власти над частью северных провинций перед ФРГ, продолжавшей играть роль «рамочной нации» в деятельности многонациональной группировки (всего контингенты 21 государства-участника и партнера НАТО) (Glatz & Kaim, 2020, pp. 2—3), встала дилемма. Можно было либо оставить неизменными объемы и характер своих усилий (относительно уровня по состоянию на январь-октябрь 2015 г.), что таило в себе высокий риск деградации ситуации, то есть «обнуления» декларируемых в период деятельности МССБ результатов, либо начать вновь наращивать присутствие.

Второй сценарий был чреват риском втягивания в боевые действия с антиправительственными силами (прежде всего афганским «Талибаном»), а также «Исламским государством» (ИГИЛ, ИГ)¹⁹, чьи ячейки стали в 2015—2016 гг. активно возникать в северной части Афганистана). На первый взгляд, это делало последний вариант противоречащим интересам руководства ФРГ. Он требовал, во-первых, пересмотра линии на частичный выход из Афганистана, что сопровождалось задействованием высвобождаемых ресурсов на других направлениях — прежде всего, стабилизации обстановки в Мали (и странах «сахельской пятерки» в целом), а также выстраивании периметра «сдерживания» РФ в Центральной, Восточной и Северной Европе. В условиях ограниченного числа ударных частей и подразделений в бундесвере наращивание объемов их параллельного использования сразу на нескольких направлениях становилось проблематичным.

Во-вторых, в перспективе следование по данному пути могло привести к отходу ФРГ на афганском направлении от приверженности концепции «стратегической сдержанности», то есть демонстрации максимально взвешенного подхода к использованию своего

военного инструментария, что де-юре практически исключало его применение в собственно боевых (силовых) формах.

Однако уже в ноябре 2015 г., в ходе первой пролонгации Бундестагом мандата на использование бундесвера в операции «Решительная поддержка», предельная численность его контингента была увеличена на 130 военнослужащих — до 980 солдат и офицеров²⁰ (см. табл. 1).

С одной стороны, рост контингента открывал возможность для изменения состава германского контингента в сторону увеличения в нем доли подразделений ССО и наземных войск. Их дополнительные силы вновь были развернуты в районе Кундуза (Glatz & Kaim, 2020, pp. 1—2), учитывая риск повторения атак на этот важный провинциальный центр.

С другой стороны, не следует преувеличивать масштаб данных шагов. Германские войска отнюдь не возвращались к осуществлению активных мер по поддержанию мира (и не планировали делать этого), как это имело место в случае МССБ, а лишь интенсифицировали точечную помощь афганским силам безопасности, продолжая фокусироваться на их обучении и консультировании. Тем самым в собственно военном плане правительство ФРГ реализовало скорее не меру, а лишь «полумеру». Однако сам факт ее осуществления свидетельствовал о реально большой значимости Афганистана во внешнеполитическом планировании и деятельности Германии. Официальный Берлин демонстрировал повышенную заинтересованность в сохранении хотя бы части того «багажа», который был наработан на афганском направлении в предшествующие полтора десятилетия.

В реалиях середины 2010-х гг. наиболее масштабные угрозы безопасности — массовое неконтролируемое перемещение беженцев и мимикрировавших под них террористов в Германию и государства-партнеры по

¹⁹ Организация запрещена в РФ.

²⁰ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/6743, 18.11.2015. S. 2—3.

НАТО — проецировались из зон вооруженных конфликтов в Сирии и Ираке, а также Ливии и стран Сахеля. С этой точки зрения, Афганистан нес в себе меньшие по размеру вызовы. Однако в первом случае (Сирия и Ирак) ФРГ присоединилась ко II западной антитеррористической коалиции, созданной для борьбы с силами ИГ и дружественными ему структурами в регионе, лишь спустя год после ее создания (сентябрь 2014 г. и декабрь 2015 г., что во многом стало реакцией на теракты в Париже 13 ноября 2015 г.). Причем на сирийском направлении официальный Берлин в принципе отказался от наземного применения своих войск, оказывая поддержку силами разведывательной и транспортной авиации, спутниковой группировки и ВМС²¹, а на иракском — ограничился развертыванием небольшой (с «потолком» в 100 солдат и офицеров, увеличенным в 2016 г. до 150 военнослужащих) военно-тренировочной миссии²².

В случае Афганистана основой сил бундесвера являлась именно наземная компонента, причем ее численность была существенно (в 7—10 раз) выше, чем в Ираке. Следует отметить, что в Ираке и особенно в Сирии ФРГ демонстрировала определенное дистанцирование от США, хотя именно они являлись государством — учредителем II западной антитеррористической коалиции и вносили наиболее значимый вклад в ее деятельность. Так, официальный Берлин подчеркивал, что вступил в данный международный формат на основании просьбы Франции в рамках реализации права на самооборону в соответствии с положениями ст. 42 договора о Европейском союзе (а не ст. 5 Вашингтонского договора об учреждении НАТО), и именно Пятая республика демонстративно воспринималась германским истеблишментом в качестве

²¹ См.: Rede von Ursula von der Leyen // Plenarprotokoll 18/142 // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. S. 13876C—13877A.

²² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7207, 06.01.2016. S. 1.

наиболее близкого и фокусного партнера в рамках II западной антитеррористической коалиции²³.

Напротив, в Афганистане Германия сохранила в принципе и вновь стала наращивать свое военное присутствие в условиях выхода из страны французских войск (осуществлен к январю 2015 г.) в несоизмеримо большей степени, чем в случае Ирака и Сирии, ориентируясь на сотрудничество с США. Показателен и тот факт, что в случае II западной антитеррористической коалиции официальный Берлин вплоть до Брюссельского саммита НАТО (2018 г.) противился подключению к ее функционированию механизма Альянса (не в пример I коалиции), в то время как в Афганистане Германией подчеркивалось стремление использовать свои войска именно под эгидой Альянса²⁴.

Обратно пропорциональная зависимость между объемами военного присутствия и масштабом реальных угроз, исходивших для Германии, с одной стороны, из Сирии и Ирака, с другой — из Афганистана, отчетливо свидетельствовала о сохранении повышенной геополитической ценности последнего для ФРГ. Афганистан выступал наиболее выдвинутой на восток зоной германского политико-военного присутствия в Азии. Фактор наличия такового был исключительно важен для Германии с точки зрения ее стремления обрести положение полноправной мировой державы: провозглашение наличия «интересов Германии на Гиндукуше»²⁵, сделанное еще министром обороны ФРГ П. Штруком (2002—2005 гг.) в середине 2000-х гг.,

²³ Rede von Ursula von der Leyen // Plenarprotokoll 18/142 // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. S. 13876C—13877A.

²⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094, 07.03.2018. S. 4.

²⁵ Minister Struck stellt Projektplanung der Bundeswehr vor // BMVg. 05.12.2002. URL: https://web.archive.org/web/20021219205339/http://www.bmvg.de/sicherheit/021205_pk_projekte.php (accessed: 06.06.2021).

оставалось полностью актуальным для внешней политики ФРГ во второй половине 2010-х — начале 2020-х гг.

Подтверждением тому в марте 2018 г. также стало решение официального Берлина об увеличении более чем на 30 % — до отметки в 1,3 тыс. солдат и офицеров — «потолка» контингента в составе сил миссии «Решительная поддержка» (см. табл. 1). Это привело к тому, что ФРГ заняла второе место (после США, обогнав Великобританию) в списке 39 государств-участников и партнеров НАТО с точки зрения объемов задействования их войск в проведении операции «Решительная поддержка»²⁶.

Параллельно стали расти и расходы на деятельность германского контингента: в сравнении с годичным периодом, предшествовавшим решению об увеличении численности (с апреля 2017 г. по март 2018 г.), в следующие 12 месяцев они выросли почти на 15 %, а с апреля 2020 г. по март 2021 г. — уже более чем на 50 %²⁷.

Исходя из парламентских мандатов, рассматриваемое решение было принято не позднее октября 2017 г.²⁸ Чем оно было вызвано? Прежде всего, продолжением линии на упрочение позиций на севере Афганистана. Угроза, исходившая от отрядов «Исламского государства», стала в реалиях 2017—2018 гг. снижаться, однако ключевой причиной тому являлись успехи отнюдь не правительственных войск и государств — участников миссии «Решительная поддержка», а противоположной силы — «Талибана», начавшего рассматривать ИГ как конкурента и стремившегося к его вытеснению из зоны своих интересов. Присутствие афганских талибов, особенно в сельской местности, существенно расширилось по сравнению с серединой 2010-х гг. и

²⁶ Рассчитано автором на основе: Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures // NATO. June 25, 2019. URL: <https://rs.nato.int/rsm/newsroom/key-facts-and-figures> (accessed: 06.06.2020).

²⁷ Рассчитано автором на основе данных табл. 1.

²⁸ См.: Antrag der Bundesregierung, Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/21, 25.10.2017. S. 4.

тем более поздним и зрелым периодами деятельности МССБ. В таких условиях усилия государств-участников и партнеров НАТО прежде всего сосредоточились на укреплении обороны городов, главным образом административных центров. В случае бундесвера таковыми оставались Мазари-Шариф, Кундуз и Баграм. В первом случае германские военные создали саперную школу, где инструкторы занимались обучением афганских военных разминированию и установке мин, а также существенно усилили охрану базы «Мармаль», особенно аэродрома²⁹.

Традиционно, на протяжении всего периода существования МССБ одним из основных факторов роста военного присутствия Германии в Афганистане выступала декларируемая заинтересованность США в этом. Насколько данное (с 2018 г.) приращение усилий бундесвера коррелировалось с развитием отношений ФРГ — США?

Фактор растущего вклада Германии в проведение операции под эгидой НАТО выступал одним из немногих «смягчителей» растущей напряженности в отношениях двух держав, проявившейся в наиболее отчетливых формах после прихода к власти администрации Д. Трампа (январь 2017 г.). Как и в ходе предшествующих кризисов доверия (главным образом в преддверии и в ходе иракских и ливийских событий в 2003 и 2011 гг.), усиление присутствия ФРГ в Афганистане позиционировалось практическим выражением трансатлантической солидарности. Это было тем более важно в условиях требований (часто предъявляемых в ультимативной форме) 45-го президента США к Германии в смысле ускорения роста ее военного потенциала и расходов, несения большей практической нагрузки в рамках деятельности НАТО на широком спектре направлений деятельности Альянса. Безусловно, рост численности контингента (эквивалентный двум неполным ротам) бундесвера в составе миссии

²⁹ Antrag der Bundesregierung, Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094, 07.03.2018. S. 5.

«Решительная поддержка» являлся шагом навстречу США, однако не следует преувеличивать его масштаба.

Не менее справедливо было и обратное — официальный Берлин использовал активность США в Афганистане, ведущих активные боевые действия против «Талибана» (для чего было задействовано 5,4 тыс. военнослужащих из числа ударных подразделений — прежде всего, ССО (Glatz & Kaim, 2019, pp. 2—4)), для сохранения своего присутствия в стране. Соответственно, с этой точки зрения рост контингента бундсвера отвечал интересам, прежде всего, самого Берлина и лишь затем — Вашингтона.

Показательны в этой связи время принятия (октябрь 2017 г.) и реализации (март 2018 г.) рассматриваемого решения о наращивании германского контингента.

Первая хронологическая точка — это отчетливое возникновение глубокого, прецедентного для ФРГ с момента ее основания кризиса, связанного с формированием коалиционного правительства, вторая — момент его преодоления. В данной, весьма непростой для себя, ситуации германский истеблишмент продемонстрировал завидную последовательность в вопросах планирования и осуществления усиления присутствия в Афганистане, что вновь показывало особую значимость данного направления для официального Берлина.

В этой связи следует подчеркнуть наблюдаемую с 2018 г. связь для действий Германии между демонстрацией готовности, а также способности наращивать военные усилия в Афганистане и поиском формулы мира в данной стране. Позиция Берлина в отношении афганского «Талибана» стала постепенно дрейфовать от жестко непримиримой³⁰ в сторону готовности к контактам с ним. Так, германская сторона весьма позитивно оценила первый с 2001 г. (!) факт достижения договоренностей о прекращении

огня между официальным Кабулом и «Талибаном» на период 15—17 июня 2018 г. (в период празднования Ураза-Байрама)³¹.

«Уйти, остаться невозможно?»: попытки ФРГ сохранить военное присутствие в Афганистане и их неудача

Растущее внимание Берлина, все более переходящее в обеспокоенность, привлекали к себе стартовавшие в сентябре 2018 г. переговоры между США и афганскими талибами. В характерной для себя манере предельного подчеркивания «особости» США и стремления к двусторонним, а отнюдь не многосторонним переговорам администрация Д. Трампа стремилась найти решение «афганской проблемы», достаточно ограниченно учитывая интересы государств-партнеров по операции «Решительная поддержка» под эгидой НАТО. Прежде всего, это положение относилось к ФРГ, ставшей среди стран — участниц Евроатлантического сообщества наиболее приоритетным объектом критики и попыток давления со стороны 45-го президента США.

На начальных стадиях переговоров в обмен на всеобщее прекращение огня и начало интегрирования талибов в действующую вертикаль власти в Афганистане (то есть превращения ее в коалиционную) администрация Д. Трампа была готова вывести ударные части (5,4 тыс. солдат и офицеров), несущие основную нагрузку в борьбе с антиправительственными формированиями в течение первых 4,5 месяцев с момента заключения договоренностей. При этом в Афганистане оставалось бы еще 8,6 тыс. военнослужащих — военных инструкторов, персонала баз, что теоретически позволяло продолжать деятельность сил миссии «Решительная поддержка» (Glatz & Kaim, 2019, pp. 2—4). В свою очередь, «Талибан» последовательно проводил линию на обеспечение полного обнуления иностранного военного присутствия на территории Афганистана.

³⁰ См.: Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/21, 25.10.2017. S. 5—6.

³¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/7726, 13.02.2019. S. 5.

Какова была направленность шагов, предпринимаемых на данном этапе ФРГ? Берлин последовательно демонстрировал неизменный интерес к сохранению своего военного присутствия в Афганистане. В феврале 2019 г. мандат контингента бундесвера был вновь пролонгирован Бундестагом с сохранением «потолка» численности войск и ростом финансирования неизменным³².

11 марта 2019 г. в Афганистан прибыл глава МИД ФРГ Х. Маас. Основным пунктом его визита стал г. Мазари-Шариф — он посетил расположение германского контингента на базе «Мармаль», а также место, где были помещены таблички с именами погибших на афганской территории военнослужащих бундесвера³³. Отметив, что ситуация как в стране в целом, так и в северных провинциях в частности была далека от спокойной, Х. Маас подчеркнул готовность Берлина и в дальнейшем вносить заметный вклад в попытки приближения Афганистана к состоянию стабильности³⁴. Символично, что уже 19 марта 2019 г. в страну прибыл с визитом и генерал-инспектор бундесвера (высшая военная должность в ФРГ) Э. Цорн³⁵. Тем самым Германия посылая отчетливый «сигнал» о своей готовности сохранить длительное присутствие в Афганистане.

Стремясь обеспечить собственный, параллельный США, выход на «Талибан», германская сторона проявила повышенную заинтересованность в улучшении отношений с Пакистаном. Симптоматично, что после посещения германских войск в Афганистане 11 марта 2019 г. Х. Маас прибыл с визитом в

Исламабад³⁶. Несмотря на признаваемую неполную легитимность «селективного» правительства И. Хана, в августе 2019 г. по инициативе германской стороны А. Меркель провела с ним продолжительные телефонные переговоры, детально обсуждая ситуацию в Афганистане³⁷.

С одной стороны, данные шаги дали весьма ограниченный практический результат. Несмотря на неоднократные срывы переговоров, 29 февраля 2020 г. между США и «Талибаном» было подписано «рамочное соглашение», по сути, выступавшее попыткой заключения «стратегической сделки». В ответ на принятие «Талибаном» обязательств по отказу от поддержки структур международного терроризма и прекращения огня с последующим участием в создании коалиционных правительственных структур (данное положение выглядит весьма сомнительным к выполнению, учитывая готовность и в значительной мере способность движения к принятию единоличной власти в Афганистане) администрация Д. Трампа согласилась на полный вывод своих войск в течение 14 месяцев³⁸. Официальный Берлин де-юре и де-факто признавал зависимость обеспечения своего присутствия в Афганистане от фактора сохранения войск США — в собственно военном, а значит, и политическом плане (Glatz & Kaim, 2020, p. 1). Соответственно, реализация «стратегической сделки» делала безальтернативным и вывод германских войск — неготовых и неспособных в одиночку вносить свой вклад в обеспечение стабильности в Афганистане.

³² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/7726, 13.02.2019. S. 4.

³³ Foreign Minister Maas on his trip to Afghanistan and Pakistan // Deutsche Botschaft Kabul. March 11, 2019. URL: <https://afghanistan.diplo.de/af-en/aktuelles/-/1899014> (accessed: 06.06.2020).

³⁴ Ibid.

³⁵ 365 Tage im Amt: Ein Interview mit Generalinspekteur Eberhard Zorn // BMVg. 17.04.2019. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/interview-generalinspekteur-eberhard-zorn-40854> (accessed: 06.06.2020).

³⁶ Foreign Minister Maas on his trip to Afghanistan and Pakistan // Deutsche Botschaft Kabul. March 11, 2019. URL: <https://afghanistan.diplo.de/af-en/aktuelles/-/1899014> (accessed: 06.06.2020).

³⁷ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem pakistanischen Premierminister Imran Khan // Bundeskanzleramt. 23.08.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-pakistanischen-premierminister-imran-khan-1663518> (accessed: 06.06.2020).

³⁸ Dobbins J. The First Step on a Long Path to Peace in Afghanistan // RAND Corporation. February 27, 2020. URL: <https://www.rand.org/blog/2020/02/the-first-step-on-a-long-path-to-peace-in-afghanistan.html> (accessed: 06.07.2021).

На фоне заключения договоренностей от 29 февраля 2020 г. возникал вопрос о целесообразности новой пролонгации мандата германского контингента в составе миссии «Решительная поддержка». Однако в преддверии ее подписания федеральное правительство получило санкцию Бундестага на годичное — до 31 марта 2021 г. — продление мандата, притом с сохранением неизменным «потолка» войск и новым ростом объемов финансирования, превысившим 0,4 млрд евро³⁹. Тем самым Берлин подчеркнул исключительную заинтересованность в сохранении военного присутствия в Афганистане. Вместе с тем уже стали предприниматься шаги на случай реализации «стратегической сделки» между США и «Талибаном»: в июле 2020 г. — апреле 2021 г. в ФРГ было вывезено 0,5 тыс. контейнеров с военным имуществом⁴⁰.

Германский истеблишмент надеялся на пересмотр решения США о выводе своих войск, что обуславливалось достаточно широким спектром факторов. Пандемия COVID-19 (осознание масштаба которой пришло позже заключения «стратегической сделки» 29 февраля 2020 г.), приведя к частичной «заморозке» мирополитических процессов, одним из своих следствий имела объективное замедление темпов вывода войск США из Афганистана. Более чем спорным уже в 2020 г. выглядела возможность соблюдения «Талибаном» условий договоренностей — их фактический срыв мог привести и к их формальному аннулированию. Наконец, наибольшие надежды Германия возлагала на смену президента США по итогам выборов в ноябре 2020 г. Действительно, победителем на них был официально признан демократ Дж. Байден, администрация которого практически на 180 градусов изменила характер отношения к ФРГ, демонстрируя заинтересованность Вашингтона в восстановлении

полноценных союзнических отношений в увязке с признанием обеспокоенностей партнера (как минимум де-юре).

В начале февраля 2021 г. администрация Дж. Байдена подчеркнула, что окончательного решения по реализации договоренностей с «Талибаном» нет — требуется время для оценки ситуации и выработки итоговой схемы поведения⁴¹. Это означало, что с высокой долей вероятности военное присутствие США в Афганистане сохранится по состоянию на 1 мая 2021 г.⁴² При этом общая численность войск США уже резко сократилась — с 14 до 3,5 тыс., то есть в 4 раза⁴³, что свидетельствовало о достаточно динамичном процессе вывода войск. На этом фоне, игнорируя критическое отношение значительной части экспертного сообщества внутри ФРГ (Glatz & Kaim, 2020; Lacher, 2021), власти страны в конце февраля 2021 г. «продавили» очередную пролонгацию мандата контингента бундесвера в составе *Resolute Support*, притом не изменился его «потолок» (1,3 тыс. военнослужащих) и почти не сократилось финансирование (почти 0,4 млрд евро). Однако показательно, что мандат был продлен лишь до 1 февраля 2022 г.⁴⁴

Официальный Берлин неправильно трактовал паузу в принятии окончательного

⁴¹ Jenkins B.M. Getting Out of Forever Wars: What Are Biden's Options in Afghanistan? // RAND Corporation. March 12, 2021. URL: <https://www.rand.org/blog/2021/03/getting-out-of-forever-wars-what-are-bidens-options.html> (accessed: 06.06.2021).

⁴² Dobbins J. The Biden Administration's Afghanistan Challenge // RAND Corporation. March 16, 2021. URL: <https://www.rand.org/blog/2021/03/the-biden-administrations-afghanistan-challenge.html> (accessed: 06.06.2021).

⁴³ Biden will withdraw all U.S. forces from Afghanistan by Sept. 11, 2021 // Washington Post. April 13, 2021. URL: https://www.washingtonpost.com/national-security/biden-us-troop-withdrawal-afghanistan/2021/04/13/918c3cae-9beb-11eb-8a83-3bc1fa69c2e8_story.html (accessed: 06.06.2021).

⁴⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/26916, 24.02.2021. S. 2—4.

³⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 19/17287, 19.02.2020. S. 4—5.

⁴⁰ Der Abzug aus Afghanistan // BMVg, 23.04.2019. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/schwerpunkte/abzug-afghanistan> (accessed: 06.07.2020).

решения США — вместо «+» она в итоге получила значение «-»: 13 апреля 2021 г. администрация Дж. Байдена приняла окончательное решение о выводе войск. Дата первоначально была смещена с 1 мая на 11 сентября 2021 г.⁴⁵, что, разумеется, не меняло сути решения. Оно оказалось исключительно болезненным для истеблишмента ФРГ, что не могло не осознаваться в Белом доме: стремясь «подсластить пилюлю», в Берлин в этот день прибыл глава военного ведомства США Л. Остин⁴⁶. Сам факт визита министра (сложно представляемый в президентство Д. Трампа), а также характер переговоров и подчеркнутое стремление увеличить военное присутствие США в ФРГ (в противовес планам по его масштабному сокращению при Д. Трампе) иллюстрировали заинтересованность максимально ослабить негативное впечатление от планов США на афганском направлении.

США поставили Берлин в непростое положение, заставив его резко менять свою афганскую стратегию в очень сжатые сроки — тем более что обозначилась перспектива вывода войск США ранее, чем первоначально озвучивалось — уже к 4 июля 2021 г. (Дню независимости)⁴⁷. ФРГ проявила оперативность: поддержав на уровне НАТО решение о досрочном прекращении деятельности миссии «Решительная поддержка», германская сторона уже в конце апреля представила детальный план вывода войск (что свидетельствовало о его подготовке заранее) и стала планомерно его осуществлять. На территорию ФРГ было вывезено 800 контейнеров с военным имуществом, включающим почти 120 единиц боевой и вспомогательной назем-

ной бронетехники и шесть вертолетов⁴⁸. Вся созданная с участием Германии военная инфраструктура (главным образом на базе «Мармаль») безвозмездно передавалась властям Афганистана, притом было прекращено действие соглашения о временной передаче ФРГ соответствующих площадей на территории страны⁴⁹.

23 июня 2021 г. в Бундестаге состоялось обсуждение итогов использования бундесвера в Афганистане: вопреки весьма оптимистичной оценке министра обороны и председателя нижней палаты парламента (ХДС) остальные политические силы, прежде всего «Левая», «Зеленые» и «Альтернатива для Германии», подчеркнули неудачу 20-летних германских (и в целом многонациональных) усилий по обеспечению безопасности в Афганистане⁵⁰. С критическими оценками выступили представители свободных демократов и даже социал-демократов⁵¹, входившие в состав правительства «большой коалиции».

30 июня 2021 г. последние военнослужащие бундесвера убыли из Афганистана на родину. Символично, что они принадлежали к ССО и вылетали с аэродрома базы «Мармаль» — ключевого военного объекта с ведущим участием бундесвера в составе гарнизона⁵². Следует отметить, что военное присутствие ФРГ было окончательно свернуто всего за несколько дней (примерно за декаду) до совершения этого же акта самими США. Эти жесты должны были свидетельствовать о тактических успехах Германии в Афганистане, являясь, однако, слабым позитивным информационным фоном для стратегического провала.

⁴⁵ Biden will withdraw all U.S. forces from Afghanistan by Sept. 11, 2021 // Washington Post. April 13, 2021. URL: https://www.washingtonpost.com/national-security/biden-us-troop-withdrawal-afghanistan/2021/04/13/918c3cae-9beb-11eb-8a83-3bc1fa69c2e8_story.html (accessed: 06.06.2021).

⁴⁶ US-Amtskollege Austin zu erstem offiziellen Besuch bei Kramp-Karrenbauer // BMVg. 13.04.2021. URL: <https://www.bmv.g.de/de/aktuelles/us-amtskollege-austin-besuch-kramp-karrenbauer-5054716> (accessed: 06.06.2021).

⁴⁷ Der Abzug aus Afghanistan // BMVg. 23.04.2019. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/schwerpunkte/abzug-afghanistan> (accessed: 06.06.2021).

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Gemischte Bilanz des 20-jährigen Bundeswehreinsetzes in Afghanistan // Deutscher Bundestag. 23.06.2021. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2021/kw25-de-aktuelle-stunde-afghanistan-846928> (accessed: 06.06.2021).

⁵¹ Ibid.

⁵² Bundeswehr: der Abzug aus Afghanistan // Tagesschau. 30.06.2021. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/afghanistan/bundeswehr-abzug-afghanistan-107.html> (accessed: 06.06.2021).

Заключение

Несмотря на настойчивые попытки властей Германии сохранить военное присутствие в Афганистане, оно было свернуто, притом в ускоренном режиме и полностью: в отличие от США (и Турции) официальный Берлин в принципе не стал обозначать планов по сохранению символического контингента. С одной стороны, ситуация первой половины 2021 г. вновь продемонстрировала зависимость ФРГ от США в военно-политическом отношении, а с другой — она и ликвидировала значимое направление таковой. На других участках (прежде всего в Африке) степень ее полноты намного ниже.

В целом события апреля-июня 2021 г. на афганском направлении стали крупным провалом внешнеполитической стратегии ФРГ в целом. Эта неудача чувствительна для действующего истеблишмента как на ближайшую (с учетом выборов в Бундестаге в сентябре 2021 г.), так и более отдаленную перспективу — фактор наличия группировки бундесвера на Среднем Востоке выступал одним из важнейших компонентов обеспечения

движения ФРГ к положению полновесного глобального игрока. Восполнить образовавшуюся брешь будет весьма непросто; вероятнее всего, следует ожидать дальнейшей активизации политико-дипломатической и военной активности Германии в Западной, а также Северной Африке. При этом вопрос о целесообразности колоссальных разноплановых вложений в обеспечение безопасности Афганистана будет явно или латентно, но неизменно вставать при пролонгации каждого сколько-нибудь масштабного с точки зрения используемых ресурсов мандата Бундестага.

Проблемой для ФРГ, безусловно, станет развитие ситуации в самом Афганистане: с высокой долей вероятности «Талибан» окажется способен полностью или почти полностью «обнулить» результаты деятельности ФРГ по обеспечению безопасности в Афганистане (с опорой на нынешний официальный Кабул). В реалиях 2021 г. возможности Германии противодействовать этому весьма ограничены, и изменение данного положения станет исключительно сложной задачей во внешней политике Берлина на перспективу.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2020

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список / References

- Власов Н.А.* Уроки Гиндукуша: миссия бундесвера в Афганистане и политика безопасности ФРГ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 3. С. 108—121. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.309 [Vlasov, N. A. (2016). Lessons of the Hindu Kush: The mission of the Bundeswehr in Afghanistan and its impact on German security policy. *Saint Petersburg State University Bulletin. Series 6. Political Science. International relationships*, (3), 108—121. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2016.309>]
- Егоров А.И.* Стратегия Германии в конфликте вокруг Афганистана (2001—2003 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2012. Т. 11. № 1. С. 91—95. [Egorov, A. I. (2012). German strategy in the conflict over Afghanistan (2001—2003). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 11(1), 91—95. (In Russian).]
- Михайлин К.Н.* НАТО и ФРГ в начале XXI века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009а. № 1. С. 57—60. [Mikhailin, K. N. (2009a). NATO and Germany at early XXI century. *Scientific Bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political Science*, (1), 57—60. (In Russian).]
- Михайлин К.Н.* ФРГ и НАТО в Афганистане (2001—2008 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009б. № 101. С. 21—27. [Mikhailin, K. N. (2009b). The FRG and NATO in Afghanistan (2001—2008). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (101), 21—27. (In Russian).]
- Погорельская С.В.* Политика ФРГ в Афганистане: гражданский и военный вектор // Актуальные проблемы Европы. 2012. № 3. С. 190—209. [Pogorelskaya, S. V. (2012). German policy in Afghanistan: Civil and military vectors. *Current Problems of Europe*, (3), 190—209. (In Russian).]

- Хришкевич Т.Г. Зарубежные миссии бундесвера в начале XXI века // Псковский военно-исторический вестник. 2016. № 2. С. 176—183. [Khrishkevich, T. G. (2016). Foreign mission of the Bundeswehr in the early XXI century. *Pskov Bulletin of Military History*, (2), 176—183. (In Russian).]
- Bindenagel, J. D. (2010) Afghanistan: The German factor. *Prism*, 1(4), 95—112.
- Birtsch, N. (2017). Die USA setzen ihr militärisches Engagement in Afghanistan fort. *SWP-Aktuell*, (65), 1—4.
- Glatz, R. L., & Kaim, M. (2019). Der Wandel der amerikanischen Afghanistan-Politik. Folgen für die “Resolute Support Mission” der Nato. *SWP-Aktuell*, (11), 1—8.
- Glatz, R. L., & Kaim, M. (2020). Mandat verlängern — Abzug vorbereiten. Die Folgen des Abkommens der USA mit den Taliban vom Februar 2020. *SWP-Aktuell*, (18), 1—4. <https://doi.org/10.18449/2020A18>
- Glatz, R. L., Hansen, W., Kaim, M., & Vorrath, J. (2018). Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel. *SWP-Studie*, (7), 1—52.
- Hett, J. (2005). Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell. *ZIF Studien*, 1—30.
- Hilpert, C. (2014). *Strategic cultural change and the challenge for security policy: Germany and the Bundeswehr's deployment to Afghanistan*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137383792>
- Hochwart, M. A. (2009). *The provincial reconstruction teams in Afghanistan — a model for future nation-building operations*. Kansas: United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth, School of Advanced Military Studies.
- Kaim, M. (2013). Deutschlands militärischer Beitrag in Afghanistan nach 2014. *SWP-Aktuell*, (45), 1—4.
- Lacher, W. (2021). Unser schwieriger Partner. Deutschlands und Frankreichs erfolgloses Engagement in Libyen und Mali. *SWP-Studie*, (3), 1—39. <https://doi.org/10.18449/2021S03>
- Lombardi, B. (2008). All politics is local: Germany, the Bundeswehr, and Afghanistan. *International Journal*, 63(3), 587—606.
- Noetzel, T., & Rid, T. (2009). Germany's options in Afghanistan. *Survival*, 51(5), 71—90. <https://doi.org/10.1080/00396330903309865>
- Noetzel, T., & Schreer, B. (2008). Counter—what? Germany and counter-insurgency in Afghanistan. *The RUSI Journal*, 153(1), 42—46. <https://doi.org/10.1080/03071840802002094>
- Paul, M. (2009). CIMIC in the ISAF Mission. Conception, implementation and development of civil-military cooperation in the Bundeswehr abroad. *SWP Research Paper*, (5), 1—30.
- Roos, U. (2010). *Deutsche Außenpolitik. Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. <https://doi.org/10.1007/978-3-531-92355-0>
- Rudolf, P. (2013). ISAF geht — Rückzug oder Abzug? Was kommt danach? *Kompass (Katholische Militärseelsorge)*, (3), 7—8.
- Wörmer, N. (2013). Afghanistan am Scheitelpunkt der Transitionsphase. *SWP-Aktuell*, (14), 1—8.

Сведения об авторе: Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; ORCID: 0000-0001-7092-4864; e-mail: ltrunov@mail.ru

About the author: Trunov Philipp Olegovich — PhD in Political Sciences, Senior Research Fellow, Department of Europe and America, INION RAS; ORCID: 0000-0001-7092-4864; e-mail: ltrunov@mail.ru

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-571-582

Research article / Научная статья

Admission of Turkey into the European Union: “Does Religion Matter?”

Saroj K. Aryal¹, Adithyan Nair¹, Gaurav Bhattarai²

¹ University of Warsaw, Warsaw, Poland

² Tribhuvan University, Kathmandu, Nepal

sk.aryal@uw.edu.pl

Abstract. With the rising fear of Islamisation in Europe and increasing Islamist sentiment in Turkey, the issue of religion in the context of integration of Turkey into the European Union remains relevant. After a long-lasting wait and continuous negotiations, Turkey seems to be moving further away from getting accepted in the EU. The research focuses on the religious factor in this unrelenting friction between the two regions / entities and answers the question as to why the EU and Turkey should consider religion as one of the variables in the European integration. The analysis is done with the use of primary and secondary sources with special focus on Samuel Huntington’s realism-inspired work ‘Clash of the Civilization.’ Turkish sources were used for better understanding the dynamics of Turkey. In terms of methodological approach the research is done with using the content analysis and contemporary observation of socio-political scenario and behavioral changes that the EU and Turkey going through. The authors conclude that there is no proper mechanism to consider religion as a variable, but psychologically it is still playing a major role in both the EU and Turkey. The authors believe that the EU and Turkey should discuss the religious dimension of integration while talking other dynamics.

Key words: European Union, Turkey, Religion, European Integration, Turkey in EU

For citation: Aryal, S. K., Nair, A., & Bhattarai, G. (2021). Admission of Turkey into the European Union: “Does Religion Matter?”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 571—582. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-571-582>

Вступление Турции в Европейский союз: «Имеет ли религия значение?»

С.К. Арьял¹✉, А. Наир¹, Г. Бхаттарай²

¹ Варшавский университет, Варшава, Польша

² Университет Трибхуван, Катманду, Непал

✉sk.aryal@uw.edu.pl

Аннотация. На фоне растущего страха Европы перед исламизацией и обострения исламистских настроений в Турции религия по-прежнему представляет собой важнейший фактор в контексте интеграции Анкары в Европейский союз (ЕС). После длительного ожидания и непрерывных переговоров Турция все больше отдаляется от перспективы быть принятой в ряды ЕС. Выявляется роль религии в неослабевающих трениях между двумя регионами / субъектами и обосновывается тезис, что религию следует рассматривать в качестве одной из переменных европейской интеграции. Анализ опирается на первичные и вторичные источники с обращением к реалистско-ориентированному «Столкновению цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона. Для лучшего понимания динамики политических процессов в Турции использовались турецкие источники. С точки зрения методологического подхода исследование проводилось посредством контент-анализа и наблюдения за социально-политическими сценариями и поведенческими изменениями ЕС и Турции. В заключении сделан вывод, что надлежащий механизм для рассмотрения религии в качестве переменной отсутствует. Вместе с тем религия по-прежнему играет важную психологическую роль как в ЕС, так и в Турции. Выдвинута рекомендация по проработке Брюсселем и Анкарой религиозного измерения интеграции в контексте общей интеграционной динамики.

Ключевые слова: Европейский союз, Турция, религия, европейская интеграция, Турция в ЕС

Для цитирования: Aryal S.K., Nair A., Bhattarai G. Admission of Turkey into the European Union: “Does Religion Matter?” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 571—582. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-571-582

Introduction

The aim of the research is to address religion as one of the variables in the Turkish-European Union integration. As there have already been wide discussions regarding the economic and political aspects, very few scholars actually addressed the religious impact of the integration on both parties. In case of the positive outcome Europe as a traditionally Christian region, admitting a Muslim dominated country, is going to do the first step towards religious tolerance at the institutional level.

Turkey was defined as a modern, secular, and western state by the late 20th century leaders who followed the Atatürk tradition. Turkey allied with the NATO which was headed by the West in the Gulf War. At the same time, however, elements in Turkish society have supported an Islamic revival, and scholars have argued that Turkey is basically a Middle Eastern Muslim society. Likewise, due to Turkey’s mixed responses to global situations have made it a complex situation for scholars to classify the country into a particular civilization. Former

President Turgut Özal assumed that Turkey would never be a member of the European Union, emphasizing that “*we are Muslim, and they are Christian, and they don’t say that*” (Huntington, 1993).

The Turkish quest for the EU admission began after the signature of a Customs Union Agreement 56 with the EU in 1995. Turkey was officially recognized as a candidate for full membership on December 12, 1999 at the Helsinki summit of the European Council (Kubicek, 2005). Negotiations for full membership started on October 3, 2005 (Font, 2006). It was a slow progression and only 16 out of 35 chapters that were necessary to comply with the accession had been opened and one had been closed by May 2016. The early 2016 refugee deal between Turkey and the European Union was supposed to pace up the negotiations after previous stagnation and allow visa-free travel through Europe for Turks. Since 2016 accession negotiations have stalled. The EU accused and criticized Turkey for rights violations and deficits in rule of law. On 26 June

2018, the EU's General Affairs Council stated that "Turkey has been moving further away from the European Union"¹.

While Europe criticized about the planned Turkish policies which potentially violate the Copenhagen Criteria of Eligibility, the European members of the Union are hesitant to look at the advantages of Turkish admission into the Union. Turkey can contribute to Europe in various ways. Turkish addition to the Union can address and resolve some of the issues that Europe has been facing. Turkish membership could increase the economic potential of the European Union and could make Europe more competitive on the global arena. Turkey is no longer "a sick man of Europe," it experiences rapid economic growth over the last years. Furthermore, labor emigration from Turkey could help EU recover from its ageing population which affects the labor market (Modebadze & Mehmet, 2015). However, the EU's broadmindedness when it comes to religious tolerance is questionable. Although the European region may be known as the epicenter of liberalism and tolerance, the region has been facing a populist religious trend in politics (Foret, 2015).

From the late 19th century and onwards throughout the 20th century, several European states did not value the significance of the role of religion in international politics. As a result, when the EU institutions were established, they had no specific instruments for dealing with religious issues. "This changed when president of the European Commission Jacques Delors launched a dialogue with religious representatives. Religion also became part of the debate on the 'religious roots of Europe' during the negotiations on a Treaty establishing a Constitution for Europe, which was rejected in 2005. The Treaty of Lisbon² institutionalized the

¹ Peter M. EU Council issues strong message about Turkey's obligations // Cyprus Mail. July 26, 2018. URL: <https://cyprus-mail.com/2018/06/26/eu-council-issues-strong-message-about-turkeys-obligations/> (accessed: 12.02.2021).

² The Lisbon Treaty, also known as the Treaty of Lisbon, updated regulations for the European Union, establishing a more centralized leadership and foreign policy, a proper process for countries that wish to leave the

dialogue with representatives of confessional and philosophical organizations"³.

This research attempts to provide the answer to the question 'Why Islam is an important variable in Turkey's integration into the EU?' The central assumption is that church based identity politics in Europe has been strengthened and therefore religion plays a vital role for Turkey's acceptance into the European Union. Turkish-EU integration would symbolize Christianity's tolerance towards Islam and vice versa. In terms of theoretical framework the European-Turkish integration is analyzed from the perspective of classical realism and will be based on Samuel Huntington's "Clash of Civilizations." *The paper begins with a theoretical and methodological framework, and then discusses the general overview of religion as a variable in interstate relations with special focus on the contemporary state of religious factor in the discourse between the EU and Turkey.*

Theoretical Approach: What's Behind the Clash of Civilizations?

Classical realism with its special vision of human nature, power and interest is regarded as most suitable for sub-state account of religion. Accepting the pessimistic character of human nature the research proceeds from the assumption that the future wars would commence due to the religious differences among different civilizations.

Samuel Huntington predicts the shift away from Western power towards Asian and Islamic civilizations. The Islamic world has faced a recent religious resurgence in which modernization played an important role. As people migrate from their family structures into cities in search of industrial jobs, they often lose their old sense of identity. In the absence of strong family or community ties, religion

Union, and a streamlined process for enacting new policies.

³ Perchoc P. Religion and EU's external policies // European Parliamentary Research Service. February 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/646173/EPRS_IDA\(2020\)646173_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/646173/EPRS_IDA(2020)646173_EN.pdf) (accessed: 16.02.2021).

presents a good alternative for building a new identity. Huntington argues that the rise of Islam contributes to religious riots and religious political agendas. As a result the Muslim civilization becomes less stable. However, he acknowledges the influence of Islamic societies in international politics mostly due to their demographic growth and cultural confidence.

Huntington explains that the Western desire to exert its influence and dominate the world leads to conflict with Muslim countries and China, which gained in strength and refuses to succumb to Western dominance. Huntington (1993) states that moving forward the West will have to compromise on issues such as militarization, human rights, refugees and immigrants, which are traditionally conflict-prone.

Turkey being a Muslim dominated country with rising Muslim sentiment is susceptible to the potential Western religious and cultural dominance. According to Huntington (1996), Turkey is a ‘torn’ country, in the sense that its leaders typically wish to pursue a bandwagon strategy and make the country member of the West. But Turkish history, culture and traditions are far from being Western. Purely on an analytical note, considering the conflicts that have occurred in the past due to religion, the potential inclusion of Turkey into the European Union can mean that Huntington’s theory is most likely to come into play.

Role of Religion in Shaping Inter-State Relations

Religion has consistently been rejected in international relations. Scott Thomas (2000) and Jeffrey Haynes (2007) provide some answers to the question how religion matters in the international sphere. By critically evaluating possible dimensions of religion relevant for International Relations (IR) (religion as ideology, identity, trans-national idea, actor, soft power, civilization or culture), Thomas argues that in order to avoid essentialism and account for change, religion is best intellectualized as interpretive communities. This point is methodologically important, but the possibility to analyze religion through multiple dimensions based on that premise is not excluded. Haynes’s

theory views religion as a soft power. Foreign policies can be influenced or motivated by religious groups. Both authors stress that “religion as transnational idea and competing vision of international society influences IR primarily by challenging the universality of IR norms (such as sovereignty, territorial integrity, non-intervention) and the very the foundation of the Westphalian system. However, they do not go far enough to show possible ways in which the relationship between religion as (changeable) belief / ideas and action / policies can methodologically be approached” (Sheikh, 2012).

Jonathan Fox points out three ways how religion influences international politics. First, it affects foreign policies through the individual beliefs of actors. Second, it gives legitimacy for support or criticism of government behavior. Third, it can transform local issues into international issues (Fox, 2001). In his book on ethno-religious conflicts, he proceeds to argue that religion qua its multiple functions appears to work in the same way as ethnic identification (Fox, 2002).

The world history is rich in examples of religious conflicts and wars. The biggest of this would be the Thirty Years War in Europe, a 17th-century religious conflict fought primarily in Central Europe. It remains one of the longest and most brutal wars in human history, with more than 8 million casualties resulting from military battles as well as from the famine and disease caused by the conflict. The war lasted from 1618 to 1648, starting as a battle among the Catholic and Protestant states that formed the Holy Roman Empire⁴.

Another modern-day example of religious conflict would be India — Pakistan relations. Pakistan, an Islamic republic has been having border disputes and continuous diplomatic struggles with its neighbor India, who as declared in the Constitution of India, is a secular nation but meanwhile is witnessing a rising Hindu nationalistic government. The Kashmir conflict, a territorial conflict over the Kashmir

⁴ The Thirty Years War // New Advent. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/14648b.htm> (accessed: 16.02.2021).

region was the main source of conflict, primarily between India and Pakistan, with China playing a third-party role. The conflict started after the partition of India in 1947, as both India and Pakistan claimed the entirety of the former princely state of Jammu and Kashmir⁵.

Although religious conflicts usually occur between two different religions, even communities with the same religious roots might have conflicts. A widely televised example of this situation would be the Shia and Sunni conflict. Although both communities have the same religious roots, today they have different religious practices, customs, and traditions. The 2011 Bahraini uprising showcased the Shia-Sunni conflict. Although the Bahraini population mainly consists of Shia Muslims, the ruling family that governs Bahrain is Sunni. The Bahraini protests were initially aimed at achieving greater political freedom and equality for the majority Shia population, and expanded to a call to end the monarchy of Hamad Bin Isa Al Khalifa. This shows that religion should also be considered as a driving factor during the integration of two different communities of the same religion⁶.

Rise of Islamophobia Post-9/11 War and after Trump Administration

The relevancy of religion in contemporary politics was clearly demonstrated during the 4-years presidency of Donald Trump who used anti-Muslim sentiments as the main factor in his political campaign. According to the NBC study, issued in December 2015, 25 % of Americans supported Trump's Muslim ban. In four months, Trump's Muslim ban gained more than 51 % support. This increase comes because of Trump's rising Islamophobic publicity and shows that he used the chance to use this wave to reach the climax in his political journey (Sunar, 2017).

⁵ Dalrymple W. The great divide // *The New Yorker*. June 22, 2015. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2015/06/29/the-great-divide-books-dalrymple> (accessed: 13.02.2021).

⁶ McEvers K. Bahrain: The Revolution that wasn't // *NPR*. January 5, 2012. URL: <https://www.npr.org/2012/01/05/144637499/bahrain-the-revolution-that-wasnt> (accessed: 13.02.2021).

The government initiated a political movement against American Muslims. "Trump supporters attacked, harassed, or plotted to kill Muslims during the election cycle, proving a potential link between Trump's rhetoric and the actions of supporters"⁷.

U.S having an influential soft power has also contributed to the rising (of) Islamophobia in Europe. Taking the example of Ander Breivik, a 32-year-old Norwegian that bombed a government building in Oslo killing 8 people and also shooting 68 people to death after the bombing in 2011. Breivik's manifesto contains numerous footnotes and in-text citations to American bloggers and pundits, quoting them as experts on Islam's "war against the West." This small group of anti-Muslim organizations and individuals in our nation is obscure to most Americans but wields great influence in shaping the national and international political debate. Their names are heralded within communities that are actively organizing against Islam and targeting Muslims in the United States⁸.

The above examples of the conflicts that occurred during the Early Modern period of Europe and in current time, the rise of Islamophobia in the United States and the influence it can have on other countries show that religion has been and still is a very influential factor in politics.

Assessment of Negotiations between the EU and Turkey

Turkey has been trying to attain the EU membership since 1963, but it was not until the late 1990s, with the establishment of the Customs Union in 1996, that the EU gave some positive signals to Turkey that it could be a potential candidate. However, Turkey's expectations of fast-tracking the process of

⁷ Mathias C. 6 Rules of Islamophobia in America // *Huffington Post*. January 23, 2017. URL: https://www.huffpost.com/entry/islamophobia-america_n_587cf491e4b0e58057ff98e0 (accessed: 13.02.2021).

⁸ Ali W., Clifton E., Duss M., Fang L., Keyes S., Shaker F. The Roots of the Islamophobia Network in America // *The Center for American Progress*. August 26, 2011. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/religion/reports/2011/08/26/10165/fear-inc/> (accessed: 13.02.2021).

joining the EU were quickly and unexpectedly hindered. The 1997 Luxembourg European Council launching the enlargement process included the Central and Eastern European countries (CEEC), but excluded Turkey. The country felt it had been ‘leapfrogged’ by the post-communist applicants (Neuwahlm, 1999). Two years later the EU granted Turkey candidate status. At that point Turkey was excluded from opening accession negotiations, while 12 other candidates conducted accession talks or were invited to do so starting from 2000.

The negotiations surrounding the Helsinki summit were quite challenging for Turkey as some European countries, namely Greece and Sweden, expressed their objections towards the Turkish candidacy (Hale, 2000). However, this issue did not lead to insurmountable disagreements as very few in the EU trusted Turkey’s capacity to improve its democratic credentials and even less perceived Turkey’s future membership as being a real option. At that time, the EU commitment to Turkey merely seemed like a symbolic gesture. Not surprisingly, the 2000 Nice Treaty included the 12 candidates in the distribution of institutional power sharing, but left Turkey out.

The unanticipated consequences of the 1999 institutional arrangement became visible three years later. The formalization of Turkey’s candidacy, while surrounded by scepticism within the EU on chances of meeting the membership requirements, it encouraged a self-reinforcing two-way process: on the applicant’s side, it increased Turkey’s incentives to progress in fulfilling the 1993 Copenhagen criteria⁹; on the EU side, it fostered political and financial cooperation with the candidate and took a step forward towards accession. In the light of the progress made by the candidate and the EU, in 2002, as the EU agenda included deciding on a date to start accession negotiations, Turkey’s

membership unexpectedly and for the first time appeared a plausible option for many of the European elite. The increasing confidence in Turkey’s chances of improving its democratic performance in turn led to objections being raised by certain European partners and the issue of Turkey’s accession became a highly sensitive topic on both the EU and national agendas. The EU concluded that accession talks with Turkey would be opened without delay if by December 2004 the candidate met the political criteria — institutions guaranteeing democracy, the rule of law, human rights and respect for and protection of minorities, based on the recommendations from the Commission.

“Following the 2002 Council’s resolution the controversy over Turkey’s membership became even more intense: the issue of Turkey’s accession divided public opinion, captured a lot of attention in European media and generated intense debate within EU institutions. However, even though Turkey’s accession divided the European elite and public opinion, progress following the 2002 confirmation of EU commitment with the candidate nurtured the post-Helsinki institutional dynamics. Based on a long-awaited recommendation by the Commission, in December 2004 the European Council gave the green light to Turkey’s accession by deciding to start negotiations in October 2005, despite the outcome not being guaranteed beforehand” (Font, 2006). This showed the world that Europe was not religiously intolerant and was a huge step towards portraying the world as a liberal region that it is known for now.

The Helsinki agreement initiated a different institutional course of action and generated new institutional dynamics with a series of self-reinforcing effects. First, it created new expectations and incentives on the applicant’s side to make progress in fulfilling the Copenhagen conditions. Turkey adopted far-reaching constitutional, legislative and policy reforms in order to meet the political criteria. Second, a more proactive and cooperative strategy was in action rather than the EU’s traditional containment strategy. In particular, an Accession Partnership was offered by the EU

⁹ The Treaty on European Union sets out the conditions (Article 49) and principles (Article 6(1)) to which any country wishing to become an EU member must conform. Certain criteria must be met for admission. These criteria (known as the Copenhagen criteria) were established by the Copenhagen European Council in 1993 and strengthened by the Madrid European Council in 1995.

which was built on enhanced political dialogue and financial assistance. Third, opinions were changing amongst the member states and Turkey's accession was viewed as a plausible option in the long run. Fourth, it reduced the range of possible EU options to those having a treaty-based legitimacy and framed them within the post-Helsinki institutional dynamic. This means that the EU abandoned the idea of elevating a Christian culture to the status of membership and rejected the possibility of giving the candidate a 'privileged partnership' instead of the prospect of membership¹⁰.

Religion in the EU and Turkey

Spread of Fear of Islamisation in Europe

Islamisation is the process of bringing someone or something under the influence of Islam or Islamic rule. Ever since the increased immigration of workers from countries like Turkey, Pakistan, India and Central Asian, the fear of Islamisation in Europe has drastically increased. There have been several incidents of terrorism between the two religions in Europe¹¹.

The Charlie Hebdo incident in Paris was one of the most widely covered stories by the media (such as the Guardian and BBC). In 2012 Charlie Hebdo, famous for its satirical attacks on political and religious leaders, published cartoons of the Islamic Prophet Mohammed, forcing France to temporarily close embassies and schools in more than 20 countries amid fears of reprisals. On 7 January 2015, brothers Chérif and Saïd Kouachi stormed the Paris offices of Charlie Hebdo in the Rue Nicolas-Appert before opening fire on its staff and murdering 11 people including five of the satirical magazine's cartoonists. A police officer was murdered outside the building. The Kouachis were killed in

¹⁰ Mirel P. European Union-Turkey: from an illusory membership to a "Privileged Partnership" // Foundation Robert Schuman. June 16, 2017. URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0437-european-union-turkey-from-an-illusory-membership-to-a-privileged-partnership> (accessed: 13.02.2021).

¹¹ Research Findings // European Union Agency for Fundamental Rights. URL: <https://fra.europa.eu/en/databases/anti-muslim-hatred/research-findings?page=3> (accessed: 13.02.2021).

a shootout with police two days later¹². Turkish reaction to the incident was mixed. R.T. Erdoğan announced his condolences and said that no religion supports terrorism and that this act of terrorism should not be associated with the Muslim religion. Ali Sahin, a Turkish official said that the attack was staged like in a movie¹³.

Franco-Turkish tensions have further increased due to France's accusations against Turkey about sending Syrian Jihadists to Nagorno-Karabakh conflict. Turkey supports Muslim nation Azerbaijan whereas France has shown its support to Armenia. On his arrival at the EU summit in Brussels Macron declared, "We now have information which indicates that Syrian fighters from jihadist groups have (transited) through Gaziantep (south-eastern Turkey) to reach the Nagorno-Karabakh theatre of operations. It is a very serious new fact, which changes the situation"¹⁴.

Another reason for the upsurge of Islamophobia in Europe is because of the rise of right-wing politicians in Europe with their agendas focused on Islamophobia and used as a political leverage. As Europe was experiencing a downfall in public welfare due to the economic crisis, extreme-right parties developed a perception which viewed immigrants as not primary citizens of their countries, and adopted discourses blaming immigrants and especially Muslims as a burden on their national economy. Although it is wrong to approach all extreme-right parties in Europe like they are identical organizations, these have certain common characteristics. By their nature they are inclined to be authoritarian, radical, populist, nationalist and racist as well as having sceptical approaches

¹² Charlie Hebdo: Fourteen guilty in 2015 Paris terror attacks trial // BBC. December 16, 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-55336094> (accessed: 13.02.2021).

¹³ Idiz S. Mixed Turkish reaction to Paris massacre // Al-MONITOR. January 11, 2015. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2015/01/turkey-france-paris-attacks-turkish-reactions.html> (accessed: 13.02.2021).

¹⁴ Irish J., Rose M. France accuses Turkey of sending Syrian jihadists to Nagorno-Karabakh // Reuters. October 1, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-armenia-azerbaijan-putin-macron-idUSKBN26L3SB> (accessed: 13.02.2021).

towards globalization and European integration (Kedikli & Akça, 2018).

There have been several agendas and actions taken by political parties in European countries that showcase the intolerance of Europe towards Islam. For instance, France which is the home of more than five million Muslims has banned the use of veil in the public spaces in 2011 (Lucas, 2011). In Austria, Islamophobia is frequently exploited by populist parties such as Austria Freedom Party (Freiheitliche Partei Österreichs — FPÖ) which was founded in 1956. It utilized the concept of Islamophobia in the parliament elections in 1999 for the first time. Their Islamophobia based election campaign was launched in 1999 and continued in their Vienna election campaigns in 2005 (Sezgin, 2019). They added a new dimension to it by using the billboards full of mottos such as “Pummer’s Bell instead of Muezzin,” “Vienna First! Instead of Turkey in the EU.” Furthermore, it was emphasized that immigration of Muslims needs to be opposed because they represent a threat to Europe.

Norway, a country that is deemed as tolerant, also witnessed a hate crime against Muslims by Anders Behring Breivik which resulted in the deaths of seventy-seven innocent people. Breivik stated that he was against multiculturalism and foreigners, and that Islam is a dangerous religion (Bangstad, 2014).

In Sweden, members of a far-right group (Stram Kurs) burned a copy of the Quran and this act was publicized by posting a video of it on social media, Rasmus Paludan being the main initiator and leader of the party¹⁵.

The hate speech has escalated into such a level that there have been groups formed that act as a catalyst to increase the spread of Islamophobia. SIOE (Stop Islamisation of Europe) is one of those groups that went global. It is a political interest group which has been active in Denmark. It arranges protests and mainly communicates using the website¹⁶. The

¹⁵ Sweden: Far-right activists burn copy of Quran, plan more stunts // Al Jazeera. September 10, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/9/10/sweden-far-right-activists-burn-copy-of-quran-plan-more-stunts> (accessed: 15.02.2021).

¹⁶ Stop Islamisation of Europe (SIOE), also known as Stop the Islamification of Europe, is a group with the

group says that its aim is to oppose Islamic extremism; it has the motto “Racism is the lowest form of human stupidity, but Islamophobia is the height of common sense.” A branch of SIOE has also been set up in Poland in 2007.

While Islamophobia continues in Europe, it is worth mentioning that Europe has taken some key steps to ensure the safety of the Muslim community and to stop these hate speeches and crimes. The Charter of Fundamental Rights could be considered as the beginning of actions of the EU against racism and Islamophobia. This charter gained status of joint declaration of three bodies after it was executed by the chairman of the Council and Commission on April 5, 1977¹⁷. The “International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination” was signed on April 1, 1969¹⁸. This agreement forbids all sorts of racial, ethnical, national discrimination, exclusion, and privilege. Although 178 countries have signed this agreement, there are several signatory countries of this treaty that have showed examples of racism, islamophobia, hate crimes and hate speeches like Germany, Hungary, Austria, and Norway.

Increase of Muslim Sentiment in Turkey

Although Turkey has shown signs of westernization, the Justice and Development Party (AKP), Turkey’s democratically elected ruling party since 2002, brings to the philosophical debate on Islamist parties and

stated goal of “preventing Islam from becoming a dominant political force in Europe.” It is a political interest group which has been active in Denmark and has conducted anti-Islamic protests in the United Kingdom. The group originated out of the joining of the Danish group Stop Islamisation of Denmark with English anti-Islam activists. The group says that its aim is to oppose Islamic extremism; they have the motto “Racism is the lowest form of human stupidity, but Islamophobia is the height of common sense.”

¹⁷ The Charter of Fundamental Rights // European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/fiches_techniques/2013/010106/04A_FT\(2013\)010106_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/fiches_techniques/2013/010106/04A_FT(2013)010106_EN.pdf) (accessed: 15.02.2021).

¹⁸ International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination // United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. January 4, 1969. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cerd.aspx> (accessed: 16.02.2021).

democracy. Unlike the Virtue Party and Welfare Party, the AKP broke from its traditional Islamist predecessors under the leadership of Recep Tayyip Erdoğan, refrained from making references to religion and termed itself as conservative democrat party (Çavdar, 2006). Some scholars and politicians say that the conservative perspective of politics that AKP maintains is quite like Christian Democratic parties in Western Europe (Turunc, 2007). All in all, the AKP appears less as an Islamist party and more as one that is pro-Western, pro-Market, and populist.

Even though AKP is trying to provide a pro-Western and pro-market image internationally, AKP in Turkey has Islamist origins. It was established by the reformist wing of the MGH (Millî Görüş Hareketi)¹⁹ in 2001. The leaders of the party claimed to have abandoned the regressive Islamist outlook for democracy and human rights. Immediately after seizing power in 2002, AKP started democratization reforms aimed at fulfilling the Copenhagen criteria of the EU for strengthening democracy in Turkey (Yilmaz & Bashirov, 2018). This led some scholars to argue that the party ‘embraced a process of moderation and pragmatic change’ over ideological objectives, and hence gave us ‘the best picture we have so far of what Muslim Democracy might become and what it might stand for’ (Nasr, 2005). Scholars argued that AKP pragmatically embraced notions of democracy to survive in power, reframe its image as a democratic actor, and gain the support of the EU and those segments of society that previously did not vote for Islamist parties, such as Kurds, liberals and the Gülen movement (Dagi, 2008).

In Turkey, political agendas are not religious in any sense. Rather the political regime has increasingly turned into a radical Muslim one and currently carries some of the most important features of such a regime. The change of the political regimes can be witnessed by the change

in the Turkish educational system. Due to AKP’s political regimes the education centers and schools now promote its Islamist ideology and ‘capture the minds’ in Turkey (Kandiyoti & Emanet, 2017). The national education curriculum was emptied of philosophy, secular principles, and Darwin, and filled with religion and history courses that glorify jihad and martyrdom. AKP’s Islamism demonstrated itself in the party’s foreign policy as well. Particularly since the failed coup attempt in 2016, the AKP government grew increasingly anti-Western in its outlook. It went so far as accusing the US and EU of being behind the failed coup of 15 July 2017 (Yilmaz, 2014). Erdoğan brought back religion-civilizational animosity against the West in his rhetoric. Today, Erdoğan and his media constantly propagate the existence of a holy warfare between the Muslims and the Christian West and claim that the latter is bent on the former’s destruction²⁰.

Finally, a growing trend in AKP’s Turkey has been the rising status of regime-connected religious scholars such as the head of Diyanet Mehmet Görmez and columnist / scholar Hayrettin Karaman, who have become instrumental in legitimizing the regime’s policies through various Islamic injunctions like fatwas and declarations. Görmez made statements in support of the AKP government’s newly emerging radical Islamist rhetoric attacking abortion, women’s rights, and the New Year’s celebrations [Öztürk 2016]. Furthermore, both Görmez and Karaman utilised a *jihadist takfiri* rhetoric to demonize the regime’s opponents such as the Kurdish nationalists and the Gülenists and labelled them as ‘out of Islam’ and ‘heretics.’ This shows that the level of Islamic extremism is gradually increasing amongst the Turkish scholars.

Religion and Turkey’s Admission to EU

For many, Turkey is a state with a rather religious Muslim population that threatens the

¹⁹ Millî Görüş is a religio-political movement and a series of Islamist parties inspired by Necmettin Erbakan. It has been called one of “the leading Turkish diaspora organizations in Europe” and described as the largest Islamic organization operating in the West.

²⁰ Le Miere J. Muslims and Christians at War in Europe, Turkey Warns, Lamenting ‘Clash between the Cross and the Crescent’ // Newsweek. March 17, 2017. URL: <http://www.newsweek.com/erdogan-islam-christianity-battle-europe-569792> (accessed: 16.02.2021).

Western arrangement of religion and politics. This is not due to its Western inspired Kemalist ‘separation’ of religion and the state at the institutional level (which in practice amounts to state control and subjugation of, rather than state separation from religion (Fox, 2008, pp. 246—247; Jung & Rauvere, 2008), but because of it being a Muslim country. It is argued that Turkey lacks Western-style secularism (Hurd, 2006) and some fear an ‘Islamization of Europe’ through Turkish accession (Tibi, 2006).

Furthermore, Turkey would be the first country with a predominantly Muslim population to join the Christian dominated EU and it is known that the matter of religion has a long history in the EU integration. Observers argue that Christian and mostly Catholic politicians initiated European integration (Kaiser, 2007; Madeley, 2010), and some observers claim that the integration ‘was an act of the political imagination of Christian democracy’ (Thomas, 2005, p. 167). While drafting the EU Constitutional Treaty, the debate to add a reference about god was proof that Christian roots were present in the EU (Waschinski, 2007).

Additionally, various EU member states have subtly indicated that they are not in favor of Turkish accession due to the difference in religious identity. Belgium, for example, was initially in favor of Turkish membership but recently its stance has shifted when Prime Minister Charles Michel requested an end to these negotiations of accession. He pointed out Erdoğan’s departure from European values and stressed that diplomatic relations were deteriorating swiftly under the autocratic president which indicates Erdoğan’s rigid behavior regarding religious freedom of expression²¹. France has been consistently against this accession, although recently there has been no discussion from President Macron’s side. Europe is portrayed as a region with an exclusive identity rooted in history, culture and religion (Union for a Popular Movement) by members (Aydin-Düzgit, 2009). “To act

together, in the fields of sovereignty, one has to be equipped with democratic institutions! Because this is the second aspect of the community or federal approach. Where there is power, there also must be democracy... And for democracy to be able to function the European citizens must have sufficient common points of references, they must share a vision of the world and of man. There is no political unity without a cultural unity!” (Aydin-Düzgit, 2009). In the quotation above, extracted from a speech where the UDF leader Bayrou lists his objections to Turkey’s accession to the EU, representative democracy in the nation-state model is projected onto Europe, requiring culturally unified European citizens.

Finally, the Turkish membership debate is predominantly framed in terms of threat to the EU economy, culture and security of EU citizens (de Vreese et al., 2011). The cultural threat and the clash of civilization frames suggest religion playing an important but also controversial role in the mass mediated accession debate.

Conclusion

The European Union has no religious prerequisite that stops Turkey from being a part of the EU which already establishes that EU is a tolerant union. Although the EU has taken various countermeasures against islamophobia as stated above, its effectiveness is questionable. Turkish admission into EU can benefit the region both economically and is also advantageous to acquire the status of the most tolerant region in the world.

Turkish admission can also have a positive impact on the EU and help the region to combat with its demographic and labor shortage problems. But this is only possible if Turkish immigrants are viewed as an asset and not as a threat.

Religion comes into play when addressing this accession due to some countries that wish to keep the EU as a club of Christian nations. For the EU to move forward from its inward looking, imbalanced, and disproportionate focus on the older partners, embracing Turkey would alter the political and cultural outlook of the entire bloc. With the rising disputes in the region regarding religion, this status booster can prove to be

²¹ Schuster K. Turkey — EU relations: Which countries are for and against Turkish accession? // DW News. September 6, 2017. URL: <https://www.dw.com/en/turkey-eu-relations-which-countries-are-for-or-against-turkish-accession/a-40381533> (accessed: 16.02.2021).

crucial for the region in order to be example for other countries.

This accession can also be a striking example for the democratization of the Muslim world. Turkey could become a successful example of democratization for other Muslim states. Turkey could prove that Islamic values are compatible with liberal democratic values. The number of Muslim democracies could increase considerably if Turkey becomes the member of the European Union and joins the club of liberal democratic countries.

Turkey will have ample number of opportunities to increase their pace of development after the accession into the EU. This accession will help Turkey in fighting corruption, maintaining macroeconomic stability, free movement of labor which will allow Turkey to transfer the surplus labor force to Europe etc.

According to the research conducted above, it can be concluded that religion can act as a variable from the perspective of classical realism. As political agendas are being derived

worldwide from religious roots (for example, Islamic law from Quran and Church politics), the countries are facing a surge of religious politics and this enhances the relevancy of religion when it comes to relation between states. In the EU, due to the absence of formal voting system, the member states must reach general agreement. This is usually the most used decision-making process within the EU council. So, it is extremely important for the EU to minutely observe the domestic political escalation in some of the member states regarding religious non-toleration.

Furthermore, the inclusion of Turkey in into EU would improve Muslim — Christian, East — West relations with a single move, one that could have significant ramifications for the entire world. The unique political, social, and cultural character of Turkey, inherited from its transformation from an Islamic caliphate into a republic, means that the symbolism associated with Turkey's entry into the EU would have far greater effect in the long-term.

Received / Поступила в редакцию: 21.03.2021

Accepted / Принята к публикации: 10.06.2021

References / Библиографический список

- Aydin-Düzgüt, S. (2009). Constructing Europe through Turkey: French perceptions on Turkey's accession to the European Union. *Politique Européenne*, 3(29), 47—82. <https://doi.org/10.3917/poeu.029.0047>
- Bangstad, S. (2014). *Anders Breivik and the rise of Islamophobia*. London: Zed books.
- Çavdar, G. (2006). Islamist "New Thinking" in Turkey: A model for political learning? *Political Science Quarterly*, 121(3), 477—497.
- Dagi, I. (2008). Islamist parties and democracy: Turkey's AKP in power. *Journal of Democracy*, 19(3), 25—30. <https://doi.org/10.1353/jod.0.0015>
- De Vreese, C. H., Boomgaarden, H. G., & Semetko, H. A. (2011). (In)direct framing effects: The effects of news media framing on public support for Turkish membership in the European Union. *Communication Research*, 38(2), 179—205. <https://doi.org/10.1177/0093650210384934>
- Font, N. (2006). Why the European Union gave Turkey the green light. *Journal of Contemporary European Studies*, 14(2), 197—212. <https://doi.org/10.1080/14782800600892259>
- Foret, F. (2015). *Religion and politics in the European Union: The secular canopy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fox, J. (2001). Religion as an overlooked element of International Relations. *International Studies Review*, 3(3), 53—73.
- Fox, J. (2002). *Ethnoreligious conflict in the late twentieth century*. Lanham: Lexington Books.
- Fox, J. (2008). State religious exclusivity and human rights. *Political Studies*, 56(4), 928—948. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00724.x>
- Hale, W. (2000). *Turkish foreign policy, 1774—2000*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haynes, J. (2007). *An introduction to International Relations and religions*. 1st edition. Harlow: Pearson Education.
- Huntington, S. P. (1993). The clash of civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22—49. <https://doi.org/10.2307/20045621>
- Huntington, S. P. (1996). *Clash of the civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon & Schuster.
- Hurd, E.S. (2006). Negotiating Europe: The politics of religion and the prospects for Turkish accession. *Review of International Studies*, 32(3), 401—418. <https://doi.org/10.1017/S026021050600708X>

- Jung, D., & Rauvere, C. (2008). *Religion, politics and Turkey's EU accession*. London: Palgrave Macmillan.
- Kaiser, W. (2007). *Christian democracy and the origins of European Union*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kandiyoti, D., & Emanet, Z. (2017). Education as a battleground: The capture of minds in Turkey. *Globalizations*, 14(6), 869—876. <https://doi.org/10.1080/14747731.2017.1325170>
- Kedikli, U., & Akça, M. (2018). Rising Islamophobic discourses in Europe and fight against Islamophobia on the basis of international organizations. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 9(1), 9—23. <https://doi.org/10.2478/mjss-2018-0001>
- Kubicek, P. (2005). Turkish accession to the European Union: Challenges and opportunities. *World Affairs*, 168(2), 67—78.
- Lucas, M. H. (2011). Understanding the French ban on the veil. *Economic and Political Weekly*, 46(18), 25—27.
- Madeley, J. (2010) E Unum Pluribus: The role of religion in the project of European integration. In J. Haynes (Ed.), *Religion and politics in Europe, the Middle East and North Africa* (pp. 114—135). London: Routledge.
- Modebadze, V., & Mehmet, F. (2015). Why Turkey should join the European Union: Arguments in favor of Turkish membership. *Journal of Liberty and International Affairs*, 1(2), 1—9.
- Nasr, S. V. R. (2005). The rise of “Muslim democracy”. *Journal of Democracy*, 16(2), 13—27. <https://doi.org/10.1353/jod.2005.0032>
- Neuwahlm, N. (1999). The EU — Turkey Customs Union: A balance, but no equilibrium. *European Foreign Affairs Review*, 4(1), 37—62.
- Öztürk, A. E. (2016). Turkey's Diyanet under AKP rule: From protector to imposer of state ideology? *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*, 16(4), 619—635. <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1233663>
- Sezgin, Z. (2019). Islam and Muslim minorities in Austria: historical context and current challenges of integration. *International Migration & Integration*, 20, 869—886. <https://doi.org/10.1007/s12134-018-0636-3>
- Sheikh, M. (2012). How does religion matter? Pathways to religion in International Relations. *Review of International Studies*, 38(2), 365—392.
- Sunar, L. (2017). The long history of Islam as a collective “Other” of the West and the rise of Islamophobia in the U.S. after Trump. *Insight Turkey*, 19(3), 35—52. <https://doi.org/10.25253/99.2017193.03>
- Thomas, S. (2000). Religion and international conflict. In K. Dark (Ed.), *Religion and International Relations* (pp. 1—23). London: Macmillan.
- Thomas, S. (2005). *The global resurgence of religion and the transformation of International Relations. The struggle for the soul of the twenty-first century*. New York: Palgrave Macmillan.
- Tibi, B. (2006). Europeanizing Islam or the Islamization of Europe: Political democracy vs. cultural difference. In T. A. Byrnes & P. J. Katzenstein (Eds.), *Religion in an expanding Europe* (pp. 204—224). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491917.009>
- Turunc, H. (2007). Islamicist or democratic? The AKP's search for identity in Turkish politics. *Journal of Contemporary European Studies*, 15(1), 79—91. <https://doi.org/10.1080/14782800701273417>
- Waschinski, G. (2007). *Gott in die Verfassung?: Religion und Kompatibilität in der Europäischen Union*. Baden-Baden: Nomos.
- Yilmaz, I. (2014). Religious freedom, the Muslim identity and the secularist social-engineering project in Turkey. *Quaderni di Diritto e Politica Ecclesiastica*, (1), 197—204.
- Yilmaz, I., & Bashirov, G. (2018). The AKP after 15 years: Emergence of Erdoganism in Turkey. *Third World Quarterly*, 39(9), 1812—1830. <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1447371>

About the authors: *Aryal Saroj Kumar* — PhD Researcher, Doctoral School of Social Science, University of Warsaw; ORCID: 0000-0001-5094-3590; e-mail: sk.aryal@uw.edu.pl
Nair Adithyan — Graduate Student, University of Warsaw; ORCID: 0000-0002-8542-4851; e-mail: a.nair2@student.uw.edu.pl
Bhattarai Gaurav — Assistant Professor, Department of International Relations and Diplomacy, Tribhuvan University; ORCID: 0000-0003-1471-5763; e-mail: gaurav.bhattarai@dird.tu.edu.np

Сведения об авторах: *Арьял Сародж Кумар* — аспирант Школы социальных наук Варшавского университета; ORCID: 0000-0001-5094-3590; e-mail: sk.aryal@uw.edu.pl
Наур Адитьян — магистрант Варшавского университета; ORCID: 0000-0002-8542-4851; e-mail: a.nair2@student.uw.edu.pl
Бхаттарай Гаурав — доцент кафедры международных отношений и дипломатии Университета Трибхуван; ORCID: 0000-0003-1471-5763; e-mail: gaurav.bhattarai@dird.tu.edu.np

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-583-586

Рецензия на книгу:
**The New Regional Order in the Middle East:
Changes and Challenges / Ed. by S. Bazoobandi.**
London, New York: Palgrave Macmillan, 2020. 141 p.

А.М. Бребдани , **Ш.Р.К. Аль-Махмадава**
Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
[✉ ammarbre1@gmail.com](mailto:ammarbre1@gmail.com)

Для цитирования: Бребдани А.М., Аль-Махмадава Ш.Р.К. Рецензия на книгу: The New Regional Order in the Middle East: Changes and Challenges / Ed. by S. Bazoobandi. London, New York: Palgrave Macmillan, 2020. 141 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 583—586. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-583-586

Book review:
**Bazoobandi, S. (Ed.). (2020). The New Regional Order in the Middle East:
Changes and Challenges.**
London, New York: Palgrave Macmillan, 141 p.

Ammar M. Brebdane , **Shahad Rissan K. Al-Mahmadava**
RUDN University, Moscow, Russian Federation
[✉ ammarbre1@gmail.com](mailto:ammarbre1@gmail.com)

For citation: Brebdane, A. M., & Al-Mahmadava, S. R. K. (2021). Book review: Bazoobandi, S. (Ed.). (2020). The New Regional Order in the Middle East: Changes and Challenges. London, New York: Palgrave Macmillan, 141 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 583—586. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-583-586>

В последние десятилетия регион Ближнего Востока и Северной Африки стал свидетелем ряда драматических событий, следствием которых явились серьезные изменения

в региональных международных отношениях. В данном контексте рецензируемая монография, исследующая ключевые факторы баланса сил в регионе, представляет особый интерес.

© Бребдани А.М., Аль-Махмадава Ш.Р.К., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Труд под редакцией Сары Базубанди состоит из шести глав, каждая из которых включает несколько параграфов.

Первая глава (*The Middle East and North Africa, Socio-economic Challenges*) посвящена рассмотрению социальных и экономических проблем, стоящих перед странами региона. Отмечается, что глобализация способствовала ослаблению влияния навязанных правительствами идеологий, поэтому желание защитить права человека и личные свободы теперь стало неотъемлемой частью идентичности людей (*The New Regional Order...*, 2020, p. 2). По мнению С. Базубанди, общественные институты, бюрократическая структура, культурные ценности и развитие человеческого капитала, необходимые для социальных преобразований в регионе, не были в состоянии способствовать социальной мобильности (*The New Regional Order...*, 2020, p. 5).

Позиция Запада в отношении региональных конфликтов и кризисов и по проблеме перемещенных лиц нанесла серьезный ущерб репутации западных держав. Это предоставило новые возможности для других глобальных акторов, прежде всего России и Китая, получить большее влияние на формирование будущего региона (*The New Regional Order...*, 2020, p. 8). Подчеркивается, что ни Иран, ни одна из стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) не достигли поставленных целей экономической диверсификации (*The New Regional Order...*, 2020, p. 12). В главе также рассматриваются причины кризиса управления в регионе. Автор приходит к выводу, что социально-экономические проблемы, с которыми сегодня сталкивается регион Ближнего Востока и Северной Африки, проистекают из несостоятельности старой социальной и политической структуры (*The New Regional Order...*, 2020, p. 22).

Во второй главе (*GCC Oil Wealth: The Power and the People*) рассматриваются проблемы, связанные с управлением нефтяным богатством в странах ССАГПЗ. Отмечается, что доходы от нефти способствовали экономическому росту и развитию стран региона, а также помогли правящим кланам установить и сохранять свою власть. Местные элиты смогли разработать достаточно эффективную систему управления, в

которой их авторитет подкреплялся финансированием за счет прибыли от энергоресурсов экономического развития и социальной сферы (*The New Regional Order...*, 2020, p. 30).

Низкие цены на нефть на мировых рынках вызвали дебаты в обществе по поводу устойчивости моделей экономического роста, основанных на нефти, и их влияния на социальную обеспеченность в странах региона. Правящие элиты приобрели политическую легитимность благодаря крупномасштабному распределению ресурсов между различными группами общества (*The New Regional Order...*, 2020, p. 31). Показано, что усилия, направленные на сокращение зависимости от нефти путем диверсификации экономики и проведения структурных реформ, привели к перепрофилированию активов, которые традиционно управлялись через суверенные фонды благосостояния, на удовлетворение внутренних и региональных потребностей (*The New Regional Order...*, 2020, p. 33).

В третьей главе (*The Realignment of Regional Politics and the Future of the Gulf Cooperation Council*) исследуются факторы, способствовавшие более тесному сотрудничеству между шестью аравийскими монархиями в регионе Персидского залива после 1981 г. Вместе с тем существует несколько ключевых причин, объясняющих неспособность Совета сотрудничества стран Залива продвинуться вперед по вопросам, которые выходят за рамки технократического сотрудничества и проблем безопасности. Основное противоречие лежит в дисбалансе сил между Саудовской Аравией и ее относительно небольшими по территории пятью соседями — партнерами по ССАГПЗ (*The New Regional Order...*, 2020, p. 54).

Автор главы К. Ульрихсен анализирует факторы, которые усложняли, подрывали, а в некоторых случаях сдерживали субрегиональное сотрудничество. Шок от начавшейся в 2011 г. «арабской весны» не только углубил эти трещины, но и изменил общее восприятие угроз, которое, по крайней мере, составило консенсусную основу для регионального подхода к проблеме безопасности. Две итерации катарского спора и блокада Дохи, начавшаяся в 2017 г., разрушили сохранявшиеся иллюзии относительно общего восприятия угроз

безопасности в Персидском заливе (*The New Regional Order...*, 2020, p. 61).

Глава завершается выводом о росте многополярности региональных структур безопасности, которые на протяжении десятилетий были прерогативой сначала Британии, а затем США как внешних гарантов стабильности (*The New Regional Order...*, 2020, p. 64).

В четвертой главе (*Iran Nuclear Programme: A Brief History*) дается обзор истории ядерных амбиций Ирана, анализируется Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) и его последствия на национальном, региональном и международном уровнях. Ядерная программа была возобновлена Исламской Республикой после окончания ирано-иракской войны, при этом не было доказано, что ядерная программа Ирана имеет активный военный компонент (*The New Regional Order...*, 2020, p. 73). Также рассматриваются последствия ядерной сделки с Ираном и выхода из нее США. Достигнутое соглашение по «иранскому досье» считалось одним из самых успешных примеров решения проблемы глобальной безопасности с помощью дипломатии (*The New Regional Order...*, 2020, p. 77). Однако односторонний выход администрации Д. Трампа из СВПД возродил неопределенность в отношении будущего ирано-американских отношений.

В пятой главе (*The Role of External Powers: Global Actors*) анализируются факторы, приведшие к изменению международного порядка в Персидском заливе и положившие начало ослаблению там позиций США. Намечилось усиление конкуренции между Россией и Китаем за влияние в субрегионе. С президентства Б. Обамы (2009—2017 гг.) США дали понять, что они более не намерены единолично обеспечивать региональную безопасность, и тем самым оставили вакуум. В главе подчеркиваются различия в подходах президентов Б. Обамы и Д. Трампа, оценивается возможный уход США из региона Персидского залива и реакция на это России и Китая. Это изменение является скорее симптомом структурного сдвига в балансе мировых сил, чем выражением позиции президентов Б. Обамы и Д. Трампа (*The New Regional*

Order..., 2020, p. 96). Автора интересует вопрос, приведут ли более тесные экономические связи с Китаем, продвигаемые через инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), к усилению его роли в регионе в политико-дипломатической и военной областях. Учитывая, что уход США, каким бы медленным и постепенным он ни был, носит структурный, а не циклический характер, Китай будет вынужден взять на себя ответственность за региональную безопасность (*The New Regional Order...*, 2020, p. 111).

Шестая глава (*The Role of External Powers: Regional Actors*) содержит анализ влияния политики России, Индии, Турции и Бразилии на формирование и изменение политического и экономического ландшафта на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Указывается, что Россия смогла воспользоваться неактивностью Б. Обамы в регионе (*The New Regional Order...*, 2020, p. 121), активизировав свое участие и тем самым став незаменимой внешней силой не только для своего традиционного союзника — Сирии, но и, что более важно, для стран Персидского залива, особенно Саудовской Аравии и Катара. В отношениях между Россией и арабскими государствами Персидского залива наметилась четкая закономерность: независимо от их прошлых разногласий они признают возможность работать вместе в различных сферах — дипломатической, политической, военной, финансово-экономической (*The New Regional Order...*, 2020, p. 125). Представлен анализ стратегических шагов Индии по укреплению отношений с ОАЭ и Саудовской Аравией. Показано, что в ответ на эти стратегии такие страны, как Турция и Бразилия, более тесно сотрудничают с Катаром, который с июля 2017 г. находится в блокаде со стороны своих арабских соседей.

Таким образом, рецензируемая монография представляет собой полноценное исследование актуальных проблем, связанных с процессом трансформации ближневосточного порядка, и может быть рекомендована специалистам, которые занимаются изучением международных отношений в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

Поступила в редакцию / Received: 28.03.2021
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список / References

The New Regional Order in the Middle East: Changes and Challenges / Ed. by S. Bazoobandi. London, New York: Palgrave Macmillan, 2020. [Bazoobandi, S. (Ed.). (2020). *The New Regional Order in the Middle East: Changes and Challenges*. London, New York: Palgrave Macmillan, 2020.]

Сведения об авторах: Бребдани Аммар Мухсен — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-0808-7521; e-mail: ammarbre1@gmail.com

Аль-Махмадава Шахад Риссан Крабуит — аспирантка кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-6185-9685; e-mail: shahadrissan@yahoo.com

About the authors: Brebdane Ammar Mohsen — PhD Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0002-0808-7521; e-mail: ammarbre1@gmail.com

Al-Mahmadava Shahad Rissan Krabuit — PhD Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0001-6185-9685; e-mail: shahadrissan@yahoo.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-587-590

Book review:
Gresh, G. F., & Keskin, T. (Eds.). (2018).
US Foreign Policy in the Middle East from American Missionaries
to the Islamic State. New York: Routledge, 326 p.

Wissal Werfelli , **Rodeh Hourieh**

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 wiswerfelli@gmail.com

For citation: Werfelli, W., & Hourieh, R. (2021). Book review: Gresh, G. F., & Keskin, T. (Eds.). (2018). US Foreign Policy in the Middle East from American Missionaries to the Islamic State. New York: Routledge, 326 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 587—590. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-587-590>

Рецензия на книгу:
US Foreign Policy in the Middle East from American Missionaries
to the Islamic State / Ed. by G.F. Gresh, T. Keskin.
New York: Routledge, 2018. 326 p.

В. Верфелли , **Р. Хориех**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 wiswerfelli@gmail.com

Для цитирования: *Werfelli W., Hourieh R.* Book review: Gresh, G. F., & Keskin, T. (Eds.). (2018). US Foreign Policy in the Middle East from American Missionaries to the Islamic State. New York: Routledge, 326 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 587—590. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-587-590

The Middle East has gained a huge importance in the US foreign policy since the second half of the last century. The American foreign policy is affected by a set of constants, the most important of which are the security of Israel and its interests, as well as ensuring the flow of energy resources on international shipping lines within appropriate production levels.

Throughout this edited volume the authors attempt to describe how the US foreign policy has shaped the regional dynamics, and what effect it has had on the broader Middle East during the past decades. In contextualizing the long and

complicated relation between the United States and the Middle Eastern countries, in particular with the hegemonic regional actors, the book could give the reader an opportunity to understand the reasons of regional instability.

The book sheds the light on “the pre-nineteenth-century American perception” of the Middle East in both cultural and economic levels and contextualized the US strategy origins of penetration into the region. Due to the complex nature of the subject resulting from the overlapping of the international and regional system and the struggle of all these structures

© Werfelli W., Hourieh R., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

among themselves, the authors rely on the historical method which has been used in tracing the roots of a structural and systemic analysis and linking them to the final reached result, as well as the descriptive approach. These two methods are considered successful in understanding the international phenomenon by dismantling the relationship between sub-regional and international systems and the complex relationship between regional and international actors and comprehending the influence exerted by the international system on the regional security system in the Middle East. The balance of power theory is used as it's a core tenet of both classical and neorealist theories and seeks to explain alliance formation, maintaining or increasing in power.

Ozlem Madi-Sisman and Cengiz Sisman focus on the special role that got the Middle East for the United States by the early 19th century. The American perception of the region became to change firstly by the vast missionary movement which started in the territory of the Ottoman Empire and stretched across the spectrum of American Protestantism and went into the Islamic world. The “dawn of the millennium” as the Americans called it was considered as a historic turning point in the American foreign policy toward the Middle East (Gresh & Keskin, 2018, pp. 18—21).

Sean Foley highlights the special US-Saudi relationship from historical and economic point of view, and its impact on the war against ISIS (Gresh & Keskin, 2018, p. 39).

The second part gives an overview of the challenges that faced Washington in its foreign policy during the Cold War era. Nicolas A. Spencer examines the United States attempts to exploit the geostrategic rivalry between Russia and Turkey in order to minimize the significant and influential role of Russia in the Middle East (Gresh & Keskin, 2018, pp. 49—50). The US Doctrine of containment concurred with “Turkey’s proposed role in bridging the West and the Middle East” has formed a starting point in the US-Turkish strategic relationship, setting the stage for Turkey to join NATO (Gresh & Keskin, 2018, p. 53). This relationship didn’t last longer and took its way to rupture due to the Cyprus dispute,

second Iraq invasion and the Kurdish Question later (Gresh & Keskin, 2018, pp. 54—60).

Gökser Gökçay’s analysis of the US-Turkish relationship during the Cold War is based on the unpublished American, British and Turkish archival materials to reveal the truth that the American economic and military aid program, known successively as Griddle and Marshall Plans for Turkey under the Truman Doctrine, considered as the key aspect of the US foreign policy, was not in order to preserve the Turkish territorial integrity but was a part of the US containment strategy for the Soviet presence in the Middle East through Turkey as its important ally in the region (Gresh & Keskin, 2018, pp. 69—75).

Elisabeth Bishop discusses the impact of the US atomic policy, called “atoms for Peace program” (Gresh & Keskin, 2018, p. 89) toward Hashemite Iraq on the UK-Iraqi privileged relationship, as well as its foreign policy responsibilities in the Arab world.

The book describes the US efforts to balance its opposing powers and strategic alliances in the Middle East region. It underlines the solid US-Israeli alliance due to the common strategic, domestic and ideological share despite some core disagreements including the peace process (Gresh & Keskin, 2018, p. 112). Jeremy Pressman talks, as well about the significant influence of the Israel Lobby on American foreign policy, especially in the Arab world (Mearsheimer & Walt, 2007). By the end of the chapter, the author poses questions about the prospects for the bilateral relationship between the two vital allies.

Suleyman Elik, Fatma Asli Kelkitli, and Michael McCall examine the impact of US national security interests on its relations with Middle Eastern regional powers.

Suleyman Elik has studied the historical development of the US-Iranian and US-Turkish relationship, which has been shaped due to the changing dynamics of the international system. The period of 1945—1979 witnessed a significant strategic engagement between Washington and both Tehran and Ankara (Gresh & Keskin, 2018, pp. 119—121) which did not last. While the 1979 revolution and later the Iranian nuclear ambitions as well as Iran’s proxy wars have transformed Iran

from a “leader proxy” of the U.S. interests in the Persian Gulf to a “negative balancer” (Gresh & Keskin, 2018, pp. 119—126). The US-Turkish relations continue to decline due to several factors covered by the author in details.

The authors focus on the special relationship between the United States and the Gulf Arab Countries due to their strategic location that must be kept under surveillance. Starting with the US-Qatari relations which were described by the author as an “alliance between a great power and a small state” (Gresh & Keskin, 2018, p. 139). The authors have studied the bilateral relation from different aspects — military, political, educational and cultural as well.

Michael McCall analyzes the impact of the Obama new “doctrine retrenchment” on the U.S. — GCC partnership which remains the strongest due to the strategic interests. The author argues that the US foreign policy toward the Middle East has been shaped under the Obama’s administration which is recognized as a combination of “containment and offshore balancing instead of primacy” (Gresh & Keskin, 2018, p. 157). Those changes did not affect the military aspect of the U.S. — GCC cooperation due to American geostrategic concerns in the Gulf area and “the Gulf countries’ dependence on external powers to guarantee their defense” (Gresh & Keskin, 2018, p. 160) as it did with the economic and diplomatic elements.

The last part of the book discusses the impact of the US policy changes in the aftermath of the 9/11 attacks on the Middle Eastern regional instability. Russell A. Burgos discusses in chapter 10, the 2000s Iraq War in a historical context. Furthermore, he argues that the US policymakers never defend a specific policy for the “Iraq problem” (Gresh & Keskin, 2018, p. 176) but it was subordinated to partisan facts and not to strategic needs, as was the decisions related to subjects of “national interests.”

Mohamed Ali Adraoui presents the Arab uprising with a special focus on the Egyptian revolution in 2011 and the relationship between the US and the Muslim Brothers groups re-raised and integrated into the political game. The author sheds light on how the Obama administration policy has dealt with the Islamist movement.

Ahmed Ali Salem focuses on the way how the Obama’s administration dealt with the Egyptian revolution despite the contradictions between the first Obama’s administration policy marked by significant changes which was balancing between realism and idealism in a theoretical point of view, and the country’s status-quo, taking into consideration that “no more important partner in the Arab world than Egypt” (Gresh & Keskin, 2018, p. 216) from geopolitical and economic point of view.

The historical US-Syrian relationship is discussed by Ethan Corbin since the postwar years when Syria was considered as second-tier concern (Gresh & Keskin, 2018, p. 227) despite the geostrategic importance to the U.S., due to the confrontation between Washington and the Assad regime accused of sponsoring terrorism add to that the Syrian civil war and the return of Russia to the region.

Hamad H. Albloshi analyses the impact of the Iranian hard-line conservatives’ approach and their ambitions to export their revolution on the US Iranian relationship (Gresh & Keskin, 2018, pp. 246—248). The author argues that Iran’s foreign policy has been unstable since the 1979 Islamic revolution despite its confrontation with the international community but has kept the same strategy with both Israel and the U.S.

Kelly Gleason explains the reasons behind the failure of US in dealing with its online counterterrorism messaging to fight against ISIS (Gresh & Keskin, 2018, p. 262) with a brief overview of its roots and its propaganda.

Tugrul Keskin discusses the fluctuation of the US foreign policy between hard and soft power. President Donald Trump’s mandate is characterized by an imbalance and fluctuation in his policies towards domestic files and instability in his foreign policy that appeared to be a prominent sign in the behavior of his administration (Gresh & Keskin, 2018, pp. 286—288). The author in this chapter realizes how the Trump’s administration, on his first year of presidency, was not independent and its foreign policy is influenced by the power elite inside the Beltway (Gresh & Keskin, 2018, p. 289).

On reading the book one can notice a contradiction between the introduction of the book by Geoffrey F. Gresh hinting that the

situation of instability and war in the Middle Eastern region is due to the involvement of the United States in the region during decades, and the history told by the authors citing the great importance of the American presence and the significance of the security and economic engagement between the United States and the major actors of the region: Saudi Arabia, Iran, Egypt, Israel including Turkey in order to contain the Soviet Union and then Russia.

Despite the rich historical background in most of the chapters and the successful use of narrative style of the key aspects and turning points which led to draw the U.S. foreign policy features toward the Middle East, the authors tend to bias toward the American supremacy against the Russian presence in the region. While the study was designed to be a critical analysis of the American involvement in the region from the founding fathers to the Trump era trying to find changes between the past U.S. presidents and President Trump policies, reaching the result that multiple actors, institutionalized power holders and interest groups as well as the powerful Israeli lobby are the architects of the US foreign policy, and former President Trump is not as powerful as the interest groups to be able to change the American strategy toward the region.

The authors also emphasize on giving the impression that the withdraw of the United States from the Middle East in the aftermath of the second World War, would have led to “the spread of communism in a newly bipolar world” (Gresh & Keskin, 2018, p. 1) which represented, according to the co-authors, a ‘threat to the regional security’, and it’s the US to deter the ‘Soviet expansion’. The book gave as well, a special attention to the US-Turkish ‘common strategic concerns’ on explaining the past, describing the present and predicting the future of the dual relationship, despite their crisis-ridden relation.

The focus on the dependence of the Middle Eastern and GCC countries on the American security umbrella could give the impression that the United States is the only responsible power able to maintain the stability of the regional security, while Russia has marked a significant presence in the region as a major power and a “positive balancer” through its active diplomatic strategy and long-standing relationships with a number of Middle Eastern countries dating back centuries, which enables it to remain as an influential actor and a key power in the region.

Поступила в редакцию / Received: 25.03.2021
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

References / Библиографический список

- Gresh, G. F., & Keskin, T. (Eds.). (2018). *US foreign policy in the Middle East from American missionaries to the Islamic State*. New York: Routledge.
- Mearsheimer, J. J., & Walt, S. M. (2007). *The Israel lobby and US foreign policy*. London: Penguin Books.

About the authors: *Verfelli Wissal* — Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0003-4803-1386; e-mail: wisverfelli@gmail.com
Hourieh Rodeh — Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0002-2918-7484; e-mail: rodahourie@gmail.com

Сведения об авторах: *Верфелли Виссаль* — аспирантка кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-4803-1386; e-mail: wisverfelli@gmail.com
Хориех Родех — аспирантка кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-2918-7484; e-mail: rodahourie@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-591-593

Рецензия на книгу:
**Политические процессы на постсоветском пространстве:
новые тренды и старые проблемы / отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин.
М.: ИМЭМО РАН, 2020. 276 с.**

К.П. Курылев , **Н.Г. Смолик**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 kurylev-kp@rudn.ru

Для цитирования: *Курылев К.П., Смолик Н.Г.* Рецензия на книгу: Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы / отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 276 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 591—593. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-591-593

Book review:
**Solovyov, E.G., & Chufirin, G.I. (Eds.). (2020).
Political Processes in the post-Soviet Space: New Trends and Old Problems.
Moscow: IMEMO RAN publ., 276 p. (In Russian)**

Konstantin P. Kurylev , **Nadezhda G. Smolik**

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 kurylev-kp@rudn.ru

For citation: Kurylev, K. P., & Smolik, N. G. (2021). Book review: Solovyov, E.G., & Chufirin, G.I. (Eds.). (2020). Political Processes in the post-Soviet Space: New Trends and Old Problems. Moscow: IMEMO RAN publ., 276 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 591—593. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-591-593>

Рецензируемая монография посвящена актуальной проблеме — политическим трансформациям на постсоветском пространстве, которые, с одной стороны, задают новые векторы и акценты политического развития государств бывшего СССР, а с другой — рельефно отражают широкий спектр внутренних и внешнеполитических проблем, накопившихся за три десятилетия с момента распада советской политической системы (Политические процессы на постсоветском пространстве..., 2020).

На наш взгляд, научная значимость данного труда возрастает в свете тех политических изменений и кризисных явлений, которыми характеризовалась жизнь многих постсоветских республик в 2020 г. (президентские выборы и последовавшие за ними массовые акции протеста в Белоруссии, смена власти в Молдове и Казахстане, очередное обострение ситуации — «стабильная нестабильность» в Абхазии и т. д.). Все указанные процессы еще раз подчеркивают и востребованность

© Курылев К.П., Смолик Н.Г., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

широких комплексных постсоветских исследований в целом, и научную ценность данной монографии в частности.

Безусловно, сильной стороной монографии является ее структура, акцент не только на политической динамике отдельных государств, но и на деятельности международных организаций и объединений на постсоветском пространстве. Такая композиция позволяет рассматривать внутриполитические изменения в конкретных государствах не изолированно и автономно по отношению к международной проблематике, а в том числе в контексте их воздействия на неустойчивую геополитическую архитектуру постсоветского пространства, широкий спектр политических вызовов, формирующихся сегодня и тесно связанных с глобальной повесткой дня.

Крайне удачной представляется композиция второго раздела монографии («Внерегionalные акторы на постсоветском пространстве»), где подробно освещена деятельность всех ключевых внешних субъектов, имеющих стратегические интересы на пространстве бывшего СССР — США, ЕС, Китая и Турции. Немаловажно, что в рамках отдельной главы существенное внимание уделяется и исламскому фактору. Вместе с тем представляется, что именно исламский фактор и связанный с ним потенциал политической и межрелигиозной конфликтности в силу его многогранности нуждается в дальнейшей детализации, в том числе и с точки зрения оценки внешнеполитических стратегий государств, которые, зачастую находясь на значительном удалении от постсоветского пространства, выступают его «агентами» и катализаторами.

В заключительном разделе монографии осуществлен подробный анализ текущей деятельности и возможных траекторий развития международных организаций и объединений на постсоветском пространстве, таких как ЕАЭС, Союзное государство России и Белоруссии, СНГ, ГУАМ, «каспийская пятерка» и т. д. Представляется, что обращение к данным интеграционным проектам, особенностям их реализации на современном этапе позволило адекватно оценить не только достижения и проблемы в указанной сфере, но и потенциал

оптимизации коллективного сотрудничества, способный предать новый импульс интеграционной динамике постсоветского пространства. При этом крайне важно учитывать взаимосвязь внешнеполитических факторов с внутренней ситуацией, складывающейся в отдельных странах, особенно в тех случаях, когда речь идет о нарастающей турбулентности, неустойчивости действующей власти (яркие примеры последних лет — Украина, Белоруссия, Молдова).

Не менее существенным является и воздействие всего комплекса противоречий между отдельными государствами на деятельность международных структур. Например, очевидно, что сегодня формат «каспийской пятерки» будет испытывать серьезные трудности не только в контексте вопросов, непосредственно связанных с Каспием и возрастающей конкуренцией на мировых рынках углеводородов, но и в связи с ростом российско-азербайджанских противоречий, обусловленных, в первую очередь, резким обострением конфликта вокруг Нагорного Карабаха осенью 2020 г. При этом особую сложность ситуации предопределяет тот факт, что официальный Баку все более следует в фарватере внешней политики Турции, активно опирается на ее военную поддержку и таким образом способствует усилению геополитических позиций Анкары на Южном Кавказе.

Важным представляется и тот момент, что авторы монографии, уделяя первоочередное внимание военно-политическому и экономическому сотрудничеству России с государствами бывшего СССР, тем не менее, подчеркивают весомую роль исторических, культурных и гуманитарных факторов в выстраивании новой конфигурации постсоветского пространства, адекватной многочисленным глобальным и макрорегиональным вызовам третьего тысячелетия (которые, как убедительно показала ситуация вокруг пандемии COVID-19, могут носить не только геополитический или геоэкономический, но и техногенный, а также информационно-психологический характер).

Существенным достоинством монографии также является высокое качество

и вариативность стиля изложения материала, который, сохраняя свою научность и четкость, весьма разнообразен и способствует более выразительному пониманию анализируемых политических процессов.

При всех вышеперечисленных сильных сторонах рецензируемый труд, безусловно, обладает и внутренним потенциалом, связанным с дальнейшей научной разработкой и детализацией тех проблем, которые в ней обозначены.

Во-первых, к числу таких проблем относится анализ образа России в различных макрорегионах СНГ и отдельных постсоветских странах, социокультурных и стереотипизированных констант этого образа, его возможных вариаций и механизмов позитивного (ре)конструирования в массовом сознании граждан этих стран.

Во-вторых, одним из векторов дальнейшего научного поиска может выступать разработка новых инструментов развития различных форматов трансграничного экономического сотрудничества между постсоветскими государствами (и отдельными приграничными регионами этих государств), в том числе

в ракурсе инновационной экономики и цифровой трансформации.

В-третьих, очевидно, анализ политических процессов и структуры международных отношений на постсоветском пространстве позволяет более остро ставить вопрос о разнородных геополитических, макроэкономических и социокультурных рисках, неизбежно возникающих в ходе происходящих трансформаций. Необходимо отметить, что предметный анализ таких рисков, хотя и не является стержневой тематической линией данной монографии, все же представляется крайне востребованным, в том числе с точки зрения дальнейшего продуктивного использования того интеллектуального потенциала, который аккумулирует рассматриваемый нами труд.

Можно констатировать, что монография выполнена на высоком научно-исследовательском уровне, адекватно и полномасштабно отражает и детализирует политические трансформации, происходящие на постсоветском пространстве, представляет особую ценность для ученых-специалистов различных социогуманитарных профилей.

Поступила в редакцию / Received: 18.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список / References

Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы / отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2020. [Solovyov, E. G., & Chufirin, G. I. (Eds.). (2020). *Political processes in the post-Soviet space: New trends and old problems*. Moscow: IMEMO RAN publ. (In Russian).]

Сведения об авторах: *Курьлев Константин Петрович* — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Смолик Надежда Григорьевна — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-9166-2138; e-mail: smolik-ng@rudn.ru

About the authors: *Kurylev Konstantin Petrovich* — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Smolik Nadezhda Grigoryevna — Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0001-9166-2138; e-mail: smolik-ng@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-594-597

Рецензия на книгу:
Regional Security in the Middle East / Ed. by B. Koch, Y.A. Stivachtis.
Bristol: E-International Relations Publishing, 2019. 242 p.

А.А. Лашина✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉1032171019@rudn.ru

Для цитирования: Лашина А.А. Рецензия на книгу: Regional Security in the Middle East / Ed. by B. Koch, Y.A. Stivachtis. Bristol: E-International Relations Publishing, 2019. 242 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 594—597. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-594-597

Book review:
Koch, B., & Stivachtis, Y. A. (Eds.). (2019). Regional Security in the Middle East.
Bristol: E-International Relations Publishing, 242 p.

Anna A. Lashina✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉1032171019@rudn.ru

For citation: Lashina, A. A. (2021). Book review: Koch, B., & Stivachtis, Y. A. (Eds.). (2019). Regional Security in the Middle East. Bristol: E-International Relations Publishing, 242 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 594—597. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-594-597>

Ближний и Средний Восток на сегодняшний день является центром угроз безопасности как для стран региона, так и для системы международных отношений в целом. Среди ключевых проблем — международный терроризм, угроза распространения ОМУ, внутренние и межгосударственные конфликты. Немаловажным аспектом является вмешательство — часто вооруженное — мировых держав в политику региона, где параллельно происходит борьба за лидерство.

В условиях нестабильности региона первоочередной задачей для государств является сохранение безопасности. Именно поэтому на

современном этапе необходимо понимание факторов, влияющих на нестабильность, а также алгоритм поддержания стабильности в регионе Ближнего Востока.

В данном контексте рецензируемая монография, посвященная рассмотрению проблематики региональной безопасности на Ближнем Востоке с применением комплексного подхода, представляет особый интерес. Авторы подчеркивают необходимость выявления угроз и анализ динамики безопасности, сосредоточив свое внимание на таких темах, как взаимозависимость политического, экономического и экологического секторов

© Лашина А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

безопасности, а также рассмотрении роли и эффективности религиозных правозащитных организаций, причин религиозной радикализации, роли и стратегии региональных негосударственных объектов.

Том разделен на три части и одиннадцать глав. В *первой части* представлен секторальный подход к безопасности на Ближнем Востоке.

В первой главе «Политическая нестабильность на Ближнем Востоке» (*Regional Security in the Middle East*, 2019, pp. 23—44) Яннис А. Стивахтис утверждает, что одной из основных причин внутренних и региональных проблем на Ближнем Востоке является наличие слабых государств в регионе, определяемых как образования с относительно низким уровнем социально-политической сплоченности. В подтверждение своих доводов Я.А. Стивахтис демонстрирует актуальность концепции «слабого» государства для безопасности на примере событий «арабской весны» и внутривосточного положения в Ираке. Кроме того, автор уделяет особое внимание различию между слабым и сильным государством, поскольку данное разделение позволяет понимать проблематику внутренней безопасности ближневосточных государств более комплексно. Ключевым выводом главы является то, что слабые государства создают проблемы для международного порядка, поскольку их внутренняя политика часто носит насильственный характер, а внутренняя нестабильность нередко выливается в нарушение безопасности соседних государств, что, в свою очередь, может легко привлечь конкурентное внешнее вмешательство.

Во второй главе «Социальная нестабильность на Ближнем Востоке: радикализм как реакция?» (*Regional Security in the Middle East*, 2019, pp. 45—60) Х. Ахмадиан исследует влияние социальной безопасности на радикализм на Ближнем Востоке, представляя доводы в поддержку тезиса, что социальная безопасность остается неудовлетворенной многими ближневосточными государствами. Отмечается, что по причине социальной незащищенности радикальные и террористические организации будут процветать в арабских государствах.

Й. Гроу в третьей главе «Экономическая нестабильность и экономическая интеграция на Ближнем Востоке» (*Regional Security in the Middle East*, 2019, pp. 61—79) рассматривает конкретные примеры экономической безопасности и экономической интеграции на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА). По утверждению ученого, в регионе сохраняется широкий спектр сложностей в экономическом секторе, и на этом фоне именно Совет сотрудничества стран Персидского залива (ССАПЗ) остается самой успешной попыткой экономической интеграции на Ближнем Востоке, однако даже он страдает от субрегиональных специфических трансграничных проблем, которые препятствуют дальнейшей и более глубокой экономической интеграции.

Основные экологические проблемы региона затрагиваются в четвертой главе «Экологическая безопасность на Ближнем Востоке» (*Regional Security in the Middle East*, 2019, pp. 80—98), иллюстрируя роль региональных правительств как в возникновении, так и в попытках решить экологические проблемы. А. Сигл критикует стратегии управления сохранением водных ресурсов, перекачку и чрезмерное потребление, отсутствие критических исследований, отсутствие правил использования воды из водоносных горизонтов и практику захвата ресурсов с помощью современных плотин. Кроме того, именно дефицит воды демонстрируется как проблема безопасности, а распределение водных ресурсов может даже вылиться в межгосударственный конфликт. С целью предотвращения ускоренного нанесения вреда окружающей среде и снижения рисков перемещения населения, конфликтов и войн является необходимым расширение знаний и информирование о политике в области здравоохранения и охраны окружающей среды, а также проведение большего количества исследований по бурям в пустыне и связи между загрязнением и уровнем смертности.

Во *второй части* монографии исследуются некоторые факторы, оказывающие значительное влияние на безопасность на Ближнем Востоке: география, природные ресурсы, технологии, миграция и демография.

С.Г. Эббот и Я.А. Стивахтис в пятой главе «Демография, миграция и безопасность на Ближнем Востоке» (Regional Security in the Middle East, 2019, pp. 99—130), ставя своей целью исследование демографического аспекта, приходят к выводу, что рост численности населения на Ближнем Востоке будет иметь значительные последствия для безопасности отдельных государств и региона в целом. Таким образом, решение проблемы воздействия сложившейся структуры населения на ближневосточные общины, общества и государства, а также регулирование региональных и транснациональных моделей конфликтов и миграции в регионе является необходимым условием для достижения как внутренней безопасности, так и региональной стабильности. Тем не менее особое внимание следует уделять влиянию миграции, поскольку национальные правительства и местное население неохотно принимают большое количество остро нуждающихся людей, которые являются этнически разными и могут представлять угрозу социальной стабильности.

В шестой главе «География, ресурсы и геополитика в конфликтах на Ближнем Востоке» (Regional Security in the Middle East, 2019, pp. 131—145) Д. Рашед фокусируется на экономическом богатстве, демографии и географическом положении как трех основополагающих ресурсах, которые помогли сформировать арабское восстание в период «арабской весны».

В седьмой главе «Наука, техника и безопасность на Ближнем Востоке» (Regional Security in the Middle East, 2019, pp. 146—167) Я.А. Стивахтис утверждает, что технологическая зависимость арабских стран усилила их уязвимость перед внешним вмешательством и снизила степень их внутренней интеграции и социально-политической сплоченности. По мнению ученого, в целях содействия технологическому прогрессу правительства стран Ближнего Востока должны инвестировать в качественное образование для молодежи, непрерывное обучение навыкам для рабочих и менеджеров и обеспечивать как можно более широкий обмен знаниями в обществе.

Третья часть монографии поднимает ряд вопросов, непосредственно влияющих на безопасность на Ближнем Востоке.

Так, в восьмой главе «Разоблачение религиозных конфликтов и радикализации на Ближнем Востоке» (Regional Security in the Middle East, 2019, pp. 168—184) Б. Кох уделяет особое внимание сирийскому кризису и палестино-израильскому конфликту. Основной тезис главы состоит в следующем: хотя оба конфликта связаны с религиозными аспектами, ни один из них изначально нельзя было назвать «религиозным» конфликтом, но со временем в обоих конфликтах все чаще использовалась религиозная риторика, что в конечном итоге изменило природу конфликтов. В обоих случаях имеет место «религиозная радикализация», которая используется в качестве инструмента для достижения других целей. Однако необходимо отметить, что успешное решение «религиозных конфликтов» необязательно станет причиной полного решения конфликта.

В девятой главе «Насильственные негосударственные субъекты на Ближнем Востоке: истоки и цели» (Regional Security in the Middle East, 2019, pp. 185—203) К.П. Даллас-Фини исследует происхождение и основные мотивы избранного набора групп, чтобы лучше понять, кто такие негосударственные субъекты на Ближнем Востоке и почему они участвуют в боевых действиях.

В десятой главе «Выбор элиты: зависимость от пути и “арабская весна”» (Regional Security in the Middle East, 2019, pp. 204—216) А. Калайцидис исследует институциональные отношения, которые были поставлены под сомнение во время «арабской весны». С опорой на труды П. Пирсона, Р. Кольера и Д. Кольера он утверждает, что революционные движения редко носят спонтанный характер. Достаточно интересным в главе является исследование не только критических моментов, которые привели к «арабской весне» и определили ее развитие, но и взаимоотношений элит и «неэлит» в беспокойные времена, а также ограничивающих возможности политики экзогенных факторов, с которыми столкнулись государства Ближнего Востока в период «арабской весны».

В последней, одиннадцатой, главе «Правозащитные движения на Ближнем Востоке: глобальные нормы и региональные особенности» (*Regional Security in the Middle East*, 2019, pp. 217—229) К.Б. Дурья рассматривает правозащитные организации на Ближнем Востоке. По ее утверждению, хотя и был достигнут незначительный прогресс в изменении действий государств на Ближнем Востоке в соответствии с международным правом в области прав человека, на региональном уровне правоприменение все еще осуществляется в неполной мере, а также все еще широко распространены репрессии в отношении национальных правозащитных НПО. Тем не менее активисты в каждой стране Ближнего Востока продолжают продвигать свою платформу социальных изменений посредством правительственных реформ, государственного образования, международного давления и внутренней пропаганды.

Таким образом, монография проводит комплексный анализ нестабильности на

Ближнем Востоке, затрагивая в сфере данной проблематики не только традиционный военный аспект, но и экономическую, политическую, социальную и экологическую области. По мнению авторов, необходимым является решение проблемы «слабого/сильного» государства, поскольку в случае первого невозможно создать полностью безопасную структуру, поскольку региональная безопасность должна основываться прежде всего на секьюритизации отдельных государств.

Монография, содержащая сильный теоретический и аргументированный материал, рекомендуется для прочтения исследователям в области международных отношений и Ближнего Востока. Тем не менее, учитывая теоретическую и практическую значимость поднятых проблем, а также нерешенность многих вопросов на современном этапе, данная работа нацеливает на дальнейшие перспективные исследования.

Поступила в редакцию / Received: 25.05.2021
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список / References

Regional Security in the Middle East / Ed. by B. Koch, Y.A. Stivachtis. Bristol: E-International Relations Publishing, 2019. [Koch, B., & Stivachtis, Y. A. (Eds.). (2019). *Regional Security in the Middle East*. Bristol: E-International Relations Publishing.]

Сведения об авторе: Лашина Анна Александровна — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; e-mail: 1032171019@rudn.ru

About the author: Lashina Anna Alexandrovna — Master Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; e-mail: 1032171019@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-598-602

Рецензия на книгу:
Фененко А.В. История международных отношений: 1648—1945.
2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2020. 800 с.

Т.А. Алексеева

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 ataleks@mail.ru

Для цитирования: Алексеева Т.А. Рецензия на книгу: Фененко А.В. История международных отношений: 1648—1945. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2020. 800 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 598—602. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-598-602

Book review:
Fenenko, A.V. (2020). History of International Relations: 1648—1945.
2nd edition. Moscow: Aspekt Press publ., 800 p. (In Russian)

Tatiana A. Alekseeva

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 ataleks@mail.ru

For citation: Alekseeva, T. A. (2021). Book review: Fenenko, A.V. (2020). History of International Relations: 1648—1945. 2nd edition. Moscow: Aspekt Press publ., 800 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 598—602. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-598-602>

История международных отношений занимает в нашей стране двойственное положение. На первый взгляд, ежегодно выходит немало работ и особенно учебников под титром «История международных отношений»; в действительности многие из них относятся к истории международных отношений опосредованно. Международные отношения, равно как и политология, — это науки не о субъектах и даже не о внешней политике субъектов, а о взаимодействии субъектов, комплексах связей между ними. Найти работу, соответствующую этим условиям, непросто. Одними из немногих положительных исключений являются,

безусловно, работы А.Д. Богатурова (Системная история..., 2000а; 2000б; 2003; 2004).

Трудности этого подхода демонстрирует тот факт, что в российских исследованиях международных отношений преобладает страноведческий анализ. История международных отношений зачастую выстраивается в отечественных работах как сумма внешних политик определенных государств. Но если разбить международные отношения на разделы «Внешнеполитическая стратегия США», «Внешняя политика России», «Внешняя политика Японии» и т. д., то мы приходим к набору разрозненных и вырванных из контекста

© Алексеева Т.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сюжетов. Например, мы изучаем влияние Первой мировой войны на политику отдельных государств, но не саму Первую мировую войну и ее место в системе международных отношений.

У отечественного регионоведения свои похожие проблемы. Оно сфокусировано на изучении внутривластных процессов, происходящих в отдельных государствах, в большей или меньшей степени объединенных географией. Такой подход позволяет проследить дебаты по формированию внешнеполитической стратегии какого-либо государства, но не перейти к анализу взаимодействия группы государств как определенной системы. Для этого надо подняться над уровнем партийных и элитных споров внутри отдельной страны (всевозможных «путей Туниса» в различных вариациях, которые ошибочно выдаются за международные отношения) и выйти на уровень, где следует рассматривать узлы межгосударственного взаимодействия.

Чем объяснить сложность усвоения науки о международных отношениях в России — сказать трудно. Возможно, это было связано с длительным преобладанием марксистской методологии, объяснявшей все международно-политические процессы сквозь призму классовой борьбы. Возможно, концепция истории как перманентной борьбы народов и государств и наука об управлении этой борьбой чужды русскому менталитету. Не исключено, что российскому исследователю трудно осмыслить эту борьбу как стороннему наблюдателю из-за преобладающего в нашей стране нормативно-ценностного подхода к международным отношениям. (Следует только вспомнить продолжающееся в нашей научной литературе деление войн и государственных границ на «справедливые» и «несправедливые».)

Учебное пособие доктора политических наук А.В. Фененко «История международных отношений: 1648—1945», второе издание которого вышло в свет в 2020 г.¹, стало одной

из первых российских работ, где автор попытался учесть подобные проблемы. Автор написал историю международных отношений не как историк, а как политолог, который уже в предисловии говорит о системе международных отношений, мировом порядке, о том, что внешняя политика уходит на второй план до тех пор, пока не становится реальным фактором международных отношений.

Ключевой термин для работы А.В. Фененко — это мировой порядок. Он рассматривает историю международных отношений как совокупность мировых порядков в рамках Вестфальской системы. Мировой порядок в его интерпретации — это «совокупность правил и норм, определяющих характер взаимодействия участников системы международных отношений» (Фененко, 2020, с. 9). Это позволяет автору показать историю международных отношений 1648—1945 гг. как историю последовательно сменявших друг друга трех мировых порядков: Вестфальского, Венского и Версальско-Вашингтонского в рамках единой Вестфальской системы.

А.В. Фененко выделяет при этом два типа мировых порядков — гегемонистский и баланса сил. К первому тяготеет Вестфальский, ко второму типу — Венский и Версальско-Вашингтонский. Тем самым А.В. Фененко *решает сложную теоретическую задачу о соотношении категорий системы и порядка*. Система, в которой существуют международные отношения национальных государств, — это единая Вестфальская система, сложившаяся в середине XVII в. и существующая до настоящего времени. Однако внутри нее существовало четыре различных порядка (Вестфальский, Венский, Версальско-Вашингтонский и Ялтинско-Потсдамский), отличавшиеся друг от друга по иерархии государств, характеру их взаимодействия (баланс сил или гегемония) и совокупности выведенных на этой основе формальных и неформальных норм и правил.

Такой подход позволяет А.В. Фененко выделить два критерия для формирования мирового порядка. Первый — установление нового соотношения сил между великими державами в результате очередной тотальной

¹ Презентация этой работы состоялась в Фонде поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова 25 ноября 2020 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=b9c1OGUxNOk> (дата обращения: 12.04.2021).

войны, второй — принятие новых международных правил, которые предопределяют характер будущего международного порядка. Как следует из пособия А.В. Фененко, тотальная война ликвидирует один мировой порядок и заменяет его другим; ограниченная война — системный компонент межгосударственного взаимодействия внутри каждого мирового порядка.

А.В. Фененко отмечает, что мы по-прежнему живем в рамках Вестфальской системы национальных государств: до нее был период империй, точнее имперских систем, в которых отношения между субъектами выстраивались в рамках единых и иерархически организованных пространств. Вопреки появляющимся в публицистике тезисам о «мифе Вестфалия» привычная нам система национальных государств возникла именно по результатам Тридцатилетней войны — после распада последней в Европе универсальной «империи Габсбургов», претендовавшей на объединение всей Европы и утверждения (точнее, реставрации) наднациональной католической идентичности.

Еще в XVI в. в Европе не было государств в привычном нам понимании: Священная Римская империя, Испания, Португалия, юг Апеннинского полуострова и Нидерланды составляли «империю Габсбургов»; Британские острова в середине века входили в унию с «империей Габсбургов» (Англия) и Францией (Шотландия); Франция разрывалась религиозными войнами на собственно Францию и «Гугенотскую конфедерацию» на юге; в Восточной Европе Речь Посполитая — уния Польши и Литвы — пыталась включить в свой состав Швецию, Валахию и Русское государство. Все было настолько зыбко и подвижно, что спрогнозировать финал борьбы было невозможно. Только после Вестфальского мира 1648 г. мы можем говорить об Англии, Франции, Испании, Швеции, Русском государстве как о привычных нам образованиях, а о государстве — как наборе институтов, действующих на определенной ограниченной территории.

На Восток институт национального государства был импортирован только с системой

колониализма. Более того, хотя понятие империи имеет европейское происхождение, в Европе до Модерна титул «император» как военачальник-триумфатор, господствующий над определенной территорией, но необязательно властвующий, владеющий ею, перевешивал по своему значению понятие «империи». Иными словами, до Вестфалия это был мир живых и подвижных империй и королевств.

А.В. Фененко предлагает интересную схему эволюции мировых порядков.

Первый — Вестфальский — порядок был, как справедливо указывает ученый, основан на превосходстве Франции по совокупности ресурсов, что выразилось в ее гегемонистской политике и противостоянии этому со стороны других держав (Великобритании, Нидерландов, Священной Римской империи и России).

Второй — Венский — порядок характеризуется как баланс сил: изначально между пятью великими державами (Австрией, Великобританией, Россией, Пруссией и Францией), затем — через трансформации Пруссии в Германскую империю, а Пьемонта — в Италию их состав расширился.

Наконец, третий — Версальско-Вашингтонский — порядок А.В. Фененко описывает относительно новым термином «идеологическая многополярность». Здесь в самом деле шло перманентное соперничество не только государств, но и представляемых ими идеологических проектов.

Наиболее серьезная проблема, которая очень часто возникает в изучении истории, — это именно стандартное мышление в рамках очень жестко структурированного подхода. В данном случае мы имеем дело с абсолютно оригинальным трудом, в котором автор проявил себя достаточно ярко. Нами в свое время история международных отношений изучалась по учебникам под редакцией С.Д. Сказкина. Писал он здорово: если нужно было привлечь студентов, то ничего лучше придумать было просто невозможно. Потом тоже писали учебники, причем некоторые очень хорошие, но не все, и давайте скажем честно: у них, как правило, были два больших

недостатка, которые в работе А.В. Фененко отсутствуют.

Первый недостаток, который преодолевает автор, — подача истории в разрозненном виде. Это, к сожалению, начинается еще со школы: попробуйте задать вопрос любому школьнику: «А почему, собственно, Петр I поехал в Пруссию, Голландию и во Францию, а не на юг, например, в Италию? Чем именно эти страны были для него столь привлекательны в то время?». Ответа в таком учебнике вы никогда не найдете. Одно из достоинств работы А.В. Фененко заключается в том, что автор как человек, который любит «пропахать все сам» и не принимает множество тезисов на веру, не имеет никакой предзаданности. Автор пытается выстроить бесконечно меняющийся мировой порядок со всей эволюцией и внутренней динамикой в определенной последовательности.

Второй недостаток, который присутствует у большинства учебников, — это удивительная сухость подачи материала. Готовили вроде бы специалистов по международным отношениям, но делали это с помощью такого языка и построения текста, что, наверное, только самые увлеченные и талантливые могли прочитать это фразу за фразой. Здесь этот недостаток устранен — текст учебника читается легко, просто и доступно для современного студента.

Итальянский философ Бенедетто Кроче не без оснований отмечал: история ставит в большей степени проблемы своего времени, чем той эпохи, которую она изучает. Мы никогда не поймем смысла этой работы до тех пор, пока не прочитаем другие работы А.В. Фененко, прежде всего его современную историю международных отношений, где он говорит о мировом порядке за последние тридцать лет (Фененко, 2017). И такая ретроспектива последних тридцати лет за последние триста лет (надеюсь, что появится книга А.В. Фененко и о периоде 1945—1991 гг.) позволяет выявить массу актуальных моментов и делает множество вещей понятными.

Примечательно, что А.В. Фененко добавил во второе издание главу «Кризис Священного союза» о европейской политике

1830—1848 гг. Ее сюжеты смотрятся очень современно в наши дни. Автор описал формирование «первой Антанты» — альянса конституционных монархий Великобритании и Франции, направленного против «Священного союза» — альянса России, Австрии и Пруссии. Эти два блока не объявили друг друга войну, но при этом вели системное соперничество на Пиренейском и Апеннинском полуострове, в Польше и на Ближнем Востоке. Своеобразным продолжением этого соперничества выступала начавшаяся русско-британская «Большая игра» на Среднем и Дальнем Востоке. Эта глава подводит читателя к трем новым выводам для теории международных отношений.

Автор на большом фактическом материале доказывает, что период «долгого мира» между великими державами — не изобретение нашего «ядерного века». Европа знала долгие мирные эпохи и до ядерного оружия — например, почти 40 лет от Венского конгресса (1815 г.) до начала Крымской войны (1853 г.) и 43 года от окончания Франко-Прусской (1871 г.) до начала Первой мировой войны (1914 г.). Но это по-новому заставляет нас переосмыслить сам тезис о базовой роли ядерного сдерживания для обеспечения мира в наше время.

Главы о российско-британской «Большой игре» позволяют усомниться в том, что вытеснение конфликтных противоречий из центра на периферию — изобретение холодной войны. Почти 100 лет на Среднем и Дальнем Востоке, на огромном географическом пространстве от Черного моря до Японии, шло именно такое соперничество между Российской и Британской империями. Не является ли холодная война сверхдержав просто новым изданием «Большой игры» XIX в.?

Учебник А.В. Фененко подводит нас и к выводу о цикличности развития мировых порядков. «Большая игра» XIX в. доказала, что России и Великобритании было предельно трудно вести прямую войну друг с другом из-за географической удаленности и непропорциональности силовых возможностей. Крымская война, как убедительно показывает автор рецензируемой работы, продемонстрировала,

что России и Великобритании практически невозможно нанести реальное военное поражение друг другу: максимум их возможностей — это конфликт на периферии. Но аналогичная ситуация была характерна и для периода холодной войны: у СССР и США был устойчивый дефицит технических возможностей для переброски миллионных армий и их снабжения в другом полушарии. Вполне возможно, что и в нынешнем веке «долгий мир» будет нарушен не российско-американским столкновением, а подъемом региональных

держав — сценарий, который мы наблюдали в период «Второй карабахской войны» осени 2020 г.

Все это порождает новые темы для дискуссий не только среди профессионалов, но и на семинарах по истории международных отношений. Поэтому в заключение хочется поздравить автора с выходом отличной работы и всех нас с тем, что у нас есть книга, к которой можно постоянно обращаться в лекциях, на семинарах и в беседах со студентами.

Поступила в редакцию / Received: 06.05.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список

- Системная история международных отношений, 1918—2003*: в 4 т. События и документы. Т. I: События 1918—1945 / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000а.
- Системная история международных отношений, 1918—2003*: в 4 т. События и документы. Т. II: Документы 1910—1940-х годов / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000б.
- Системная история международных отношений, 1918—2003*: в 4 т. События и документы. Т. III: События. 1945—2003 / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2003.
- Системная история международных отношений, 1918—2003*: в 4 т. События и документы. Т. IV: 1945—2003. Документы / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2004.
- Фененко А.В. История международных отношений: 1648—1945. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2020.
- Фененко А.В. Современная история международных отношений: 1991—2016. М.: Аспект Пресс, 2017.

References

- Bogaturov, A. D. (Eds.). (2000a). *A systemic history of international relations, 1918—2003. Events and documents*: in 4 vol. Vol. I: Events 1918—1945. Moscow: Moskovskiy rabochiy publ. (In Russian).
- Bogaturov, A. D. (Eds.). (2000b). *A systemic history of international relations, 1918—2003. Events and documents*: in 4 vol. Vol. II: Documents of the 1910—1940s. Moscow: Moskovskiy rabochiy publ. (In Russian).
- Bogaturov, A. D. (Eds.). (2003). *A systemic history of international relations, 1918—2003. Events and documents*: in 4 vol. Vol. III: Events. 1945—2003. Moscow: Moskovskiy rabochiy publ. (In Russian).
- Bogaturov, A. D. (Eds.). (2004). *A systemic history of international relations, 1918—2003. Events and documents*: in 4 vol. Vol. IV: 1945—2003. Documents. Moscow: Moskovskiy rabochiy publ. (In Russian).
- Fenenko, A. V. (2017). *Contemporary history of international relations: 1991—2016*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Fenenko, A. V. (2020). *History of international relations: 1648—1945*. 2nd edition. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Алексеева Татьяна Александровна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, заслуженный деятель науки РФ; ORCID: 0000-0002-6561-2281; e-mail: ataleks@mail.ru

About the author: Alekseeva Tatiana Alexandrovna — PhD, Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Head, Department of Political Theory, MGIMO University, Honored Scientist of the Russian Federation; ORCID: 0000-0002-6561-2281; e-mail: ataleks@mail.ru